
Луиза
Пенни
Самый
жестокий
месяц

Annotation

Роман «Самый жестокий месяц» продолжает серию расследований блистательного старшего инспектора Армана Гамаша – нового персонажа, созданного пером Луизы Пенни, единственного в мире пятикратного лауреата премии Агаты Кристи. «Самый жестокий месяц» – так сказал поэт об апреле. И чтобы поддержать свою репутацию, этот месяц подвергает старшего инспектора Армана Гамаша суровому испытанию. Вместе со своей командой Гамаш вновь приезжает в деревню Три Сосны, чтобы расследовать загадочную смерть некой Мадлен Фарво. Во время спиритического сеанса, который местные жители проводили в старом заброшенном доме, пользующемся дурной славой, Мадлен внезапно умирает. Все считают, что она просто испугалась до смерти, ведь общение с миром призраков никому не проходит даром. Однако Гамаш подозревает, что дело гораздо сложнее, чем кажется на первый взгляд. Начав расследование, он неожиданно становится объектом яростных нападок в прессе, связанных с одним из его прошлых дел. Теперь ему нужно не только раскрыть предполагаемое убийство, но и обелить свое имя…

Луиза Пенни
Самый жестокий месяц

Издательство АЗБУКА®

*** * ***

Посвящается моему брату Робу и его замечательной семье – Оди, Ким, Эдаму и Саре. С любовью

Глава первая

Клара Морроу опустилась на колени в пахучую влажную траву на деревенском лугу и тщательно спрятала пасхальное яйцо, размышляя о воскрешении мертвых, каковым она собиралась заняться сразу после ужина. Убрав с лица прядку волос, она оставила в своей спутанной гриве комочки грязи и какого-то коричневого вещества, которое, возможно, не было грязью. Жители деревни бродили повсюду с корзинками яркоокрашенных яиц в поисках наилучшего места, куда их можно спрятать. Рут Зардо сидела на скамейке посреди луга и время от времени наобум кидала яйца; впрочем, иногда она прицеливалась и попадала кому-нибудь по затылку или по пятой точке. «Для ее лет и расстроенной психики она удручающе точный снайпер», – подумала Клара.

– Ты сегодня придешь? – спросила Клара, стараясь отвлечь старую поэтессу и не дать ей прицелиться в месье Беливо.

– Ты что, шутишь? И от живых-то не знаешь куда деться. С какой стати еще мертвых воскрешать?

С этими словами Рут бросила яйцо и попала точно в затылок месье Беливо. К счастью, владелец магазина носил матерчатую кепку. И к счастью, он с большой приязнью относился к седоволосой хулиганке. Рут хорошо выбирала свои жертвы. Почти всегда это были люди, которые ей симпатизировали.

Как правило, обстрел шоколадными пасхальными яйцами никому не наносит вреда, вот только яйца были не шоколадными. Эту ошибку они совершили только раз и больше не повторяли.

Несколькими годами ранее, когда жители Трех Сосен впервые решили устроить охоту за яйцами в пасхальное воскресенье, в деревне царило большое оживление. Жители деревни встретились в бистро Оливье за стаканчиком выпивки с сыром бри и разделили между собой пакетики с шоколадными яйцами, которые надлежало спрятать на следующий день. Воздух заполнился охами и ахами с оттенком легкой зависти. Взрослые люди словно опять стали маленькими. Но настоящее удовольствие они собирались получить, увидев лица своих детей. К тому же дети все равно не смогли бы найти все яйца, в особенности те, что были спрятаны за стойкой бара Оливье.

– Они великолепны. – Габри взял крохотного, изящно вылепленного

марципанового гуся и откусил ему голову.

– Габри! – Его партнер Оливье выбил остатки гуся из большой руки Габри. – Это же для детей!

– Ты просто хочешь оставить их себе. – Габри повернулся к Мирне и прошептал так, чтобы было слышно всем: – Прекрасная идея. Геи предлагают шоколадки детям. Дадим повод для разговоров нравственному большинству.

Оливье, светловолосый и застенчивый, зарделся.

Мирна улыбнулась. Она и сама была похожа на громадное рождественское яйцо: черная, круглая, облаченная в великолепный багряно-красный кафтан.

Большинство жителей крохотной деревни, собравшиеся в бистро, сгрудились у длинного бара из полированного дерева, хотя какая-то часть удобно расположилась в креслах, стоящих по всему залу. Все эти кресла продавались. Бистро Оливье было заодно антикварным магазином. Бирки висели практически на всем, включая и Габри, – тот вешал на себя бирку, когда чувствовал, что его недооценили и недохвалили.

Стояло начало апреля, и в каминах весело потрескивал огонь, отбрасывая теплый свет на широкие доски соснового пола, пожелтевшие от времени и солнечного света. Официанты сновали по залу под потолочными балками, предлагая напитки и мягкий тягучий сыр бри с фермы месье Паже. Бистро находилось в самом центре старой квебекской деревни, у деревенского луга. По обе стороны бистро, соединенные с ним дверями, расположились магазины, державшие деревню в старых кирпичных объятиях. Универсальный магазин месье Беливо, пекарня Сары, потом само бистро и, наконец, «Книги Мирны, новые и старые». Три высокие перекореженные сосны стояли в дальнем конце деревенского луга с незапамятных времен; они напоминали трех мудрецов, которые обрели то, что искали. Из деревни выходили грунтовые дороги, петляющие среди лесов и гор.

Но сами Три Сосны были забытой деревней. Время бурлило и вихрилось, а иногда и натыкалось на деревню, но никогда долго в ней не задерживалось и никогда не оставляло там заметных следов. Сотни лет гнездилась эта деревенька среди нагромождения канадских гор, защищенная и упрятанная. Посторонние обнаруживали ее лишь случайно. Иногда усталый путешественник с гребня холма вдруг обнаруживал зовущий кружок старых домов – этакую канадскую Шангри-Ла[1]. Часть домов была построена из обветренного плитняка первыми поселенцами, расчистившими землю от деревьев с глубоко вросшими корнями и

громадных камней. Другие дома были из красного кирпича, их построили лоялисты[2], искавшие здесь убежища. У некоторых домов были крутые крыши с металлической кровлей, привычным коньком и широкими верандами – типичные квебекские сооружения. А в дальнем конце расположилось бистро Оливье, где можно было выпить кофе с молоком, съесть свежий круассан, поболтать с друзьями, погрузиться в атмосферу доброты. Тот, кто обнаруживал Три Сосны, уже не мог их забыть. Но находили эту деревню только потерянные люди.

Мирна посмотрела на свою подругу Клару Морроу, и та высунула язык. В ответ Мирна высунула свой. Клара закатила глаза. То же самое сделала и Мирна, присев рядом с Кларой на мягкий диван перед камином.

– Ты, случайно, не накурилась садовых удобрений, пока я была в Монреале?

– На сей раз нет, – рассмеялась Клара. – У тебя что-то на носу.

Мирна ощупала лицо, нашла что-то, обследовала.

– Мм… Это шоколад или кожа. Есть только один способ узнать наверняка.

Она бросила находку в рот.

– Боже! – поморщилась Клара. – И ты еще удивляешься, что у тебя никого нет.

– Я не удивляюсь, – улыбнулась Мирна. – Я и без того полна – мне никто не нужен.

– Неужели? А как насчет Рауля?

– Ах, Рауль, – мечтательно протянула Мирна. – Он был так мил.

– Просто конфетка, – согласилась Клара.

– Вот он меня дополнял, – сказала Мирна. – А потом и кое-кто еще. – Она похлопала себя по животу, большому и объемистому, как и сама женщина.

Их разговор прервал острый как бритва голос:

– Посмотрите-ка на это!

Посреди бистро стояла Рут Зардо, держа шоколадного зайца так, словно это граната. Заяц был сделан из отличного темного шоколада, его длинные уши были настороженно подняты, а мордочка получилась такой реалистичной, что Клара подумала – вот сейчас он пошевелит своими тонкими шоколадными усиками. В лапках зайчик держал сплетенную из белого и молочного шоколада корзинку, в которой лежала дюжина роскошно раскрашенных шоколадных яиц. Все выглядело очень мило, и Клара взмолилась, чтобы Рут не швырнула в кого-нибудь это шоколадное изделие.

– Это чертов заяц, – прорычала старая поэтесса.

– Их я тоже ем, – сообщил Габри Мирне. – Я был зачат, чтобы есть зайчат.

Мирна рассмеялась и тут же пожалела об этом. Рут обратила на нее свой гневный взгляд.

– Рут… – Клара встала и осторожно приблизилась к поэтессе, держа стаканчик с виски Питера в качестве взятки. – Отпусти зайчика.

Прежде она такого никогда не произносила.

– Если это зайчик, – проговорила Рут, словно обращаясь к умственно отсталому ребенку, – так откуда у него вот это?

Она показала на яйца.

– С каких пор зайцы несут яйца? – гнула свое Рут, глядя на ошарашенных жителей деревни. – Вам это не приходило в голову? Откуда они их берут? Предположительно у шоколадных курочек. Этот зайчик, вероятно, спер яйца у шоколадной курочки, которая теперь ищет своих деток. Возмутительно!

Забавно: пока старая поэтесса говорила все это, Клара и в самом деле представила себе шоколадных курочек, которые в отчаянии ищут свои потерянные яйца. Яйца, похищенные пасхальным зайцем.

В этот момент Рут бросила шоколадного зайца на пол, и тот разбился на кусочки.

– О боже! – воскликнул Габри и бросился подбирать то, что осталось. – Я хотел отдать его Оливье.

– Правда? – спросил Оливье, забывший, что сам же и покупал этого зайца.

– Странный какой-то праздник, – зловеще произнесла Рут. – Я его никогда не любила.

– Теперь это взаимно, – сказал Габри, держа разбитого зайца, словно любимое раненое дитя.

«Какой же он отзывчивый», – уже не в первый раз подумала Клара. Габри был такой большой, такой огромный, что о его чувствительности легко было забыть. Пока не наступали такие вот мгновения, когда он нежно держал умирающего шоколадного зайца.

– Как мы празднуем Пасху? – спросила старая поэтесса, выхватив из руки Клары стакан с виски Питера и осушив его. – Мы ищем яйца и едим горячие крестовые булочки[3].

– Mais[4] мы и в Святой Томас тоже ходим, – возразил месье Беливо.

– В пекарню Сары ходит больше людей, чем когда-либо появляется в

церкви, – отрезала Рут. – Они покупают выпечку, на которой изображено приспособление для пыток. Я знаю, вы думаете, что я сумасшедшая, но, возможно, я здесь единственный здравомыслящий человек.

На этой пугающей ноте она похромала к двери, но у порога повернулась:

– Не давайте этих шоколадных яиц детям. Иначе случится что-нибудь плохое.

И она, как плачущий пророк Иеремия, оказалась права: плохое и в самом деле случилось.

На следующее утро яйца исчезли. Найти удалось только обертки. Поначалу жители деревни подозревали детей постарше. Кое-кто даже думал, что это Рут саботирует праздник.

– Нет, вы только взгляните, – сказал Питер, показывая растерзанную коробку из-под шоколадного зайца. – Отметины зубов. И когтей.

– Значит, это и правда Рут, – пробормотал Габри, забрал у него коробку и стал изучать.

– Посмотрите-ка! – Клара бросилась за оберткой от пасхального яйца, которую понесло ветром по лугу. – Она тоже вся разодрана.

Пробегав все утро в погоне за обертками и восстановив порядок, большинство обитателей деревни вернулись в бистро Оливье, чтобы согреться у огня.

– Ну что? – обратилась Рут к Питеру и Кларе за ланчем. – Теперь вы понимаете, что грядет?

– Должен признать, это представляется очевидным, – рассмеялся Питер, вгрызаясь в горячий сэндвич: ветчина, копченная в кленовом соке, и рассыпчатый круассан, соединенные расплавленным камамбером.

Вокруг него встревоженно гудели родители, пытавшиеся подкупить плачущих детей.

– Наверное, все дикие животные, обитающие в радиусе ста миль, прошлой ночью побывали в деревне, – сказала Рут, медленно раскручивая ледяные кубики в своем виски. – И пожрали пасхальные яйца. Лисы, еноты, белки.

– Медведи, – добавила Мирна, подходя к столу. – Господи боже, это же ужас. Все эти изголодавшиеся медведи выбираются из своих берлог – после зимней спячки они готовы сожрать что угодно.

– Представляете, как они удивились, увидев шоколадные яйца и зайцев? – сказала Клара, перед тем как отправить в рот очередную порцию рыбной похлебки из ломтиков лосося, морских гребешков и креветок. Она взяла длинный французский батон с хрустящей корочкой и, отломив

кусочек, намазала на него особое сладкое масло Оливье. – Бедные медведи, где уж им понять, что за чудо произошло, пока они пребывали в спячке.

– Не все, что происходит, – чудо, – сказала Рут, оторвав взгляд от янтарной жидкости и уставясь в сводчатое окно. – Не все, что возвращается к жизни, должно возвращаться. Такое странное время года. Сегодня дождь, завтра снег. Никакой определенности. Все непредсказуемо.

– Любой сезон непредсказуем, – заметил Питер. – Ураганы осенью, снежные бури зимой.

– Ты как раз подтверждаешь то, что я говорю, – сказала Рут. – Ты можешь назвать угрозу. Мы все знаем, чего ожидать в другие сезоны. Но не весной. Весной случаются самые сильные наводнения. Лесные пожары, убийственные морозы, снежные бури, сели. Природа пребывает в раздрае. Может произойти что угодно.

– Но весной случаются и самые прекрасные дни, – возразила Клара.

– Верно. Чудо возрождения. Насколько мне известно, на этой концепции построены целые религии. Но есть вещи, которые лучше бы не возрождались никогда. – Старая поэтесса встала и допила виски. – Еще ничего не закончилось. Медведи вернутся.

– Я бы тоже вернулась, – сказала Мирна, – если бы вдруг нашла шоколадную деревню.

Клара улыбнулась, не сводя глаз с Рут, которая – редкий случай – не излучала злости и раздражения. Вместо них Клара увидела кое-что куда более тревожное.

Страх.

Глава вторая

Рут оказалась права. Каждую Пасху медведи возвращались в поисках шоколадных яиц. Они, конечно, ничего такого не находили и по прошествии двух-трех лет сдались и вместо этого обосновались в лесах вокруг Трех Сосен. Обитатели деревни быстро усвоили правило: на Пасху не уходить далеко в лес и никогда, ни в коем случае не становиться между медвежонком и медведицей.

Все это задумано природой, говорила себе Клара. Но беспокойство все же грызло ее. Они каким-то образом сами накликали это на себя.

И вот Клара снова обнаружила, что стоит на коленях на деревенском лугу, на этот раз с великолепными деревянными яйцами, которые они теперь использовали вместо настоящих. Эта идея принадлежала Ханне и Рору Парра. Они приехали из Чешской Республики и в том, что касается всяких хитростей с крашеными яйцами, были людьми искушенными.

За зиму Рор выстругивал немалое количество деревянных яиц, а Ханна раздавала их всем, кто хотел их раскрасить. И вскоре люди из всех уголков Восточных кантонов увлеклись изготовлением деревянных яиц. Школьники использовали вырезанные из дерева яйца для своих арт-проектов, родители обнаруживали в себе скрытые таланты, бабушки и дедушки расписывали яйца сценами из своей молодости. Долгой квебекской зимой они расписывали яйца, а в Страстную пятницу начинали их прятать. Найдя деревянное яйцо, дети обменивали его на настоящее. Или по меньшей мере на шоколадное.

– Ой, посмотрите-ка, – громко проговорила Клара от пруда на деревенском лугу.

К ней подошли месье Беливо и Мадлен Фавро. Месье Беливо наклонился, его длинное худое тело сложилось чуть ли не пополам. В высокой траве обнаружилось гнездо с яйцами.

– Они настоящие, – рассмеялся месье Беливо и развел траву, чтобы показать Мадлен.

– Прекрасно, – сказала Мад, протягивая руку.

– Mais, non, – остановил он ее. – Их мать откажется от них, если вы к ним притронетесь.

Мад тут же отдернула руку и с широкой улыбкой взглянула на Клару. Клара всегда с симпатией относилась к Мадлен, хотя они едва знали друг дружку. Мад жила здесь всего несколько лет, была немного моложе Клары

и полна жизненных сил. Еще она была от природы красива, носила короткие темные волосы и смотрела на мир умными карими глазами. Казалось, она всегда была довольна собой. «А почему бы и нет, – думала Клара. – После всего, что она вынесла».

– Это чьи яйца? – спросила Клара.

Мадлен сделала недоуменное лицо и подняла руки вверх, как бы сдаваясь.

Месье Беливо снова сложился пополам изящным движением:

– Не куриные. Для курицы великоваты. Наверное, утиные или гусиные.

– Вот будет здорово, – сказала Мадлен. – Веселая семейка на деревенском лугу. Когда начинается спиритический сеанс? – спросила она у Клары.

– Вы придете? – Клара была удивлена, хотя и приятно. – И Хейзел тоже будет?

– Нет, Хейзел отказалась. Завтра утром возвращается Софи, и Хейзел говорит, что должна приготовить еду и прибрать в доме, mais, franchement[5]… – Мадлен заговорщицки подалась к ней. – Она боится призраков. А месье Беливо согласился прийти.

– Мы должны быть благодарны, что Хейзел предпочла кухарить, – сказал месье Беливо. – Она приготовила нам великолепную запеканку.

«Это очень похоже на Хейзел, – подумала Клара. – Всегда в первую очередь думает о других». Клара немного опасалась того, что люди будут пользоваться щедростью Хейзел, в особенности эта ее дочурка. Впрочем, это не ее дело.

– Но у нас еще много дел до обеда, mon ami[6].

Мадлен одарила месье Беливо широкой улыбкой и слегка прикоснулась к его плечу. Месье Беливо улыбнулся. Он редко улыбался после смерти жены, а вот теперь улыбнулся, что стало для Клары еще одним поводом проникнуться уважением к Мадлен. Она наблюдала за тем, как они несут корзинки с пасхальными яйцами в лучах позднеапрельского солнца, льющего недавно возродившийся нежнейший свет на недавно зародившиеся нежные отношения. В ногах высокого, худого и чуть сутулого месье Беливо словно появились пружины.

Клара встала и потянулась всем своим сорокавосьмилетним телом, потом огляделась. На этом поле словно выросли задницы. Все жители деревни стояли внаклонку, пряча яйца. Клара пожалела, что не прихватила альбом для рисования.

В Трех Соснах определенно не было ничего выдающегося, ничего из ряда вон выходящего и вообще ничего такого, что имело значение для Клары, когда она окончила колледж искусств двадцать пять лет назад. Здесь не работал архитектор. Деревня как будто образовалась сама собой под сенью трех сосен, просто сама собой выросла из земли с течением времени.

Клара набрала полную грудь душистого весеннего воздуха и посмотрела на дом, в котором они с Питером жили. Кирпичный дом с деревянным крылечком и стенами из плитняка был обращен фасадом к лугу. От калитки к входной двери дома вилась тропинка между яблонями, вот-вот готовыми расцвести. Потом Клара обвела взглядом другие дома вокруг деревенского луга. Дома в Трех Соснах, как и их обитатели, были коренастыми, закаленными средой обитания. Они могли выдержать военную осаду, утрату и скорбь. И из этой среды возникало сообщество великой доброты и сострадания.

Клара любила Три Сосны. Дома, магазины, луг, многолетние сады и даже дороги, напоминающие стиральную доску. Ей нравилось то, что Монреаль находится всего в двух часах езды на север, а до американской границы на юге вообще рукой подать. Но больше всего она любила людей, которые в эту и другие Страстные пятницы прятали деревянные яйца для детей.

Пасха была поздняя – стоял конец апреля. С погодой им не всегда так везло. По меньшей мере один раз деревня проснулась в пасхальное воскресенье и обнаружила, что завалена тяжелым весенним снегом, засыпавшим нежные почки и разрисованные яйца. Нередко стоял колючий холод, и жителям приходилось забегать в гостеприимное бистро Оливье, чтобы выпить горячего сидра или горячего шоколада, обхватив дрожащими, замерзшими пальцами теплую кружку.

Но не сегодня. В этом апрельском дне было какое-то неясное великолепие. Это была идеальная Страстная пятница, солнечная и теплая. Снег сошел даже в тенистых местах, где он обычно задерживается. Начала пробиваться травка, вокруг деревьев образовался ореол нежнейшей зелени. Создавалось впечатление, что аура Трех Сосен вдруг стала видимой: сплошной золотистый свет с мерцающим зеленым обрамлением.

Сквозь землю начинали пробиваться луковицы тюльпанов, и вскоре деревенский луг обещал покрыться весенними цветами: темно-синими гиацинтами, колокольчиками, нарциссами, весело покачивающими головкой, подснежниками и пахучими ландышами, – и тогда деревня наполнится ароматами и ощущением радости.

В эту Страстную пятницу в Трех Соснах пахло свежей землей и

обещанием. А еще, может, двумя-тремя червяками.

– Что бы ты ни говорил, я все равно никуда не пойду.

Клара услышала этот взволнованный и сердитый шепот, стоя на четвереньках в высокой траве у пруда. Она не видела, кто говорит, но понимала, что человек находится, видимо, по другую сторону травы. Это была женщина, говорила она по-французски, но тон голоса был такой напряженный и расстроенный, что Клара не смогла его идентифицировать.

– Это всего лишь спиритический сеанс, – проговорил мужской голос. – Будет забавно.

– Да это же настоящее святотатство. Спиритический сеанс в Страстную пятницу?

Последовала пауза. Клара чувствовала себя неловко. Не из-за того, что подслушивала, просто у нее начали затекать ноги.

– Да брось ты, Одиль! Ты даже нерелигиозна. И что может случиться?

«Одиль?» – подумала Клара. Она знала только одну Одиль – Одиль Монманьи. И та была…

Женщина снова громко зашептала:

Зимы морозные укусы и майский жук —
Все оставляет в жизни след,
И слышит этот скорбный звук
И тот, кто юн, и тот, кто сед.

После чего наступило потрясенное молчание.

…очень плохим поэтом, закончила свою мысль Клара.

Одиль декламировала торжественным тоном, словно эти слова отражали нечто большее, чем поэтический дар.

– Я буду за тобой приглядывать, – сказал мужчина.

Теперь Клара узнала и его. Жиль Сандон, бойфренд Одиль.

– Объясни, зачем тебе туда надо, Жиль?

– Да так, просто забавно.

– Потому что она там будет?

Наступила тишина, нарушаемая лишь стоном Клариных ног.

– Ты же знаешь, что и он там будет, – не отступала Одиль.

– Кто?

– Ты знаешь кто. Месье Беливо, – сказала Одиль. – У меня плохое предчувствие, Жиль.

Последовала еще одна пауза, потом заговорил Сандон, низким ровным голосом, словно он предпринимал громадные усилия, чтобы подавить в себе все эмоции:

– Не волнуйся. Я его не убью.

Клара начисто забыла о своих ногах. Убить месье Беливо? Да кому такое в голову могло прийти? Старый владелец магазина никого в жизни и на цент не обсчитал. Что может иметь против него Жиль Сандон?

Услышав, что они уходят, Клара выпрямилась, преодолевая боль, и посмотрела им вслед. Фигура Одиль напоминала грушу, и шла она чуть покачиваясь. Жиль был громадиной и всем своим видом напоминал медведя, а его узнаваемая рыжая борода была видна даже со спины.

Клара посмотрела на свои потные ладони, сжимавшие деревянные пасхальные яйца. Веселенькие краски впитались в кожу.

Внезапно спиритический сеанс, который казался забавной идеей несколько дней назад, когда Габри повесил в бистро объявление, извещавшее о приезде знаменитого экстрасенса мадам Айседоры Блаватски, стал видеться по-другому. Клара почувствовала, как на место радостного предвкушения пришел страх.

Глава третья

Мадам Айседора Блаватски в тот вечер была сама не своя. На самом деле она была вовсе не мадам Айседора Блаватски.

– Прошу вас, называйте меня Жанна. – Эта похожая на мышь женщина стояла в центре второго зала бистро и протягивала руку. – Жанна Шове.

– Bonjour, Madame Chauvet. – Клара улыбнулась и пожала вялую руку. – Excusez-moi[7].

– Жанна, – напомнила ей женщина еле слышным голосом.

Клара шагнула к Габри, который предлагал гостям блюдо с копченым лососем. Зал начинал понемногу заполняться.

Габри протянул блюдо Кларе:

– Немного лосося?

– Кто она? – спросила Клара.

– Мадам Блаватски, знаменитый венгерский экстрасенс. Ты что, не чувствуешь ее энергетику?

Кларе помахали Мадлен и месье Беливо, она ответила им тем же, потом посмотрела на Жанну, которая, судя по ее виду, готова была упасть в обморок, если бы кто-то ее освистал.

– Я определенно чувствую что-то, юноша, и это чувство – раздражение.

Габри Дюбо разрывался между двумя чувствами: с одной стороны, он испытал удовольствие, услышав подобное обращение к себе, а с другой – в этом обращении было что-то оскорбительное.

– Это не мадам Блаватски. Она даже не прикидывается ею. Ее зовут Жанна как-то там, – рассеянно сказала Клара, кладя кусочек лосося на черный хлебец. – Ты нам обещал мадам Блаватски.

– Ты даже не знаешь, кто такая мадам Блаватски.

– По крайней мере, я могу отличить мадам Блаватски от не мадам Блаватски.

Клара кивнула и улыбнулась маленькой женщине средних лет, стоявшей посреди комнаты в некотором замешательстве.

– А ты бы пришла, если бы знала, что она – экстрасенс? – Габри качнул блюдом в сторону Жанны.

С блюда скатился каперс и потерялся в пушистом восточном ковре.

«Ну почему мы никогда не учимся? – вздохнула про себя Клара. – Каждый раз, приглашая гостя, Габри устраивает нечто запредельное. Что-

нибудь вроде того чемпиона по покеру, который увез все наши деньги, или певца, в сравнении с которым даже Рут – настоящая Мария Каллас. И как бы ни были катастрофичны эти устраиваемые Габри мероприятия для жителей деревни, еще худшим злом они оборачиваются для ничего такого не ожидающих гостей, оказавшихся в центре загулявших Трех Сосен, тогда как они хотели всего лишь провести немного времени среди деревенского покоя».

Она посмотрела на Жанну Шове: та оглядывала комнату, отирала ладони о свои синтетические брюки и улыбалась портрету над пылающим камином. Прямо на глазах у Клары она словно бы исчезла. Это был настоящий трюк, хотя вряд ли он что-то говорил о ее способностях экстрасенса. Клара не испытывала к ней добрых чувств. И о чем только думал Габри?

– О чем ты думал?

– Что ты имеешь в виду? Она экстрасенс. Сама мне сказала, когда регистрировалась в гостинице. Ты права, она не мадам Блаватски. И не из Венгрии. Но она умеет предсказывать будущее.

– Постой-ка… – В голову Клары закрались подозрения. – Она хоть знает, что ты запланировал этот вечер?

– Я уверен, что она интуитивно это поняла.

– Ну да, когда стали собираться люди. Габри, как ты мог так с ней поступить? Как ты мог так поступить с нами?

– С ней все будет в порядке. Ты посмотри на нее. Она уже раскрепощается.

Мирна принесла Жанне Шове стакан белого вина, и та выпила его залпом, словно воду перед совершением чуда. Мирна посмотрела на Клару и вскинула брови. Еще немного – и Мирне самой придется проводить сеанс.

– Спиритический сеанс? – спросила Жанна минуту спустя, когда Мирна поинтересовалась у нее, чего им следует ожидать. – А кто будет его проводить?

Все глаза обратились на Габри. Он преувеличенно аккуратно поставил блюдо с лососем на столик и подошел к Жанне. Рядом с крупной фигурой Габри, излучавшего природный энтузиазм, эта невзрачная женщина как будто усохла еще больше и стала похожа на вешалку. По предположению Клары, ей было около сорока. Свои тускло-каштановые волосы она, видимо, стригла сама. Глаза у нее были голубые, словно выцветшие, а одежда явно куплена на распродаже. Клара, которая, будучи художницей, бо`льшую часть жизни провела в нищете, быстро определила это

наметанным взглядом. У нее мелькнула мысль: почему Жанна приехала в Три Сосны и платит за номер в гостинице Габри, пусть и дешевой, но далеко не бесплатной?

Жанна больше не казалась испуганной – всего лишь растерянной. Кларе хотелось подойти и обнять эту миниатюрную женщину, защитить ее от того, что грядет. Ей хотелось угостить Жанну хорошим горячим обедом, дать возможность принять теплую ванну, окружить добротой, – может быть, это укрепит ее.

Клара оглядела зал. Питер категорически отказался идти сюда, назвав это шарлатанством. Но перед тем как она ушла, он задержал ее руку на секунду дольше, чем необходимо, и попросил быть осторожной. Клара улыбалась, шагая под звездами вокруг деревенского луга в приветливое бистро. Питер воспитывался в строгих англиканских традициях, и у него такие вещи вызывали неприятие. И даже пугали его.

За обедом они немного поговорили об этом, и Питер предсказуемо отстаивал точку зрения, что это помешательство.

– Ты хочешь сказать, что я помешанная? – спросила Клара.

Она знала, что ничего подобного он в виду не имел, но ей нравилось видеть, как он ежится. Питер поднял голову в густых кудрях с обильной сединой и сердито посмотрел на жену. Высокий и стройный, с греческим носом и умными глазами, он напоминал президента банка, а не художника. И тем не менее он был художником. Правда, художником, потерявшим связь со своим сердцем. Он жил в абсолютно рациональном мире, где все необъяснимое было помешательством, либо глупостью, либо безумием. Эмоции были безумием. Кроме такой эмоции, как его любовь к Кларе, которая была абсолютной и всепоглощающей.

– Нет, помешанная эта ваша экстрасенс. Она шарлатанка. Общение с мертвыми, предсказание будущего. Дребедень. Мошенничество старее самой старой книги.

– Какой книги? Библии?

– Не играй со мной в эти игры, – остерег ее Питер.

– Нет, правда. В какой книге говорится о превращениях воды в вино, хлеба в плоть? Или о волшебстве типа хождения по воде? Или о том, как расступаются воды моря, как слепые начинают видеть, а калеки – ходить?

– Это были чудеса, а не волшебство.

– Вот оно что…

Клара кивнула, улыбнулась и продолжила есть.

Так и получилось, что на спиритический сеанс Клара заявилась в компании Мирны. Мадлен и месье Беливо тоже пришли. За ручки они не

держались, но в любую минуту были готовы. Его длинная рука в свитере касалась ее руки, и та не отстранялась. В очередной раз Клара поразилась: насколько же привлекательна Мадлен. Она принадлежала к тому типу женщин, с которыми хотят дружить другие женщины и которых мужчины хотят заполучить в жены.

Клара улыбнулась месье Беливо и зарделась. Уж не потому ли, что застала их в интимный момент, когда чувства, которые лучше держать при себе, прорываются наружу? Она подумала минуту-другую и поняла, что этот румянец больше связан с ней, чем с ним. Она стала иначе относиться к месье Беливо, случайно подслушав Жиля этим днем. Тихий бакалейщик превратился из человека приятного и добродушного в загадку. Кларе не нравилась эта трансформация. И сама себе она не нравилась из-за того, что слухи оказывали на нее такое сильное влияние.

Жиль Сандон стоял перед камином, энергично впитывая тепло задней частью своих обширных джинсов. Он был такой громадный, что почти целиком загораживал собой камин. Одиль Монманьи принесла ему стакан вина, и Жиль рассеянно взял его, предпочитая сосредоточить свое внимание на месье Беливо, который как будто не замечал этого.

Клара всегда симпатизировала Одиль. Они были одного возраста, обе посвятили себя искусству: Клара в качестве художника, Одиль – как поэтесса. Она заявляла, что работает над эпической поэмой – одой англичанам в Квебеке, что вызывало подозрения, поскольку сама она была француженкой. Клара на всю жизнь запомнила чтения, на которых она побывала в Королевском канадском легионе в Сен-Реми. Туда были приглашены все местные писатели, включая Рут и Одиль. Рут читала первой из своей жесткой поэмы под названием «Обращение к прихожанам».

Завидую: ваш монолит —
Собрание благих молитв.
Как я завидую, о да,
Легко вам вместе, без труда
Живется так. И не понять,
Как я одна могу стоять.

Потом наступила очередь Одиль. Она вскочила со стула и тут же принялась читать свое.

Идет весна, шмелиный гул,
Земля пускается в загул,
Рассет бёрбанк[8] и стрелостой
Стынь зимнюю зовут на бой,
И лето будет за весной.

– Замечательное стихотворение, – солгала Клара, когда все закончили и собрались около бара, чувствуя острую потребность выпить. – Мне вот что любопытно. Рассет бёрбанк я еще знаю, но вот о стрелостое никогда не слышала.

– Я его сочинила, – радостно сообщила Одиль. – Мне нужно было слово, которое рифмовалось бы с «бой» и «весной».

– А «зверобой» вас не устроило? – спросила Рут.

Клара кинула на нее предостерегающий взгляд, но Одиль взвесила это предложение:

– Боюсь, звучит недостаточно сильно.

– И верно, куда уж ему равняться со «стрелостоем», – сказала Рут Кларе и снова обратилась к Одиль: – Что ж, я, безусловно, чувствую себя обогащенной, чтобы не сказать оплодотворенной. Единственный поэт, с кем я могу вас сравнить, – это Сара Бинкс[9].

Одиль, никогда не слышавшая о Саре Бинкс, почувствовала, что ее культурный кругозор ограничен образованием, которое признавало только франкоговорящий гений. Она понимала, что Сара Бинкс, вероятно, величайшая английская поэтесса. Этот комплимент от Рут Зардо послужил мощным стимулом для творчества Одиль Монманьи, и когда в их магазине «Ля мезон биоложик» в Сен-Реми выдавались тихие моменты, она доставала свою потрепанную, растерзанную школьную тетрадку и записывала туда новое стихотворение, иногда даже не дожидаясь вдохновения.

Клара, у которой были свои художнические терзания, находила у себя и Одиль общие черты и подбадривала ее. Питер, разумеется, считал Одиль чокнутой, но Клара знала, что это не так. Нередко великих людей в искусстве определяет не гениальность, а стоицизм. Одиль была стоиком.

Ввосьмером они собрались в уютном втором зале бистро, чтобы в эту Страстную пятницу приступить к воскрешению. Правда, пока было неясно, кто это будет делать.

– Только не я, – отказалась Жанна. – Я думала, что экстрасенс – кто-то

из вас.

– Габри? – обратился Жиль Сандон к хозяину заведения.

– Но вы сказали мне, что умеете предсказывать будущее, – умоляющим тоном обратился Габри к Жанне.

– Это так. Карты Таро, руны и всякое такое. Я не общаюсь с мертвыми. По крайней мере, не часто.

«Забавно, – подумала Клара. – Если долго ждать, то можно услышать очень странные вещи».

– Не часто? – переспросила она.

– Иногда, – признала Жанна, слегка отстраняясь от Клары, словно опасаясь нападения.

Клара притворно улыбнулась и постаралась выглядеть менее напористой, хотя этой женщине и шоколадный заяц показался бы напористым.

– Не могли бы вы сделать это сегодня? Пожалуйста! – попросил Габри.

Задуманная им вечеринка рушилась на глазах.

Крохотная, похожая на мышку, хрупкая Жанна стояла в середине их кружка. И тут Клара увидела, как что-то промелькнуло на лице этой серой женщины. Улыбка. Нет. Ухмылка.

Глава четвертая

Хейзел Смит развила бурную деятельность в своем уютном, хотя и тесноватом доме. Ей нужно было переделать миллион вещей до возвращения ее дочери Софи из Университета Куинс. На кроватях уже лежали чистые, хрустящие простыни. Печеные бобы медленно готовились, хлеб поднимался, холодильник был набит до отказа любимой едой Софи. Наконец Хейзел рухнула на неудобный, набитый конским волосом диван в гостиной, чувствуя каждый день из всех прожитых ею сорока двух лет и даже чуть больше. Старый диван, казалось, весь был утыкан крохотными иголочками, которые впивались во все, что садилось на них, словно хотели скинуть с себя этот груз. И тем не менее Хейзел любила этот диван, может быть, потому, что больше никто его не любил. Она знала, что он набит не только конским волосом, но и воспоминаниями, иногда столь же колючими, как и волос.

– Неужели он все еще на своем месте, Хейз? – рассмеялась Мадлен несколькими годами ранее, когда впервые после приезда вошла в эту тесную комнату.

Поспешив к старому дивану, Мадлен взгромоздилась на него, перегнулась через спинку, словно забыла, как надо сидеть, и предъявила ошарашенной Хейзел свою поджарую задницу.

– Вот это да! – раздался приглушенный голос Мад: голова ее находилась между диваном и стеной. – Помнишь, как мы шпионили за твоими родителями, спрятавшись за спинкой этого дивана?

Хейзел забыла об этом. Еще одно воспоминание в дополнение к прежним, связанным с этим мягким диваном. Внезапно раздался громкий смех, и Мадлен, как девчонка, какой она была когда-то, крутанулась, села лицом к Хейзел и протянула ей руку. Хейзел, двинувшись вперед, увидела что-то в тонких пальцах. Что-то незапятнанное и белое, похожее на небольшую обесцвеченную кость. Хейзел остановилась, испугавшись того, что произвел на свет божий этот диван.

– Это тебе, – сказала Мадлен и осторожно положила небольшой подарок на ладонь Хейзел.

Мадлен сияла – другого слова и не подобрать. Ее бритая голова была повязана косынкой, брови неумело подведены, отчего вид у нее был слегка удивленный. Но, несмотря на все это, Мадлен сияла. И унылая комната наполнялась ее необыкновенной радостью.

Они не виделись двадцать лет, и Хейзел помнила каждое мгновение их юношеской дружбы, но почему-то забыла, как оживала в присутствии Мадлен. Она посмотрела на свою ладонь. Это была не кость, а скрученная записка.

– Все эти годы она пролежала в диване, – сказала Мадлен. – Ты только представь. Столько лет прошло! Наверное, ждала нас. Ждала этого мгновения.

Теперь Хейзел вспомнила, что Мадлен всегда распространяла вокруг себя волшебство. А там, где было волшебство, случались и чудеса.

– Где ты ее нашла?

– Там. – Мад махнула рукой, показывая за спинку дивана. – Ты как-то раз вышла в туалет, а я ее засунула в дырочку.

– В дырочку?

– Дырочку, просверленную авторучкой.

Глаза Мадлен сверкали, когда она показывала, как проделала дырочку в диване авторучкой, и Хейзел вдруг поймала себя на том, что смеется. Она представила себе, как эта девчонка просверливает сие драгоценное владение ее родителей. Мадлен была бесстрашной. Если Хейзел была в классе старостой, то Мадлен всегда опаздывала на уроки – выбегала покурить в лесок.

Хейзел посмотрела на крохотный белый цилиндрик у себя на ладони – оставаясь два десятилетия в чреве дивана и не подвергаясь воздействию света, он сохранился в своей первозданной чистоте.

Наконец она развернула его. Хотя и знала, что у нее есть основания опасаться этой бумажки. Потому что слова, написанные там, немедленно и полностью изменили ее жизнь. Яркими синими чернилами на бумаге было начертано круглыми буквами одно простое предложение.

«Я тебя люблю».

Хейзел боялась встретиться взглядом с Мадлен. Оторвав глаза от крохотной записки, она посмотрела вокруг и увидела, что ее гостиная, еще сегодня утром такая унылая, вдруг потеплела и стала уютной, а выцветшие краски обрели сочность. А когда ее взгляд дошел до Мадлен, произошло чудо. Прежде она была одна, а теперь их стало двое.

Мадлен уехала в Монреаль заканчивать курс лечения, но при первой же возможности вернулась в этот деревенский домик в окружении пологих холмов, лесов и полей, поросших весенними цветами. Мадлен обрела дом. Как и Хейзел.

Хейзел взяла штопку с дивана. Ее беспокоило, очень беспокоило то, что происходит в бистро.

Они обратились к рунам – древним нордическим знакам, предсказывающим будущее. Судя по руническим камням, Клара была быком, Мирна – сосновым факелом, Габри – свечкой, хотя Клара сказала ему, что руна означает «сучка».

– Ты смотри, как все верно, – заметил впечатленный Габри. – Даже Господь знает, что ты – бык.

Месье Беливо залез в маленькую плетеную корзиночку и извлек оттуда камень, на котором был нарисован символ алмаза.

– Брак, – высказал предположение месье Беливо.

Мадлен улыбнулась, но промолчала.

– Нет, – возразила Жанна. – Это бог Инг.

– Дайте-ка я попробую, – вызвался Жиль Сандон.

Он засунул в маленькую корзинку свою мощную, мозолистую руку и вытащил ее сжатой в кулак. Когда он раскрыл кулак, все увидели камень с буквой R. Кларе это показалось немного похожим на деревянные яйца, которые они прятали для детей. Эти яйца тоже были раскрашенными символами. Но яйца символизировали жизнь, тогда как камни были символами смерти.

– Что это значит? – спросил Жиль.

– Это означает верховую езду. Приключение, путешествие, – сказала Жанна, взглянув на Жиля. – Нередко сопровождается трудом. Тяжелой работой.

– А что-нибудь новенькое?

Одиль рассмеялась, а вместе с ней и Клара. Жиль всю жизнь делал тяжелую работу, и по его сорокапятилетнему телу было видно, что немалое количество этих лет он провел на лесоповале. Мощное тело, руки в кусочках лейкопластыря и почти всегда в синяках.

– Но вы достали его вверх ногами, – сказала Жанна, положив руку на камень в мягком центре ладони Жиля, окруженном горками мозолей. – R перевернуто.

За этим последовало молчание. Габри, прочитав небольшую брошюрку, посвященную рунам, обнаружил, что его камень означает «свечка», а не «сучка», и стал спорить по этому поводу с Кларой, грозясь урезать количество потребляемого ею кофе с молоком и красного вина. Теперь эти двое подошли к другим и присоединились к разговору, кружок стал еще плотнее и теснее.

– И что это значит? – спросила Одиль.

– Это означает трудную дорогу впереди. Предупреждает, что нужно

быть осторожнее.

– А что означал его камень? – Жиль показал на месье Беливо.

– Бог Инг? Он символизирует плодовитость, мужественность. – Жанна улыбнулась, глядя на спокойного, мягкого бакалейщика. – А еще это серьезное напоминание о том, что необходимо уважать все естественное.

Жиль издал неприятный, самодовольный смешок.

– Теперь пусть Мадлен, – предложила Мирна, стараясь снять напряжение.

– Отлично. – Мад засунула руку в корзиночку и извлекла оттуда камень. – Мой камень наверняка скажет, что я бессердечная эгоистка. П. – Она улыбнулась, глядя на символ. – Это удивительно, потому что мне и в самом деле хочется пи-пи.

– Этот знак символизирует радость, – объяснила Жанна. – Но знаете, что еще?

Мадлен задумалась. На глазах у Клары огромная энергия, исходящая от этой женщины, стала таять, уменьшаться. На мгновение Мадлен словно согнулась пополам.

– Эта буква тоже перевернутая, – сказала она.

Хейзел штопала драный носок, но мысли ее витали где-то далеко. Она посмотрела на часы. Половина одиннадцатого. «Еще рано», – сказала она себе.

Ей было любопытно, что сейчас происходит в бистро в Трех Соснах. Мадлен предложила ей тоже пойти, но Хейзел отказалась.

– Только не говори мне, что боишься, – поддразнила ее Мадлен.

– Ничего я не боюсь. Просто это глупости – пустая трата времени.

– Не боишься призраков? Значит, ты смогла бы переехать в дом рядом с кладбищем?

Хейзел подумала и ответила:

– Вероятно, нет. Но только потому, что его потом трудно было бы продать.

– Ты, как всегда, практична, – рассмеялась Мадлен.

– Ты веришь, что эта женщина может общаться с мертвыми?

– Не знаю, – пожала плечами Мад. – Откровенно говоря, я об этом не думала. Просто это кажется забавным.

– Многие люди верят в призраков, в дома, посещаемые привидениями, – сказала Хейзел. – Я читала об одном таком на днях. Это было в Филадельфии. Там является монах, а посетители видят на лестницах человеческие тени. И еще что-то было… не помню что. У меня

мурашки поползли по коже. Ах да. Холодная точка. Прямо у большого старого кресла. И тот, кто в него садится, умирает, но не прежде, чем увидит призрак старухи.

– Ты вроде бы сказала, что не веришь в призраков.

– Я не верю, но многие другие верят.

– В большинстве культур есть понятие «духи», – кивнула Мадлен.

– Но мы ведь не о них говорим, верно? Мне кажется, тут есть различие. Призраки – они зловещие, коварные. В призраках есть что-то мстительное и злобное. Не думаю, что такими вещами стоить шутить. А здание, в котором находится бистро, было построено не одну сотню лет назад. Один Господь знает, сколько народу там умерло. Нет. Я останусь дома, посмотрю немного телевизор, отнесу обед соседке – бедной мадам Беллоус. И буду избегать призраков.

Сидя при свете единственной лампы в гостиной, Хейзел вспоминала этот разговор, и у нее кровь стыла в жилах, словно рядом с ней обосновался призрак, создав холодную точку. Она встала и включила все лампы. Но комната осталась тусклой. Без Мадлен дом как будто увядал.

При включенном свете она больше не видела, что происходит за окном, – видела лишь собственное отражение в стекле. По крайней мере, она надеялась, что это ее отражение. Хейзел видела женщину средних лет, сидящую на диване в длинной юбке и жакете оливкового цвета, со скромной ниткой жемчуга на шее. Это вполне могла быть ее мать. А может, это и была ее мать.

Питер Морроу стоял на пороге мастерской Клары, вглядываясь в темноту. Он вымыл посуду, почитал, сидя перед камином в гостиной, а когда ему это наскучило, решил провести часок в собственной мастерской – поработать над новой картиной. Он прошел по кухне в другую часть их маленького дома, намереваясь открыть дверь своей мастерской и войти туда.

Почему же он остановился перед открытой дверью в мастерскую Клары?

Там было темно и очень тихо. Он слышал, как бьется его сердце. Руки у него были холодные. Он вдруг понял, что задерживает дыхание.

Это действие было таким простым, даже естественным.

Он протянул руку и щелкнул выключателем. А потом вошел.

Они сидели кружком на деревянных стульях. Жанна сосчитала присутствующих и пришла в замешательство:

– Восемь – плохое число. Нам не стоит этого делать.

– Что значит «плохое» число? – спросила Мадлен, у которой вдруг тревожно забилось сердце.

– Оно идет сразу после семи, – сказала Жанна так, будто это что-то объясняло. – Восьмерка образует знак бесконечности. – Она начертила пальцем в воздухе невидимый знак. – Энергия ходит по кругу. Ей некуда вырваться. Она злится, разочаровывается и набирает огромную силу. – Она вздохнула. – Это очень нехорошо.

Все лампы были выключены, единственный свет давал камин, где потрескивал огонек, отбрасывая на всех пляшущие тени. Кто-то сидел спиной к огню, остальные образовывали ряд встревоженных лиц, словно отделенных от тела.

– Я хочу, чтобы вы выкинули все из головы.

Голос Жанны звучал низко, гулко. Лица ее они не видели. Она сидела спиной к огню. У Клары создалось впечатление, что Жанна села так специально. А впрочем, может, и нет.

– Дышите глубоко, выпустите из себя все тревоги и заботы. Привидение чувствует энергию. Любая негативная энергия только привлечет злонамеренных привидений. Мы должны наполнить бистро позитивной, любящей добротой, чтобы привлечь хороших привидений.

– Черт, – прошептал Габри. – Это была плохая идея.

– Заткнись, – прошипела Мирна, сидящая рядом с ним. – Думай о хорошем, идиот. И поскорее.

– Мне страшно, – прошептал он.

– А ты прекрати бояться. Отправляйся в свое любимое место, Габри, в любимое место, – проскрипела Мирна.

– Вот мое любимое место! – отрезал Габри. – Забери ее первой, привидение, она большая и сочная. Пожалуйста, не трогай меня.

– Ты свечка, – сказала Мирна.

– Прошу тишины, – проговорила Жанна таким властным голосом, какого Клара в жизни не слышала. – Если вдруг раздастся неожиданный громкий звук, я хочу, чтобы вы тут же все взялись за руки. Ясно?

– Зачем? – прошептал Габри, обращаясь к Одиль, сидевшей от него по другую сторону. – Она ждет чего-то нехорошего?

– Ш-ш-ш, – прошипела едва слышно Жанна, и все разговоры смолкли. Даже дыхание замерло. – Они идут.

Все сердца прекратили биться.

Питер вошел в мастерскую Клары. Он заходил сюда сотни раз и знал,

что она не просто так не запирает дверь. Ей нечего прятать. И все же по какой-то причине он чувствовал себя виноватым.

Он быстро оглянулся и прошел к большому мольберту в центре мастерской. Здесь пахло красками, лаками и деревом, а к этому примешивался легкий аромат крепкого кофе. Долгие годы творчества и варки кофе наделили эту комнату способностью успокаивать. Так почему же Питеру было так тревожно?

Он остановился у мольберта. Клара набросила на полотно кусок материи. Он стоял, глядя на материю и убеждая себя уйти, умоляя себя не делать того, что собирался. Сам не веря себе, он протянул правую руку. Словно человек, покинувший свое тело, он знал: управлять тем, что сейчас произойдет, невозможно. Все предопределено.

Его рука ухватила старый, заляпанный красками кусок материи и сорвала его.

Комната погрузилась в тишину. Кларе отчаянно хотелось схватить Мирну за руку, но она не осмеливалась шелохнуться. Мало ли что может случиться. А вдруг это ее движение привлечет к ней внимание того, что появится?

А потом они услышали. Все услышали.

Шаги.

Поворот дверной ручки.

Кто-то заскулил, как испуганный щенок.

И вдруг тишину разорвал ужасающий удар. Раздался мужской вопль. Клара почувствовала, как с обеих сторон ее ухватили руки. Она вцепилась в них со страшной силой, будто от этого зависела ее жизнь, и начала молиться, повторяя снова и снова:

– Благослови, Господи, эту пищу, чтобы она пошла нам во благо и придала сил для служения Тебе и помощи тем, кто в ней нуждается. Аминь.

– Впустите меня, – раздался голос из загробного мира.

– О боже, до чего злобное привидение, – прошептала Мирна. – Это ты во всем виноват, – сказала она Габри, который сидел с расширившимися от ужаса глазами.

– Жутко! – завопил бестелесный голос. – Жу-у-у-утко…

Затряслась оконная рама, и у стекла появилось страшное лицо. Все охнули и отпрянули подальше от окна.

– Бога ради, Дороти, я же знаю, что ты там! – вскричал голос.

Клара и представить себе не могла, что последние слова, которые она услышит на земле, будут такими. Она всегда считала, что это будет: «И о

чем ты только думала?»

Габри, дрожа всем телом, поднялся на ноги.

– Господи милостивый! – воскликнул он, осеняя себя крестом. – Это кто-то еще живой.

По ту сторону окна Рут Зардо прищурилась и перекрестила его, оборвав это движение на половине.

Питер разглядывал полотно на мольберте. Челюсти его сжались, глаза прищурились. Все оказалось хуже, чем он предполагал, хуже, чем он опасался, а опасения Питера были велики. Он видел перед собой последнюю работу Клары – ту, которую она вскоре собиралась показать Дени Фортену, влиятельному галеристу из Монреаля. До сего времени Клара сражалась во тьме, создавая почти невразумительные произведения искусства. По крайней мере, для Питера они были невразумительными.

И вдруг ни с того ни с сего возник Дени Фортен – постучал в их дверь. Питер был уверен, что известный дилер, имевший контакты по всему миру, приехал, чтобы встретиться с ним. Ведь знаменитостью-то в конечном счете был он, Питер. Его мучительно детализированные картины уходили за тысячи долларов и висели на стенах лучших домов Канады. Питер, естественно, провел Фортена в свою мастерскую, однако ему вежливо было сказано, что его работы очень милы, но дилер приехал, чтобы встретиться с Кларой Морроу.

Скажи Фортен, что он хочет позеленеть и улететь на Луну, Питер удивился бы меньше. Увидеть работы Клары? У него что-то заклинило в мозгу, и он уставился на Фортена.

– Зачем? – спросил он.

Пришла очередь Фортена недоуменно смотреть на него.

– Она ведь Клара Морроу? Художница? Один мой друг показал мне ее портфолио. Ведь это ее работы?

Фортен достал из сумки портфолио – и, конечно, там оказалось Кларино плачущее дерево. Плачущее словами-слезами. Какое дерево плачет словами? Питер задавал себе этот вопрос, когда Клара впервые показала ему эту свою работу. И вот теперь Дени Фортен, самый знаменитый галерист Квебека, говорит, что это впечатляющее произведение искусства.

– Это мои работы, – сказала Клара, пытаясь втиснуться между двумя мужчинами.

Словно во сне, потрясенная, она провела Фортена к себе мастерскую. И описала свою последнюю работу, укрытую материей. Фортен

рассматривал материю, но не пытался ее снять, даже не попросил об этом.

– Когда она будет закончена?

– Через несколько дней, – сказала Клара, недоумевая, к чему все эти вопросы.

– Ну, скажем, в первую неделю мая? – Он улыбнулся и тепло пожал ей руку. – Я привезу моих кураторов, чтобы мы все могли решить.

– Решить?

Знаменитый Дени Фортен меньше чем через неделю приезжает, чтобы увидеть последнюю работу Клары. И если она ему понравится, ее будущее будет обеспечено.

И вот теперь Питер смотрел на эту работу.

Он вдруг почувствовал, как что-то схватило его. Сзади. Оно потянулось к нему и завладело им. Питер охнул от боли, обжигающей, раздирающей боли. Глаза его налились слезами, и его охватил гнев, который всегда угрожал его жизни. Он прятался от этого гнева еще ребенком, убегал от него, хоронил его, отрицал. Этот гнев преследовал его и наконец нашел. Здесь, в мастерской его любимой жены. Этот жуткий монстр нашел его, когда он стоял перед ее творением.

Нашел и сожрал.

Глава пятая

– И чего же хотела Рут? – спросил Оливье, ставя стаканы с односолодовым виски перед Мирной и Габри.

Одиль и Жиль уже ушли, но все остальные еще находились в бистро. Клара помахала Питеру, который стаскивал с себя куртку и вешал на крючок у двери. Она позвонила ему, как только закончился спиритический сеанс, и пригласила на вскрытие.

– Ну, поначалу мы думали, что она кричит «жутко», – сказала Мирна, – но потом поняли, что она кричит «утка».

– «Утка»? Точно? – переспросил Оливье, присаживаясь на подлокотник кресла Габри и делая глоток коньяка. – «Утка»? Ты думаешь, что она все время именно это и говорила?

– А мы просто не расслышали, да? – язвительно произнесла Мирна. – «Уткнись» – так она сказала мне как-то раз.

– «Уткнись»? – сказала Клара. – Что ж, вполне возможно. Она часто пребывает в неважном настроении.

Месье Беливо рассмеялся и посмотрел на Мадлен, которая сидела рядом с ним, бледная и безмолвная.

Прекрасный апрельский день перешел в холодный и сырой вечер. Время приближалось к полуночи, и в бистро, кроме них, никого не осталось.

– И чего она хотела? – спросил Питер.

– Помощи с какими-то утиными яйцами. Помните – те, что мы нашли у пруда сегодня днем? – спросила Клара, обращаясь к Мад. – С вами все в порядке?

– Конечно. – Мадлен улыбнулась. – Просто немного нервничаю.

– Прошу прощения, – сказала Жанна.

Она сидела на жестком стуле вне их кружка. Вернулась в свое мышиное «я». Все признаки сильного, спокойного экстрасенса исчезли, как только был включен свет.

– Нет-нет, это никоим образом не связано со спиритическим сеансом, – заверила ее Мадлен. – Мы после обеда пили кофе, а там, вероятно, был кофеин. Он действует на меня таким образом.

– Mais, ce n’est pas possible[10], – сказал месье Беливо. – Я уверен, что этот кофе был без кофеина.

Впрочем, он и сам немного нервничал.

– Что это за история с яйцами? – спросил Оливье, разглаживая стрелочку на своих безукоризненных вельветовых брюках.

– Похоже, когда мы ушли, Рут отправилась на пруд и перетрогала все яйца в гнезде.

– Не может быть, – сказала Мад.

– Потом птицы вернулись, но насиживать яйца не стали, – продолжила Клара. – Точно как вы и говорили. И потому Рут взяла их домой.

– Чтобы съесть? – спросила Мирна.

– Чтобы вывести утят, – ответил Габри, который вместе с Кларой ходил в крохотный дом Рут посмотреть, не могут ли они чем-нибудь помочь.

– Но она хоть не сидит на них? – спросила Мирна, сама не зная, смешит ее этот образ или отталкивает.

– Нет, на самом деле она все очень мило устроила. Когда мы пришли, яйца лежали на мягком фланелевом одеяле в корзинке. Она сунула их в духовку и поставила на минимум.

– Неплохая мысль, – заметил Питер.

Он, как и остальные, предполагал, что Рут скорее съест яйца, чем будет их спасать.

– Она эту духовку, кажется, сто лет не включала. Говорит, что та потребляет слишком много электричества, – сказала Мирна.

– А теперь включила, – сказала Клара. – Хочет вывести утят. Вот несчастные родители!

Она взяла свой стакан с виски и посмотрела в окно на темный деревенский луг, представляя себе, как родители сидят у пруда – там, где недавно была их молодая семья, где их детки набирались сил в скорлупках, веря, что мамочка с папочкой о них позаботятся. Клара знала, что утки выбирают себе пару на всю жизнь. Вот почему охотничий сезон на уток казался ей особенно жестоким. Осенью нередко встречались одинокие утки, издававшие безутешное кряканье. Они звали. Ждали свою пару. И обречены были ждать всю оставшуюся жизнь.

Может быть, родители-утки сейчас ждут? Ждут возвращения своих деток? Верят ли утки в чудеса?

– И все же вы, наверное, жутко перепугались. – Оливье рассмеялся, представив себе Рут у окна.

– К счастью, Клара успешно поспособствовала преодолению этого кризиса в общении с загробным миром, повторяя древнюю молитву, – сказал Габри.

– Кто-нибудь еще будет пить? – поспешила спросить Клара.

– Благослови, Господи, эту пищу, – начал Габри, и остальные присоединились к нему, – чтобы она пошла нам во благо и придала сил для служения Тебе…

Питер разразился смехом, чувствуя, как виски потекло у него по подбородку.

– …и помощи тем, кто в ней нуждается, – закончил Питер, глядя в ее веселые голубые глаза.

– Аминь! – произнесли они хором, включая и Клару, которая тоже засмеялась.

– Ты читала молитву? – спросил Питер.

– Понимаешь, я думала, что сейчас снова увижу свой обед.

Теперь смеялись все, и даже степенный и правильный месье Беливо производил низкое раскатистое урчание и вытирал слезы с глаз.

– Явление Рут, безусловно, сорвало сеанс, – сказала Клара, отсмеявшись.

– Думаю, что сеанс в любом случае не получился бы успешным, – заметила Жанна.

– Почему? – спросил Питер, которому любопытно было услышать объяснение.

– Боюсь, в этом месте слишком много радости, – сказала Жанна Оливье. – Я это почувствовала сразу по приезде.

– Черт! – выругался Оливье. – Нужно положить этому конец.

– Тогда зачем же вы устроили сеанс? – не отставал Питер, уверенный, что вывел ее на чистую воду.

– Понимаете, это была не моя идея. Я собиралась провести этот вечер здесь за linguine primavera[11] и старыми номерами «Сельской жизни». И никаких злобных привидений поблизости. – Жанна смотрела Питеру в глаза, и улыбка постепенно сходила с ее лица.

– Только одно, – сказал месье Беливо.

Питер оторвал взгляд от Жанны и посмотрел на Беливо, предполагая увидеть, что тот, словно Джекоб Марли[12], корявым пальцем указует на него. Но орлиный профиль месье Беливо был обращен к окну.

– Что вы имеете в виду? – спросила Жанна.

Она проследила за его взглядом, но увидела за кружевными занавесками только теплые огни в деревенских домах и старое освинцованное стекло.

– Вон там. – Месье Беливо дернул головой. – За деревней. Этого не увидишь, если не знаешь, где искать.

Клара не стала смотреть. Она знала, о чем он говорит, и молча молила его остановиться.

– Но оно там, – продолжил он. – Если посмотреть на холм над деревней, то увидишь пятно темнее других.

– Что это? – спросила Жанна.

– Зло, – ответил старый бакалейщик, и в зале воцарилось молчание.

Даже огонек в камине, казалось, перестал потрескивать.

Жанна подошла к окну и сделала так, как сказал месье Беливо. Она оторвала взгляд от притягательной деревни. Ей потребовалось несколько секунд, но в конце концов над огнями Трех Сосен она увидела это – пятно темнее ночи.

– Старый дом Хадли, – прошептала Мадлен.

Жанна снова повернулась к собравшимся. Они больше не сидели расслабившись, а были напряжены, встревожены. Мирна взяла стакан с виски и сделала глоток.

– Почему вы говорите, что это зло? – спросила Жанна у месье Беливо. – Это довольно сильное обвинение лица или места.

– Там происходят плохие дела, – просто сказал он, глядя на остальных в ожидании поддержки.

– Он прав, – сказал Габри и взял Оливье за руку, но повернулся к Кларе и Питеру. – Можно сказать?

Клара посмотрела на Питера, тот пожал плечами. Старый дом Хадли вот уже несколько месяцев стоял пустым. Но Питер знал, что дом не пуст. Часть Питера осталась в этом доме. Слава богу, не рука, не нос и не нога. Он оставил там нечто нематериальное, но имеющее громадное значение. Он оставил там надежду и доверие. И веру. Та малость веры, что у него еще оставалась, была потеряна. Потеряна там.

Питер Морроу знал, что старый дом Хадли – воплощение зла. Дом крал вещи, важные для людей. Человеческие жизни. И друзей. Души и веру. Этот дом украл у Питера его лучшего друга – Бена Хадли. И это чудовище на холме излучало только скорбь.

Жанна Шове продефилировала назад к камину, подтащила свой стул поближе к остальным собравшимся и наконец оказалась в их кругу. Она уперла локти в острые колени и наклонилась вперед, ее глаза теперь горели ярче – таких ярких глаз Клара не видела у нее весь вечер.

Все друзья медленно повернулись к Кларе, и та набрала в грудь побольше воздуха. Этот дом преследовал ее с тех самых пор, когда она впервые, более двадцати лет назад, появилась в Трех Соснах в роли молодой жены Питера. Этот дом преследовал ее и чуть не убил.

– Там произошло убийство. И похищение. И попытка убийства. И убийцы жили в этом доме.

Клара поразилась, каким далеким кажется и ощущается этот список.

Жанна кивнула и повернулась к янтарным углям, умирающим в камине.

– Равновесие, – сказала она наконец. – В этом есть логика. – Она выпрямилась, словно переходя в другое настроение. – Я почувствовала это сразу, как только приехала сюда, в Три Сосны. И то же самое я чувствую здесь и сейчас.

Месье Беливо взял Мадлен за руку. Питер и Клара придвинулись друг к другу. Оливье, Габри и Мирна уселись потеснее. Клара закрыла глаза и попыталась почувствовать то зло, которое воспринимает Жанна. Но чувствовала она только…

– Умиротворение. – Жанна слабо улыбнулась. – С самого первого момента я чувствовала здесь огромную доброту. Прежде чем занять место в гостинице, я даже зашла в маленькую церквушку – кажется, она называется Святой Томас – и тихонько посидела там какое-то время. Там царят мир и удовлетворение. Это старая деревня со старой душой. Я читала мемориальные доски на стенах церкви, смотрела на витражное стекло. Эта деревня знала утрату, люди здесь умирали до времени – при несчастных случаях, на войне, в болезнях. Все это коснулось и Трех Сосен. Но вы воспринимаете это как часть жизни и не держите горечи в сердце. Эти убийства, о которых вы говорили… вы знали этих людей?

Все закивали.

– Но эти страшные происшествия, кажется, не очень огорчили или подавили вас. Напротив, вы выглядите счастливыми и спокойными. Вы знаете почему?

Они смотрели в огонь, в свои стаканы, на пол. Как объяснить счастье? Или удовлетворенность?

– Мы оставили это в прошлом, – сказала наконец Мирна.

– Вы оставили это в прошлом, – кивнула Жанна. – Но… – Она стала очень спокойной и посмотрела прямо в глаза Мирны. Без вызова. Скорее, ее глаза умоляли, просили Мирну понять следующий вопрос. – Где она теперь?

– Где что́ теперь? – переспросил Габри после минутного молчания.

Мирна прошептала:

– Наша печаль. Где-то ведь она должна быть.

– Верно. – Жанна улыбнулась ей, словно особо одаренному ученику. – Мы – это энергия. Мозг, сердце – они работают под воздействием

электрических импульсов. Наши тела питаются пищей, которая преобразуется в энергию. Это делают калории. Вот это, – Жанна подняла руки и похлопала себя по стройному телу, – самая удивительная фабрика, и она производит энергию. Но, кроме того, мы – эмоциональные и духовные существа, а ведь это тоже энергия. Аура, флюиды – как бы вы это ни называли. Когда вы сердитесь, – она посмотрела на Питера, – разве вы не чувствуете в себе дрожь?

– Я никогда не сержусь, – сказал он, холодно встретив ее взгляд.

Хватит с него – наелся он этого дерьма.

– Вы сердитесь сейчас, я чувствую. Мы все это чувствуем.

Она посмотрела на остальных, но все промолчали из соображений лояльности к другу. Однако они знали, что она права. Они чувствовали его гнев. Питер излучал его.

Питера выводила из себя эта шаманка и выдавало собственное тело.

– Это естественно, – сказала Жанна. – Ваше тело испытывает сильные эмоции и посылает сигналы.

– Это верно, – произнес Габри, устремив на Питера извиняющийся взгляд. – Я чувствую, что ты рассержен и что все остальные здесь испытывают неловкость. А до этого я испытывал радость. Все были расслаблены. И это очевидно. Когда заходишь к комнату, полную людей, разве не чувствуешь это сразу же? Напряжены люди или испытывают радость – это висит в воздухе.

Габри оглядел присутствующих, и все закивали, даже месье Беливо.

– У меня в магазине быстро научаешься определять, что чувствуют люди. В плохом ли они настроении, встревожены ли, не представляют ли угрозу.

– Угрозу? В Трех Соснах? – спросила Мадлен.

– Non, c’est vrai[13], – признал бакалейщик. – Такого никогда не случалось. Но я настороже. На всякий случай. Я это чувствую, как только человек входит.

– Но это просто телесный язык и знание конкретных людей, – возразил Питер. – Это не энергия. – Он потряс пальцами у себя перед лицом и понизил голос, чтобы придать ему издевательскую нотку.

Месье Беливо хранил молчание.

– Вы не обязаны в это верить, – сказала Жанна. – Большинство людей не верит.

Она улыбнулась Питеру, и ему померещилось что-то покровительственное в ее взгляде.

– Хлеб, пущенный по воде, – неожиданно сказала она. – Когда мы

избавляемся от энергии злости, то получаем вот это. Все очень просто.

Питер оглядел собравшихся. Все внимательно слушали Жанну, словно верили в эту ерунду.

– Вы говорили о равновесии, – напомнила Мирна.

– Да. Равновесие – это сама природа. Действие и противодействие. Жизнь и смерть. Все находится в равновесии. В том, что старый дом Хадли расположен рядом с Тремя Соснами, есть своя логика. Они уравновешивают друг друга.

– Что вы имеете в виду? – спросила Мадлен.

– Она хочет сказать, что старый дом Хадли – это темнота на фоне нашего света, – ответила Мирна.

– Три Сосны – счастливое место, потому что вы оставляете свои скорби в прошлом. Но далеко они не уходят. Прячутся на холме, – сказала Жанна. – В старом доме Хадли.

И внезапно Питер почувствовал это. Кожа на его руках натянулась, а волосы встали дыбом. Все, что он оставил в прошлом, имело следы когтей. И направлялось оно прямехонько в старый дом Хадли. Он был полон их страхов, их печали, их гнева.

– А почему бы нам не провести сеанс там? – спросил месье Беливо.

Все медленно повернулись и ошарашенно уставились на него, словно это камин вдруг заговорил и произнес самую невероятную вещь.

– Ну не знаю… – Габри неловко заерзал на месте.

Они инстинктивно повернулись к Кларе. Она не напрашивалась на эту роль, но как-то так получилось, что именно она стала душой сообщества. Невысокая женщина средних лет, уже начавшая полнеть, Клара являла собой редкое сочетание – была разумной и чувствительной. Она встала, взяла горсть орешков кешью, стакан с остатками виски и подошла к окну. В большинстве домов, выходящих на луг, свет уже не горел. Три Сосны погрузились в состояние покоя. Несколько мгновений Клара скользила взглядом по спящей деревне, потом уставилась на черную дыру на холме. Она постояла минуты две, прихлебывая виски, жуя орешки и размышляя.

Неужели старый дом Хадли полон их злости и печали? Не поэтому ли он привлекает убийц? И призраков?

– Я думаю, мы должны это сделать, – сказала наконец Клара и снова кинула взгляд в окно.

Пора было угомонить то зло, которым кишел этот дом.

Глава шестая

Месье Беливо открыл дверцу машины для Мадлен:

– Вы уверены, что вас не нужно подвезти?

– Нет-нет, я в порядке. Нервы уже успокаиваются, – солгала она. Сердце ее по-прежнему колотилось, и она чувствовала себя изможденной. – Вы в целости и сохранности доставили меня к моей машине. Никаких медведей нам не попалось.

Он взял ее за руку. Его рука была как рисовая бумага – сухая и хрупкая, но в то же время твердая.

– Медведи вам ничего не сделают. Опасно лишь становиться между медведицей и медвежонком. Вот этого ни в коем случае нельзя делать.

– Я это запомню. «Не зли медведицу». Ну, теперь вы спокойны?

Месье Беливо рассмеялся. Мадлен понравился этот звук. Как нравился ей и сам месье Беливо. «Не поведать ли ему мою тайну?» – спросила она себя. Это было бы облегчением. Она открыла было рот, но потом снова закрыла его. В нем все еще оставалась такая печаль. Такая доброта. Она не могла забрать ее. Пока.

– Не зайдете выпить кофе? Гарантирую, что будет без кофеина.

Мадлен высвободила руку.

– Я должна ехать, но день я провела прекрасно, – сказала она и подалась вперед, чтобы поцеловать его в щеку.

– Хотя призраков и не было, – произнес месье Беливо с легким сожалением в голосе.

Он и в самом деле испытывал сожаление.

Он проводил взглядом габаритные огни ее машины, которая поднялась по Дю-Мулен, проехала мимо старого дома Хадли и исчезла из виду, потом развернулся и пошел к двери своего дома. Его походка стала немного, едва заметно, пружинистой. Что-то в нем ожило. А он был уверен, что похоронил это, когда похоронил свою жену.

Мирна подбросила несколько поленьев в плиту и закрыла чугунную дверцу. Потом она устало прошла по мансарде, шлепая тапочками по старому деревянному полу и инстинктивно двигаясь от одного коврика к другому – так пловец перемещается от острова к острову. На ходу Мирна выключала свет, и мансарда старого кирпича с балочным перекрытием постепенно погружалась в темноту, осталась только одна лампа возле

большой, уютной кровати. Мирна поставила кружку с горячим шоколадом и тарелочку с шоколадным печеньем на старый сосновый столик и взяла книгу. Найо Марш. Мирна перечитывала классику. К счастью, в ее магазине старой книги классика не переводилась. Мирна была лучшим своим клиентом. Вернее, она и Клара, которая приносила большинство старых детективов. Положив к ногам грелку, Мирна натянула одеяло до подбородка и начала читать. Она прихлебывала шоколад и откусывала печенье – и вдруг поняла, что вот уже десять минут читает одну страницу.

Мысли ее витали где-то далеко – в темноте между огнями Трех Сосен и звездами.

Одиль поставила компакт-диск в проигрыватель и надела наушники.

Она ждала этого мгновения. Шесть дней ждала. Ее волнение возрастало по мере приближения этой минуты. Не то чтобы она не радовалась повседневной жизни. Напротив, она поражалась тому, как ей везет. Ее все еще удивляло, что Жиль обратил на нее внимание, после того как его брак изжил себя. Одиль была увлечена им, когда они оканчивали школу. Она набралась смелости и пригласила его на белый танец, но получила отказ. Но он не был жесток. Некоторые мальчишки были жестокими, в особенности по отношению к таким девушкам, как Одиль. Но не Жиль. Он всегда был добр. Всегда улыбался, говорил bonjour в коридорах, даже если это слышали его друзья.

Одиль обожала его тогда и продолжала обожать по сей день.

И при этом каждую неделю она с нетерпением ждала этой минуты. Каждый вечер в пятницу Жиль ложился рано, а она уходила в скромную гостиную в Сен-Реми.

Она слышала первые ноты первой песни, и плечи ее обмякали, напряжение спадало. Еще она чувствовала, как проходит ее настороженность, необходимость взвешивать каждое слово, каждое действие. Она закрыла глаза и сделала большой глоток красного вина так, как тонущий человек делает глоток воздуха. Бутылка была наполовину пуста, и Одиль забеспокоилась, как бы вино не кончилось до того, как случится волшебство.

Несколько минут спустя Одиль поднялась на ноги и с закрытыми глазами прошла по усыпанной цветами сцене. В Осло. Ведь это происходит в Осло, да? Впрочем, не важно.

Избранная публика – мужчины в смокингах, дамы в вечерних платьях – поднялась со своих мест. Аплодисменты. Нет. Рыдания.

Одиль остановилась посреди сцены, чтобы ответить на их бурные

крики. Она приложила руку к груди, слегка поклонилась – жест величайшей скромности и достоинства.

А потом король подал ей шелковый пояс. В его глазах тоже стояли слезы.

– Мадам Монманьи, я с огромным удовольствием вручаю вам Нобелевскую премию за ваши поэтические работы.

Но сегодня бешеные аплодисменты не тронули ее, не накатили на нее, не защитили от подозрения, что все видят, какое она глупое маленькое ничтожество (она-то сама все про себя знает). От подозрения, что она пытается проникнуть в мир, к которому не принадлежит и в котором не умеет себя вести.

Но Одиль знала одну вещь, не известную больше никому. Ее маленькую тайну. Все эти люди на спиритическом сеансе боялись злых привидений, тогда как она знала, что монстр обитает вовсе не в загробном мире, а в этом. И Одиль Монманьи знала, кто это.

Когда Мадлен вернулась, Хейзел показалась ей какой-то рассеянной.

– Никак не могла уснуть, – сказала Хейзел, наливая обеим по чашке чая. – Видно, волнуюсь перед приездом Софи.

Мадлен помешала чай и кивнула. Хейзел всегда немного нервничала в ожидании Софи. Приезд Софи неизменно нарушал спокойное течение их жизни. Не то чтобы Софи была гулякой или шумной девицей. Нет, дело было в чем-то другом. В каком-то напряжении, которое вдруг возникало в их уютном доме.

– Я отнесла обед бедной миссис Беллоус.

– Как она? – спросила Мад.

– Лучше, но спина все еще болит.

– Вообще-то, все это для нее должны были бы делать ее муж и дети.

– Но они же не делают, – сказала Хейзел.

Ее иногда удивляла эта жесткая нотка в Мадлен. Люди были ей чуть ли не безразличны.

– Ты добрая душа, Хейзел. Надеюсь, она тебя поблагодарила.

– Благодарность я получу на небесах, – сказала Хейзел, театральным жестом поднося руку ко лбу.

Мадлен рассмеялась, а с ней и Хейзел. Вот за такие качества Мадлен и любила Хейзел. Не только за ее доброту, но и за нежелание относиться к себе серьезно.

– У нас будет еще один спиритический сеанс. – Мад обмакнула печенье в чай и быстренько засунула его в рот, мягкое, напитавшееся

влагой. – В воскресенье вечером.

– Что, со всеми призраками зараз не удалось управиться? Договорились, что они будут являться посменно?

– Напротив, их было слишком мало. Экстрасенс сказала, что обстановка в бистро слишком радостная.

– Она не намекнула, что с голубизной?

– Это возможно. – Мад улыбнулась. Она знала, что Хейзел и Габри были хорошими друзьями и много лет вместе работали в Обществе женщин англиканского вероисповедания. – Но никаких привидений сегодня не было. Так что мы проведем еще один сеанс в старом доме Хадли.

Она посмотрела на Хейзел поверх чашки. У Хейзел расширились глаза. Мгновение спустя она заговорила:

– Ты уверена, что это разумно?

– Ты был здесь? – крикнула Клара из своей мастерской.

Питер замер – в этот момент он как раз давал Люси печенье на ночь. Люси размахивала хвостом с возрастающей частотой, ее голова чуть наклонилась, глаза вперились в это волшебное печенье, словно одним желанием можно передвигать предметы. Если бы дела обстояли таким образом, то дверца холодильника всегда стояла бы открытой.

Клара высунула голову из мастерской и посмотрела на Питера. Хотя на ее лице не было ничего, кроме удивления, он услышал обвинительную нотку. Мысли его метались, но он знал, что не может ей солгать. По крайней мере, в этом.

– Я заходил, когда ты была на спиритическом сеансе. Ты возражаешь?

– Возражаю? Да я в восторге! Тебе что-то было нужно?

Сказать, что ему понадобился желтый кадмий? Кисточка номер четыре? Линейка?

– Да. – Он подошел и обнял Клару за талию. – Мне хотелось увидеть твою работу. Извини, нужно было дождаться, когда ты вернешься, и сначала спросить разрешения.

Он ждал ее реакции. Сердце его упало. Она смотрела на него, улыбаясь.

– Ты правда хотел ее увидеть? Питер, это замечательно!

Он внутренне сжался.

– Заходи. – Она взяла его за руку и провела к полотну в центре комнаты. – Скажи мне, что ты думаешь.

Она сняла материю с мольберта – и он снова увидел ее.

Прекраснейшую из картин, какие он когда-либо видел.

Прекрасную до боли. Да. Он снова видел ее. Боль, которую он ощущал, шла снаружи. Не изнутри. Нет.

– Клара, это удивительно. – Он взял Клару за руку и заглянул в ее ясные голубые глаза. – Это лучшая твоя работа. Я горжусь тобой.

Клара открыла рот, но не произнесла ни слова. Всю свою жизнь она ждала этого: чтобы Питер проникся духом одной из ее работ. Чтобы он увидел больше того, что нарисовано на полотне. Реально почувствовал это. Она знала, что ей не следует так уж волноваться из-за этого. Она знала, что это слабость. Знала, что ее друзья-художники, включая и Питера, говорят: художник должен творить для себя и не думать о том, что скажут другие.

Она и не думала о других, только об одном человеке. Она хотела, чтобы человек, которому она отдала душу, мог увидеть мир ее глазами. Ну хотя бы раз. Один раз. И вот оно случилось. И главное, это была та самая картина, которая для нее была важнее других. Та, которую она всего через несколько дней собиралась показать самому влиятельному галеристу в Квебеке. Картина, которой она отдала сердце.

– Вот только верны ли цвета? – Питер склонился к мольберту, потом отступил, не глядя на Клару. – Нет, точно верны. Ты лучше знаешь, что делаешь.

Он поцеловал ее и прошептал ей в ухо:

– Поздравляю.

После этого он вышел.

Клара сделала шаг назад и уставилась на полотно. Питер был одним из самых уважаемых и успешных художников в Канаде. Может быть, он прав. Картина казалась ей вполне достойной, но все же…

– Что ты делаешь? – спросил Оливье у Габри, глядя на него сонными глазами.

Они стояли посреди ночи в общей комнате их гостиницы. Проснувшись, Оливье протянул руку, и оказалось, что место Габри пустое и холодное. Оливье затянул кушак шелкового халата и пошел искать своего партнера.

Габри, в мятых пижамных штанах и тапочках, держал в руке круассан, как будто собирался взять его на прогулку по комнате.

– Я избавляюсь от всех злобных привидений, которые могли пристать ко мне после спиритического сеанса.

– С помощью круассана?

– У нас нет горячих крестовых булочек, так что это наилучший выбор.

Ведь полумесяц – символ ислама, верно?

Габри, с его неожиданной глубиной и его бесконечной глупостью, не переставал удивлять Оливье. Тряхнув головой, Оливье вернулся в кровать, надеясь, что к утру все злые привидения и круассаны исчезнут.

Глава седьмая

Рассвет в пасхальное воскресенье был серым, но оставалась надежда, что до охоты за яйцами дождь не начнется. Во время церковной службы родители не обращали внимания на священника – они слушали, не застучит ли дробь по крыше Святого Томаса.

В церкви пахло ландышами. На каждой скамье лежали букетики этих маленьких белых колокольчиков с зелеными листьями. Это было мило.

Пока маленькая Полетт Лего не кинула букет в Тимми Бенсона. И тут начался ад. Священник, конечно, притворялся, что ничего не замечает.

Дети носились по короткому проходу, родители либо пытались остановить их, либо делали вид, что ничего не происходит. Результат в обоих случаях был одинаковый. Священник прочел небольшой отрывок из обряда изгнания бесов. Прихожане произнесли «аминь» и бросились вон из часовни.

Ланч был организован Обществом женщин англиканского вероисповедания, которое возглавлял Габри. Вокруг деревенского луга расставили садовые столики, накрытые красными в клетку скатертями.

– Счастливой охоты! – прокричал священник и помахал на прощание рукой, когда его машина поднялась на Дю-Мулен.

Он направлялся в следующую часовню в его следующем приходе. Он был абсолютно уверен, что его маленькая служба не спасла ни одной души. С другой стороны, ни одной души она и не погубила, и уже это было хорошо.

Рут стояла на верхней ступени церковного крыльца, стараясь не уронить с тарелки сэндвичи с ветчиной на еще теплом хлебе из пекарни Сары, домашний картофельный салат с яйцами и майонезом и большой кусок сладкого пирога. К ней подошла Мирна, неся на голове обрезок доски, нагруженный книгами, цветами и шоколадом. Жители деревни гуляли по лугу или сидели за столиками; женщины были в больших вычурных пасхальных шляпках, мужчины пытались изображать из себя кого-то, кем они не являлись.

Мирна стояла рядом с Рут, с трудом держа собственное тяжеленное блюдо с едой, и вместе они наблюдали за охотой. Дети носились по деревне, издавая радостные вопли и крики, когда им удавалось найти очередное деревянное яйцо. Один из братьев маленькой Розы Тремблей столкнул ее в пруд, и Тимми Бенсон принялся ее оттуда вытаскивать. Пока

мадам Тремблей отчитывала сына, Полетт Лего стукнула Тимми. Явный признак влюбленности, подумала Мирна, радуясь, что ей самой уже не десять лет.

– Хочешь, посидим вместе? – спросила Мирна.

– Нет, не хочешь, – отказалась Рут. – Домой надо идти.

– Как твои курочки?

Мирна не обиделась на Рут. Обижаться на Рут означало вечно быть обиженной.

– Это не курочки, а утки. Утята, я думаю.

– А где взять настоящие яйца? – прозвучал детский голос.

Роза Тремблей остановилась перед Рут, как Синди Лу перед Гринчем[14], в ее пухлых розовых ладошках лежали три изящных деревянных яичка. По какой-то причине дети Трех Сосен, словно лемминги, неизменно шли с этим вопросом прямо к Рут.

– Откуда мне знать?

– Ведь вы леди с яйцами, – сказала Роза, укрытая мокрым одеялом.

Мирна подумала, что девочка немного похожа на драгоценные утиные яйца Рут, завернутые во фланельку.

– Мои яйца дома, греются, и тебе не помешало бы. Но если уж ты настаиваешь на этой глупости, то лучше пойди попроси шоколадные яички.

Рут взмахнула своей тростью, похожей на кривую волшебную палочку, и показала на Клару, которая пыталась пробраться к садовому столику на лугу.

– Но Клара не имеет никакого отношения к раздаче ребятам шоколадных яиц, – сказала Мирна, когда маленькая Роза сорвалась с места, зовя за собой других ребят, и в сторону Клары двинулось маленькое торнадо.

– Я знаю, – буркнула Рут и похромала вниз по лестнице. Внизу она повернулась и посмотрела на крупную чернокожую Мирну, засовывающую в рот сэндвич. – Ты сегодня там будешь?

– Ты про обед у Клары и Питера? Мы все там будем.

– Я не об этом говорю, и ты это знаешь. – Старая поэтесса не повернула голову в сторону старого дома Хадли, но Мирна поняла, что та имеет в виду. – Не делай этого.

– Почему? Я все время совершаю ритуалы. Помнишь, после смерти Джейн? Тогда пришли все женщины. И ты в том числе. И мы провели обряд очищения.

Мирна никогда не забудет, как они с женщинами обходили

деревенский луг с дымящимися пучками шалфея, окуривая Три Сосны, чтобы избавить деревню от страха и подозрений, одолевавших ее.

– То было другое, Мирна Ландерс.

Мирна не подозревала, что Рут известны ее фамилия и даже имя. По большей части Рут только махала руками и командовала.

– Это не ритуал. Это преднамеренная попытка ворошить зло. Это никак не связано с богом или богиней, с духами или духовностью. Это связано с мщением.

Меня повесили за то, что я жила одна,
за то, что я голубоглазая и загорелая,
за юбки драные, нехватку пуговиц,
за мою ферму, всю в сорняках,
за средство против бородавок надежное…
И да, еще за груди
и грушу сладкую, что скрыта в моем чреве.
Как только разговор о демонах заходит,
все это пригождается[15].

Не делай этого, Мирна Ландерс. Ты знаешь разницу между ритуалом и местью. Так же как и то, что обитает в этом доме.

– Ты думаешь, это связано с местью? – недоуменно спросила Мирна.

– Конечно связано. Оставь это. Забудьте все, что связано с этим домом.

Она ткнула палкой в том направлении. Будь это волшебная палочка, из нее наверняка вырвалась бы молния и уничтожила этот погруженный в себя дом на холме. Затем Рут повернулась и похромала к своему жилищу. К утиным яйцам в духовке. К своей жизни. А Мирна осталась с воспоминанием о проницательных голубых глазах Рут, ее обтрепанной юбке и отсутствующих пуговицах. Она проводила взглядом старуху, шествующую в свой дом с его изобилием слов и сорняков.

Дождик так и не начался, и пасхальное воскресенье промелькнуло быстро, как кролик в кустах. Большинство яиц было найдено Тимми Бенсоном, который в награду получил гигантского шоколадного зайца с множеством игрушек внутри. Полетт Лего украла зайца у Тимми, но месье Беливо убедил ее вернуть приз и извиниться. Тимми, который провидел будущее, открыл коробку, отломал шоколадные уши, а остальное отдал Полетт, и та ущипнула его.

В тот вечер Питер и Клара давали свой ежегодный пасхальный обед. Жиль и Оливия явились с французскими батонами и сыром. Мирна принесла яркий букет и поместила его в центр соснового стола в кухне. Жанна Шове, экстрасенс, принесла небольшой букетик диких цветов, собранных на лугу рядом с Тремя Соснами.

Софи Смит пришла со своей матерью Хейзел и с Мадлен. Домой она приехала днем ранее в маленькой голубой машине, битком набитой грязным бельем. Теперь она болтала с другими гостями, а Хейзел и Мадлен предлагали всем принесенные ими креветки.

– Так, значит, вы экстрасенс. – Софи взяла несколько креветок с блюда в руках матери и обмакнула их в соус.

– Меня зовут Жанна.

– Как Жанну д'Арк. – Софи рассмеялась. – Иоанна из Арка. – Это прозвучало не очень приятно. – Будьте осторожнее. Вы ведь знаете, что с ней случилось.

Высокая и стройная, Софи прекрасно держалась, хотя и немного сутулилась. Светло-русые волосы доходили ей до плеч. Вообще-то, она была довольно привлекательна. Но было в ней что-то такое, что заставило Жанну слегка отпрянуть.

Появился месье Беливо с черничными пирогами из пекарни Сары.

В кухне зажгли свечи, открыли бутылки вина.

В доме пахло бараниной, жаренной в чесноке и розмарине, молодой картошкой, луком и чем-то еще.

– Бога ради, это что, консервированный горошек?

Клара посмотрела в кастрюлю, принесенную Габри и Оливье.

– Да, этот горошек мы извлекли из консервной банки, – ответил Оливье. – А в чем проблема?

– Да ты посмотри на этот горошек: он отвратительный.

– На вашем месте, – обратился Габри к месье Беливо, который подошел к ним с бокалом вина и кусочком плавленого сыра бри на ломтике французского батона, – я бы воспринял это как личное оскорбление. Мы купили этот горошек в вашем магазине.

– Мадам, – величественно произнес бакалейщик, – это лучший консервированный горошек, какой можно купить за деньги. «Ле Сьёр». Собственно говоря, я думаю, что горошек так и растет – прямо в банке. Не хочу даже упоминать о том странном гибриде, который был выведен не иначе как военно-промышленным комплексом. Горошины в стручке. Словно в это кто-то поверит. Отвратительно!

Месье Беливо говорил это так искренне, что Клара почти поверила

ему, если бы не искорки в его глазах.

Вскоре на их тарелках лежали горки жареной баранины, соус с мятой и овощи. Над свежими батонами в хлебницах, расставленных по всему столу вместе с маслом и сырами, еще поднимался парок. Стол, как и гости, чуть не стонал под всеми этими вкусностями. В центре стола расположился огромный букет от Мирны, вытянувший к потолку свои руки-ветви с набухшими почками. В горшок с землей были воткнуты яблочные ветки, гибкие ивовые, форзиция с нежнейшими желтыми цветками, пионовидные тюльпаны ярко-розового цвета.

– И… – Мирна, словно маг, взмахнула салфеткой, – вуаля. – Она засунула руку в букет и вытащила шоколадное яйцо. – Хватит для всех нас.

– Возрождение, – сказала Клара.

– Но ведь сначала должна быть смерть, – возразила Софи, оглядывая всех с напускной невинностью. – Разве нет?

Она сидела между Мадлен и месье Беливо – заняла место, когда на него уже собирался усесться бакалейщик. Софи взяла шоколадное яйцо и положила перед собой.

– Рождение, смерть, возрождение, – произнесла она с умным видом, словно одарила их открытием, сделанным ею в Университете Куинс.

Клара подумала, что в Софи Смит есть что-то завораживающее. И всегда было. Софи приезжала из университета то блондинкой, то ярко-рыжей, то пухленькой, то худенькой, иногда с пирсингом, иногда без всяких украшений. Предугадать, какую Софи ты увидишь в следующий раз, было невозможно. «Но одно кажется неизменным, – подумала Клара, глядя на девушку с шоколадным яйцом. – Она всегда добивается своего. А чего она хочет? – спросила себя Клара и ответила: – Вероятно, чего-то большего, чем пасхальное яйцо».

Час спустя Питер, Рут и Оливье наблюдали, как их друзья и возлюбленные идут в ночь, невидимые, если не считать лучей их фонариков, отчего каждый из них напоминал подпрыгивающий факел. Поначалу они двигались кучно, но на глазах у Питера маленькие пятнышки света разделились, растянулись вереницей, каждый сам по себе направляясь к темному дому на холме, который ждал их.

«Не будь ты такой тряпкой, – сказал он себе. – Это всего лишь дом, черт его побери. Что там может произойти?»

Но Питер Морроу умел распознать пресловутое последнее слово, когда слышал его.

Клара не чувствовала ничего подобного с детства, когда пугала себя до полного отупения, просматривая фильм «Изгоняющий дьявола» или отправляясь на громадные «американские горки» в Ла-Ронд. Она там пускала слюни, визжала, а один раз даже описалась.

Это бодрило, вгоняло в ужас и мистифицировало одновременно. По мере того как дом становился ближе, у Клары возникало странное чувство: ей казалось, что дом приближается к ним, а не наоборот. Она не могла толком вспомнить, для чего они делают это.

У нее за спиной раздавались звук шагов и голоса. К счастью, она знала, что следом за ней плетутся Мадлен и Одиль. Клара с радостью вспомнила, что в фильмах ужасов первым в когти монстра всегда попадает тот, кто идет последним. Но если с Мадлен и Одиль будет покончено, тогда последней станет она. Клара прибавила шагу. Потом замедлила его, разрываясь между двумя чувствами: желанием выжить и желанием услышать, о чем говорят эти две женщины. После того, что она подслушала, когда прятала пасхальные яйца, ей казалось, что Одиль не симпатизирует Мад. Так о чем же они могут говорить?

– Но это несправедливо, – сказала Одиль.

Мадлен ответила что-то, но Клара не разобрала что, а если бы она еще замедлила шаг, то луч фонарика Мадлен осветил бы то место на ее теле, куда фонариком обычно не светят.

– Мне потребовалось немало мужества, чтобы сделать это, – произнесла Одиль немного громче.

– Да бога ради, Одиль, не будьте смешной, – сказала Мадлен отчетливо и без малейшего сочувствия в голосе.

Прежде Клара не знала Мадлен с этой стороны.

Она так сосредоточилась на подслушивании, что налетела на кого-то. Это оказался Жиль. Клара подняла глаза.

Они пришли.

Глава восьмая

В темноте и холоде они шли тесной группкой. Лучи фонариков скакали по старому дому. Объявление «Продается» упало и воткнулось в мягкую землю, как надгробие. Клара повела лучом фонарика и увидела новые следы разрушения. Она знала, что дом заброшен, но и предположить не могла, что дома, оставленные людьми, разрушаются так быстро. Несколько ставен висели на одной петле и чуть постукивали на ветру о кирпичную стену. Часть окон была разбита, и стекло торчало рваными острыми зубцами. Клара увидела что-то белое, свернувшееся у фундамента дома, и сердце у нее екнуло. Что-то мертвое и освежеванное.

Она неохотно двинулась по дорожке к главному входу, ступая по неровным, вздыбившимся плиткам. Подойдя ближе, она остановилась и оглянулась. Остальные все еще толклись у обочины.

– Идите сюда, – прошипела Клара.

– Это ты нам? – спросила Мирна.

Она тоже смотрела на белое пятно, свернувшееся у дома.

– Тут никого нет, только мы, цыплята, – сказал Габри.

– Что это там?

Мирна короткими шажками двинулась по дорожке и наконец остановилась рядом с подругой. Она показала на белое пятно пальцем и увидела, что он дрожит. Может быть, это ее тело посылает сигнал? Азбука Морзе? Если так, то Мирна знала, что за послание она получает: «Беги!»

Клара снова повернулась к дому, глубоко вздохнула, благословила свою пищу и сошла с дорожки. Земля под ногами была влажной и хлюпала с каждым шагом. Мирна не поняла, что делает Клара, и ей захотелось подбежать к подруге, ухватить ее сзади, остановить, обнять и сказать, чтобы никогда больше так не делала. Но она просто стояла и смотрела.

Клара подошла к дому и нагнулась. Потом выпрямилась и более резвым шагом двинулась к относительной безопасности дорожки и к Мирне.

– Ты не поверишь, но это снег.

– Не может быть! Весь снег давно стаял.

– Но не здесь.

Клара засунула руку в карман и вытащила громадный старомодный ключ, длинный, толстый и тяжелый.

– И все это время я думала, что ты просто рада меня видеть, – сказала

Мирна.

– Ха-ха. – Клара улыбнулась и мысленно поблагодарила Мирну за то, что на этой темной дорожке она не утратила чувства юмора. – Агент по продаже недвижимости была счастлива вручить мне ключ. Кажется, уже несколько месяцев не находилось ни одного желающего посмотреть дом.

– Что ты ей сказала? – спросила Мадлен.

Поскольку Клара и Мирна все еще были живы, остальные решили к ним присоединиться.

– Что мы вызовем всех демонов и изгоним из дома.

– И она дала тебе ключ?

– Практически кинула им в меня.

Клара вставила ключ в скважину, но дверь просто распахнулась. Она отпустила ключ и увидела, как он вместе с ручкой исчез в темноте.

– Зачем мы делаем это снова? – прошептал месье Беливо.

– Чтобы развлечься, – ответила Софи.

– Не все из нас так думают, – возразила Жанна.

И, обойдя их, эта хрупкая серая женщина шагнула внутрь дома.

Один за другим вошли они в старый дом Хадли. Внутри пахло плесенью и было холоднее, чем снаружи. Электричество было давно отключено, и теперь только лучи фонариков плясали по отслаивающимся обоям с рисунком в цветочек и влажными пятнами – оставалось лишь надеяться, что это вода. Свет фонариков придавал вошедшим храбрости, словно в руках у них были мечи, и они двинулись вглубь дома. Пол скрипел под их ногами, а где-то слышался трепет крыльев.

– Бедняжка. Это птичка, – сказал Габри. – Не может отсюда выбраться.

– Нужно ее найти, – откликнулась Мадлен.

– Ты с ума сошла? – прошептала Одиль.

– Ничего она не сошла, – сказала Жанна. – Вполне может оказаться, что это потерявшаяся душа. Мы не можем делать вид, что не замечаем ее.

– А если это не птица? – прошептал Габри на ухо Хейзел, которая все еще не могла поверить, что она находится в этом доме.

Они держались вместе, напоминая гигантское насекомое. Многоногое и испуганное, оно двигалось по сырому дому, время от времени останавливаясь, чтобы сориентироваться.

– Оно наверху, – тихо произнесла Жанна.

– Так и должно быть, – подхватил Жиль. – Они никогда не пользуются дверями. Никогда не встречаются летом среди розовых кустов и не живут в автомобилях, перевозящих мороженое.

– Это похоже на игру, в которую мы играем с Питером, – сказала Клара Мирне.

Но та не слушала ее. У нее в голове была только одна мысль: не окажется ли она последней, когда нужно будет спасаться бегством. «Вот бы Хейзел была последней, – подумала Мирна с надеждой, – и тогда демоны набросятся на нее. Но Хейзел, вероятно, резко увеличит скорость ради спасения дочери». Будучи психологом, Мирна знала, что физические ресурсы матерей практически неисчерпаемы, если речь идет о спасении их чад.

«Этот чертов материнский инстинкт, – подумала Мирна. – Он ставит под угрозу мою жизнь». Она шагнула на лестницу, устланную ковровой дорожкой, потертой и траченной молью. Делая осторожные шаги и боязливо останавливаясь на каждой ступени, она слышала, как отчаянное биение крыльев становится все громче.

– Когда мы с Питером смотрим всякие ужастики, в которых люди заходят в дом с привидениями… – услышала Мирна голос Клары.

«Давай-давай, говори-говори, – подумала Мирна. – Тебя-то демоны и ухватят в первую очередь».

– …мы играем в «Когда же ты уйдешь?». Повсюду отрубленные головы, крики боли, расчлененные друзья, и все же эти люди остаются в доме.

– Ты закончила?

– Вообще-то, да. – Клара умудрилась напугаться еще больше, и ей стало любопытно: если бы это было кино, кричал бы Питер ей в экран, чтобы она уходила?

– Это там.

– Где же еще? – пробормотал Жиль.

Жанна остановилась перед закрытой дверью. Единственная закрытая дверь на всем этаже. Теперь за ней воцарилась тишина.

Внезапно крылья снова бешено забились о дверь, словно это существо бросилось на нее.

Жанна протянула было руку, но месье Беливо схватил ее за запястье и не позволил открыть дверь. Он встал между Жанной и дверью и сам взялся за ручку.

А потом открыл дверь.

Они ничего не увидели. Как они ни вглядывались, их глаза не могли приспособиться к темноте. Но что-то внутри комнаты нашло их. Это существо – не птица – на мгновение угомонилось. Что это было? Комната

генерировала волны холода, в которых ощущался слабый запах духов.

В комнате пахло цветами. Свежими весенними цветами.

Клару одолела грусть, печаль, из глубины комнаты проникшая в самое нутро женщины. Она ощущала скорбь этой комнаты. Ее неизбывную тоску.

Обнаружив, что некоторое время задерживала дыхание, Клара набрала в грудь воздуха.

– Идем, – прошептала Жанна, и Кларе показалось, что ее голос доносится откуда-то из иного мира. – Сделаем то, ради чего пришли.

Все смотрели, как Жанна первой шагнула в темноту. За ней последовала Клара. А потом и остальные потянулись за ними, и лучи их фонариков высветили часть комнаты. На окнах вкривь и вкось висели тяжелые бархатные занавеси. У стены стояла кровать на четырех столбиках, все еще под светлыми покрывалами и кружевами. На подушке была вмятина, словно там покоилась чья-то голова.

– Я знаю эту комнату, – сказала Мирна. – И вы тоже, – добавила она, обращаясь к Кларе и Габри.

– Спальня покойной Тиммер Хадли, – проговорила Клара, удивленная тем, что не сразу узнала эту комнату.

Но такова уж была сила страха. Клара много раз бывала в этой комнате – ухаживала за умирающей старушкой.

Она ненавидела Тиммер Хадли. Ненавидела этот дом. Ненавидела змей, шуршащих в подвале. И не так давно этот дом чуть не убил ее.

На Клару накатила волна отвращения. Ее охватило желание поджечь этот проклятый дом. Этот дом приютил все их печали, весь гнев, страх, но не потому, что был бескорыстен. Нет. Старый дом Хадли сначала породил все эти эмоции, распространил вокруг себя печаль и ужас, и его детища просто возвращались домой, как сыновья и дочери на Пасху.

– Уйдем отсюда, – сказала Клара, поворачиваясь к двери.

– Мы не можем, – возразила Жанна.

– Почему? – спросил месье Беливо. – Я поддерживаю Клару. Это дурное место.

– Постойте, – сказал Жиль. Этот крупный человек остановился в центре комнаты, закрыл глаза и запрокинул голову, так что его кустистая борода указала на стену. – Это всего лишь дом, – произнес он наконец спокойным, но настойчивым голосом. – Ему нужна наша помощь.

– Но это лишено смысла, – сказала Хейзел, пытаясь взять Софи за руку, хотя та и отталкивала ее. – Это просто дом или ему необходима наша помощь? Возможно либо одно, либо другое, но не то и другое одновременно. Мой дом никогда не просит о помощи.

– Наверное, вы его не слушаете, – предположил Жиль.

– Я хочу остаться, – сказала Софи. – А ты, Мадлен?

– Мы можем сесть?

– Можете лечь, если хотите, – сказал Габри, показав лучом фонарика на кровать.

– Нет, спасибо, mon beau Gabri[16]. Мне пока еще рано.

Мадлен улыбнулась – и напряжение спало. Собравшиеся без дальнейших разговоров приступили к действию. В спальню принесли стулья и поставили их кружком.

Жанна положила принесенную сумку на стул и начала что-то доставать из нее. Клара и Мирна тем временем стали обследовать комнату. Они осмотрели камин с темной каминной полкой и строгим викторианским портретом над ней. Книжный шкаф был набит томами в кожаных переплетах из тех времен, когда люди еще читали их, а не просто покупали в несметных количествах у декораторов.

– Интересно, куда девалась птица, – пробормотала Клара, протягивая руку к вещам, стоящим на туалетном столике.

– Прячется от нас, бедняжка. Забилась куда-нибудь в страхе, – сказала Мирна, шаря лучом фонарика в темном углу.

Птицы там не было.

– Это похоже на музей. – Подошедший к ним Габри взял со столика серебряное зеркало.

– Это похоже на мавзолей, – сказала Хейзел.

Повернувшись, они удивились: в комнате горели свечи. Повсюду в спальне было расставлено около двадцати горящих свечей, но их свет, такой теплый и гостеприимный в доме Клары и Питера, в этой комнате словно был издевкой над самим собой. Темнота казалась еще более темной, а мерцающее пламя отбрасывало нелепые тени на темные обои. Кларе захотелось задуть все свечи и уничтожить тех демонов, которые возникали в их тенях. Даже ее собственная тень, такая знакомая, стала искаженной и страшноватой.

Усевшись в кружок спиной к открытой двери, Клара обратила внимание, что четыре свечи остались незажженными. После того как все заняли места, Жанна достала маленький пакетик и обошла вокруг сидящих, разбрасывая что-то.

– Теперь это священный круг, – произнесла она; ее лицо то погружалось в тень, то освещалось, запавшие глаза казались пустыми черными глазницами. – Эта соль благословит наш круг и обеспечит безопасность всех, кто внутри.

Клара почувствовала, что Мирна схватила ее за руку. Единственным звуком в комнате был легкий шелест – это Жанна разбрасывала соль, очерчивая круг. У Клары стоял звон в ушах – так настороженно она прислушивалась. Мысль о птице, которая с криком вылетает из тьмы с вытянутыми когтями и раскрытым клювом, до смерти пугала ее. Даже волосы на затылке слегка приподнялись.

Жанна чиркнула спичкой, и у Клары чуть сердце не выпрыгнуло из груди.

– В наш священный круг приглашается мудрость четырех углов земли, чтобы защищать и наставлять нас, чтобы наблюдать сегодня за нашей работой по очистке этого дома от духов, которые удушают его. От зла, которое обосновалось здесь. От всех грехов, страха, ужаса, ненависти, прилепившихся к этому дому. К этой комнате.

– Мы уже развлекаемся? – шепотом спросил Габри.

Жанна одну за другой зажгла последние свечи и вернулась на свое место, сосредотачиваясь. Она была единственной, кому это удалось. Клара чувствовала, как колотится ее сердце, как учащается дыхание, становится неровным, рваным. Рядом с ней ерзала Мирна, словно по ней ползали муравьи. Взгляд у всех людей в кругу был застывший, лица – бледные. Может, их кружок и священный, подумала Клара, но уж точно освященный страхом. Она огляделась и спросила себя: если это кино и они с Питером смотрят его, устроившись на диване, то кто из этих людей станет первым?

Месье Беливо, трусливый, тощий, скорбящий?

Жиль Сандон, крупный и сильный, который чувствует себя гораздо комфортнее в лесу, чем в викторианском особняке?

Хейзел, такая добрая и щедрая? Или, наоборот, слабая? А может, ее дочка, ненасытная Софи?

Нет. Взгляд Клары остановился на Одиль. Вот кто падет первой жертвой. Бедная милая Одиль. Она уже потеряна, как это ни прискорбно. Самая беззащитная. Самая незаметная – на ее отсутствие и внимания-то никто не обратит. Она генетически предназначена для того, чтобы быть съеденной первой. Жестокость собственных мыслей претила Кларе. В этой жестокости она обвиняла атмосферу дома. Дома, который не впускал добро и привечал все остальное.

– А теперь мы будем вызывать мертвых, – сказала Жанна.

И Клара, которой казалось, что испугаться сильнее уже невозможно, все же испугалась.

– Мы знаем, что вы здесь. – Голос Жанны стал громче и зазвучал как-то странно. – Они идут. Поднимаются из подвала, спускаются с чердака.

Они вокруг нас. Они приближаются по коридору.

Клара и в самом деле услышала шаги. Кто-то шаркал, прихрамывал по ковровой дорожке в коридоре. Ей представилась мумия с распростертыми руками, в грязных бинтах, в пролежнях, волочащая ноги по темному коридору, преданному проклятию. Ну почему они оставили дверь открытой?

– Явись! – прорычала Жанна. – Немедленно! – Она хлопнула в ладоши.

В комнате, в их священном круге, раздался визг. И еще один.

Потом удар.

Мертвец прибыл.

Глава девятая

Старший инспектор Арман Гамаш выглянул из-за газеты, которую держал в руках, и бросил взгляд на свою маленькую внучку. Она сидела на илистом берегу Бивер-Лейк и засовывала в рот грязный большой палец ноги. Ее лицо было покрыто илом, или шоколадом, или еще чем-то, о чем даже думать не хотелось.

Стоял пасхальный понедельник, и весь Монреаль был одержим одной идеей. Утренняя прогулка по горе Мон-Руаяль с остановкой на озере Бивер-Лейк у вершины. Гамаш и Рейн-Мари блаженствовали на солнышке, сидя на скамейках и наблюдая, как семейство их сына наслаждается последним днем в Монреале перед отлетом в Париж.

Малютка Флоранс залилась смехом и плюхнулась в воду.

Гамаш бросил газету и начал вставать, но его удержала рука жены.

– Там с ней Даниель, mon cher[17]. Теперь это его обязанность.

Арман, все еще готовый действовать, сел, не спуская глаз с внучки. Его немецкая овчарка Анри поднялась на ноги и насторожилась, почувствовав внезапную перемену настроения хозяина. Но, как и ожидалось, Даниель рассмеялся, сграбастал свою крохотную мокрую дочурку большими, надежными руками и прижался лицом к ее животу, отчего она захихикала и обняла папу за голову. Гамаш выдохнул и, повернувшись к Рейн-Мари, поцеловал ее и прошептал в корону ее седых волос:

– Спасибо.

Потом он погладил Анри по боку и чмокнул в голову:

– Хороший мальчик.

Анри, более не в силах сдерживаться, подпрыгнул, и его ноги оказались почти на уровне плеча Гамаша.

– Фу! – скомандовал Гамаш. – Нельзя!

Анри немедленно перестал прыгать.

– Лежать!

Анри покаянно лег. Сомнений, кто здесь альфа-дог, не возникало.

– Хороший мальчик, – повторил Гамаш и дал Анри собачье лакомство.

– Хороший мальчик, – сказала Рейн-Мари Гамашу.

– А где мое лакомство?

– Что, прямо в парке, monsieur l’inspecteur?[18] – Она посмотрела на другие семейства, неторопливо прогуливающиеся по Мон-Руаялю, великолепному парку на горе в самом центре Монреаля. – Хотя, вероятно,

это будет уже не первое твое лакомство.

– Для меня – первое. – Гамаш улыбнулся и слегка покраснел, радуясь тому, что этот разговор не слышат Даниель и его семья.

– Ты очень мил в роли мачо, – сказала Рейн-Мари и поцеловала его.

Гамаш услышал шуршание и увидел, как книжное обозрение его газеты, подхваченное порывом ветра, пустилось в полет – листы один за другим устремлялись в воздух. Он вскочил и стал бросаться во все стороны, пытаясь наступить ногой на улетающие страницы. Флоранс, завернутая в одеяло, показывала на него пальцем и смеялась. Даниель поставил ее на землю, и она принялась подражать движениям деда. Тогда Гамаш начал делать карикатурно преувеличенные жесты, и вскоре Даниель, его жена Розлин и маленькая Флоранс стали повторять за ним и ловить воображаемые страницы газеты, пока Гамаш продолжал ловить настоящие.

– Хорошо, что любовь слепа, – рассмеялась Рейн-Мари, когда Гамаш вернулся на скамейку.

– И не очень умна, – согласился Гамаш, сжимая ее руки. – Тебе тепло? Кофе с молоком хочешь?

– А знаешь, хочу. – Его жена оторвалась от своей газеты, «Ла пресс».

– Папа, давай-ка я помогу.

Даниель передал Флоранс своей жене Розлин, и двое мужчин направились к павильону среди деревьев неподалеку от озера. По узким дорожкам шлепали бегуны трусцой, на верховых тропах тут и там появлялись и исчезали любители езды на лошадях. Стоял великолепный весенний день, по-настоящему теплый под лучами молодого солнца.

Рейн-Мари проводила их взглядом и подумала, что они как две горошины в стручке. Такие похожие. Высокие, мощные, как дубы. Каштановые волосы Даниеля только-только начали редеть, а у Армана уже просвечивает лысина, да и аккуратно подстриженные волосы вокруг нее стали седеть. В свои пятьдесят пять Арман Гамаш держался легко, как и его сын, который выглядел на свои тридцать с хвостиком.

– Вы очень скучаете по нему?

Розлин села рядом со свекровью и взглянула в ее приветливое, в морщинках лицо. Она любила Рейн-Мари, любила с самого первого обеда, который будущая свекровь приготовила для нее. Начав встречаться с Розлин, Даниель представил ее своей семье. Она была ошеломлена. Не только потому, что уже тогда знала, как любит его, но и при мысли о том, что увидит знаменитого старшего инспектора Армана Гамаша. То, как он уверенно и спокойно раскрывал самые серьезные дела, проходившие по его отделу, сделало его настоящей легендой Квебека. Она воспитывалась,

постоянно видя перед собой лицо Гамаша во время завтрака: ее отец читал в газете о подвигах старшего инспектора. С годами Гамаш на этих фотографиях старел, волосы его редели и седели, лицо несколько полнело. Появились аккуратные усы и морщины, не соответствующие складкам на газетном листе.

Но вот ей предстояло встретиться с этим человеком живьем.

«Bienvenue[19]. – Он улыбнулся ей и слегка поклонился, открыв дверь их квартиры в Утремоне. – Я отец Даниеля. Входите». На нем были серые брюки, удобный кашемировый кардиган, рубашка и галстук для воскресного ланча. От него пахло сандаловым деревом, рука у него была теплая и надежная – все равно что сесть в привычное кресло. Розлин знала эту руку. Такая же была и у Даниеля.

С тех пор прошло уже пять лет, и за это время много чего произошло. Они поженились, родилась Флоранс. В один прекрасный день Даниель пришел домой, подпрыгивая от радости, и сообщил новость: некая управляющая компания предложила ему работу в Париже. Контракт на два года. Но что на это скажет Розлин?

Ей и думать не нужно было. Два года в Париже? Теперь один год уже прошел, и им жизнь в Париже нравилась. Но они скучали по семье и понимали, как мучительно для обоих дедушек и бабушек целовать на прощание маленькую Флоранс в аэропорту. Они не видели ее первых шагов, не слышали первых слов, не присутствовали, когда у Флоранс начали резаться зубки; ее меняющаяся мордашка и изменчивые настроения – все это проходило мимо них. Розлин предполагала, что тяжелее всего будет ее матери, но теперь она была уверена, что больше всех переживает папа Арман. У нее разрывалось сердце, когда она шла по стеклянному коридору к самолету и видела ладони Армана, прижатые к окну зала ожидания.

Но он ничего не говорил. Он был рад за них и не скрывал этого. И не удерживал.

– Нам всех вас не хватает, – с улыбкой сказала Рейн-Мари, взяв невестку за руку.

А теперь они ждали еще одного ребенка. Они сообщили об этом родителям Даниеля и Розлин за обедом в Страстную пятницу, и это известие было встречено радостными возгласами. Ее отец достал бутылку шампанского, а Арман понесся в магазин, чтобы купить безалкогольного сидра, и потом они выпили за удачу.

В ожидании, когда принесут их заказ, Арман дотронулся до руки сына

и отвел его немного в сторону. Он извлек из кармана конверт и передал его Даниелю.

– Папа, мне не нужны деньги, – прошептал Даниель.

– Прошу тебя, возьми.

Даниель сунул конверт в карман своего пиджака:

– Спасибо.

Сын обнял отца – словно соединились мегалиты с острова Пасхи.

Но Гамаш отвел сына недостаточно далеко. Кое-кто наблюдал за ними.

Розлин и Флоранс подошли к какой-то другой молодой семье, и Даниель направился к ним, а Гамаш сел на скамью, отдал жене кофе и снова взялся за свою газету. Рейн-Мари была полностью поглощена первой страницей «Ла пресс» и не прореагировала на его появление. Такое случалось редко, но он знал, что их обоих часто увлекает чтение. Анри спал на солнышке у ног Гамаша, который попивал кофе и поглядывал на прохожих.

День был исключительный.

Через несколько минут Рейн-Мари опустила газету. На лице ее появилось обеспокоенное выражение. Чуть ли не испуганное.

– Ты читал эту газету?

– Нет, только книжное обозрение. А что?

– Можно ли испугаться до смерти?

– Ты это о чем?

– О том, что кто-то все же испугался. До смерти.

– Mais, c’est horrible[20].

– В Трех Соснах. – Рейн-Мари пристально посмотрела на него. – В старом доме Хадли.

Арман Гамаш побледнел.

Глава десятая

– Входи, Арман. Joyeuses Pâques[21]. – Суперинтендант Бребёф пожал Гамашу руку и закрыл дверь.

– Et vous, mon ami[22]. – Гамаш улыбнулся. – Счастливой Пасхи.

Первое удивление от новости, которую обрушила на него Рейн-Мари, прошло. Гамаш прочел газетное сообщение, а когда закончил, зазвонил его сотовый. Голос в трубке принадлежал его другу и начальнику в Квебекской полиции, Мишелю Бребёфу.

– Тут появилась одна новость, – сказал Бребёф. – Я знаю, у тебя сейчас Даниель с семьей, – извини. Можешь уделить этому немного времени?

Гамаш знал, что его босс проявляет деликатность – просит, а не приказывает. Но ведь они выросли вместе, всегда были лучшими друзьями и вместе поступили в Квебекскую полицию. Они даже оба претендовали на звание суперинтенданта. Получил его Бребёф. Но это никак не повлияло на их дружбу.

– Сегодня вечером они улетают в Париж, так что можешь не волноваться. Мы рады были их повидать, хотя сколько бы они ни пробыли – всегда мало. Я скоро приеду.

Он попрощался с сыном, невесткой и Флоранс.

– Я позвоню попозже, – пообещал он Рейн-Мари, поцеловав ее.

Она помахала ему и проследила за ним взглядом, когда он целеустремленно направился на парковку в сосновой роще. Она смотрела, пока он не скрылся из виду. Смотрела и после.

– Ты читал газеты? – спросил Бребёф, садясь во вращающееся кресло за его столом.

– Не столько читал, сколько просматривал. – Гамаш вспомнил, как пытался читать газету с большим отпечатком собственного ботинка. – Ты, случайно, не о Трех Соснах говоришь?

– Значит, газеты ты все же читал.

– Рейн-Мари показала мне эту заметку. Но там сказано, что смерть не насильственная. Страшная, но естественная. Она действительно испугалась до смерти?

– Так сказали врачи из больницы в Кауансвилле. Инфаркт. Но…

– Да, я слушаю.

– Ты должен сам посмотреть, но говорят, что вид у нее был такой… – Бребёф помолчал, чуть ли не смущаясь тех слов, которые собирался

произнести, – словно она что-то увидела.

– В газете сказано, что она присутствовала на спиритическом сеансе в старом доме Хадли.

– На спиритическом сеансе! – фыркнул Бребёф. – Глупости! Понятно, когда такими вещами занимаются дети, но взрослые? Не понимаю, зачем люди тратят время на подобную ерунду.

Гамаш спросил себя, почему суперинтендант вышел на работу в выходной. Он не помнил случая, чтобы Бребёф начинал говорить о деле, пока оно еще не открыто.

С чего такое исключение?

– Врачи только сегодня утром догадались сделать ей анализ крови. Вот что мы имеем.

Бребёф протянул Гамашу листок бумаги, и тот надел свои полукруглые очки. За свою жизнь он видел сотни таких листков с результатами анализа и точно знал, что ему нужно искать. Токсикологические данные.

Минуту спустя он опустил бумагу и посмотрел на Бребёфа поверх очков:

– Эфедра.

– C’est ça[23].

– Но это еще не означает, что она была убита, – сказал Гамаш, словно рассуждая с самим собой. – Ведь люди и сами принимают эфедру?

– Это вещество запрещено к использованию, – возразил Бребёф.

– Да, верно, – рассеянно произнес Гамаш. Он снова принялся изучать результаты анализа. Несколько секунд спустя заговорил: – Это интересно. Послушай-ка: «Рост жертвы составляет пять футов семь дюймов, вес – сто тридцать четыре и семь десятых фунта». Не скажешь, что ей требовались диетологические таблетки.

Он снял очки и сложил их.

– Большинство людей тоже так думают, – заметил Бребёф. – И мысли другой не допускают.

– Любопытно, сколько она весила несколько месяцев назад, – сказал Гамаш. – Может быть, так она и опустилась до ста тридцати пяти фунтов. – Гамаш постучал очками по бумажке. – С помощью эфедры.

– Может быть, – согласился Бребёф. – Твоя задача – выяснить это.

– Убийство или несчастный случай?

Гамаш снова взглянул на листок, размышляя, что еще можно из него извлечь. Но старший инспектор знал, что в бумагах редко содержатся ответы на вопросы. Убийство ли это? Кто убийца? Почему убийца так ненавидел или боялся эту женщину, что решился забрать ее жизнь?

Почему? Почему? Всегда сначала «почему», а потом уже «кто».

Нет, ответы крылись не в книге и не в экспертизе, а в плоти и крови. А зачастую – даже не в плотских вещах, а в том, что нельзя подержать, пощупать, к чему нельзя прикоснуться. Ответы на эти вопросы лежали в туманном прошлом и в скрытых там чувствах.

Бумага в руке Гамаша содержала факты, а не истины. За истинами ему придется отправиться в Три Сосны. За истинами ему придется снова вернуться в старый дом Хадли.

– Кого ты возьмешь в команду?

Этот вопрос вернул Гамаша в кабинет его друга. Бребёф старался говорить непринужденным тоном, но скрыть необычность этого вопроса было невозможно. Никогда прежде не спрашивал он Армана Гамаша, подчиненного ему главу отдела по расследованию убийств, о процедуре и уж точно никогда о таких приземленных вещах, как состав команды.

– Почему ты спрашиваешь?

Бребёф взял ручку и постучал ею по кипе бумаг, ждущих его:

– Ты прекрасно знаешь, почему я спрашиваю. Именно ты обратил мое внимание на то, как она себя ведет. Ты собираешься привлечь Иветт Николь к расследованию этого дела?

Вот оно. Тот самый вопрос, который не давал покоя Гамашу по пути от горы Мон-Руаяль. Оставить ли агента Николь в команде? Пришло ли время? Он просидел какое-то время в своем «вольво» на пустой парковке Квебекской полиции, пытаясь решить это. И все же он опасался, что его друг задаст этот вопрос.

– И что ты посоветуешь?

– Ты уже принял решение или есть шанс, что мои слова могут на тебя повлиять?

Гамаш рассмеялся. Они слишком хорошо знали друг друга.

– Я тебе скажу, Мишель. Я уже почти что решил. Но ты же знаешь, как я ценю твое мнение.

– Voyons[24], так что ты предпочтешь сейчас? Мое мнение или сладкую булочку?

– Сладкую булочку, – признал Гамаш, улыбнувшись. – Как и ты.

– C’est la vérité[25]. Послушай… – Бребёф встал и подошел к другой стороне стола, сел на него и, наклонившись, заглянул в глаза старшему инспектору. – Взять ее в команду, ну, c’est fou[26]. Сумасшествие. Я тебя знаю. Ты ее хочешь спасти, реабилитировать. Сделать из нее хорошего и лояльного агента. Я прав, да?

Мишель Бребёф больше не улыбался.

Гамаш открыл рот, собираясь ответить, но передумал. Вместо этого он позволил своему другу выпустить пар. Что тот и сделал:

– В один не самый прекрасный день твое самомнение тебя погубит. Вот о чем идет речь, и ты это знаешь. Ты делаешь вид, что это бескорыстный поступок, изображаешь из себя великого учителя, мудрого и терпеливого Армана Гамаша, но мы оба знаем, что это самомнение. Гордыня. Будь осторожен, мой друг. Она опасна. Ты сам это говорил.

Гамаш почувствовал, как в нем закипает раздражение, и ему пришлось сделать несколько глубоких вдохов, чтобы успокоиться. Чтобы не ответить гневом на гнев. Он знал, что Мишель Бребёф говорит это потому, что он суперинтендант, но еще и потому, что они друзья.

– Дело Арно пора закрыть, – твердо сказал Гамаш.

Вот. Наконец-то он сказал об этом вслух.

Чертов Арно гнил в тюрьме, но продолжал преследовать его.

– Я тоже так думаю, – сказал Бребёф, возвращаясь в свое кресло за столом.

– Почему ты здесь, Мишель?

– Где? В моем собственном кабинете?

Гамаш молча смотрел на своего друга. Наконец Бребёф подался вперед, уперев локти в широкий стол, словно собирался проползти по нему и обвиться вокруг головы Гамаша.

– Я знаю, что случилось с тобой однажды в старом доме Хадли. Ты чуть не погиб…

– Ну, ситуация была не такой уж критической.

– Не лги мне, Арман, – остерег его Бребёф. – Я хотел лично сказать тебе об этом деле и увидеть твою реакцию.

Гамаш, глубоко тронутый, ничего не ответил.

– Есть что-то такое в том доме, – признал он несколько секунд спустя. – Ты ведь там никогда не был?

Бребёф отрицательно покачал головой.

– Что-то в нем такое… Что-то наподобие голода, некая потребность, которую необходимо удовлетворить. Ты, наверное, думаешь, что я сумасшедший.

– Я думаю, что в тебе тоже есть некая потребность, не менее разрушительная, – сказал Бребёф. – Это твоя потребность помогать людям. Людям вроде агента Николь.

– Я не хочу ей помогать. Я хочу вывести на чистую воду ее и ее хозяев. Уверен, что она работает на группу, которая поддерживает Арно. Я тебе

уже говорил об этом.

– Так уволь ее, – раздраженно проговорил Бребёф. – Твоя просьба – вот единственное, что удерживает меня от этого. Считай это моим личным одолжением. Послушай меня: дело Арно никогда не закончится. Оно слишком сильно затрагивает систему. В той или иной мере оно касается всех полицейских Квебека. Большинство поддерживает тебя – ты это знаешь. Но те, кто тебя не поддерживает… – Бребёф поднял руки в красноречивом жесте, означающем поражение, – они влиятельны, а Николь – их глаза и уши. Пока она рядом с тобой, тебе грозит опасность. Они хотят тебя уничтожить.

– Это улица с двусторонним движением, Мишель, – устало сказал Гамаш. Разговор о бывшем суперинтенданте Арно всегда стоил ему немалых душевных сил. Он считал, что это дело уже закрыто. Давно мертво и похоронено. Но вот оно вернулось. Восстало из гроба. – Пока она рядом, я могу за ней наблюдать, контролировать, что она видит и делает.

Бребёф покачал головой:

– Глупый ты человек.

– Высокомерный, упрямый, самоуверенный, – согласился Гамаш и направился к двери.

– Можешь забирать свою Николь, – сказал Бребёф, повернувшись спиной к Гамашу и глядя в окно.

– Merci[27].

Гамаш закрыл дверь и направился в свой кабинет – ему нужно было сделать несколько звонков.

Оставшись один, суперинтендант Бребёф снял телефонную трубку и тоже позвонил:

– Говорит суперинтендант Бребёф. Тебе сейчас позвонят из кабинета старшего инспектора Гамаша. Нет, он ничего не подозревает. Он считает, что проблема в Николь.

Бребёф несколько раз глубоко вздохнул. Он дошел до такого состояния, когда при одном только виде Армана Гамаша у него появлялся рвотный рефлекс.

Инспектор Жан Ги Бовуар вел «вольво» по мосту Шамплена через реку Святого Лаврентия к шоссе, ведущему в Восточные кантоны – на юг, к американской границе. Когда около года назад предыдущий «вольво» Гамаша приказал долго жить, Бовуар предложил шефу купить «эм-джи», но шеф по какой-то причине решил, что Бовуар шутит.

– Так что там случилось?

– В Трех Соснах вчера вечером женщина умерла от испуга, – сказал Гамаш, поглядывая на сельский пейзаж.

– Sacré[28]. Так что же мы ищем? Призрака?

– Ты ближе к истине, чем можешь себе представить. Это произошло во время спиритического сеанса. В старом доме Хадли.

Гамаш повернул голову и посмотрел на худое красивое лицо своего молодого инспектора. Оно вытянулось еще больше, губы сжались и побелели.

– Вот проклятое место, – сказал наконец Бовуар. – Кто-то должен разрушить этот дом.

– Ты думаешь, в этом виноват дом?

– А вы разве так не думаете?

Для Бовуара это было странным признанием. Обычно такой рациональный и опирающийся только на факты, он не верил во всякие невидимые вещи вроде эмоций. Он был идеальным дополнением своего босса, который, по мнению Бовуара, слишком много времени тратил на то, чтобы копаться в мозгах и сердцах людей. Там обычно царил хаос, а Бовуар в этом плохо ориентировался.

Но если где-то в мире и сконцентрировалось зло, так это в старом доме Хадли. Бовуар вздрогнул всем своим сильным телом, ему внезапно стало не по себе. Он посмотрел на босса. Гамаш задумчиво разглядывал его. Их глаза встретились – спокойные темно-карие глаза Гамаша с почти серыми Бовуара.

– И кто же жертва?

Глава одиннадцатая

Дорога от автострады до Трех Сосен была необыкновенно живописной и предательской. Машину трясло, подбрасывало на ухабах, кидало от одной выбоины к другой, и вскоре Бовуар и Гамаш стали чувствовать себя как яичница-болтунья.

– Осторожнее! – Гамаш показал на здоровенную яму в грунтовой дороге.

Пытаясь избежать этой ямы, Бовуар попал в еще бóльшую, после чего почти новый «вольво» прошелся по участку с глубокими рытвинами, словно по стиральной доске.

– Еще какие советы будут? – прорычал Бовуар, впившись глазами в дорогу.

– Я собираюсь через каждые несколько секунд кричать «осторожно!», – сказал Гамаш. – Осторожно!

И конечно, перед ними разверзся кратер, оставленный астероидом.

– Черт! – Бовуар резко крутанул руль. – Дом словно не хочет, чтобы мы до него добрались.

– И приказал дорогам не пропускать нас? – Даже Гамаш, всегда готовый побеседовать на экзистенциальные темы, решил, что это довольно удивительно. – Может быть, это последствия весенней оттепели?

– Вполне возможно. Осторожнее!

Они въехали в яму и дернулись вперед. Кренясь, закладывая виражи и бранясь, они медленно продвигались вперед, все глубже и глубже в лес. Грунтовая дорога петляла между сосновыми и кленовыми лесами, вдоль долин, поднималась по склонам невысоких гор. Они проезжали мимо речушек, набухших в весеннее половодье, мимо серых озер, которые совсем недавно расстались с зимним льдом.

Наконец они добрались до места.

Гамаш увидел впереди знакомый и странным образом успокаивающий вид машин криминалистов у обочины дороги. Старый дом Хадли пока оставался вне поля зрения.

Бовуар притормозил у заброшенной мельницы напротив дома. Гамаш открыл дверцу и почувствовал такой сладкий аромат, что закрыл глаза и замер.

Глубоко вдохнув, он сразу же понял, что это за запах. Свежая сосна. Молодые почки с новым, сильным запахом. Он надел резиновые сапоги,

плащ поверх пиджака, на голову – твидовую шляпу. По-прежнему не глядя на старый дом Хадли, он направился к бровке холма.

Бовуар натянул свою кожаную итальянскую куртку на шерстяную водолазку и, проверив результаты в зеркале, обратил внимание, что он стройнее, чем представлял себе. Порадовавшись этому несколько мгновений, он догнал Гамаша, и вскоре они остановились плечом к плечу, озирая долину.

Это был любимый пейзаж Армана Гамаша. Вдали величественно поднимались горы, нависая друг над другом; их склоны были покрыты дымкой зеленоватых почек. Теперь Гамаш чувствовал запах не только сосен, но и самой земли. И другие благоухания доходили до его ноздрей. Терпкий густой аромат сухих осенних листьев, запах дымка из труб лежащей внизу деревни… и чего-то еще. Он поднял голову и снова сделал глубокий вдох, нарочито медленно. Оттуда, снизу, поднимались более ярко выраженные, хотя и едва ощутимые здесь ароматы первых весенних цветов. Самых молодых и самых смелых. Гамаш вспомнил о простой, но достойной церкви с ее шпилем. Он не раз бывал в церкви Святого Томаса и знал, что в это прекрасное утро свет льется через витражное стекло на сверкающие скамьи и деревянный пол. На витраже был изображен не Христос, не святые, прожившие прекрасную жизнь и принявшие мученическую смерть, а трое молодых людей, не вернувшиеся с Великой войны. Два – в профиль, они шли вперед, чеканя шаг. А один смотрел прямо на прихожан. В его взгляде не было ни обвинения, ни печали, ни страха. Он смотрел с огромной любовью, словно говоря: примите этот дар от меня. Воспользуйтесь им хорошо.

Ниже были начертаны имена погибших. И еще одна строка:

«Они были нашими детьми».

Стоя на вершине холма, глядя на прекраснейшую, милейшую деревеньку, какую ему доводилось видеть, и ощущая запах отважных молодых цветов, Гамаш спрашивал себя: неужели отважна только молодость, а старики становятся опасливыми и трусливыми?

Неужели и он стал таким? Он определенно боялся войти в это чудовище, дыхание которого чувствовал на своей шее. Или это было дыхание Бовуара? Но Гамаш знал, что боится чего-то еще.

Арно… Черт бы подрал этого Арно! Бог знает, на что способен этот человек, даже находясь за тюремной решеткой. В особенности если туда его упрятал Гамаш.

Но и эти мрачные мысли исчезли, как только перед ним открылся этот вид. Как можно бояться чего-то, когда перед тобой такая красота?

В этой долине и приютилась деревня Три Сосны. Из труб поднимался дымок, на кленах, вишнях и яблонях завязались почки, а некоторые деревья были уже в цвету. По деревне перемещались люди. Кто-то работал в саду, кто-то развешивал на веревках стираное белье, кто-то подметал широкие красивые веранды. Весенняя уборка. Жители пересекали деревенский луг с полотняными мешками, в которых лежали длинные французские батоны и другие товары – Гамаш легко мог предположить, что это сыры местного производства и паштеты, свежие яйца с ферм и душистые кофейные бобы из магазина.

Он посмотрел на часы. Почти полдень.

Гамаш не впервые проводил расследование в Трех Соснах, и каждый раз он все больше прикипал к этому месту. Это было довольно сильное чувство. В конечном счете самое главное для человека – быть там, где тебе хорошо.

Ему хотелось пройти по осклизлой обочине, пересечь луг и открыть дверь бистро Оливье. Там он сможет согреть руки у камина, заказать лакричные трубочки и чинзано. А еще – густой гороховый суп. Он сможет почитать старые номера «Таймс литерари саплмент», поговорить с Оливье и Габри о погоде.

Как так получилось, что самое его любимое место на земле располагалось совсем рядом с самым ненавистным?

– Что это? – Жан Ги Бовуар прикоснулся к руке Гамаша. – Вы слышите?

Гамаш прислушался. Он услышал пение птиц. Шуршание ветерка в сухих листьях на земле. И что-то еще.

Рокот. Не больше. Приглушенное ворчание. Неужели у них за спиной ожил старый дом Хадли? Зарычал, заурчал?

Оторвав глаза от спокойной, степенной деревни, Гамаш медленно повернулся, и его взгляд упал на дом.

Дом тоже взирал на него, холодно, с вызовом.

– Это река, сэр, – сказал Бовуар, смущенно улыбнувшись. – Белла-Белла. Весеннее половодье. Ничего больше.

Старший инспектор пристально посмотрел на дом. Наконец он моргнул и, повернувшись к Бовуару, слабо улыбнулся:

– Ты уверен, что это не дом ворчит?

– Абсолютно.

– Я тебе верю.

Гамаш рассмеялся, дотронулся до плеча Бовуара своей большой рукой, затем двинулся к старому дому Хадли.

Подходя все ближе, он с удивлением увидел, что краска шелушится, а окна разбиты. Объявление «Продается» упало на землю, на крыше не хватало черепицы, даже из трубы выпало несколько кирпичей. Дом словно распадался сам по себе.

«Прекрати это», – сказал он себе.

– Что прекратить? – спросил Бовуар, бросившийся догонять шефа, чей широкий шаг ускорялся по мере приближения к дому.

– Я что, произнес это вслух? – Гамаш внезапно остановился. – Жан Ги… – начал он и замолчал, не зная, что сказать дальше.

Бовуар ждал, и почтительное выражение на его красивом лице сменилось недоуменным.

«Что я хочу ему сказать? Чтобы он был осторожен? Чтобы учитывал, что многие вещи на самом деле не такие, какими кажутся? И дом Хадли, и это дело, и даже его бригада следователей?»

Ему хотелось увести этого молодого человека от дома. От расследования. От него самого, Армана Гамаша. Как можно дальше.

Вещи не такие, какими кажутся. Мир изменяется, реформируется. Все, что он принимал как данность, как факт, реальный и неоспоримый, перестало быть таковым.

Будь он проклят, если когда-либо согласится с этим. Или позволит кому-нибудь из своих близких погрязнуть в этом.

– Дом разваливается на части, – сказал Гамаш. – Будь осторожен.

Бовуар кивнул:

– И вы тоже.

Оказавшись внутри, Гамаш удивился, каким земным оказалось это место. Ни малейшего ощущения зла. Если у него и возникло какое-то чувство, то лишь печаль.

– Сюда, шеф, – позвала агент Изабель Лакост, перегнувшись через перила темного дерева, так что ее каштановые волосы свесились вниз. – Она умерла в этой комнате.

Лакост показала себе за спину и исчезла.

– Joyeuses Pâques[29], – сказала она минуту спустя, когда Гамаш поднялся по лестнице и вошел в комнату.

Агент Лакост была одета в удобную и стильную одежду, какую носят большинство квебекцев. Ей было под тридцать, она имела двух детей, но работала в полную силу. Хорошо одевалась и была абсолютно довольна своей жизнью.

Гамаш оглядел комнату. Роскошная кровать на четырех столбиках у одной из стен. Камин с тяжелой викторианской полкой по другую сторону

спальни. На деревянном полу – громадный индейский ковер в темно-синих и алых тонах. Обои с изящным рисунком. Лампы на полу и на столе украшены кисточками. На трюмо лампа, искусно повязанная цветастым шарфом.

Он словно вернулся назад на сто лет. Вот только круг стульев посреди комнаты говорил о сегодняшнем дне. Гамаш пересчитал их. Десять. Три опрокинуты.

– Осторожнее, мы еще не закончили, – предупредила Лакост, увидев, что Гамаш направился к стульям.

– Это что? – Бовуар показал на ковер, где было рассыпано что-то похожее на кристаллики льда.

– Мы думаем, это соль. Поначалу мы решили, что это метамфетамин или кокаин, но это поваренная соль.

– Зачем посыпать солью ковер? – удивился Бовуар.

– Наверное, чтобы очистить помещение, – таким был ее неожиданный ответ.

– Что-то я не понимаю, – сказал Гамаш.

– Тут ведь проводился спиритический сеанс, верно?

– Да, я слышал об этом, – подтвердил Гамаш.

– Ну и что? – спросил Бовуар. – При чем тут соль?

– Сейчас объясню. – Лакост улыбнулась. – Есть много способов провести спиритический сеанс, но только один способ включает в себя соль, рассыпанную по кругу, и четыре свечи.

Она показала на свечи, стоящие на ковре внутри кольца. Гамаш их прежде не заметил. Одна из свечей упала, и когда Гамаш наклонился, то увидел на ковре расплавленный воск.

– Они расположены по сторонам света, – продолжила Лакост. – То есть на севере, юге, востоке и западе.

– Я знаю, что такое стороны света, – фыркнул Бовуар.

Ему все это очень не нравилось.

– Ты говоришь, что есть только один способ проводить сеанс с применением свечей и соли, – сказал Гамаш спокойным голосом, вперившись в Лакост проницательным взглядом.

– Это способ, которым пользуется неоязыческая религия вика, – сказала Лакост. – Колдовство.

Глава двенадцатая

Мадлен Фавро испугалась до смерти в прямом смысле.

Клара была уверена, что ее убил старый дом Хадли. И вот сейчас Клара Морроу стояла перед ним и предъявляла ему обвинения. Люси на поводке металась взад-вперед, стремясь поскорее оставить это место. Как и Клара. Но Клара чувствовала, что обязана сделать это для Мадлен. Нагнать страху на этот дом. Дать ему понять, что она все знает.

Что-то пробудилось вчера вечером. Что-то нашло их маленький тесный кружок друзей, которые занялись чем-то безрассудным, глупым, не соответствующим их возрасту. Только и всего. Никто не должен был умирать. И никто не умер бы, проводи они спиритический сеанс в любом другом месте. Никто ведь не умер в бистро.

Что-то в этом нелепом месте было вызвано к жизни, прошло по коридору в старую спальню, затянутую паутиной, и забрало жизнь Мадлен.

Всю оставшуюся жизнь Клара будет помнить случившееся. Пронзительные крики, визг. Они раздавались отовсюду. Потом удар. Пламя одной из свечей затрепетало. Люди повскакали с мест, чтобы помочь или броситься прочь. Включились лучи фонариков, бешено заплясали по стенам… и замерли. Все они направились на одно – на лицо. Даже в ярком и теплом солнечном свете дня Клара чувствовала, как сжимается петля страха – словно плащ, который невозможно сбросить с плеч.

«Не смотри!» – услышала Клара голос Хейзел, предположительно обращенный к Софи.

«Non!» – вскрикнул месье Беливо.

Глаза Мадлен были широко раскрыты, вытаращены так, будто собирались вылезти из глазниц. Губы растянуты, рот распахнут, замер в крике. Клара схватила Мадлен за руки, чтобы успокоить ее, и поняла, что уже слишком поздно: пальцы скрючились и превратились в когти. Клара подняла голову и увидела движения за пределами их круга. И услышала кое-что.

Порхание крыл.

– Bonjour, – сказал Арман Гамаш, выходя из дома.

Клара вздрогнула, возвращаясь к реалиям дня. Она узнала этого крупного элегантного человека, который направлялся прямо к ней.

– Вы не больны? – спросил он, видя, в каком она состоянии.

– Нет. – Ее губы растянулись в полуулыбку. – Вот увидела вас – и сразу стало лучше.

Но выглядеть лучше она не стала. Напротив, по ее щекам потекли слезы, и Гамаш подумал, что эти слезы далеко не первые. Он тихо стоял рядом с ней, не пытаясь ее успокоить – позволяя выплакать печаль.

– Вчера вечером вы были здесь.

Это прозвучало не как вопрос, а как утверждение. Гамаш читал протокол и видел имя Клары Морроу. И даже предполагал допросить ее первой. Он ценил ее мнение, знал, что у нее цепкий к деталям – как видимым, так и невидимым – глаз. Старший инспектор знал, что должен включить ее, вместе со всеми остальными присутствовавшими на спиритическом сеансе, в список подозреваемых, но не сделал этого. Он считал ее ценнейшим свидетелем. Клара отерла рукавом куртки лицо. Арман Гамаш, увидев результат, вытащил платок и протянул ей. Она надеялась, что выплакала уже почти все, но слезы текли, как полноводная весной речушка Белла-Белла. Паводок печали.

Питер предыдущим вечером вел себя великолепно. Он помчался в больницу, ни разу не сказав ей «я же тебе говорил». Впрочем, она сама не раз повторяла себе эти слова, сквозь рыдания рассказывая ему о случившемся.

Потом они отвезли домой Мирну и Габри. Предложили ошеломленной, потрясенной Хейзел и до странности спокойной Софи удобные комнаты в своем доме. Уж не от скорби ли она онемела? Нет, скорее, такое поведение давало Софи преимущество: все, как обычно, не знали, что она чувствует на самом деле.

Предложение было отвергнуто. Даже теперь Клара не могла себе представить, как это было ужасно для Хейзел – вернуться домой в одиночестве. Нет, конечно, вместе с Софи, но на самом деле – в одиночестве.

– Она была вашим другом?

Они развернулись и пошли к деревне.

– Да, она со всеми дружила.

Гамаш молча шагал рядом с Кларой, сцепив руки за спиной и храня на лице задумчивое выражение.

– О чем вы думаете? – спросила она, а спустя несколько секунд сама ответила на свой вопрос: – Вы думаете, что ее убили?

Они снова остановились. Клара не могла идти и одновременно мучиться этой мыслью. Эта мысль вообще была ей невыносима. Она повернулась и уставилась на Гамаша. Неужели до нее так медленно

доходит? Разумеется, Гамаш именно так и должен думать. Если это было не убийство, то зачем главе отдела по расследованию убийств приезжать сюда?

Гамаш жестом предложил ей пройти к скамье на лугу.

– Откуда взялись все эти столики на улице? – спросил он, когда они сели.

– У нас была охота за пасхальными яйцами и пикник.

Неужели это было только вчера?

Гамаш кивнул. Они тоже прятали яйца для Флоранс, а потом сами же и искали. Надо надеяться, на следующий год такая задача будет ей по силам.

– Мадлен была убита? – спросила Клара.

– Мы считаем, что да, – ответил Гамаш. Дав ей время осознать его слова, он спросил: – Вас это удивляет?

– Да.

– Не спешите. Подумайте. Я знаю, что поначалу факт убийства всех удивляет. Но я хочу, чтобы вы хорошенько обдумали мой вопрос. Если бы Мадлен Фавро была убита, вас это удивило бы?

Клара повернулась к Гамашу. Его темно-карие глаза смотрели задумчиво, седеющие усы были аккуратно подстрижены, из-под шляпы выбивались ухоженные, слегка вьющиеся волосы. Смешливые морщинки в уголках глаз делали выражение его лица еще более впечатляющим. Она знала, что он говорит с ней по-английски из вежливости. Его английский был идеален, причем, как ни странно, Гамаш говорил с британским акцентом. При каждой очередной встрече она собиралась спросить его об этом.

– Почему вы говорите с британским акцентом?

Гамаш удивленно приподнял брови.

– Это что, ответ на мой вопрос? – с улыбкой спросил он.

– Нет, профессор. Но я давно хотела спросить вас об этом, только все время забывала.

– Я учился в Кембридже. В колледже Христа. Изучал историю.

– И оттачивали английский.

– Я там научился английскому.

Пришел черед Кларе удивляться:

– До приезда в Кембридж вы не говорили по-английски?

– Я знал две фразы.

– Какие же?

– «Огонь по клингонам» и «Боже мой, адмирал, это ужасно».

Клара прыснула.

– Я часто смотрел американское телевидение. В особенности два этих сериала.

– «Звездный путь» и «Путешествие на дно океана», – кивнула Клара.

– Вы и представить себе не можете, насколько эти фразы бесполезны в Кембридже. Впрочем, «Боже мой, адмирал, это ужасно» можно применить в трудную минуту.

Клара рассмеялась и представила себе молодого Гамаша в Кембридже. Кто же это отправляется за океан учиться в университете страны, языка которой не знаешь?

– Итак? – Лицо Гамаша посерьезнело.

– Мадлен была милой во всех смыслах этого слова. Она легко нравилась людям, и, думаю, ее легко было полюбить. Я вполне могу себе представить, что полюбила бы ее, если бы наше знакомство продлилось чуть дольше. Но поверить, что кому-то понадобилось ее убивать…

– Потому что она была такой? Или потому, что кто-то другой таким не был?

Хороший вопрос. Если ты признаешь, что случилось убийство, то признаешь, что есть и убийца. Среди них. Совсем рядом. Почти наверняка кто-то из людей, присутствовавших в комнате. Один из тех, кто улыбался, смеялся, один из этих знакомых людей скрывал мысли столь злобные, что они подтолкнули его к убийству.

– Сколько здесь прожила Мадлен?

– Вообще-то, она жила не в деревне, а вон там. – Клара показала на пологие холмы. – Вместе с Хейзел Смит.

– Которая тоже присутствовала при всем этом вчера с некой девицей по имени Софи Смит.

– Это ее дочь. Мадлен стала жить с ними лет пять назад. Они очень давно знают друг друга.

В этот момент Люси дернулась на поводке, Клара оглянулась и увидела Питера – он вышел из калитки и двинулся по дороге, махая им рукой. Клара посмотрела по сторонам, проверяя, не едут ли машины, и отстегнула Люси. Пожилая собака рванула по деревенскому лугу прямо к Питеру, и тот согнулся пополам. Гамаш сочувственно поморщился.

Питер распрямился и похромал к их скамейке. У него на брюках остались два грязных отпечатка собачьих лап.

– Старший инспектор. – Питер протянул руку с бóльшим достоинством, чем Гамаш мог ожидать.

Старший инспектор поднялся и тепло пожал ему руку.

– Грустные времена, – сказал Питер.

– Да. Я как раз говорил Кларе: мы считаем, что мадам Фавро, возможно, умерла насильственной смертью.

– Почему вы так решили?

– Вас ведь там не было? – спросил Гамаш, игнорируя вопрос Питера.

– Нет, у нас перед этим был званый обед, и я остался наводить порядок в доме.

– А вы пошли бы, будь у вас такая возможность?

Питер без колебаний ответил:

– Нет. Я не одобряю таких вещей.

Сказав это, он сам себе показался викторианским священником.

– Питер и меня пытался отговорить, – сказала Клара и взяла Питера за руку. – Он был прав. Не нужно нам было это делать. Если бы мы держались подальше от этого места, – Клара кивнула в сторону дома на холме, – то Мадлен была бы жива.

«Наверное, да, – подумал Гамаш. – Вот только надолго ли? Есть вещи, которых не избежать, и смерть – одна из них».

Инспектор Жан Ги Бовуар наблюдал, как последние криминалисты собирают свои вещички; наконец они освободили спальню и закрыли дверь. Отмотав желтую ленту с рулона, он перекрыл ею вход в комнату. Он проделал это несколько раз – больше, чем обычно. Что-то ему говорило: нужно как можно надежнее закупорить то, что есть в этой комнате. Жан Ги Бовуар, конечно, ни за что в этом не признался бы, но он чувствовал: здесь что-то растет, зреет. Чем дольше он здесь оставался, тем больше оно росло. Дурное предзнаменование. Нет, не предзнаменование. Что-то иное.

Пустота. Жан Ги Бовуар чувствовал себя опустошенным. И вдруг он понял, что если останется здесь еще ненадолго, то внутри у него вместо органов образуется гулкая бездна.

Сгорая от желания уйти отсюда, он посмотрел на агента Лакост – не испытывает ли она того же. На его вкус, она слишком много знала обо всем этом дурацком колдовстве. Он снова и снова запечатывал дверь, бормоча себе под нос «Аве Мария», потом отошел в сторону, чтобы посмотреть на плоды своих трудов.

Если бы Бовуар знал, как художник Христо упаковал Рейхстаг[30], он, вероятно, увидел бы некоторое сходство. Дверь была целиком и полностью покрыта желтой полицейской лентой.

Перепрыгивая через две ступеньки, он пронесся по лестнице и вышел на свет божий. После пребывания в этом склепе мир казался гораздо ярче, воздух – гораздо свежее. Даже рев воды в Белла-Белле действовал

успокоительно. Он был естественным.

– Хорошо, что вы еще здесь.

Бовуар повернулся и увидел, что к нему направляется агент Робер Лемье с улыбкой на молодом энергичном лице. Лемье недавно появился в их команде, но уже стал любимчиком Бовуара, который любил молодых агентов, если те уважительно относились к нему.

И все же Бовуар был удивлен:

– Тебя вызвал старший инспектор?

Он знал, что Гамаш не намерен привлекать к расследованию большие силы, пока не будет уверен, что это убийство.

– Нет, просто мой приятель – он работает в местной полиции – сообщил мне об этом деле. А я заехал в гости к родителям в Сент-Катрин-де-Ове, вот и решил заглянуть сюда.

Бовуар взглянул на часы. Уже час дня. Теперь, выйдя из этого треклятого дома, Бовуар спросил себя, не было ли то чувство пустоты, которое он испытывал, обычным голодом. Да, вероятно.

– Идем со мной. Шеф в бистро. Наверное, доедает последний круассан.

Это, конечно, была шутка, но Бовуар вдруг подумал с беспокойством: а что, если так оно и есть? Он поспешил к машине, и они вдвоем проехали около сотни ярдов до Трех Сосен.

Арман Гамаш сидел перед камином, попивая чинзано и прислушиваясь к окружающим. Даже в конце апреля теплый огонь был в радость. Оливье приветствовал старшего инспектора объятиями и лакричной трубочкой.

– Merci, patron[31], – сказал Гамаш, тоже обнимая его за плечи и принимая в дар трубочку.

– Это так ужасно, что невозможно поверить, – сказал Оливье, элегантно одетый в вельветовые брюки и свободный кашемировый свитер.

Ни один его светлый волос не выбился из прически; нигде ни складки или пятнышка, которые могли бы испортить его вид. Его партнер, наоборот, забыл вставить зубные протезы и был небрит. Когда Гамаш и Габри обнялись, густая черная щетина оцарапала щеку старшего инспектора.

Питер, Клара и Гамаш последовали за Габри к выцветшему дивану у камина, а Оливье отправился за выпивкой для них. После того как все устроились на своих местах, к ним присоединилась Мирна:

– Рада вас видеть.

Она уселась в ближайшем кресле с подголовником.

Гамаш с симпатией взглянул на эту крупную чернокожую женщину. Она владела его любимым книжным магазином.

– Почему вы здесь? – спросила она, пытаясь смягчить резкость вопроса взглядом своих умных и добрых глаз.

Гамаш ощутил себя почтальоном времен войны, передвигающимся на раздолбанном велосипеде по разбитым дорогам. Вестником, приносящим убийственные новости. Вестником, которого всегда встречают с подозрением.

– Конечно же, он считает, что ее убили, – сказал Габри.

Без зубных протезов это прозвучало так, будто Гамаш «читает».

– Убили? – переспросила со смешком Мирна. – Это было ужасно, даже агрессивно, но убийство тут ни при чем.

– В какой степени агрессивно?

– Я думаю, мы все почувствовали враждебность, – сказала Клара.

Остальные кивнули.

Как раз в этот момент Бовуар и Лемье, разговаривавшие между собой, открыли дверь бистро. Гамаш привлек их внимание, подняв руку. Они замолчали и направились к собравшимся у камина.

Солнце проникало через освинцованные стекла окон. Слышался говорок других посетителей. Все были подавлены.

– Расскажите мне, что случилось, – тихо попросил Гамаш.

– Экстрасенс разбросала соль и зажгла свечи, – начала Мирна. Глаза ее были открыты, она словно вновь видела происходящее. – Мы сидели кружком.

– Держась за руки, – вспомнил Габри.

Он дышал быстро и поверхностно, и вид у него был такой, будто от одного этого воспоминания он сейчас упадет в обморок. Гамашу показалось даже, что он слышит сердцебиение Габри.

– Я никогда не чувствовала такого страха, – сказала Клара. – Даже ведя машину по шоссе во время снежной бури.

Присутствующие закивали. Все они испытывали поразительную уверенность, что именно так и закончат свою жизнь: в жуткой автокатастрофе, потеряв управление машиной, невидимые в густом, хаотичном снегопаде.

– Но в этом-то все и дело, – заметил Питер, присаживаясь на подлокотник кресла Клары. – Вас хотели напугать до смерти.

«Неужели он прав?» – спросила себя Клара.

– Мы пришли туда, чтобы очистить дом от злобных призраков, – сказала Мирна, но при свете дня это утверждение казалось нелепым.

– И может быть, чтобы немного испугаться, – признал Габри. – Это правда, – добавил он, видя их лица.

И Кларе пришлось согласиться, что это правда. Неужели они были настолько глупы? Неужели их жизнь была настолько похожа на сон, настолько скучна, что они чувствовали потребность искать и создавать опасность? Нет, не создавать. Опасность всегда была там, а они принялись заигрывать с ней, и она им ответила.

– Жанна, та, которая экстрасенс, – пояснила Мирна для Гамаша, – сказала, будто слышит приближение чего-то. Мы замерли на несколько мгновений, и знаете, я вроде бы тоже что-то услышала.

– И я, – подхватил Габри. – Возле кровати. Кто-то переворачивался на кровати.

– Нет, звук доносился из коридора, – сказала Клара, отрывая глаза от огня и обводя присутствующих взглядом.

Это зрелище напомнило ей вчерашний вечер: лица освещены пламенем, глаза расширены, тела напряжены, словно в любое мгновение готовы пуститься в бегство. Она как бы снова очутилась в той страшной комнате. Запах весенних цветов, словно в морге, эти шаги у нее за спиной…

– Шаги. Мы слышали шаги. Вспомните: Жанна сказала, что они приближаются. Смерть приближалась.

У Бовуара сжалось сердце и онемели руки. Он вдруг подумал, будет ли Лемье возражать, если он возьмет его за руку, но потом решил, что лучше умрет, чем сделает это.

– «Они приближаются», да-да, так она и сказала, – согласилась Мирна. – И что-то еще.

– С крыши и еще откуда-то, – сказал Габри, пытаясь припомнить.

– С чердака, – поправила Мирна.

– И из подвала, – добавила Клара, глядя на Армана Гамаша.

Он почувствовал, как кровь отхлынула от его лица. Кошмар подвала в старом доме Хадли до сих пор преследовал его.

– И вот тут-то все и случилось, – кивнул Габри.

– Не совсем, – возразила Клара. – Она сказала кое-что еще.

– «Они вокруг нас, – тихо произнесла Мирна. – Явись! Немедленно!»

Она хлопнула в ладоши – и сердце у Бовуара чуть не разорвалось.

Глава тринадцатая

– А потом она умерла, – сказал Габри.

Оливье подошел сзади и положил руки ему на плечи. Габри вскрикнул:

– Tabernacle![32] Ты хочешь меня убить?

Колдовство рассеялось. В комнате снова посветлело, и Гамаш увидел громадный поднос с сэндвичами, появившийся на кофейном столике.

– А что случилось после? – спросил Гамаш, выбрав сэндвич с расплавленным козьим сыром и рукколой на теплом французском батоне.

– Месье Беливо отнес ее вниз, а Жиль побежал за своей машиной, – ответила Мирна, угощаясь сэндвичем с жареной курицей и манго на круассане.

– Жиль? – переспросил Гамаш.

– Сандон. Он работает в лесу. Он тоже присутствовал, вместе со своей подружкой Одиль.

Гамаш помнил эти имена по списку свидетелей, лежащему у него в кармане.

– Жиль вел машину. С ним поехали Софи и Хейзел, – сказала Клара. – Остальные сели в машину Хейзел.

– Боже мой, Хейзел, – произнесла Мирна. – Кто-нибудь с ней сегодня говорил?

– Я ей звонила, – сказала Клара, глядя на тарелку, хотя и не испытывала голода. – Говорила с Софи. Хейзел слишком расстроена, чтобы говорить.

– Хейзел и Мадлен были близки? – спросил Гамаш.

– Лучшие друзья, – ответил Оливье. – Еще со школы. Они жили вместе.

– Но не как любовницы, – сказал Габри и добавил: – Насколько мне известно.

– Не говори глупостей, конечно, они не были любовницами, – сказала Мирна. – Ох уж эти мужчины! Они думают, что если две взрослые женщины живут одним домом и привязаны друг к другу, то они обязательно лесбиянки.

– Это верно, – заметил Габри. – Все делают про нас подобные допущения. – Он похлопал Оливье по колену. – Но мы вас прощаем.

– Мадам Фавро когда-нибудь была полной?

Вопрос Гамаша оказался таким неожиданным, что на него

устремились недоуменные взгляды, словно он вдруг заговорил по-русски.

– Вы имеете в виду, толстой? – спросил Габри. – Нет, не думаю.

Остальные отрицательно покачали головой.

– Но знаете, она ведь здесь не так долго прожила, – сказал Питер. – Сколько? Лет пять?

– Около того, – кивнула Клара. – Но она как-то сразу вписалась в местное общество. Вступила вместе с Хейзел в Общество женщин англиканского вероисповедания…

Габри застонал:

– Merde![33] Она этим летом должна была возглавить общество. Что я теперь буду делать?

Его надули, хотя, надо признать, и не в такой мере, как Мадлен.

– Pauvre Gabri[34], – сказал Оливье. – Личная трагедия.

– Попробуйте-ка поруководить Обществом женщин-англиканок. Это к разговору об убийстве, – сказал он Гамашу. – Может, Хейзел возьмет на себя эти обязанности? Как ты считаешь?

– Нет, я не «читаю». А тебе сейчас не рекомендую задавать ей этот вопрос.

– Возможно ли, что в доме присутствовал кто-то еще? – спросил Гамаш. – Большинство из вас слышали какие-то звуки.

Клара, Мирна и Габри хранили молчание, вспоминая нечестивые звуки.

– Что вы думаете, Клара? – спросил Гамаш.

«Что я думаю? – спросила она у себя самой. – Что Мадлен была убита дьяволом? Что, возможно, мы сами и поселили зло в этом доме?» Вероятно, экстрасенс была права и все недобрые, все злобные мысли, когда-либо порожденные их идиллической деревней, поглощались этим домом-чудовищем. И чудовище было ненасытно. Злые мысли сродни наркотику. Попробовав раз, дом подсел на них.

Но все ли выпускали на свободу свои злые мысли? Может быть, кто-то копил их в себе, собирал? Поглощал их, глотал, пока злоба не переполнила его и он не стал ходячей, дышащей разновидностью этого дома на холме?

Существует ли человеческая ипостась этого проклятого места, не ходит ли она среди них?

«Что я думаю?» – еще раз спросила себя Клара. Ответа у нее не было.

Минуту спустя Гамаш встал:

– Где я могу найти мадам Шове, экстрасенса?

Он достал деньги, чтобы расплатиться за сэндвичи и выпивку.

– Она остановилась в гостинице, – сказал Оливье. – Хотите, чтобы я ее позвал?

– Нет, мы прогуляемся туда. Merci, patron.

– Я не ходил на этот сеанс, – прошептал Оливье Гамашу, протягивая ему сдачу возле кассы на длинной деревянной стойке бара. – Потому что мне было страшно.

– Я вас не виню. В этом доме есть что-то такое.

– И еще эта женщина…

– Мадлен Фавро? – Гамаш поймал себя на том, что тоже разговаривает шепотом.

– Нет. Жанна Шове, экстрасенс. Вы знаете, что она сказала Габри сразу по приезде?

Гамаш ждал.

– Она сказала: «Тут у вас не спариваются».

Гамаш обдумал эти непристойные слова:

– Вы уверены? Странно, что на уме у экстрасенса такие вещи. Это ведь не…

– Не так? Конечно. Напротив… Впрочем, оставим это.

Гамаш вышел из бистро в великолепный, солнечный день, услышав на прощание последний шепоток Оливье:

– Вы же знаете, она колдунья.

Трое сотрудников Квебекской полиции шли по дороге, окружающей деревенский луг.

– Я запутался, – признался агент Лемье, которому приходилось почти бежать, чтобы не отстать от Гамаша, мерившего землю широкими шагами. – Так это было убийство?

– Я тоже запутался, молодой человек, – сказал Гамаш. Он остановился и посмотрел на Лемье. – А что ты здесь делаешь? Я тебя не вызывал.

Этот вопрос ошарашил Лемье. Он полагал, что старший инспектор будет рад его видеть, даже поблагодарит. Но Гамаш вместо этого смотрел на него терпеливо и с некоторым недоумением.

– Он приехал к родителям на Пасху – они тут живут неподалеку, – объяснил Бовуар. – А приятель из местной полиции ему сообщил.

– Я явился по собственной инициативе. Извините. Я сделал что-то не так?

– Нет, все так. Я хочу вести расследование как можно более скрытно, пока не будет точно выяснено, что это убийство.

Гамаш улыбнулся. Да, его подчиненные должны были проявлять

инициативу, хотя и не столь рьяно. Впрочем, инициативность Лемье рано или поздно начнет гаснуть, и Гамаш вовсе не был уверен, что это так уж хорошо.

– Значит, наверняка нам это еще не известно? – спросил Лемье, спеша догнать Гамаша, который двинулся дальше, к большому каменному дому на углу.

– Я пока не хочу, чтобы об этом стало известно, но у нее в крови обнаружилась эфедра, – сказал Гамаш. – Знаешь, что это такое?

Лемье отрицательно покачал головой.

– Ты меня удивляешь. Это ведь как спорт, n'est-ce pas?[35]

Молодой агент кивнул. Спорт – эта тема крепко связывала его с Бовуаром. Их любовь к «Монреаль Канадиенс». К «Абам», как их еще называли.

– Слышал когда-нибудь о Терри Харрисе?

– Это хавбек?

– А о Симусе Ригане?

– Аутфилдер? Играл за «Лайонс»? Они оба умерли. Я помню, читал об этом в «Алло спор».

– Они принимали эфедру. Ее используют для похудения.

– Именно. Харрис умер во время тренировки, а Риган – на игре. Я смотрел по телевизору. День был жаркий, и все решили, что у него прихватило сердце. Так ли на самом деле?

– Тренеры велели им похудеть как можно скорее, поэтому они стали принимать таблетки.

– Это было два года назад, – сказал Бовуар. – Теперь эфедра запрещена, верно?

– Насколько мне известно. Хотя я могу и ошибаться. Ты проверишь это? – спросил Гамаш у Лемье.

– Конечно.

Направляясь к уютной гостинице, Гамаш улыбался. Энтузиазм Лемье нравился ему. Это и было одной из причин, по которым он взял Лемье в команду. Когда Гамаш расследовал предыдущее дело в Трех Соснах, Лемье работал в отделении полиции Кауансвилла и произвел на старшего инспектора хорошее впечатление.

Жертва того убийства жила в старом доме Хадли.

Они вошли на просторную веранду гостиницы. Это трехэтажное здание прежде было почтовой станцией на пути между Уильямсбургом и Сен-Реми и располагалось на старой почтовой дороге.

Войдя внутрь, Гамаш увидел деревянные полы, яркие индейские

коврики и изящные подвыцветшие занавески.

Но он пришел сюда не для того, чтобы расслабляться. Он пришел, чтобы выяснить причину смерти Мадлен Фавро. Был ли это обычный инфаркт, вызванный возбуждением и страхом? Принимала ли она эфедру сама? Или тут действовали какие-то злобные закулисные силы, скрывающиеся за приятным фасадом Трех Сосен?

Оливье сказал, что Жанна Шове сняла маленький номер на первом этаже.

– Оставайся здесь, – приказал Гамаш, взглянув на Лемье, а сам вместе с Бовуаром двинулся по короткому коридору.

– Думаете, она сможет одолеть нас? – с улыбкой прошептал Бовуар.

– Не исключаю, – серьезно ответил Гамаш и постучал в дверь.

Глава четырнадцатая

Никакого ответа.

Гамаш и Бовуар ждали. Сквозь приоткрытое окно в конце коридора сюда проникал солнечный свет и свежий воздух, простые белые занавески слабо шевелились на ветру.

Но они продолжали ждать. У Бовуара чесались руки постучать еще раз. На сей раз посильнее, словно настойчивость и нетерпение могли вызвать человека, подобно заклинанию. Вот бы так было на самом деле! Ему не терпелось встретиться с этой женщиной, которая общается с призраками. Может, они ей нравятся? И поэтому она занимается своим делом? А может быть, живые люди не желают с ней общаться? Возможно, у нее нет другого общества, кроме мертвецов, которые не менее капризны, чем живые. Она наверняка сумасшедшая. В конечном счете ведь духи – они же не настоящие. Кроме разве что Святого Духа. Но если… Нет. По этой дороге он не пойдет. Он посмотрел на терпеливый профиль Гамаша – неужели шеф собирается провести весь день, стоя перед этими закрытыми дверями?

– Мадам Шове? Это Арман Гамаш из полиции Квебека. Я бы хотел с вами поговорить.

Бовуар чуть улыбнулся. Выглядело так, словно старший инспектор адресовал свои слова двери.

– Я вижу эту улыбку, месье. Может быть, вы попробуете?

Гамаш отошел в сторону, а Бовуар занял его место и постучал в дверь ладонью:

– Полиция, откройте!

– Блестяще, mon ami! Именно так и нужно обращаться к беззащитной женщине. – Гамаш развернулся и пошел по коридору, потом оглянулся на Бовуара. – Я позволил тебе сделать это, потому что знал: ее там нет.

– А я сделал это только потому, что знал: вам это покажется забавным.

Когда они вернулись, Лемье показал на доску с ключами:

– Тут на крючке висит ключ. Мы можем войти без разрешения?

– Пока нет, – сказал Бовуар. – У нас не имеется ордера, и мы не уверены, что произошло убийство.

И все же ему понравился ход мыслей Лемье.

– Что теперь? – спросил он Гамаша.

– Нужно обыскать это место.

Пока Бовуар и Лемье обыскивали столовую, кухню, спальни и подвал, Гамаш зашел в гостиную и уселся в большое кожаное кресло.

Он закрыл глаза и прогнал все мешавшие ему мысли. Гамаш был взволнован. Куда делась Жанна Шове? Чем она занята сейчас? Что чувствует? Вину? Раскаяние? Удовлетворение?

Чем был этот спиритический сеанс – трагическим провалом или выдающимся успехом?

Агент Робер Лемье стоял на пороге между гостиной и столовой и смотрел на старшего инспектора.

Временами агента Лемье мучили сомнения. Некий кризис веры, о котором говорили его родители несколько десятилетий назад. Но его церковью была Квебекская полиция, которая приняла его в свои ряды, дала ему цель в жизни. Если его родители в конечном счете расстались с церковью, он свою не собирался оставлять. Он ее никогда не оставит и никогда не предаст. Родители воспитали его, выкормили, приучили к порядку, они любили его. Но Квебекская полиция дала ему дом. Он любил родителей и сестер, но что такое быть полицейским, знали только другие квебекские полицейские. Выйти из двери с самоуверенным и дерзким видом, но при этом не забыть сказать своей милашке, что ты ее любишь, – так, на всякий случай.

Глядя на старшего инспектора Гамаша – тот закрыл глаза и откинул голову назад, доверчиво выставив кадык, – Лемье на мгновение задумался: а правда ли все то, что ему наговорили о Гамаше? Когда-то, не так уж давно, Лемье восхищался Гамашем. Придя в управление, он увидел этого знаменитого человека – тот шел по коридору, следом за ним полицейские ниже рангом, они тогда расследовали одно из самых сложных и жестоких преступлений. Но он нашел время улыбнуться и приветственно кивнуть новичку. Они изучали его дела. Они наблюдали и радовались, когда Арман Гамаш довел до логического конца дело грязного суперинтенданта Арно. И спас Квебекскую полицию.

Но вещи в действительности оказываются совсем не такими, какими кажутся.

– Ничего не нашли.

Бовуар прошел мимо Лемье в гостиную. Гамаш открыл глаза и посмотрел на двоих полицейских, потом его взгляд остановился на Лемье. И встретился со взглядом молодого полицейского.

Наконец Гамаш моргнул и поднялся со стула:

– Ну хватит, ты уже достаточно отдохнул. Пора и поработать. Агент

Лемье, прошу оставаться здесь и ждать возвращения Жанны Шове. А мы с тобой, – сказал он Бовуару на пути к двери, – отправляемся к Хейзел Смит.

Глядя на удаляющихся Гамаша и Бовуара, Лемье нажал на своем мобильнике кнопку быстрого набора:

– Суперинтендант Бребёф? Говорит агент Лемье.

– Есть что-нибудь? – раздался в трубке уверенный голос.

– Кое-что. По-моему, это может оказаться полезным.

– Хорошо. Агента Николь поблизости не видать?

– Пока нет. Спросить про нее?

– Не глупи. Никаких вопросов такого рода. Расскажи мне все, что знаешь.

На другом конце трубки наступило молчание. Бребёф сжал челюсти. Он не был терпеливым человеком, хотя и долго ждал, чтобы покончить с Гамашем. Они вместе росли, вместе поступили в полицию, вместе получали повышение. Оба претендовали на звание суперинтенданта, о чем с удовольствием вспоминал Бребёф. Он никогда не забывал об этом маленьком подарке, а в трудные моменты снова прокручивал эти события перед своим мысленным взором. Теперь он делал это снова. Сдирал слои своих улыбок, кивков, подхалимства по отношению к лучшему другу. А потом он получил огромный и неожиданный дар. И получил желанное звание. Суперинтендантом стал не великий Арман Гамаш, а он, Мишель Бребёф. И на какое-то время его амбиции были удовлетворены. До дела Арно. Он быстро сменил обертку и затолкал утешающие его мысли на задворки памяти. Ему необходимо сосредоточиться, быть осторожным.

– Ты знаешь, сынок, почему ты это делаешь?

– Да, сэр.

– Не дай ему очаровать тебя, не дай провести тебя за нос. Большинство людей на это поддаются. Вот и суперинтендант Арно поддался – сам знаешь, где он теперь. Ты должен сосредоточиться, Лемье.

Когда Лемье пересказал ему события этого дня, Бребёф обдумал услышанное.

– Я хочу попросить тебя кое о чем. Риск тут есть, но, мне кажется, небольшой.

Он проинструктировал Лемье.

– Все это скоро закончится, – добродушно заверил он, – и тогда полицейские, которым хватило мужества защищать то, во что они верят, будут вознаграждены по заслугам. Ты отважный молодой человек, и поверь мне, я знаю, насколько это трудно.

– Да, сэр.

Бребёф отключился. Как только это дело закончится, ему придется решать, что делать с Робером Лемье дальше. Молодой агент уж слишком впечатлителен.

Агент Лемье, отключившись, ощутил что-то странное в груди. Не давление, которое не отпускало его с того самого дня, когда суперинтендант Бребёф обратился к нему за помощью, а освобождение, эйфорию.

Ведь суперинтендант Бребёф только что предложил ему повышение, верно? Разве он, Лемье, не может делать то, что подобает честному полицейскому, и в то же время получать от этого выгоду? Как далеко удастся ему идти по этому пути? В конечном счете все может завершиться вполне благополучно.

Хейзел Смит ждала возвращения Мадлен. Каждый шаг, каждый скрип ступени, каждый поворот дверной ручки – и она вздрагивала: вот сейчас войдет Мадлен.

Но она не появлялась. Каждую минуту этого дня Хейзел заново теряла Мадлен. И наконец дверь гостиной открылась, Хейзел подняла взгляд, ожидая увидеть бодрое лицо Мад и поднос с чаем – ведь время чая как раз наступило. Но вместо этого она увидела бодрое лицо дочери.

Софи появилась с огромным бокалом красного вина для себя и прошла по тесной комнате до дивана.

– Так что у нас на обед? – спросила она, плюхнувшись в кресло и хватаясь за журнал.

Хейзел уставилась на эту чужую женщину. Вчера вечером она потеряла их обеих. Мадлен умерла, а в Софи вселились демоны. Она стала другой. Что случилось с необщительной, эгоистичной Софи?

Существо, сидевшее перед ней, излучало свет. Словно дух Мадлен вселился в Софи. Но только этот дух был лишен сердца. Души. То, что излучала Софи, не было ни радостью, ни любовью, ни теплом.

Это было счастьем. Мадлен умерла ужасным, нелепым образом. А Софи была счастлива.

И чуть не до смерти напугала этим Хейзел.

Бовуар сидел за рулем, а Гамаш выполнял функции штурмана, пытаясь привязать их маршрут к карте. Машину трясло на ухабах и выбоинах. Ему казалось, что они не двигаются вперед, а совершают какие-то безумные виражи. Слава богу, что он не страдал морской болезнью.

– Это где-то здесь. – Гамаш сложил карту и посмотрел через ветровое

стекло. – Осторожнее.

Бовуар крутанул баранку, но все равно они попали в выбоину.

– Знаете, я вполне прилично ехал, пока вы не стали мне помогать, – проворчал он.

– Ты не пропустил ни одной выбоины между этим местом и Тремя Соснами. Осторожнее.

Машина попала еще в одну яму, и у Гамаша возник естественный вопрос: сколько еще такой езды выдержат его покрышки?

– Проедем через деревню Нотр-Дам-де-Руф-Трюс до выезда с другой стороны. Там будет поворот направо. К Шемен-Эраблери.

Бовуар не поверил своим ушам:

– Нотр-Дам-де-Руф-Трюс?[36]

– Ты небось ожидал Сент-Руф-Трюс.

Бовуар подумал, что Три Сосны – это хоть имеет какой-то смысл. Уильямсбург и Сен-Реми имеют смысл. Возможно, Стропильные Фермы как-то связаны со строительством?

Проклятые англичане. Вот и доверяй им самим выбирать себе название. Это все равно что назвать деревню Королевский Банк или Бетонный Фундамент. Вечно строятся, вечно хвастаются. А что с этим делом? Хоть кто-нибудь в Трех Соснах умирает естественной смертью? Там даже убийства какие-то ненормальные. Они что, не могли устроить поножовщину, воспользоваться пистолетом или бейсбольной битой? Нет, непременно выдумают что-нибудь запутанное. Сложное.

Ужасно не по-квебекски. Квебекцы такие простые, ясные. Если ты им нравишься, они тебя обнимают. Когда они тебя убивают, то шарахают чем-нибудь по башке. Бах – и дело сделано. Суд. Приговор. Следующий.

Никаких тебе «может быть» или «вряд ли».

Бовуар уже начал воспринимать это как нечто личное, хотя он и был благодарен за то, что нынешнее дело избавило его от поиска пасхальных яиц вместе с родственниками жены. Причем никаких детей тут не было. Только он и его жена Энид. Ее родители ждали их, предполагая, что они будут искать шоколадные яйца, запрятанные по всему родительскому дому. Они даже шутили, что ему, сыщику, это будет легко. А он думал, что проще всего будет приставить пистолет к голове тестя и заставить его сказать, куда он запрятал эти чертовы пасхальные яйца. Но тут произошло чудо: его вызвали на расследование.

Бовуар спросил себя, как там выкручивается бедняжка Энид. Да, достается ей. Ведь это же ее чокнутые родители.

Они быстро проехали деревню Нотр-Дам-де-Руф-Трюс. И

действительно увидели над небольшим производственным зданием громадную выцветшую вывеску «Стропильные фермы». Бовуар тряхнул головой.

Старый кирпичный дом выходил на дорогу. На лужайке перед домом росло несколько больших кленов, а возле самого дома и вдоль подъездной дорожки Гамаш заметил то, что, вероятно, через несколько недель станет цветущими клумбами. Дом был небольшой, уютный, и он словно говорил, что готов к изменениям. А пока – листья еще не проклюнулись, цветы не расцвели, трава не выросла.

Гамаш любил осматривать жилища тех, кто имел какое-либо отношение к преступлению. Ему хотелось знать, какой выбор они делают для своего личного пространства. Какие предпочитают цветы, украшения. Ароматы. Есть ли у них книги и какие.

Какая атмосфера царит в доме.

Ему приходилось бывать в хижинах на краю света, где на полу лежали протертые до дыр коврики, на окнах висели драные занавески, а обои отслаивались. Но внутри его встречал запах свежесваренного кофе и только что выпеченного хлеба. Стены были украшены громадными фотографиями улыбающихся подростков на выпускном вечере, а на ржавых, покореженных сервировочных столиках стояли скромные поколотые вазы с веселенькими нарциссами, или ивняком в цвету, или крохотными дикими цветочками, сорванными усталой рукой для глаз, которые будут ими восторгаться.

Бывал он и в особняках, похожих на мавзолеи.

Ему не терпелось узнать, какова атмосфера в доме Мадлен Фавро. Снаружи дом казался унылым, но Гамаш знал, что многие дома выглядят уныло весной, когда яркий веселый снег уже сошел, а цветы и деревья еще не расцвели.

Перемещаться по дому было совершенно невозможно – вот первое, что его поразило, когда он вошел туда. Даже в тесную прихожую хозяева умудрились втиснуть платяной шкаф, книжный шкаф и длинную деревянную скамью, под которой стоял ряд покрытой грязью обуви.

– Меня зовут Арман Гамаш.

Он слегка поклонился женщине средних лет, открывшей им дверь.

Хейзел была опрятно одета в свободные брюки и свитер. Удобные, привычные. Она слабо улыбнулась, когда он показал ей свое удостоверение:

– В этом нет нужды, старший инспектор. Я знаю, кто вы.

Она отошла в сторону, впуская их. Первое впечатление Гамаша было такое: приличный человек пытается нащупать верный способ поведения в неприличной ситуации. Она говорила с ним по-французски, хотя и с сильным английским акцентом. Была вежлива и сдержанна. Единственным свидетельством того, что в доме не все в порядке, были темные круги у нее под глазами, словно скорбь поразила ее физически.

Но Арман Гамаш знал и кое-что еще. Скорбь иногда проявляется не сразу. Первые дни родственники или близкие друзья жертв преступления пребывают в благодатном состоянии ступора. Они почти всегда стойко держатся, делают то, что полагается делать в обычной жизни, так что сторонний наблюдатель может и не догадаться о катастрофе, которая обрушилась на них. Большинство людей ломаются постепенно, как старый дом Хадли.

Гамаш почти что видел неизбежных всадников на холме над Хейзел, их кони фыркали, били копытом, стараясь вырваться из узды. Они знаменовали конец всему, что знала Хейзел, всему знакомому и предсказуемому. Эта владеющая собой женщина смело сдерживала мародерскую армию скорби, но скоро та прорвет оборону Хейзел и сломит ее, и все знакомое будет разрушено.

– Клара Морроу заезжала ко мне узнать, как я поживаю, и привезла еду. Она предупредила, что вы, вероятно, посетите меня.

– Я тоже мог бы принести еду. Извините.

Гамаш попытался снять куртку, не задев при этом Бовуара, прижавшегося к входной двери. Он ударился костяшками пальцев о платяной шкаф, и из книжного шкафа выпало несколько книг. Но в конечном счете снять куртку ему удалось.

– В этом нет необходимости, – сказала Хейзел, забирая у него куртку и пытаясь открыть платяной шкаф. – Я сказала Кларе, что у нас всего хватает. Правда, долго я с вами не смогу говорить. У бедняжки мадам Тюркотт на старости лет случился удар, и я должна отнести ей обед.

Они последовали за Хейзел в дом.

По столовой еле можно было протиснуться, и, когда они в конце концов добрались до гостиной, Гамаш чувствовал себя так, будто ему пришлось продираться через африканские джунгли. Он надеялся, что на какое-то время они сумеют разбить здесь лагерь. Если только удастся расчистить достаточное пространство.

В маленькой комнате стояли два дивана (в том числе самый большой из всех, какие доводилось видеть Гамашу), а также самые разные стулья и столы. Маленький кирпичный дом был набит, переполнен, заставлен и

темен.

– Тут тесновато, – сказала Хейзел, когда они все уселись: Гамаш и Бовуар на громадном диване, а Хейзел на потертом старинном кресле напротив.

У ее ног стояла корзинка для рукоделия. Гамаш знал, что это ее кресло, хотя оно и не было лучшим в комнате. Лучшее оставалось пустым и стояло около камина. На столике под лампой лежала открытая книга.

Книга на французском, принадлежащая перу квебекского писателя, от которого Гамаш был в восторге.

Место Мадлен Фавро. Лучшее в комнате. Как было принято это решение? Она просто заняла его? Или Хейзел предложила ей это место? Была ли Мадлен бесцеремонной женщиной? Была ли Хейзел профессиональной жертвой?

Или просто они были добрыми друзьями, которые решали проблемы естественно и по-дружески и по очереди получали «лучшее».

– Не могу поверить, что ее нет, – сказала Хейзел, садясь так, словно у нее ноги подкосились.

Гамаш знал, что утрата именно так и действует. Ты теряешь не только близкого человека. Ты теряешь свое сердце, свои воспоминания, смех, мозг, даже собственные кости начинают тебе отказывать. Со временем все это возвращается, но уже в другом виде. Измененное.

– Вы давно знали мадам Фавро?

– Мне кажется, что всю жизнь. Мы познакомились в школе. У нас был общий классный руководитель в седьмом классе, и мы подружились. Я была застенчивой, но она по какой-то причине приняла меня. Жизнь моя стала легче.

– Почему?

– Потому что у меня появился друг, старший инспектор. Человеку и нужен-то всего один друг. И ваша жизнь меняется.

– У вас, вероятно, были друзья и прежде, мадам.

– Верно. Но таких, как Мадлен, не было. Когда она стала моим другом, произошло какое-то волшебство. Мир стал ярче. Вы меня понимаете?

– Понимаю, – кивнул Гамаш. – Снимается пелена.

Она благодарно кивнула ему. Он понял. Но теперь она чувствовала, как пелена медленно возвращается. Мадлен была мертва всего несколько часов, а тьма уже приближалась, а вместе с ней – пустота. Она занимала весь горизонт.

Одна умерла, другая осталась. Одна. Опять одна.

– Но вы ведь не всегда жили вместе?

– Нет, конечно. – Хейзел рассмеялась, удивив саму себя. Может быть, тьма была всего лишь угрозой. – После школы мы пошли каждая своим путем, но несколько лет назад снова встретились. Она прожила здесь почти пять лет.

– Мадам Фавро никогда не страдала избыточным весом?

Он уже привык к тому, что этот вопрос вызывает недоуменное выражение на лицах его собеседников.

– Мадлен? Нет, мне об этом неизвестно. После школы она набрала несколько фунтов, но ведь двадцать пять лет прошло. Это естественно. Однако толстой она никогда не была.

– Но вы много лет ее не видели.

– Это верно, – признала Хейзел.

– Почему мадам Фавро переехала сюда?

– Брак у нее сложился неудачно. Мы жили каждая своей жизнью, но вот решили жить вместе. Она в то время была в Монреале.

– Было трудно найти для нее место?

– Вы весьма дипломатично выражаетесь, старший инспектор. – Хейзел улыбнулась, и он понял, что она ему нравится. – Если бы она привезла с собой зубную щетку, у нас случилась бы катастрофа. К счастью, она ничего не привезла, кроме себя. И этого было достаточно.

Вот оно что. Просто, без принуждения, приватно. Любовь.

Хейзел закрыла глаза и снова улыбнулась, потом брови ее соединились.

В комнате вдруг повисло ощущение боли. Гамашу захотелось взять сцепленные пальцы Хейзел в свои. Любой другой старший офицер Квебекской полиции счел бы это не только слабостью, но и глупостью. Но Гамаш знал, что только такими способами и можно найти убийцу. Он слушал, что ему говорят, делал записи, собирал свидетельства, как и все его коллеги. Но он делал и кое-что еще.

Он собирал чувства. Собирал эмоции. Потому что убийство – дело глубоко человеческое. Его интересовало не то, что делали люди, а то, что они чувствовали, потому что именно в чувствах и кроется первопричина преступления. Некоторые чувства, прежде человеческие и естественные, вырождаются. Вырастают до невероятных размеров. Становятся горькими и мучительными, пожирают своего носителя. Человек практически перестает существовать.

Эмоция годами вызревает до этого состояния. Годы осторожного вынашивания, кормления, оправдания, забот, и наконец мы хороним ее. Живьем.

Но потом, в один не самый прекрасный день, что-то прорывается наружу, и оно ужасно.

И у него одна-единственная цель. Убить.

Арман Гамаш находил убийц, идя по следам дурнопахнущих эмоций.

Бовуар, сидевший рядом с ним, заерзал на диване. Не потому, подумал Гамаш, что он такой нетерпеливый. Пока еще нет. А потому, что диван словно вдруг зажил собственной жизнью и ощетинился тонкими иголочками.

Хейзел открыла глаза, посмотрела на Гамаша и слабо улыбнулась, видимо благодарная за то, что он не мешал ей.

Сверху до них донесся стук.

– Это моя дочь Софи. Приехала из университета.

– Кажется, вчера вечером она присутствовала на спиритическом сеансе, – сказал Гамаш.

– Это было глупо, глупо! – Хейзел ударила кулаком по подлокотнику кресла. – Я как чувствовала.

– Тогда почему же пошли?

– В первый раз я и сама не ходила, и Мадлен пыталась отговорить…

– В первый раз? – Бовуар выпрямился и почти забыл, что миллион маленьких иголочек впиваются ему в задницу.

– Да. А вы разве не знали?

Гамаша всегда удивляло и немного тревожило, что люди думают, будто полиция должна знать все и сразу.

– Расскажите нам об этом, пожалуйста.

– Был еще один сеанс в пятницу вечером. В Страстную пятницу. В бистро.

– И мадам Фавро на нем присутствовала?

– Вместе с кучей других людей. Ничего особенного не произошло, поэтому они решили попробовать еще раз. Теперь в том месте.

Гамаш спросил себя, намеренно ли Хейзел Смит не назвала старый дом Хадли, на манер актеров, которые называют «Макбета» «шотландской пьесой».

– А часто в Трех Соснах бывают спиритические сеансы? – спросил Гамаш.

– Это первый, насколько мне известно.

– Так почему два в один уик-энд?

– Это была вина той женщины.

Когда она сказала это, ее маска стала спадать, и Гамаш увидел то, что скрывалось под ней. Не печаль. Не утрата.

Гнев.

– Какой женщины, мадам? – спросил Гамаш, хотя и знал ответ.

Иголки все глубже и глубже вонзались в задницу Бовуара.

– Почему вы здесь? – спросила Хейзел. – Разве Мадлен убили?

– О ком вы говорите? О какой женщине? – твердым голосом повторил Гамаш.

– Об этой колдунье. О Жанне Шове.

«Все дороги ведут к ней, – подумал Гамаш. – Но где она?»

Глава пятнадцатая

Арман Гамаш открыл дверь в спальню Мадлен Фавро. Он знал, что ближе уже никогда не сможет подойти к этой женщине.

– Так Мадлен убили?

Эти слова догнали их еще раз наверху, у самой двери в спальню.

– Вы, вероятно, Софи, – сказал Бовуар, подходя к молодой женщине, которая и задала этот вопрос.

Волосы у нее были влажны после недавно принятого душа. Даже с расстояния в несколько шагов он ощутил запах свежего фруктового шампуня.

– И как вы только догадались?

Она широко улыбнулась, наклонила голову и протянула руку. Софи Смит была стройной девушкой, одетой в белый махровый халат. «Интересно, – подумал Бовуар, – знает ли эта молодая женщина, какое впечатление она производит?»

Он улыбнулся ей в ответ и решил, что, вероятно, она знает.

– Вы спрашивали об убийстве. – Бовуар напустил на себя задумчивый вид, словно серьезно рассматривал ее вопрос. – У вас много опасных мыслей?

Она рассмеялась, словно он сказал нечто крамольное и умное, и игриво толкнула его.

Гамаш проскользнул в комнату Мадлен, оставив Жана Ги Бовуара опробовать свое сомнительное обаяние.

В комнате слегка пахло парфюмерией, точнее, туалетной водой. Чем-то легким и изысканным. Здесь не было того сильного, головокружительного аромата молодых женщин, который Гамаш ощутил в коридоре.

Он внимательно осмотрел комнату. Она была маленькая и светлая даже при бледном солнце. На окне висели тонкие белые занавески, назначение которых состояло в том, чтобы отбрасывать легкую тень, а не преграждать дорогу свету. Комната была выкрашена свежей белой краской, а кровать застлана белым стеганым покрывалом. Кровать была двуспальная – Гамаш сомневался, что сюда можно втиснуть кровать бóльших размеров, – и медная. Это была хорошая антикварная вещь, и Гамаш не удержался, провел большой рукой по холодному металлу. На прикроватных

тумбочках стояли лампы, на одной лежала стопка журналов и книг, на другой стоял будильник. Цифры показывали 16:19. Гамаш вытащил из кармана носовой платок и нажал кнопку будильника – циферблат замигал на семи часах утра.

В стенном шкафу висели платья, юбки и блузы. Большинство двенадцатого размера, один предмет – десятого. В верхнем ящике желтоватого соснового комода хранилось нижнее белье, чистое, но не сложенное. Тут же были бюстгальтеры и носки. В других ящиках лежали свитера и несколько футболок; было ясно, что Мадлен еще не перешла с зимней одежды на летнюю. И теперь уже не перейдет.

– Расскажите мне о прошлом вечере, – попросил Бовуар, прислонившись к стене.

– Что вы хотите узнать? – Софи тоже встала боком к стене приблизительно в футе от него.

Он чувствовал себя неловко – его личное пространство было нарушено. Но он знал, что сам на это напросился. И это было лучше дивана с колючками.

– Скажите, почему вы пошли на этот сеанс?

– Вы что, смеетесь? Проведите-ка три дня здесь, на краю света, с двумя старухами. Если бы они сказали, что мы будем купаться в кипящем масле, я бы тоже пошла.

Бовуар рассмеялся.

– Нет, вообще-то, я ждала приезда домой. Ну, вы знаете, постираться и всякое такое. К тому же мама готовит мою любимую еду. Но боже мой, два часа – и ты уже сыта по горло.

– А какая была Мадлен?

– В этот уик-энд или вообще?

– Вы увидели какую-то разницу?

– Когда она здесь только-только появилась, то, пожалуй, была довольно милой. Через полгода я уехала учиться в университет. Видела их только по праздникам и летом. Поначалу она мне нравилась.

– Поначалу?

– Она стала другой. – Софи повернулась и прислонилась к стене спиной, выставив вперед грудь и бедра и уставившись на голую стену напротив.

Бовуар хранил молчание. Ждал. Он ждал, что она скажет кое-что еще, и подозревал, что она хочет ему об этом сказать.

– На этот раз она была уже не так мила. Не знаю…

Она опустила голову, волосы упали вниз, и Бовуар больше не мог видеть ее лицо. Софи что-то пробормотала.

– Простите, не расслышал.

– Мне ее не жалко, – сказала Софи, поднеся сложенные руки ко рту. – Она воровала.

– Что? Драгоценности? Деньги?

– Нет-нет, ничего такого. Другое.

Бовуар вгляделся в волосы Софи, потом опустил взгляд на ее пальцы. Она сцепила их так, словно нуждалась в поддержке, которую ей никто не предлагал.

Гамаш взял книги с прикроватной тумбочки Мадлен. Английские и французские. Биографии, история Европы после Второй мировой войны и художественные произведения широко известного канадского автора. Эклектический вкус.

Он просунул длинную руку между пружинной сеткой и матрасом и принялся прощупывать это пространство. Из собственного опыта он знал: если у людей есть книги или журналы, существование которых они хотят скрыть от других, то прячут их именно там – под матрасом.

Следующий по популярности тайник предназначался не для того, чтобы прятать, – его использовали больше из соображений обычной приватности. Ящик прикроватной тумбочки. Открыв его, Гамаш обнаружил там книгу.

Почему Мадлен держала ее отдельно? Хотела сохранить владение ею в тайне? Книга казалась довольно безобидной.

На обложке красовалась фотография улыбающейся пожилой женщины в одежде из твида и в длинных роскошных ожерельях. В одной руке женщина красноречиво держала бокал с коктейлем. «Пол Хиберт. „Сара Бинкс“» – было написано на обложке. Гамаш раскрыл книжку и прочитал отрывок на выбор. Сел на кровать и прочитал еще страничку.

Пять минут спустя он все еще читал и улыбался. Временами громко смеялся. Потом виновато огляделся, закрыл книгу и сунул себе в карман.

Несколько минут спустя он завершил поиски, закончив их в шкафчике у двери. Там Мадлен держала несколько фотографий в рамочках. Он взял одну и увидел Хейзел с другой женщиной. Стройной, с очень короткими темными волосами и сверкающими карими глазами. Благодаря короткой стрижке большие глаза казались еще больше. Она улыбалась широкой улыбкой, в которой не было ни искусственности, ни личного интереса.

Их близость была естественной. Хейзел – спокойная и

удовлетворенная, и другая женщина – вся сияющая.

Наконец-то Арман Гамаш увидел Мадлен Фавро.

– Печальный дом, – сказал Бовуар, глядя в зеркало заднего вида. – Как по-вашему, он был когда-нибудь счастливым?

– Я думаю, когда-то он был очень счастливым, – ответил Гамаш.

Бовуар передал шефу свой разговор с Софи. Гамаш выслушал его, потом посмотрел в окно и увидел только одинокий свет вдалеке. Они двинулись по ухабам в Монреаль, а на землю тем временем опустилась темнота.

– Какое у тебя сложилось впечатление? – спросил Гамаш.

– Я думаю, Мадлен Фавро вытеснила Софи из ее собственного дома. Может быть, не намеренно, но, вероятно, для нее здесь просто не хватало места. В доме почти нет пространства, чтобы двигаться, а с переездом сюда Мадлен и вообще жить стало невозможно.

– Кто-то должен был уйти, – сказал Гамаш.

– Софи.

Гамаш кивнул в темноту и подумал о любви столь всепоглощающей, что она сожрала и выплюнула собственную дочь Хейзел. Что должна чувствовать эта дочь?

– А вам что удалось узнать? – спросил Бовуар.

Гамаш описал комнату Мадлен.

– Но эфедру вы там не нашли?

– Ни следа. Ни в комнате, ни в ванной.

– И что вы думаете?

Гамаш взял телефон и набрал номер:

– Я думаю, Мадлен не сама принимала эфедру. Эту дозу дал ей кто-то другой.

– Дозу достаточную, чтобы она умерла?

– Чтобы ее убить.

Глава шестнадцатая

– Привет, папа, – раздался в трубке раздраженный голос Даниеля. – Где ее зайчик? Мы не можем провести семь часов в самолете без этого зайчика. И без гара.

– Вы когда уезжаете в аэропорт? – спросил Гамаш, взглянув на часы на приборной панели «вольво».

Двадцать минут шестого.

– Мы уже полчаса как должны были уехать. Но у Флоранс гар пропал.

Старший инспектор прекрасно понимал ситуацию. Желтую соску-пустышку, которая так полюбилась Флоранс, подарил внучке другой дед, папа Грегуар. Папа Грегуар заметил мимоходом, что она сосет пустышку так же, как он когда-то сосал сигару. Флоранс услышала, и соска превратилась в «гар». Самое ее драгоценное владение. Без гара ни о каком полете и речи не могло быть.

Гамаш пожалел, что не припрятал соску.

– Что, детка? – произнес Даниель не в трубку. – Слава богу! Папа, мы их нашли. Пора ехать. Обнимаю.

– И я тебя обнимаю, Даниель.

Даниель отключился.

– Отвезти вас в аэропорт? – спросил Бовуар.

Гамаш снова посмотрел на часы. Самолет улетал в семь тридцать. Через два часа.

– Нет, не надо. Слишком поздно. Merci.

Бовуар был рад, что предложил, но еще больше, что шеф отказался. В его груди расцвел маленький цветочек удовлетворения. Даниель, считай, улетел. И шеф снова полностью принадлежал ему.

Не унывайте, несмотря на горе,
Ведь все равно от горя не уйти,
Хотя ветра уносят все…

В поисках вдохновения Одиль уставилась на пачки овсянки на полках.

– Хотя ветра уносят все, – тупо повторила она.

Ей нужно было найти какую-нибудь рифму к слову «горе».

– Море? На просторе? Вскоре? Хотя ветра уносят все в раздоре? – с

надеждой в голосе сказала Одиль.

Нет, это было неплохо, но все же не то.

Весь день в магазине, которым они владели с Жилем в Сен-Реми, она ощущала прилив вдохновения. Оно накатывало на нее волнами, и теперь все обратные стороны чеков и пустые коричневые бумажные пакеты были испещрены ее каракулями. Одиль чувствовала, что большинство из написанного ею очень неплохо и может быть опубликовано. Потом она все это напечатает и отошлет в «Дайджест свиновода». Там почти всегда принимали ее вирши и почти никогда ничего не правили. Муза нечасто была столь щедрой, но сегодня Одиль чувствовала такую легкость на сердце, какой не было вот уже несколько месяцев.

Весь день люди приходили в магазин, большинству нужна была какая-то мелочь и масса информация, и Одиль с удовольствием предоставляла им ее после словесного вступления.

– Вы там были, дорогая?

– Это, наверное, было ужасно.

– Бедный месье Беливо! Он ведь ее искренне любил. И жена у него умерла всего два года назад.

– Она действительно испугалась до смерти?

Но именно к этому воспоминанию Одиль не хотела возвращаться. Крик Мадлен замер, словно она увидела что-то столь ужасное, что оно обратило ее в камень, будто это было какое-то мифическое чудовище, голова, опутанная змеями. Одиль это никогда не казалось таким уж страшным – ее монстры всегда обретали человеческие черты.

Да, Мадлен испугалась до смерти – так ей и надо за все те страхи, что пережила по ее милости Одиль за последние несколько месяцев. Но теперь этот страх прошел, словно шторм пронесся над городком и стих.

Шторм. Одиль улыбнулась и поблагодарила свою музу за то, что та вернулась к ней.

Хотя ветра уносят все в шторморе,
Мы не свернем со своего пути.

Был шестой час – пришло время закрываться. Сегодня она хорошо поработала.

Старший инспектор Гамаш позвонил агенту Лемье, который все еще находился в гостинице Габри.

– Она пока не вернулась, шеф. Но Габри здесь.

– Передай, пожалуйста, ему телефон.

Через несколько секунд раздался знакомый голос:

– Salut, patron.

– Salut, Gabri. Скажите, мадам Шове приехала к вам на машине?

– Нет, она просто возникла из ниоткуда, хе-хе. Ну конечно она приехала на машине. Как сюда иначе добраться?

– Ее машина все еще у вас?

– Хороший вопрос. – Габри двинулся с телефоном к двери и вышел на веранду. – Oui, c’est ici[37]. Маленький зеленый «эко».

– Значит, она не могла уйти далеко, – сказал Гамаш.

– Хотите, чтобы я открыл дверь в ее номер? Я могу сделать вид, что это для уборки. Вот я беру ключ… – (Гамаш услышал звяканье ключа, снимаемого с крючка), – и уже иду по коридору.

– Не могли бы вы дать ключ агенту Лемье? Дверь должен открыть он.

– Отлично, – с легким недовольством произнес Габри.

Несколько секунд спустя заговорил Лемье:

– Я отпер дверь, шеф. – Последовала мучительная пауза: агент Лемье вошел в комнату и включил свет. – Ничего. Номер пуст. В ванной тоже никого. Хотите, чтобы я осмотрел ящики?

– Нет, это будет уже слишком. Я только хотел убедиться, что ее там нет.

– Что она не лежит здесь мертвая? Я тоже об этом думал, но ее здесь нет.

Гамаш попросил снова передать трубку Габри.

– Patron, нам могут понадобиться номера на завтра.

– Надолго?

– Пока не раскроем дело.

– А если вы его не раскроете? Тогда останетесь навсегда?

Гамаш вспомнил изящные, соблазнительные номера, мягкие подушки, хрустящие простыни и кровати такие высокие, что рядом с ними стояла приступочка. Прикроватные тумбочки с книгами, журналами и водой. Приятные ванные комнаты со старой плиткой и новой сантехникой.

– Если каждое утро будете готовить яйца со шпинатом, то останусь, – пообещал Гамаш.

– Вы невменяемый человек, – сказал Габри, – но вы мне нравитесь. И не беспокойтесь за номера. У нас их достаточно.

– Даже на Пасху? Есть свободные места?

– Свободные? Да про нас никто не знает, и я надеюсь, что так оно и

дальше будет, – фыркнул Габри.

Гамаш попросил Габри сообщить ему, когда вернется Жанна Шове, сказал Лемье, чтобы отправлялся ночевать домой, и наконец отключился. Глядя в окно на другие машины, мчащиеся по дороге в Монреаль, Гамаш думал.

Куда девалась медиум?

Он всегда втайне надеялся, что некий голос прошепчет ему ответы, хотя и не знал, что будет делать, если начнет слышать голоса.

Подождав минуту и не услышав никаких голосов, он взял телефон и набрал еще один номер.

– Bonjour, суперинтендант. Все еще на работе?

– Собираюсь уходить. Что у тебя там, Арман?

– Это было убийство.

– Скажи мне, это твое ощущение или есть какие-то доказательные факты?

Гамаш улыбнулся. Старый друг хорошо его знал и, как и Бовуар, испытывал определенное недоверие к «ощущениям» Гамаша.

– Вообще-то, это мне сказал мой дух-наставник.

На другом конце наступила пауза, потом Гамаш рассмеялся:

– Это шутка, Мишель. Une blague[38]. На этот раз факты есть. Эфедра.

– Насколько мне помнится, об эфедре говорил тебе я.

– Верно, но в ее комнате или ванной эфедры не обнаружилось. И вообще не обнаружилось нигде, где она могла бы ее хранить. Судя по всему, эта женщина вовсе не считала, что ей нужно похудеть. С аппетитом у нее все было в порядке, и потребности применять опасные средства она не испытывала. Никаких бзиков относительно избыточного веса или диеты. Ни книг, ни журналов на эту тему я у нее не нашел. Ничего похожего.

– Ты думаешь, кто-то подсунул ей эфедру.

– Да, я так думаю. Я начинаю расследование убийства.

– Я не возражаю. Извини, что испортил тебе праздник. Ты успеешь проводить Даниеля?

– Нет, он уже на пути в аэропорт.

– Извини, Арман.

– Это не твоя вина, – сказал Гамаш, хотя Бребёф, который прекрасно его знал, услышал сожаление в голосе. – Мой привет Катрин.

– Передам.

Отключившись, Гамаш почувствовал облегчение. Вот уже несколько месяцев, а может быть, и дольше он чувствовал изменения, произошедшие в его друге: между ними словно появилась какая-то пленка. Та близость,

что всегда существовала между ними, как-то померкла. Ничего очевидного Гамаш не замечал и даже спрашивал себя, уж не выдумывает ли он. Он спросил об этом Рейн-Мари после ужина с Бребёфами, состоявшегося некоторое время назад.

– Я не могу назвать ничего конкретного, – попытался объяснить он. – Просто…

– Ощущение? – улыбнулась Рейн-Мари.

Она доверяла его ощущениям.

– Возможно, нечто большее. У него изменился тон, и смотрит он как-то жестче. А иногда говорит такие вещи, которые кажутся мне намеренно оскорбительными.

– Вроде того замечания насчет квебекцев, которые переезжают в Париж, думая, что они лучше других.

– Значит, ты тоже это заметила. Он знает, что Даниель уехал туда. Это была издевка? Если так, то одна из многих, что я слышал от Мишеля в последнее время. К чему бы это?

Он поразмыслил, но так и не смог сообразить, в чем причина, почему у Мишеля могло возникнуть желание вредить ему. Он не мог вспомнить ничего, что могло бы вызвать такое отношение.

– Он любит тебя, Арман. Дай ему время. Катрин говорит, что их беспокоит разлад в семье сына.

– Мишель мне не говорил, – сказал Гамаш, удивленный тем, что это его задело.

Раньше они ничего не скрывали друг от друга. Гамаш подумал, что, вероятно, ему следует быть осмотрительнее, но прогнал эту мысль. Слишком легко ответить тем же. Нет, он будет по-прежнему общаться с Мишелем и оставит для него место в своем сердце, прогонит то раздражение, что накопилось в нем по отношению к старому другу. Не стоит набрасываться на близких людей, основываясь на одних только подозрениях.

Мишель беспокоится за сына. Конечно, все дело в чем-то подобном. И их дружба с Гамашем тут ни при чем.

Но теперь, отключившись, Гамаш улыбнулся. Мишель говорил с ним так, как в прежние времена. Его былая жизнерадостность вернулась. Та черная кошка, что пробежала между ними, исчезла.

Мишель Бребёф повесил трубку и, улыбаясь, уставился на стену.

Вот оно! Бребёф получил ответ на вопрос, который мучил его несколько месяцев. Как? Как поставить точку в карьере человека,

довольного жизнью?

Теперь Мишель Бребёф знал это.

Глава семнадцатая

Агент Иветт Николь на следующее утро проснулась рано – она была слишком возбуждена, чтобы спать. Наконец он настал, тот день, которого она так ждала. День, когда Гамаш сможет увидеть, из какого материала она сделана.

Она посмотрела на себя в зеркало. Короткие рыжеватые волосы, карие глаза, кожа с красными отметинами от многочисленных угрей. Хотя Николь была худощавой, ее лицо всегда казалось слегка опухшим – прямо-таки воздушный шарик с волосами.

Она втянула щеки, закусила их зубами. Ничего лучше этого она и не ждала в жизни.

У нее были отцовские черты лица и материнский характер. Ей всегда это говорили; впрочем, она не питала особой любви к матери и нередко спрашивала себя, не делают ли это ее дядюшки и тетушки намеренно, чтобы позлить племянницу. Мать ее умерла скоропостижно – сегодня была жива, а на следующий день ее уже не стало.

Ее мать всегда была чужаком в семье. Говорливые дядюшки и тетушки Иветт Николь лишь терпели ее мать, но никогда не любили. Не уважали. Не принимали. Хотя она и старалась, видит бог. Все мелкие предрассудки и мнения Николевых становились ее предрассудками и мнениями. Но родственники только смеялись над ней и меняли мнения на другие.

Она была жалкой. Всегда пыталась стать своей, завоевать любовь людей, которые не собирались ее любить и ненавидели за эти попытки.

«Ты вылитая мать». Эти слова, произнесенные с сильным акцентом, все время звучали в ушах Николь. Похоже, это были единственные слова, которые ее дядюшки и тетушки знали по-французски. Она запомнила их, как запоминают ругательства. «Черт. Проклятье. Ты просто вылитая мать. Ужас».

Нет, она любила отца. И отец ее любил. И защищал от хора ругательств, намеков и оскорблений в их собственном доме.

– Не мажься косметикой, – раздался его голос из-за двери ванной.

Николь улыбнулась. Он явно считал, что она и без того красива.

– Без косметики ты выглядишь моложе. Более уязвимой.

– Папа, я офицер Квебекской полиции. Работаю в отделе по расследованию убийств. Я вовсе не хочу выглядеть уязвимой.

Он все время пытался вынудить ее прибегать к всевозможным трюкам,

чтобы понравиться людям. Но она знала, что трюки бесполезны. Она все равно не будет нравиться людям. Никогда не нравилась.

Ее босс позвонил вчера, прервал пасхальный ланч с родственниками. Все разговоры за столом были о том, насколько лучше жить в Румынии, или Югославии, или Чешской Республике. Они говорили на родном языке, суетились и кричали, когда она не понимала. Но она понимала достаточно, чтобы услышать: они каждый год спрашивают ее отца, почему он не красит пасхальные яйца и не печет куличи. Они постоянно пытались уличить его в каком-нибудь грехе. Никто ни разу не сказал о ее новой прическе, новой одежде, не спросил о ее работе. Господи боже, ведь она была не кто-нибудь, а агент Квебекской полиции. Единственный человек, который добился успеха во всей их дурацкой семье. Неужели они не могли спросить ее об этом? Нет. Да будь она треклятым крашеным пасхальным яйцом, они и то проявили бы к ней больше интереса.

С телефоном в руке Николь пробежала по коридору в ванную, чтобы босс не слышал насмешек над ней и кудахтанья вместо смеха.

– Вы помните, о чем мы говорили несколько месяцев назад?

– О деле Арно?

– Да. Но вы никогда не должны упоминать это имя. Вам ясно?

– Да, сэр.

Он относился к ней как к ребенку.

– Тут открылось одно дело. Уверенности в том, что это убийство, нет, но если будет, вас включат в команду. Я распорядился. Пора. Вы уверены, что сможете сделать это, агент Николь? Если нет, лучше сразу скажите мне об этом. На карту поставлено слишком многое.

– Я смогу, сэр.

И, произнося эти слова, она в них верила. Вчера. Но вот наступило сегодня. Это было убийство. Ее время пришло.

И она была испугана до смерти. Менее чем через два часа она окажется в Трех Соснах вместе с остальной командой. Но если все остальные будут искать убийцу, она попытается найти предателя в рядах Квебекской полиции. Нет, не найти. Вывести на чистую воду, чтобы он предстал перед судом.

Агент Иветт Николь любила тайны. Она любила собирать тайны других людей и хранить свои собственные. Она высаживала их в своем секретном саду, строила вокруг них стену, поливала, холила, выращивала.

Она умела хранить тайны. И наверное, босс выбрал ее именно за это качество. Но она подозревала, что причина была более приземленной. «Ты можешь это сделать, – убежденно сказала себе Николь. – Ты блестящая,

смелая, красивая».

Дрожащей рукой она поднесла тюбик помады к губам. Опустив его на мгновение, посмотрела на девицу в зеркале.

«Не облажайся».

Обхватив запястье одной руки другой, она поднесла тюбик дешевой красной помады к губам, словно ее голова была пасхальным яйцом, а она собиралась его раскрасить. В конечном счете родители будут гордиться ею.

Агент Изабель Лакост стояла ясным утром на дороге перед старым домом Хадли и смотрела на неровную, вспученную дорожку. Впечатление было такое, будто кто-то пытался выбраться из земли.

Ее отвага дошла до своего предела. Проведя более пяти лет в отделе со старшим инспектором Гамашем, сталкиваясь с неуравновешенными и слабоумными убийцами, она вдруг спасовала перед этим домом. Она заставила себя простоять там еще несколько секунд, потом развернулась и пошла прочь, чувствуя, что дом смотрит ей в спину. Она ускорила шаг и наконец побежала к своей машине.

Глубоко вздохнув, Лакост снова повернулась лицом к дому. Ей нужно было войти в дом. Но как? Войти одной? Это было невозможно; она знала, что никогда не сможет переступить этот порог в одиночестве. Ей нужен был спутник. Она посмотрела на деревню – на дымки, поднимающиеся из труб, на свет в окнах, представила людей, допивающих первую чашку кофе, доедающих теплые тосты с джемом, – и задумалась, кого же из них выбрать. Ее одолевало до странности сильное чувство, и она спрашивала себя, не то же ли самое чувствовали судьи, когда в Канаде еще существовала смертная казнь.

Потом ее взгляд остановился на одном из домов. И тут она поняла, что с самого начала знала, кого выберет.

– Я открою! – крикнула Клара из своей мастерской.

Она сегодня поднялась рано, надеясь в свежем утреннем воздухе увидеть то, что увидел Питер несколько дней назад. Изъян в своей работе. Неточные цвета. Может быть, неверный оттенок синего? Или зеленого? Может быть, голубовато-зеленый, а не светло-зеленый? Она намеренно держалась подальше от цвета морской волны, но, возможно, в этом-то и состояла ее ошибка?

Через неделю ей нужно было закончить картину, которую ждал Дени Фортен.

Времени оставалось всего ничего. А с полотном было что-то не так, и

она не могла понять, в чем дело. Она сидела на табуретке, прихлебывая крепкий утренний кофе и уминая монреальский бублик в надежде, что весеннее солнце даст ей подсказку.

Но солнце молчало.

«Боже, что же мне делать?»

В этот момент кто-то постучал в дверь. Клара подумала, что это, вероятно, Господь Бог, но потом все же решила, что Бог не стучится в дверь.

– Нет-нет, ты работаешь, – сказал Питер из кухни, посмотрев на часы: время перевалило за семь. – Я сам открою.

Он ненавидел себя за то, что ляпнул по поводу картины Клары. И несколько раз пытался сказать ей, что в тот раз отреагировал слишком эмоционально. Все как раз наоборот. В ее работе нет изъянов. Но Клара решила, что он просто хочет ее утешить. Ей и в голову не приходило, что в первый раз он ей солгал. Что она написала блестящую картину. Что картина великолепная, необыкновенная, что ему не подобрать слов, чтобы описать ее достоинства.

Да, владельцам галерей и декораторам нравились работы Питера. Он брал предметы из жизни, скажем прутик, и приближал его до такой степени, что тот становился неузнаваемым, а его полотно превращалось чуть ли не в абстрактное. По какой-то причине мысль о сокрытии истины привлекала его. Критики описывали его работы такими словами, как «сложные», «глубокие» и «привлекательные». И ему этого хватало, пока он не увидел картину Клары. Теперь ему было необходимо, чтобы кто-то, хотя бы один человек, посмотрев его работы, назвал их великолепными.

Питер надеялся, что Клара ничего не будет менять в своей картине. А еще он надеялся, что она все-таки что-нибудь поменяет.

Он подошел к двери, открыл ее и увидел агента Изабель Лакост.

– Bonjour, – улыбнулась она.

– Это не Господь Бог? – крикнула Клара из своей мастерской.

Питер посмотрел на Лакост, которая с сожалением покачала головой.

– Нет, это не Господь Бог, детка. Извини.

Клара появилась, вытирая руки о тряпку и дружески улыбаясь:

– Привет, агент Лакост. Давненько вас не видела. Хотите кофе?

Изабель Лакост и вправду хотела кофе. В это прохладное весеннее утро в доме Морроу пахло свежей заваркой, поджаренным бубликом и теплым огнем. Ей хотелось сесть и поговорить с этими гостеприимными людьми, грея руки о кружку. И не возвращаться в тот дом. И она знала, что может себе это позволить. Никто из их команды не знал, что она здесь.

Цель ее приезда была глубоко личной – такой маленький приватный ритуал.

– Мне нужна ваша помощь, – сказала она Кларе, которая, услышав это, удивленно подняла брови.

Опустила она их, когда узнала, что нужно Изабель Лакост.

Мирна Ландерс мурлыкала что-то себе под нос и молола кофе для кофеварки. На сковородке жарился бекон, а на деревянном кухонном столе лежали два коричневых яйца – она собиралась их разбить и вылить на сковородку. Обычно она завтракала тостом и кофе, но время от времени позволяла себе такие излишества. Как-то раз она слышала, что все англичане втайне хотят завтракать три раза в день. Мирна по собственному опыту знала, что так оно и есть. Она могла питаться только беконом, яйцами, круассанами, сосисками, блинами с кленовым сиропом, овсянкой и сытным коричневым сахаром. Свежевыжатым соком и крепким кофе. Конечно, на такой диете она бы умерла через месяц.

Умерла бы.

Лопаточка Мирны витала над беконом, который она переворачивала, проверяя готовность. Ей на руку попала капля горячего масла, но она никак не прореагировала. Она снова была в той жуткой комнате в ту жуткую ночь. Переворачивала Мадлен.

– Божественный запах, – раздался знакомый голос в ее обиталище на чердаке над магазином.

Мирна возвратилась к реальности, повернулась и увидела Клару с другой женщиной. Они снимали уличную обувь. Вторая женщина удивленно оглядывалась.

– C’est magnifique[39], – сказала Лакост с восхищением.

Ей теперь хотелось одного: сесть за длинный обеденный стол, поесть яичницы с беконом и никогда отсюда не уходить. Она осмотрела всю комнату. Наверху открытые балки, потемневшие от времени. Четыре стены с большими створчатыми окнами были кирпичными, почти розового цвета, со смелыми, поразительными абстрактными картинами на них. Вдоль стен стояли книжные шкафы, набитые книгами. По обе стороны дровяной плиты в центре расположились потертые кресла, а напротив – большой диван. Полы были дощатые, из темной сосны. Две двери, по-видимому, вели в спальню и ванную.

Лакост была здесь дома. Ей вдруг захотелось взять Клару за руку. Ее дом был здесь. На этом чердаке. Но еще и с этими женщинами.

– Bonjour. – Крупная черная женщина в кафтане приближалась к ней с

распростертыми руками и любезной улыбкой на лице. – C’est Agent Lacoste, n’est-ce pas?[40]

– Oui.

Они обменялись поцелуями, после чего Мирна обняла и тоже поцеловала Клару.

– Пришли на завтрак? Всем хватит. Я могу и добавить. Чего хотите?

На лице Клары появилось напряженное выражение.

– Агенту Лакост нужна наша помощь.

– Чем я могу помочь?

Мирна перевела взгляд на молодую женщину, одетую просто и изящно, как и большинство квебекцев. Мирна рядом с ней казалась настоящей горой. Удобной и счастливой горой.

Лакост сказала ей все, чувствуя себя так, словно сами ее слова пятнают это замечательное место. Когда она закончила, Мирна постояла немного с закрытыми глазами. Открыв их, она заговорила:

– Конечно, мы поможем, девочка.

Десять минут спустя, сняв бекон с плитки и отключив чайник, три женщины – Мирна уже полностью оделась – медленно шли по сонной деревне. Над прудом висел прозрачный туман, цеплявшийся и к холмам.

– Помнится, – сказала Лакост Кларе, – когда умерла ваша соседка, вы совершали обряд.

Мирна кивнула. Она помнила проход по Трем Соснам с дымящимся пучком шалфея и зубровки. Это делалось для того, чтобы вернуть радость туда, откуда она была изгнана жестоким убийством. И тогда этот обряд помог.

– Старый языческий обряд тех времен, когда слово «язычник» значило «крестьянин», а «крестьянин» значило «труженик», а быть тружеником значило очень многое, – сказала Мирна.

Агент Изабель Лакост молчала. Он шла, опустив голову и глядя на свои сапоги, чавкающие по глинистой дороге. Ей нравилось здесь. Нигде в другом месте не могла она идти посреди дороги и не бояться, что ее собьет машина. Она ощущала запах земли и сладкий запах соснового леса по обе стороны от них.

– Значит, Мадлен была убита? – спросила Клара. – Вы поэтому хотите сделать это?

– Да, она была убита.

Мирна и Клара остановились.

– Не могу поверить, – сказала Мирна.

– Бедняжка Мадлен, – произнесла Клара. – Бедняжка Хейзел. Она столько делает для других людей, а тут такое.

«Если бы добрые поступки могли защищать нас от трагедий, – подумала Лакост, – то мир был бы гораздо более добрым местом. Возможно, это просвещенный эгоизм. Но хотя бы просвещенный. Не то ли хочу сделать и я? Пытаюсь купить услугу? Пытаюсь доказать, насколько я добра, тем силам, которые решают вопросы жизни и смерти и раздают награды?»

Три женщины еще раз посмотрели на пункт их назначения, возвышающийся над деревней. «Проклятый дом Хадли, – подумала Клара, двигаясь вместе со всеми к этому дому. – Забрал еще одну жизнь».

Она надеялась, что теперь он удовлетворится, надеялась, что он наелся. Она порадовалась, что еще не позавтракала и от нее не пахнет яичницей с беконом.

– Почему вы это делаете? – тихо спросила Мирна у Лакост.

– Потому что считаю, что, возможно… – Она остановилась и попробовала еще раз. – Потому что никогда нельзя знать наперед…

Мирна повернулась и взяла ее за руку. Агент Лакост не привыкла к тому, чтобы подозреваемые и свидетели брали ее за руку, но возражать не стала.

– Все хорошо, девочка. Посмотрите на нас. Мы две старые карги, Клара и я. Мы зажигаем охрененно большой шест с шалфеем и зубровкой и изгоняем злых духов из деревни. Я думаю, мы можем вас понять.

Изабель Лакост рассмеялась. Всю взрослую жизнь она стыдилась своих верований. Она воспитывалась католичкой, но в одно холодное мрачное утро, глядя на алое пятно на асфальте – место, где был сбит и погиб молодой человек, – она закрыла глаза и заговорила с погибшим.

Сказала ему, что он не будет забыт. Никогда. Она найдет того, кто сделал с ним это.

Тогда это случилось в первый раз и казалось совершенно невинным, но тут начал действовать другой инстинкт, который предупреждал ее: будь осторожна. Бойся не мертвых, а живых. И когда коллеги засекли ее, оказалось, что ее страхи небеспочвенны. Ее безжалостно высмеивали, над ней издевались. Ее преследовали по коридорам управления, насмехались и потешались над ее общением с покойниками.

Она уже собиралась увольняться и стояла у кабинета своего начальника с заявлением в руках, когда дверь открылась и появился старший инспектор Гамаш. Его, конечно, все знали. Он был знаменит даже без шлейфа дела Арно.

Гамаш посмотрел на нее и улыбнулся. И вдруг сделал нечто совершенно необычное. Он протянул свою большую руку, представился и сказал: «Я буду считать для себя честью, агент Лакост, если вы согласитесь работать у меня».

Она подумала, что он шутит. А Гамаш продолжал смотреть на нее.

«Прошу вас, скажите „да“».

И она сказала.

Она подозревала, что старшему инспектору Гамашу известно: каждый раз, когда работа на месте убийства сворачивается, команда уезжает домой и все затихает, Изабель Лакост остается там.

Разговаривает с мертвецами. Убеждает их, что делом занимается старший инспектор Гамаш и его команда. Они не будут забыты.

И вот теперь, стоя в чистом мягком свете, держа Мирну за огрубевшие руки и глядя в дружеские голубые глаза Клары, Лакост призналась:

– Я думаю, что дух Мадлен Фавро все еще там. – Она посмотрела на заброшенный дом на холме. – Он ждет, что мы освободим его. Я хочу, чтобы она знала: мы пытаемся и мы не забудем о ней.

– То, что вы делаете, замечательно, – сказала Мирна, сжимая ее руки. – Спасибо, что обратились к нам за помощью.

Изабель Лакост спросила себя, будут ли они благодарны ей через несколько минут. Наконец три женщины плечом к плечу остановились перед старым домом Хадли.

– Идем, – сказала Клара. – Легче все равно не будет.

Она двинулась по неровной дорожке к двери и подергала ручку.

– Заперто, – сообщила она.

В ее воображении возникли картинки чревоугодия: бекон в кленовом соке, яичница на хрустящих теплых тостах и домашнее варенье. Они пытались открыть дверь, пытались изо всех сил, но безуспешно…

– У меня есть ключ, – сказала Лакост.

Проклятье.

В то же самое время Арман Гамаш и Жан Ги Бовуар входили в больницу Кауансвилла. У входа слонялись несколько человек с сигаретами, какая-то женщина тащила кислородный баллон. Двое мужчин расступились, давая ей дорогу.

– Что вы так долго?

Агент Иветт Николь стояла в дверях магазина подарков в синем брючном костюме не по размеру, испачканном на обшлагах. Ее волосы были подстрижены под пажа, что вышло из моды еще в шестидесятые, а

помада на губах выглядела так, будто кто-то поработал над ними ножом для чистки картофеля.

– Агент Николь.

Бовуар кивнул. От этого мрачного, угрюмого лица в животе у него словно что-то перевернулось. Он знал, он был уверен, что Гамаш совершил страшную ошибку, приняв ее в команду. Черт его побери, если Бовуар понимал, почему шеф сделал это.

Но догадки у него были. Гамаш считал своей миссией помогать всем неудачливым, погибающим, ущербным существам. И не только помогать – рекомендация ведь тоже помощь, – а конкретно принимать их в команду. Он находил их и принимал в отдел по расследованию убийств, самый престижный отдел Квебекской полиции, где они работали на самого знаменитого детектива Квебека.

Первым из них был сам Бовуар.

Его так презирали в отделе на Труа-Ривьер, что навечно приписали к хранилищу вещдоков. Это была настоящая тюремная камера в буквальном смысле. Единственная причина, почему он не уходил, состояла в том, что он знал: одно его присутствие выводит из себя его боссов. Он пребывал в бешенстве. Тюрьма, вероятно, была наиболее подходящим для него местом.

Потом его нашел старший инспектор, принял к себе в отдел, а несколько лет спустя повысил до инспектора и сделал своим заместителем. Но Жан Ги Бовуар так никогда полностью и не вышел из клетки. Напротив, клетка переместилась внутрь его, и он держал в ней свое бешенство, когда оно выходило за рамки; в клетке оно не могло принести никакого вреда. А рядом с этой клеткой находилась еще одна, более спокойная. И в ней, свернувшись в уголке, лежало нечто, пугавшее куда как больше бешенства. Бовуар жил в ужасе, боясь, что когда-нибудь это существо вырвется на свободу.

В этой клетке он держал свою любовь. И если бы она сбежала, то направилась бы сразу же к Арману Гамашу.

Жан Ги Бовуар посмотрел на агента Николь и задался вопросом: а что держит в клетке она? Что бы это ни было, он надеялся, что заперто оно надежно. То малое, что проникало оттуда наружу, было показательно злобным.

Они спустились в подвальный этаж больницы, в комнату, где не было ничего естественного – ни света, ни воздуха, который пахнул химией, ни мебели, которая была из алюминия. Ни смерти.

Средних лет лаборант деловито извлек ящик с Мадлен Фавро из стенки и небрежно расстегнул молнию на мешке.

– О черт! – взвизгнул он. – Что с ней такое случилось?

Хотя сотрудники отдела по расследованию убийств были готовы к чему угодно, привычны к разным разностям, им потребовалось несколько секунд, чтобы прийти в себя. Первым заговорил Гамаш:

– Что вам это напоминает?

Лаборант подался вперед, вытягивая шею, и снова взглянул на содержимое мешка.

– Черт меня подери! – выдохнул он. – Я не знаю, что это, но точно не хочу, чтобы со мной такое случилось. – Он посмотрел на Гамаша. – Убийство?

– Она была испугана до смерти, – сказала Николь, пребывавшая в оцепенении.

Она не могла оторвать глаз от этого лица.

Лицо Мадлен Фавро застыло в крике ужаса. Глаза выпучены, рот широко раскрыт и безмолвен. Это было кошмарно.

Что могло стать причиной такой реакции?

Гамаш отвернулся, потом глубоко вздохнул.

– Когда появится доктор Харрис? – спросил он.

Лаборант посмотрел на расписание.

– В десять, – хриплым голосом ответил он, стараясь исправить впечатление от своего неожиданного вскрика.

– Merci, – сказал Гамаш и направился к двери.

Двое других последовали за ним в пара́х формальдегида.

Мирна, Лакост и Клара прямо двинулись к лестнице. Клара вовсю напрягала свои короткие ноги, чтобы не отстать от Мирны, которая делала один шаг там, где Кларе нужно было сделать два. Клара пыталась спрятаться за Мирной в надежде, что демоны сначала обратят свое внимание на ее подружку. Правда, они ведь могут наброситься и сзади. Клара оглянулась и тут же врезалась в Мирну, которая резко остановилась посреди коридора.

– Если бы это увидел мой отец, – сказала она Кларе, – он бы потребовал, чтобы мы поженились.

– Хорошо, что в мире еще остались люди старомодных взглядов.

Мирна остановилась потому, что остановилась шедшая впереди агент Лакост. Остановилась внезапно. Пройдя полпути по коридору.

Клара выглянула из-за щита Мирны и увидела застывшую Лакост.

«О боже, – подумала она. – Что теперь будет?»

Лакост медленно двинулась вперед. Клара и Мирна тихонько

тронулись следом. И тут Клара увидела это. Желтые куски полицейской ленты, разбросанные по полу. Желтые обрывки, свисающие с косяка двери.

Кто-то преступил закон, зайдя за полицейскую ленту. Не просто снял или разрезал ее – разодрал на куски. Что-то очень сильно хотело пройти внутрь.

Или выйти наружу.

Через открытую дверь Клара видела погруженную в сумерки комнату. В центре круга, образованного их стульями и рассыпанной солью, лежала крохотная птичка. Дрозденок.

Мертвый.

Глава восемнадцатая

Агент Робер Лемье подбросил еще поленьев в большую черную печку, расположенную в середине старого здания вокзала. Вокруг него техники устанавливали столы, вешали доски, монтировали компьютерные терминалы и принтеры. В этом помещении практически невозможно было узнать старый вокзал, оставленный Канадской национальной железной дорогой много лет назад. В нем трудно было узнать даже размещавшийся здесь в настоящее время штаб добровольной пожарной команды Трех Сосен. Техники осторожно снимали плакаты с правилами техники пожарной безопасности и несколько других, выпущенных в связи с присуждением литературной премии генерал-губернатора. С одного из этих плакатов сердито смотрела Рут Зардо, глава добровольной пожарной команды Трех Сосен. Фотография была сделана в момент получения премии. Вид у Рут был такой, будто ее забросали экскрементами.

Предыдущим вечером агенту Лемье позвонил инспектор Бовуар и приказал приехать в Три Сосны пораньше и помочь в подготовке оперативного штаба. Пока что Лемье был занят тем, что уворачивался от техников, занимавшихся своим делом, и поддерживал огонь в печи. Перед этим он остановился в ресторане быстрого питания в Кауансвилле и накупил четверных кофе и пакетов с пышками.

– Хорошо, что ты здесь, – сказал инспектор Бовуар, войдя в оперативный штаб.

За ним следовала агент Николь. Николь и Лемье смерили друг друга взглядами.

Как ни старался Лемье, он так и не сумел понять, каким образом ей удается создавать вокруг себя такую атмосферу враждебности. Он пытался подружиться с ней. Это был приказ суперинтенданта Бребёфа – снискать расположение всех членов команды. И ему это удавалось. Он умел располагать людей к себе. Легко завязывал дружеские отношения. А вот с ней не получилось. И это досаждало ему. Она досаждала ему, вероятно, тем, что не скрывала своих чувств, и это сбивало его с толку и расстраивало. Она была как некий новый опасный вид.

Он улыбнулся Николь и получил в ответ ухмылку.

– А где старший инспектор? – спросил Лемье у Бовуара.

Пять столов стояли в помещении по окружности, а стол для совещаний расположился в центре. На каждом столе был компьютер, и теперь техники

протягивали телефонную линию.

– Он с агентом Лакост. Скоро они появятся. Да вот и они. – Бовуар кивнул на дверь.

Старший инспектор Гамаш, в куртке и твидовой шляпе, уже шел по комнате. Следом за ним – агент Лакост.

– У нас проблема, – сказал Гамаш, кивнув Лемье и сняв шляпу. – Садитесь.

Команда собралась за столом для совещаний. Техники – все они знали Гамаша – старались работать как можно тише.

– Агент Лакост?

Гамаш даже не снял куртку, и Бовуар понял, что произошло что-то серьезное. Изабель Лакост, тоже оставшаяся в куртке, сняла перчатки и положила руки на стол.

– Кто-то проник в ту комнату в старом доме Хадли.

– На место преступления? – спросил Бовуар.

Такого почти никогда не случалось. Глупцов находилось не много. Он инстинктивно взглянул на Николь, но тут же отказался от этой мысли.

– При мне был мой набор инструментов, и я сделала фотографии и сняла отпечатки пальцев. Как только техники будут готовы, я отправлю отпечатки в лабораторию, но фотографии вы можете посмотреть и сейчас.

Она пустила по кругу свою цифровую камеру. Изображение станет четче, когда его переведут на компьютер, но и сейчас общее представление можно было получить. Гамаш, уже видевший фотографии, отдал распоряжение техникам, которые изменили порядок работы и принялись устанавливать связь.

На несколько мгновений даже инспектор Бовуар потерял дар речи.

– Ленту не просто сорвали – ее исполосовали.

Он был в отчаянии от того, что происходило с его телом. Оно все онемело, голова обрела легкость, словно оторвалась и парила над ним. Он хотел, чтобы она вернулась, и все сильнее сжимал кулаки, пока короткие ногти не врезались в ладони.

Наконец это дало результат.

– Что это? – спросила агент Николь. – Похоже на чье-то дерьмо.

– Агент Николь, – сказал Гамаш, – нам нужны конструктивные соображения, а не детский лепет.

– Но так оно и выглядит, – сказала Николь, посмотрев на Лемье и Лакост, которые не собирались ее поддерживать, даже если были с ней согласны.

Бовуар точно был с ней согласен. В центре круга, образованного

стульями, на полу виднелась небольшая горка. Что это, медвежьи экскременты? Может быть, это медведь разодрал полицейскую ленту? Может быть, в старом доме Хадли обосновался медведь-шатун?

В этом был смысл.

– Это птица, – пояснила Лакост. – Маленький дрозд.

Бовуар порадовался, что промолчал. Медведь. Маленькая птичка. Как скажете.

– Бедняжка, – сказал Лемье, и Николь посмотрела на него испепеляющим взглядом, а Гамаш улыбнулся ему едва заметной улыбкой.

– Этот уже готов, сэр, – сказал один из техников, показывая на компьютер.

Затем он сел и протянул руку. Лакост передала ему камеру и пленку с отпечатками пальцев. Через несколько секунд отпечатки были уже в Монреале, а фотографии выведены на экран. Вскоре один за другим включились и другие компьютеры, и на каждом было одно и то же обескураживающее изображение, словно некая жуткая экранная заставка. Сделанный из коридора снимок разодранной полицейской ленты и крохотной мертвой птички в центре образованного стульями круга.

Гамаш с недоумением спросил себя, чего хочет этот дом. Все, что входило туда живым, выходило либо мертвым, либо изменившимся.

– Alors[41], – сказал Бовуар, когда они вернулись за стол для совещаний. – Как вам всем известно, мы теперь ведем расследование убийства. Я призываю вас действовать быстрее.

Он взял один из больших стаканчиков с кофе, умело отогнул пластиковое ребрышко и открыл коробку с покрытыми шоколадной глазурью пышками.

Потом инспектор Бовуар вкратце изложил все, что им было известно о жертве и убийстве. Когда Бовуар начал описывать спиритический сеанс, уровень шума в помещении упал до полной тишины. Гамаш поднял взгляд и увидел, что вокруг них образовалось еще одно кольцо – техников притянул этот рассказ, как туристов притягивает к костру, у которого кто-то рассказывает страшную историю.

– Зачем они устроили этот сеанс? – спросил Лемье.

– Уж лучше спросить, кто его предложил, – вмешалась Николь, перечеркивая вопрос Лемье.

– Идея провести первый сеанс в бистро, кажется, принадлежала Габри Дюбо, – сказал Бовуар. – Но кто предложил старый дом Хадли, мы не знаем.

– Почему, вы считаете, нам важно знать, кто первый выдвинул эту

идею? – спросил Гамаш у Николь.

– Это же очевидно. Если вы хотите испугать кого-то до смерти, то вы не приглашаете его в Диснейленд. Вы выбираете место, которое и до этого пугало людей. Старый дом Хадли.

Николь практически в лицо назвала старшего инспектора тупицей. Последовало молчание – все ждали реакции. Он помолчал несколько мгновений, потом кивнул:

– Возможно, вы правы.

– Только ее не испугали до смерти, – сказал Бовуар, поворачиваясь к Николь. Его разозлило нарушение субординации и вывело из себя то, что Гамаш допускает это. Что с ним такое происходит? В какую игру он играет, позволяя ей работать в его команде? Почему он дает ей поблажки больше, чем кому-либо другому? Помимо всех прочих аргументов, это могло плохо сказаться на дисциплине. Но, видя отвращение на других лицах, он понял, что никто из присутствующих не собирается брать агента Иветт Николь как модель для подражания. – Если бы вы помалкивали и больше слушали, то вы бы уже знали, что она была отравлена. Так?

– Эфедрой, – подтвердил старший инспектор. – Поначалу врач решила, что Мадлен Фавро умерла от инфаркта, но, поскольку умершая была довольно молодой, коронер решила сделать анализ крови. Результаты показали высокое содержание эфедры.

Николь скрестила руки на груди и погрузилась в молчание.

– Я вчера провел кое-какие изыскания по эфедре, – сказал Лемье, вытаскивая блокнот. – Вообще-то, это не химический препарат. Это растение. Оно называется Ephedra dis-ta-chya. – Лемье произнес это слово аккуратно, по слогам, хотя вряд ли кто собирался его поправлять. – Растет во всем мире.

– Похожа на марихуану?

– Нет, это не галлюциноген и не релаксант. Напротив. Эфедра используется в китайских лечебных лавках как чай, облегчающий… – он снова посмотрел в свои записи, – протекание простуды, астмы, но тут я предположил, что кто-то…

– Не надо предположений, – тихо сказал Гамаш.

– Прошу прощения.

Лемье опустил голову и принялся быстро листать записи назад и вперед, а все остальные смотрели на него. Наконец он нашел то, что искал.

– Одна фармацевтическая компания – называется «Зальцер» – выяснила, что эфедра действует как диетическая добавка. Она улучшает обмен веществ, а это способствует сжиганию жиров. Спрос на такой

продукт громаден, гораздо больше, чем на противоотечные средства или средства от простуды. Похудеть хотят все.

– Но не всем это требуется, – сказала Лакост. – Вот в чем проблема. Они создали спрос там, где его не должно было быть.

– Ты сталкивалась с эфедрой? – спросил Гамаш.

– Только слышала, не более того. Но я знакома с женскими комплексами. Большинство женщин думают, что они толстые. Верно?

Она сделала ошибку, посмотрев на Николь, которая только пожала плечами. Ведь Лакост не поддержала ее, когда она высказала предположение о кучке дерьма. Так что пусть сама кувыркается.

– Тут речь идет не о женских комплексах, – сказал Бовуар, пытаясь вернуть разговор в деловое русло.

– Вероятно, так, – сказал Гамаш. – Мадлен Фавро было сорок четыре – на подступах к среднему возрасту. Обыск в ее комнате показал, что никаких проблем с фигурой она не испытывала: никаких книг по диете, никаких статей о том, как избавиться от лишнего веса, даже в холодильнике никаких диетических напитков или продуктов.

Николь улыбнулась Лакост. Гамаш не согласился с ее примитивным обобщением.

– У нас нет оснований полагать, что она принимала эфедру, чтобы избавиться от лишнего веса, – подытожил Гамаш.

– А не могла она принимать ее от простуды? – спросила Лакост, которую не устрашила бешеная Николь.

– Эфедра больше не продается как средство от простуды, – сказал Лемье.

– А если бы и продавалась, то мы не нашли эфедры ни в ее комнате, ни в ванной. Мы поищем еще, но если она ее не спрятала – а причин прятать у нее не было никаких, – то, значит, кто-то ей подсунул это средство.

– И по этой причине вы объявили, что произошло убийство, – заметил Бовуар.

– И по этой причине я думаю, что это каким-то образом может быть связано с женскими комплексами, – сказал Гамаш.

Все недоуменно посмотрели на него, потеряв нить рассуждений.

– Мадлен Фавро не принимала эфедру, но кто-то ее принимал. Кто-то ее купил, вероятно, для себя. А использовал на ней.

– Но эфедра в Канаде запрещена. Департамент здравоохранения изъял ее из употребления несколько лет назад, – сказал Лемье. – Она запрещена также в Штатах и Британии.

– Почему? – спросила Лакост.

Агент Лемье снова посмотрел в свой блокнот. Здесь он не хотел ошибаться.

– В Штатах зафиксировано сто пятьдесят пять смертей и более тысячи тяжелых заболеваний, о которых поступили сообщения от врачей. В основном это инфаркты и инсульты. И вовсе не в пожилом возрасте. По большей части это были молодые и энергичные люди. Предпринятое расследование установило, что эфедра, безусловно, сжигает жир, но при этом увеличивает частоту сердцебиения и поднимает кровяное давление.

– Потом умерло два спортсмена, – сказал Бовуар.

– Да, бейсболист и футболист, – подтвердил Лемье. – Так что наш дрозденок попал в хорошую компанию.

Даже Гамаш улыбнулся, услышав это. Но не Николь.

– Было проведено расследование, которое обнаружило, что эфедра поражает сердце, – продолжил Лемье. – Причем в основном у людей, к этому предрасположенных.

– Значит, эфедра повышает частоту сердцебиения у любого, – резюмировал Бовуар. Вот что ему требовалось – факты. – Но может убить человека с больным сердцем. У мадам Фавро было больное сердце?

– В ее аптечке нет никаких лекарств, указывающих на это, – ответил Гамаш. – А материалы от коронера мы получим только сегодня ближе к вечеру.

– Любопытно, много ли людей знают о существовании эфедры? – спросил Бовуар. – Я вот не знал. Правда, я и о диете не задумывался. Можно ли предположить, что большинство людей, которые сидят на диете, слышали об этом средстве? – спросил он у Лакост.

Она задумалась над его вопросом. Время от времени она садилась на диету. Как и у большинства женщин, у нее было кривое зеркало, в котором сегодня она видела себя стройной, а завтра – толстой.

– Я думаю, что любой человек, регулярно садящийся на диету, знает об этом средстве, – медленно сказала она, соображая на ходу. – У тех, кто придерживается диеты, потеря веса становится настоящим пунктиком, и они берут на заметку любое средство, которое обещает похудение.

– Значит, мы ищем человека, сидящего на диете? – в замешательстве спросила Николь.

– Но тут есть одна проблема, – сказал Лемье. – Ни в Канаде, ни в Штатах эфедру не купить.

– Да, это проблема, – согласился Гамаш.

– Зато эфедру можно заказать по Интернету, – раздался голос у них за спиной.

Техник, загружавший информацию, выглядывал из-за плоского монитора, на который теперь и показывал пальцем. Они встали и подошли к нему.

На экране «Гугл» выдал длинный список сайтов, предлагавших абсолютно безопасную эфедру любому, кто пребывал в отчаянии и был недостаточно умен, чтобы отказаться от предложения.

– И все же, – сказал Гамаш, выпрямившись, – одна эфедра не смогла бы это сделать. Да, эфедра оказалась в ее организме, но это только полдела, убийце нужно было еще кое-что. Пособник. Старый дом Хадли. – Ко всеобщему удивлению, он повернулся к Николь. – Вы были правы. Ее напугали до смерти.

Глава девятнадцатая

Клара откинулась на спинку стула и потянулась за кружкой. Перед ней были остатки завтрака. Крошки. Тарелка выглядела такой заброшенной, что Клара сунула в тостер два кусочка хлеба.

Они с Мирной оставались в старом доме Хадли, пока агент Лакост делала то, что ей нужно было сделать. На их с Мирной взгляд, делала она это довольно медленно. Бо`льшую часть времени Клара стояла в комнате и смотрела на птичку, свернувшуюся на боку. Ножки ее были подтянуты к груди – чем-то это напоминало Мадлен, хотя размерами было гораздо меньше. И с перышками. Да, наверное, на Мадлен не очень похоже. Но какое-то сходство имело место. И та и другая были мертвы.

Но если Клара и жалела Мадлен, то вины за собой не чувствовала. Иные чувства она испытывала по отношению к этому маленькому существу. Он знала, что способствовала убийству дрозденка. Они все знали, что в комнате есть птица. Именно поэтому они решили воспользоваться этой комнатой, возможно надеясь спасти птичку.

Но пыталась ли Клара как-то спасти ее? Нет. Нет, она боялась, что птица набросится на нее из темноты. Клара не только не пыталась спасти птичку, но еще и ненавидела ее. Желала ей смерти. По меньшей мере хотела, чтобы та исчезла или чтобы напала на кого-то другого – не на Клару.

И вот эта птичка лежала перед ней. Мертвая. Совсем птенец. Крохотный, испуганный дрозденок, который, возможно, выпал в дымоход из своего гнезда и хотел только одного – вернуться домой, к своей маме.

Наконец агент Лакост закончила. Три женщины взялись за руки и уставились на соляной круг. И все трое послали безмолвные мысли Мадлен. Если агент Лакост видела только тело, то Клара и Мирна помнили ее живой. Они могли представить улыбающуюся, смеющуюся Мадлен. Сияющую. Мадлен, которая слушала и воспринимала все своими любопытными глазами. Живая Мадлен становилась реальной. Как оно и должно было быть.

Потом Клара подумала о птичке и извинилась перед ней. Пообещала в следующий раз быть внимательнее.

Это были самые спокойные мгновения, какие Клара провела в старом доме Хадли. И все же никто из них не стал задерживаться там дольше, чем необходимо.

Когда они вышли из дома, мимо проезжал старший инспектор Гамаш, и агент Лакост остановила его. Мирна и Клара поздоровались с ним и вернулись на чердак Мирны, где хозяйка снова поставила сковородку с беконом на огонь. Клара тем временем позвонила Питеру – сказать, где находится.

– Ты видела газету? – спросил он.

– Нет, мы были слишком заняты экзорцизмом.

– Ты у Мирны? Жди там. Я сейчас приду.

Мирна добавила на сковородку еще бекона, смолола еще кофе, а Клара тем временем накрыла стол и нарезала хлеб для тостов. К приходу Питера завтрак был готов.

– От Сары. – Питер протянул бумажный пакетик.

Клара поцеловала его и взяла пакет.

Круассаны.

Двадцать минут спустя Питер облизал пальцы и стер капельку масла со щеки Клары. Довольно далеко ото рта. «И как ей это удается? – подумал Питер. – Прямо суперсила какая-то, не знающая, куда себя приложить».

– Я заглянул и в магазин месье Беливо, – сказал он, наливая кофе.

– Он открылся? – спросила Мирна. – А я и не заметила.

– Как всегда. Месье Беливо вчера приходил на обед, – сообщил Питер, открывая баночки с джемом. На одной все еще оставалась вощаная заглушка, и ему пришлось выковырять ее ножом. – Был голоден как черт.

– Неудивительно, – сказала Мирна. – Я думаю, он ее любил.

Двое других кивнули. Бедняга! За последние несколько лет он потерял двух любимых женщин. Каким любезным он был за обедом в предыдущий вечер! Даже принес пирог из пекарни Сары. Но теперь от его энергии ничего не осталось, и полчаса он просто сидел, размазывая еду по тарелке. Питер доливал вино в его бокал, а Клара щебетала о том, что нужно делать в саду. Она понимала, что в этом и состоит красота дружбы. От месье Беливо ничего не ждали, и он знал это. Иногда просто достаточно ощущения, что ты не один. Ушел он рано – сразу после ужина. При этом казался немного ожившим. Клара и Питер взяли Люси и прошли с месье Беливо по деревенскому лугу к его дому. На веранде Клара и Питер обняли его, но никаких утешительных слов сказано не было. Такими словами можно утешить лишь себя самого. А месье Беливо необходимо было чувствовать себя в отчаянии. От этого ему становилось лучше.

За завтраком Клара и Мирна рассказали Питеру о том, что они видели этим утром. Он выслушал, пораженный их мужеством, с каким они вошли в этот дом, и удивленный их глупостью. Неужели они и в самом деле

верили, что дух Мадлен витает в той комнате и может услышать их? А о предполагаемом духе мертвой птички и говорить нечего. И уж совсем ни в какие ворота не лезло поведение агента Квебекской полиции. Но это напомнило ему кое о чем. Он взял принесенную с собой газету и развернул ее:

– Послушайте-ка.

– Результаты игры в гольф? – спросила Мирна, наливая кофе и предлагая добавку Кларе.

Питер совсем скрылся за монреальской «Ла журне».

– Это в городской колонке.

Он высунул голову из-за газеты и увидел, что Мирна наливает сливки в свой кофе, а Клара достает из тостера поджаренный хлеб. Дав один ломтик Мирне, Клара взяла джем и принялась размазывать его по тосту. Они не обращали на Питера ни малейшего внимания. Он улыбнулся и снова спрятался за газетой. Он знал, что это сейчас изменится, и начал читать вслух:

– «Есть причины для озабоченности, когда один из старших офицеров Квебекской полиции живет не по средствам. Мои источники сообщают, что человек его положения не должен зарабатывать более девяноста пяти тысяч долларов в год. Но даже и такая сумма, на мой взгляд, является чрезмерной. Однако допустим, что наше излишне щедрое предположение верно, но и тогда его образ жизни не соответствует доходам. Одежду он носит самую шикарную, в основном из Англии. Отпуска проводит во Франции. Живет, не испытывая ограничений, в Утремоне. И недавно приобрел новый „вольво“».

Питер медленно опустил газету, чтобы оценить, какое впечатление произвело это на слушателей. Мирна и Клара смотрели на него, раскрыв глаза почти так же широко, как рот. Тосты замерли на полпути к цели.

Питер снова поднял газету и прочитал последнюю строку. Удар ножом. С поворотом в ране.

– «И все это после печальной истории с суперинтендантом Пьером Арно. Что же ему пришлось сделать, чтобы заработать эти деньги?»

Габри наблюдал за тем, как его гостья допивает остатки травяного чая и ставит чашку. Он смотрел с кухонной стороны распашной двери и сквозь щель увидел, как она встала.

Жанна Шове вернулась в гостиницу накануне вечером после обеда. Габри улыбнулся ей, выдал ключ от ее номера и потихоньку позвонил Гамашу домой.

– Она вернулась, – прошептал он.

– Pardon?

– Она вернулась, – проговорил Габри энергичнее.

– Кто это говорит?

– Да боже мой, я говорю, что колдунья вернулась! – закричал Габри в трубку.

– Это Габри?

– Нет, Глинда[42]. Ну конечно это я. Она вернулась пять минут назад. Что мне делать?

– Ничего, patron. Не сегодня. Только постарайтесь сделать так, чтобы она не ушла до моего приезда завтра утром. Merci.

– А когда вы приедете? И как мне ее остановить? Allô? Gamache, allô?

Всю ночь Габри пялился в потолок, стараясь понять, как ему удержать маленькую женщину в ее номере. И вот этот миг настал. Она поднималась из-за стола.

Неужели эта маленькая, похожая на мышку женщина – убийца? Габри считал, что это не исключено. Она определенно была ответственна за проведение спиритического сеанса, а этот сеанс убил Мадлен. Даже самого Габри чуть не убил, если уж на то пошло. Входило ли это в ее намерения? Неужели эта ужасная женщина пыталась его убить? Неужели ее истинной целью был он? Но кому нужна его смерть?

Внезапно перед его мысленным взором возник длинный список, начиная с маленькой девочки, которую он мучил во втором классе, и кончая друзьями, чьи кулинарные рецепты он похитил и в чей адрес отпускал обидные замечания за их спиной, но так, чтобы они слышали. Так умно и язвительно. Люди смеялись, и Габри принимал их одобрение и старался не замечать выражения боли, смятения и обиды на лицах тех, кто до этого считал его другом.

Не поэтому ли они с Оливье решили переехать сюда? Отчасти чтобы быть подальше от той кучи дерьма, что они наворотили в своей прежней жизни, но главным образом чтобы жить в таком месте, где доброта побеждает остроумие.

Он начал здесь с чистой страницы, но неужели прежняя жизнь нашла его? Неужели один из тех старых гомиков нашел его и нанял эту ведьму, чтобы она прикончила его?

Да, такое объяснение было логичным. Если она не убила его теперь и, вероятно, не решится сделать это в присутствии Гамаша, то по меньшей мере она может предать его проклятию. Сделать так, чтобы у него что-нибудь отсохло и отпало. Он надеялся, что это будут не его волосы.

Жанна оглядела столовую, а потом медленно направилась по коридору в свой номер.

«А вдруг она выберется из окна в дальнем конце коридора? – испугался Габри. – С нее станется». Он еще шире открыл дверь и высунул голову. Из дверей выбежал кот и беззаботно побрел по столовой.

– Ищешь свою хозяйку, маленький говнюк? – прошептал Габри.

Он был убежден, что чертов котяра, принадлежащий Оливье, стал фамильяром[43] Жанны, что бы это ни значило. Ясно, что ничего хорошего. Габри выглянул через приоткрытую дверь, увидел, что никого нет, протиснулся в столовую, открыв дверь по минимуму (на самом деле ему пришлось открыть дверь наполовину), после чего вышел на цыпочках и осмотрел коридор. Окно было открыто, но москитная сетка оставалась на месте.

Габри подумал, что наиболее стратегически важное место будет за стойкой регистрации. По прошествии тридцати секунд внимательного наблюдения он решил разложить пасьянс на компьютере, пока не появился Гамаш или ведьма не убила его. Зачем просто сидеть и скучать? Не успел он взяться за мышку, как на экране всплыла картинка.

Надпись гласила: «Эфедра». Габри прочитал текст, подумал, не сделать ли заказ, но вместо этого решил позвонить Оливье.

– Любопытно, видел ли он, – сказала Клара, опуская тост.

Она наконец насытилась. Чтобы не сказать наелась по горло.

– Когда мы встретили его сегодня утром, он был абсолютно спокоен, – заметила Мирна.

– Ничем не выдал волнения? – спросил Питер, забирая Кларин тост.

– А при чем тут дело Арно? Оно было несколько лет назад, – сказала Мирна.

– Уж никак не меньше пяти, – кивнул Питер.

Он сел прямо и положил руки на стол, приняв заученную расслабленную позу. Рут как-то отчитала его за высокопарность и педантизм. Он знал, что оба обвинения были несправедливы, но все же обида осталась. С тех пор он старался не выглядеть слишком официальным и не смотреть на людей свысока, говоря им о вещах, в которых они не разбирались (например, как правильно разрезать помидор или держать газету), или сообщая им некую информацию (например, по делу Арно).

В свое время Питер читал о деле Арно. Об этом писали все газеты – новость месяца.

– Я вспомнила, – сказала Мирна Питеру. – Ты тогда помешался на этом

деле.

– Да, это было интересно, – подтвердила Клара. – В то время мы, конечно, не знали Гамаша, но все про него слышали.

– Он был одной из звезд Квебекской полиции, – сказала Мирна.

– До дела Арно, – уточнил Питер. – Защита тогда уличила Гамаша в том, что он эгоистичный лицемер. С удовольствием принимает почести, сопутствующие власти, но на самом деле слаб. Руководствуется завистью и гордыней.

– Было такое, – сказала Мирна, вспоминая тот скандал. – Кажется, защита намекала, что он подставил Арно?

Питер кивнул:

– Арно был суперинтендантом подразделения, которое расследовало особо важные преступления. Во время процесса всплыло, что Арно игнорировал некоторые насильственные действия полиции. Даже убийства. Просто закрывал на них глаза.

– В особенности когда дело касалось коренных американцев, – кивнула Мирна.

– Я как раз это и собирался сказать. Фактически Пьер Арно приказывал самым своим приближенным офицерам совершать убийства.

– Зачем? – спросила Клара, пытаясь вспомнить то дело.

Питер пожал плечами.

– Версия, выдвигавшаяся подобными газетами, – он указал на «Ла журне», – состояла в том, что Арно просто позволял преступникам убивать друг друга, а не невинных людей. Служба обществу.

На чердаке Мирны воцарилось молчание – все трое вспоминали те скандальные разоблачения. А разоблачения были тем более скандальные, что квебекцы, как франко-, так и англоязычные, относились к полиции с уважением. До того случая. Судебный процесс положил этому конец.

Питер помнил новости тех времен. Он каждый день видел старших офицеров Квебекской полиции с мрачными лицами. Им совали в лицо микрофоны, их снимали телекамеры. Поначалу они держались вместе, демонстрировали единство. Но в конечном счете из общего стада выделились два человека.

Гамаш и его непосредственный начальник. Суперинтендант… фамилия забылась. Этот суперинтендант был единственным, кто публично поддержал Гамаша. Эти двое представляли собой чуть ли не трогательное зрелище – они становились все более измотанными и усталыми, по мере того как на них сыпались новые обвинения, в прессе появлялись новые откровения и росло ожесточение.

Но Гамаш продолжал улыбаться репортерам, задававшим ему одни и те же глупые, наводящие, оскорбительные вопросы. Он был спокоен и старомоден в своей вежливости. Даже когда его обвиняли в предательстве. Даже когда ему в конце концов предъявили обвинение в пособничестве. Будто бы он знал об убийствах и покрывал их. В конечном счете, взывал к суду Арно, как мог глава отдела по расследованию убийств не знать об этом?

– Это было ужасно, – сказала Клара. – Будто тебе снова и снова в замедленном повторе показывают падение дирижабля «Гинденбург». Что-то благородное втоптали в грязь.

Питер не знал, что имеет в виду Клара: то ли Гамаша, то ли саму Квебекскую полицию.

– Мнения в газетах высказывались противоположные, – сказал он. – Большинство поддерживало Гамаша, но кое-кто требовал его отставки.

– Эта газета, – Мирна кивнула на «Ла журне», которую Питер положил рядом с собой, – печатала передовицы, в которых говорилось, что Гамаш должен сидеть в одной камере с Арно. Мол, пусть они прикончат друг друга.

– А что случилось с Арно и другими? – спросила Клара.

– Сидят где-то в тюрьме. Удивительно, что другие заключенные их еще не убили.

– Наверняка этот мерзавец Арно там всем заправляет, – сказала Мирна.

Она скомкала салфетку и с силой бросила ее на стол. Двое других уставились на нее, удивленные этой неожиданной вспышкой гнева.

– Что случилось? – спросила Клара.

– Неужели ты не понимаешь? Мы сейчас говорили об этом деле так, будто это эпизод телевизионного сериала. Но это же все по-настоящему. Этот Арно убивал людей. Убивал тех самых людей, которым должен был помогать. Почему? Потому что они были коренными американцами, наркоманами, дошедшими до отчаяния. И он попытался уничтожить того единственного человека, который остановил это, которому хватило смелости противостоять Арно и всей системе Квебекской полиции. Арно психически ненормальный человек, и я говорю это со знанием дела. Я знаю симптомы. Долгие годы я диагностировала психически больных людей и работала с ними. Неужели вы не понимаете?

Она посмотрела на Питера и Клару, схватила газету Питера и швырнула на стол, словно в наказание.

– Это дело не кончилось. Дело Арно продолжается.

Зазвонил телефон, и Клара ответила.

– Это Оливье, – сказала она, прикрыв микрофон рукой. – Ой, спасибо. Передам. – Клара отключилась и посмотрела на других. – Вы что-нибудь знаете об эфедре?

Глава двадцатая

Жан Ги Бовуар раздал задания агентам.

Агент Изабель Лакост должна была исследовать жизнь Мадлен Фавро, агент Николь – проверить список поставщиков эфедры и выяснить, не делал ли кто из них поставки в этот район, а Роберу Лемье было поручено сопровождать инспектора Бовуара и старшего инспектора Гамаша.

– Но это неправильно, – сказала Николь, ошеломленная ошибочным решением Бовуара. – Лемье уже начал заниматься этой эпилепсией, или как там ее.

– Эфедра, – сказал Бовуар. – Вы что, не слушали?

– Все это есть в компьютере, верно?

Бовуар повернулся и сердито посмотрел на Гамаша, чтобы его шеф понял, насколько неадекватна эта женщина.

– Дело в том, – продолжала Николь, явно не понимая, какое производит впечатление, – что если уж он это начал, то пусть и заканчивает.

– Что? Это у нас такое новое правило? – спросил Бовуар. – Тут у нас не школьный двор, а это не дебаты. Вы будете исполнять приказания.

– Прекрасно. Сэр.

Николь направилась к своему столу, намеренно не обращая внимания на попытку Лемье перехватить ее взгляд и изобразить извиняющуюся улыбку.

Они ушли, техники занялись работой в другой части комнаты, и Николь вытащила свой сотовый. Он вибрировал на протяжении всего заседания, а она могла только не реагировать на него. Иначе ее ждала бы катастрофа.

– Oui, allô, – сказала она и ничуть не удивилась, услышав знакомый голос.

– Ну что там происходит? – спросил голос.

Она рассказала, после чего на другом конце наступила пауза.

– Мне это не нравится. Почему Гамаш ушел без тебя? Может быть, ты что-то сделала не так? Рассердила его?

– Нет, конечно. Я даже назвала причину смерти. Все говорили, что это какое-то лекарственное средство, а я сказала, что ее испугали до смерти. Шеф согласился со мной и сказал об этом.

– Постой, ты указала на его ошибку в присутствии всей команды?

– Я сделала это очень мягко.

– А что я тебе говорил? Чему учил? Не выводить его из себя.

– Что? Значит, я должна просто соглашаться?

– На карту поставлено нечто большее, чем одно дело. Ты это знаешь. Смотри не напортачь там.

– Я уже устала это слушать.

– А я устал повторять.

На линии воцарилось молчание.

Арман Гамаш кивнул двум мужчинам, сидевшим за маленьким столиком перед бистро Оливье и наслаждавшимся ярким осенним солнцем. Будь такая возможность, квебекцы до глубокой осени засиживались бы на террасах, а весной выходили бы на них с первыми лучами солнца. Одетые в свитера и куртки, шапки и перчатки, они подставляли лицо солнцу.

Эти двое макали печенье в капучино и с удовольствием поедали его. Услышанная Гамашем часть разговора, происходившего между этими двумя, была очень похожа на обрывки слов, которые доносил до него ветер, когда они проходили мимо людей, стоящих на деревенском лугу со своими собаками.

Сегодня вся деревня пела одну и ту же песню, состоящую из одного-единственного слова.

Эфедра.

Гамаш остановился и уставился на агента Лемье, по лицу которого гуляла улыбка. Он явно радовался погожему весеннему дню.

– Ты это слышал? – спросил Гамаш.

Лемье наклонил голову, прислушался.

– Это дрозд?

Инспектор Бовуар отрицательно покачал головой.

– Послушай, пожалуйста, внимательнее, – сказал Гамаш.

Лемье замолчал и прислушался, закрыв глаза. Он услышал рев бегущей реки. Услышал птиц, хотя, вероятно, и не дроздов. Услышал разговоры людей. Услышал слово «эфедра».

Он открыл глаза и уставился на Гамаша.

– Эта парочка за столиком у бистро, вероятно, имеет какое-то отношение к убийству, – прошептал он.

Тут слово «эфедра» прозвучало еще раз. На сей раз оно донеслось откуда-то со стороны магазина месье Беливо.

– Агент, может быть, вы расскажете мне, как вы проводили свои вчерашние изыскания? – Гамаш смотрел на Лемье довольно жестким

взглядом.

– Я ждал возвращения этой женщины-медиума, заметил на столе компьютер и поискал в Интернете.

– Воспользовались компьютером Габри.

– Да.

– А сайты, которые просматривали, потом закрыли? – спросил инспектор Бовуар.

– Уверен, что закрыл.

– Я бы никогда не стал пользоваться эфедрой – это слишком опасно, – говорил один из жителей деревни своему собеседнику. Они прошли мимо, чуть замедлив шаг, чтобы улыбнуться Гамашу, который приветственно приподнял шляпу. – Но я слышал, что Габри прежде пользовался этим средством. Или это был Оливье? И, откровенно говоря, две-три таблетки не помешали бы Мирне.

Гамаш снова надел шляпу и уставился на Лемье. Это был его самый жесткий взгляд. Отчасти требовательный, отчасти вопрошающий.

– Может быть, я там что-то не стер. Простите. Какой же я идиот! – Робер Лемье опустил голову и помотал ею. Он готов был затопать ногами. – Извините меня, сэр.

– Вы понимаете, что это значит? – спросил Бовуар.

– Да, сэр. Это значит, что все в деревне, а возможно, и в округе знают теперь, что нас интересует эфедра. У них хватит ума, чтобы понять причину нашего интереса.

– Это означает, что убийце известно то, что известно нам, и он определенно попытается избавиться от этих таблеток. Если уже не избавился, – сказал Гамаш. – Возможно, теперь это единственный округ во всем Квебеке, где нет эфедры.

Лемье запрокинул голову, так что его нос стал указывать в небеса.

– Извините. Вы правы. Мне этого и в голову не приходило.

– Ах вот как? Так подумайте хорошенько. Чем, по-вашему, мы здесь занимаемся? – прошипел Бовуар, стараясь не повышать голос, чтобы его не услышали другие. – Где-то здесь находится убийца. Кто-то из местных жителей не боится убивать. Вы знаете, что удерживает большинство людей от убийства? Страх. Страх быть пойманным. Мы здесь имеем дело с бесстрашным человеком. Это очень опасный человек, Лемье. А вы дали ему огромную фору.

Гамаш слушал с интересом, хотя и не соглашался. Страх может остановить некоторых людей от совершения убийства, но Гамаш точно знал, что именно страх заставляет многих людей идти на убийство. Именно

страх лежит в основе всех других эмоций. Именно страх преображает и превращает другие эмоции в нечто отвратительное. Подобно алхимику, он может превратить день в ночь, радость в отчаяние. Раз укоренившись, страх способен затмевать солнце. А Гамаш знал, что может вырасти в темноте. И вот эти поросли он искал каждый день.

– Вы правы, абсолютно правы, – пробормотал Лемье. – Я сожалею.

Он посмотрел прямо в глаза Гамашу, и тот ответил ему суровым взглядом. Потом взгляд шефа чуть смягчился, и Лемье расслабился. Бребёф был прав. Намеренная утечка информации по эфедре разозлит их, а ты извиняйся изо всей мочи.

Все любят кающихся грешников, но никто не любит их больше Гамаша. А почему нет? После всех его прегрешений, после предъявления обвинений Арно и чуть ли не уничтожения Квебекской полиции, конечно же, великий Гамаш не может не любить кающихся грешников.

Лемье спросил себя, как бы обстояли дела, будь главой отдела по расследованию убийств не Гамаш, а он, Робер Лемье. Конечно, сразу этого не случится. Но Бребёфу придется его вознаградить. И он будет быстро продвигаться вверх по служебной лестнице. Когда это закончится, он пойдет вверх.

– Осторожнее, – тихо сказал Гамаш, и на мгновение Лемье вдруг показалось, что испытующий взгляд шефа проникает ему под кожу.

«Неужели он знает?»

– Что вы хотите сказать? – спросил Лемье.

– Вы должны быть внимательнее, – ответил Гамаш, продолжая смотреть на него проницательным взглядом.

«Я не буду таким слабаком, как он, – подумал Лемье. – И моя карьера не остановится на звании старшего инспектора».

– Нам придется работать быстрее, – сказал Гамаш. – Инспектор, я хочу, чтобы вы и агент Лемье разделились и поговорили со всеми, кто был свидетелем убийства.

– А вы? – спросил Бовуар.

– Я побеседую с Жанной Шове.

Бовуар взял шефа под локоть и на несколько шагов увел в сторону от Лемье.

– Я должен пойти с вами, – сказал Бовуар.

– Чтобы поговорить с медиумом, Жан Ги? Зачем?

– Понимаете… – Бовуар посмотрел на старый дом Хадли и отвернулся. – Наверное, так будет лучше. Это ведь было не простое гадание по картам Таро и не говорящая доска, с которой развлекались моя мать и ее

друзья. Жанна Шове – ведьма.

– Полагаешь, она напустит на меня злых духов?

Гамаш не улыбался, не высмеивал Бовуара. Ему и в самом деле интересно было знать.

– Я не верю в призраков, – сказал Бовуар. – Я думаю, их создают для определенных целей.

– Каких?

– Моя жена болтает об ангелах. Она хочет верить в ангелов-хранителей, потому что с этой верой ей не так страшно, не так одиноко.

– А духи зла – они тоже наши творения?

– Я так считаю. Их создают родители и церковь, чтобы мы боялись и делали то, что нам говорят.

– Значит, духи зла создают страх, а ангелы прогоняют его, – задумчиво произнес Гамаш.

– Я думаю, все это существует только в нашей голове, – сказал Бовуар. – Нам самим хочется в это верить. Мадлен Фавро верила в призраков, и они ее убили. Если бы она в них не верила, то не боялась бы так и эфедра не остановила бы ее сердце. Вы же сами это и сказали. Она испугалась до смерти. Ее убили ее верования. Вернее, ее убил человек, который воспользовался ее верованиями. Вы верите в такие вещи, в какие не верю я. Я опасаюсь, что она воспользуется этим. Проникнет в ваш мозг.

– Эта женщина-экстрасенс? Ты думаешь, она заберется в мою голову и воспользуется моими верованиями против меня?

Бовуар кивнул и не отвел взгляда, хотя это и было трудно. Он ненавидел эти материи. Вещи, которые он просто не мог охватить умом.

– Я знаю, ты говоришь так, потому что переживаешь, – сказал Гамаш, продолжая смотреть в глаза Бовуару. – Но мои верования утешают, а не убивают. Они то, что я есть, Жан Ги. Их невозможно использовать против меня, потому что они – это я.

– Вы верите в духов. – Бовуар не собирался сдаваться. – Я знаю, в церковь вы не ходите, но все равно верите в Бога. А если она скажет, что вызовет злых духов, тогда что вы будете делать?

– Тогда мне, пожалуй, придется вызывать ангелов, – улыбнулся Гамаш. – Послушай, Жан Ги, в жизни каждого из нас наступает момент, когда перед нами встает этот вопрос: «Во что ты веришь?» У меня, по крайней мере, есть ответ, и если он меня убьет, значит убьет. Но убегать я не стану.

– Я прошу вас не убегать, а просто принять помощь. Позвольте мне пойти с вами.

Гамаш немного подумал.

– Слишком много дел. У тебя уже есть задание на сегодня.

Бовуар некоторое время смотрел в глаза начальнику, потом отвел взгляд. В этот момент он понял: Гамаша убьет не злобный дух, не вурдалак и не призрак. А собственная гордыня.

Глава двадцать первая

– Итак, я слышал, что вы колдунья.

– Я предпочитаю слово «виканка»[44]. А вы, насколько я понимаю, католик.

Гамаш поднял брови. Женщине, сидящей перед ним, было, вероятно, лет сорок с небольшим, хотя точнее сказать он бы затруднился. Гамаш подозревал, что она с самого детского сада имела вид женщины средних лет. На ней были туфли без каблука, скромная юбка и свитер хорошего качества, хотя тоже вышедший из моды. Он не мог понять, откуда у нее эти вещи. Достались от матери? Куплены в магазине подержанных товаров? Ей не хватало только сарафанчика, и тогда она выглядела бы как персонаж из книг Беатрис Поттер – он покупал эти книжки для своей внучки Флоранс. Черты лица у нее были миниатюрные и заостренные, глаза – серые. У него возникло впечатление, что он разговаривает с каким-то лесным существом. Существом очень умным.

– Я не хожу в церковь, – сказал Гамаш.

Неужели Бовуар был прав? Неужели эта женщина хочет проникнуть в его мозг? Бовуар почему-то полагал, что именно там находятся верования Гамаша. На самом же деле они не имели никакого отношения к его голове.

– Виканка? – переспросил он.

– Практикующая. – Жанна Шове кивнула и улыбнулась ему едва заметной, но дружеской улыбкой.

Они сидели в гостинице Габри у пылающего камина. Погода обещала быть теплой, но огонь был весьма кстати. Гостиная, где они находились, была простой и изящной, что удивляло любого, кто знакомился с Габри прежде знакомства с его жилым пространством. Гамаш спрашивал себя, что тут настоящее – эпатажный Габри или его достойный и удобный дом.

– Вчера мы вас искали. Не могли бы вы сказать, где вы были?

– Тут нет никакого секрета. Но позвольте сначала задать вопрос вам. Мадам Фавро была убита?

– Разве Габри вам не сказал?

– Да, сказал. А еще он говорил, что написал сценарий «Продюсеров», который был похищен у него Мелом Бруксом, а еще он говорил, что Рут – его отец.

Гамаш рассмеялся:

– Он должен позволять себе хотя бы раз в день говорить правду, и

боюсь, что известие о Мадлен Фавро таковым и было. Ее убили.

Жанна на мгновение закрыла глаза и вздохнула:

– Эфедрой?

«Чертов Лемье», – подумал Гамаш.

– Уже две правды, – сказал он.

– Что такое эфедра?

Она спросила это так естественно, что у него возник вопрос: это любопытство или хитрость? Если она и в самом деле не знает, то она не виновна в этом преступлении.

– Сначала, пожалуйста, мой вопрос. Где вы были вчера?

– На холме.

– В старом доме Хадли?

По ее лицу пробежало и тут же исчезло выражение отвращения, словно резко подняли занавес и он увидел то, что находится за ним.

– Нет, не там. Я надеюсь, что больше ноги моей не будет в этом месте.

Она пристально посмотрела на него, пытаясь понять по его лицу, уж не собирается ли он просить ее об этом. Гамаш подумал, что такое выражение, вероятно, знакомо дантистам. Испуганные пациенты одними глазами просят: «Не делай мне больно».

Потом это мгновение прошло.

– Я была в другом конце деревни. В маленькой церковке.

– В Святом Томасе?

– Да. Она прекрасна. Я испытывала потребность побыть в тихом, мирном месте, чтобы помолиться. – Она заметила его замешательство. – Что? Колдуньи не молятся? Или мы молимся только падшим ангелам, а не тем, что висят в Святом Томасе?

– Я ничего не знаю о виканах, – сказал Гамаш. – Хотелось бы узнать.

– Пойдете со мной?

– Куда?

– Вы боитесь?

Нет, она не смеялась над ним.

Он задумался на несколько мгновений. У него было правило: не лгать подозреваемым. Не потому, что он был высоконравственным или соблюдал некую этику. Нет, он знал: если ложь будет выявлена, это ослабит его позицию. И старший инспектор Гамаш никогда не лгал. Не опускался до такой глупости.

– Я всегда побаиваюсь неизвестного, – признался он. – Но вас я не боюсь.

– Вы мне верите?

– Нет. – Он улыбнулся. – Я верю себе. И потом, у меня есть пистолет, а у вас, вероятно, нет.

– Да, вы правы, пистолет не мое оружие. Сегодня такой прекрасный день. Жаль проводить его в помещении. Я предлагаю всего лишь немного прогуляться. Может быть, дойти до той церковки.

Они немного постояли на веранде рядом с креслами-качалками и плетеными столиками, затем спустились по широкой лестнице и отправились на прогулку. Минуту или две шли молча. День был золотистый со всеми мыслимыми оттенками зеленого, только-только появляющимися. Грунтовая дорога наконец-то высохла, и в воздухе пахло свежей травой и почками. На лужайках и на деревенском лугу прорезались фиолетовые и желтые крокусы. Громадные поля ранних нарциссов стелились вокруг Трех Сосен, их ярко-желтые трубочки ловили солнце. Минуту спустя Гамаш снял с себя куртку и перекинул через руку.

– Очень спокойно сегодня, – сказала Жанна.

Гамаш не ответил. Он шел и ждал.

– Это похоже на мистическую деревню, которая появляется только для тех людей, которым она нужна.

– Вам она была нужна?

– Да, мне нужно было отдохнуть. Я слышала об этой гостинице и в последнюю минуту решила забронировать номер.

– А как вы о ней узнали?

– Мне попалась брошюрка. Габри, видимо, дал рекламу.

Гамаш кивнул. Солнце согревало его лицо.

– Ничего подобного со мной прежде не происходило. Никто никогда не умирал на моих обрядах. Никому не было причинено вреда. В физическом смысле.

У Гамаша на языке вертелся вопрос, но он решил промолчать.

– Люди часто слышат такое, что эмоционально их расстраивает, – продолжала Жанна. – Привидения, похоже, не слишком щадят человеческие чувства. Но по большей части контакты с мертвыми – это вещь очень спокойная, даже деликатная. – Она посмотрела на Гамаша. – Вы сказали, что ничего не знаете о виканах. Я полагаю, это означает, что и о наших ритуалах вы ничего не знаете?

– Так оно и есть.

– Спиритические сеансы – это ведь не явление призраков или привидений. И не экзорцизм. Это нечто другое. Они даже к смерти не имеют отношения, хотя мы и вступаем в контакт с духами мертвых.

– Так что же такое ваши сеансы?

– Это жизнь. И исцеление. Если люди просят провести спиритический сеанс, то, скорее всего, им требуется исцеление. На первый взгляд сеанс может показаться развлечением или игрой, чтобы убить время и напугать друг друга, но кто-то из присутствующих нуждается в решении какой-то проблемы, чтобы продолжать жить дальше. Им нужно избавиться от чего-то или кого-то. Вот этим я и занимаюсь. Это моя работа.

– Вы целитель?

Жанна остановилась и заглянула в темно-карие глаза Гамаша.

– Да. Все викане – целители. Мы знахарки, повивальные бабки, ведуньи. Мы используем травы и ритуалы, мы используем силу земли и силу разума и души. Мы используем энергию Вселенной и энергию духов. Мы делаем все, что в наших силах, чтобы помочь исцелению раненой души.

– А их так много, раненых душ.

– Поэтому я и приехала сюда.

– Найти раненые души или отдохнуть от трудов?

Жанна хотела было ответить, но тут выражение ее лица внезапно изменилось. От серьезного и сосредоточенного к взволнованному. Она смотрела на что-то за спиной Гамаша.

Он повернулся, и на его лице тоже появилось озабоченное выражение.

Рут Зардо, прихрамывая, шла по дорожке, ведущей к ее дому, и крякала.

Жан Ги Бовуар без труда нашел «Ля мезон биоложик». Магазин натуральных пищевых продуктов располагался в Сен-Реми на рю Принсипаль, ровно против мини-маркета, в котором продавались сигареты, пиво и билеты Квебекской лотереи. Эти два магазина взаимодополняли друг друга в гораздо большей степени, чем можно было подумать: и тот и другой торговали надеждой. Надеждой на выигрыш в лотерею, надеждой, что еще не поздно развернуть вспять глобальное потепление. Надеждой, что натуральные продукты заглушат отрицательное воздействие никотина на организм. Сама Одиль Монманьи любила иногда подымить. Обычно после стаканчика – или бутылки – дешевого вина, купленного в мини-маркете.

Войдя в пустой магазин, инспектор Бовуар обратил внимание на странный, неестественный запах. Это был терпкий, темный аромат, словно в схватке сошлись всевозможные травы, благовония и порошки.

Иными словами, в магазине воняло.

За прилавком, положив руку на закрытую тетрадь, стояла хорошенькая

пышная женщина лет под сорок или слегка за сорок. Волосы, дешево подстриженные и покрашенные, без затей обрамляли ее лицо. Она казалась приятной и ничем не примечательной. На мгновение Бовуару померещилось, что на ее лице появилось раздраженное выражение, словно он вторгся в ее частное пространство. Но она тут же улыбнулась. Это была заученная улыбка человека, привыкшего угождать.

– Oui? Est-ce que je peux vous aider?[45]

– Вы…

Бовуар вытащил клочок бумаги, врученный ему старшим инспектором, – список всех, кто присутствовал на сеансе, – и заглянул в него, слегка затягивая представление. Ему нужно было ее полное внимание. Он, конечно, прекрасно знал, как ее зовут. Просто хотел вывести ее из равновесия, чтобы она начала волноваться. Он поднял взгляд и увидел, что она смотрит на красную тетрадь у себя под рукой. За ту паузу, что он сделал, она успела уйти от него. Он ни в коем разе не вывел ее из равновесия, напротив, она вернулась к своим делам.

– Вы Одиль Монманьи? – громко спросил он.

– Да, – улыбнулась она любезно, но с отсутствующим выражением.

– Меня зовут инспектор Бовуар, я из Квебекской полиции. Отдел по расследованию убийств.

– Не Жиль?

Она преобразилась. Тело ее утратило гибкость, выражение лица стало сосредоточенным, испуганным. Рука переместилась с тетради на деревянный прилавок, а ногти попытались вонзиться в его поверхность.

– Жиль? – переспросил Бовуар.

Он сразу же понял, что у нее на уме, и решил подержать ее в этом напряженном состоянии.

– Что случилось? – взмолилась Одиль.

Ей казалось, что она сейчас упадет в обморок. Она словно отупела, и сердце в грудной клетке забилось так, будто хотело вырваться наружу и отправиться на поиски Жиля.

– Я пришел поговорить с вами о Мадлен Фавро.

Бовуар внимательно смотрел на нее. Ее пухлое, пустое лицо ожило. Глаза засветились, способность ясно мыслить вернулась. Вид у нее был блестящий. И испуганный. И великолепный. Потом все это исчезло. Она в отчаянии подалась вперед, поникнув головой, словно мышцы перестали ее держать. В мгновение ока вернулась прежняя Одиль. Хорошенькая, недалекая, нетерпеливая. Но он уже увидел то, о существовании чего, по-видимому, знали немногие и даже сама Одиль не догадывалась. Он увидел

блестящую, великолепную, динамичную женщину, которая скрывалась за безопасными слоями улыбок, бестолковости, крашеных волос и благоразумия.

– Мадлен была убита? Но я уверена, у нее случился инфаркт.

– Oui, c’est vrai[46]. Однако этому инфаркту поспособствовали. Ей дали средство, которое и спровоцировало инфаркт.

– Средство?

Неужели никто из Трех Сосен не позвонил Одиль? За последними новостями все приходили в бистро Оливье. Бистро было их вещательным центром, якорем которого являлся Габри. Бовуар разговаривал с единственным человеком в округе, которому никто не догадался позвонить. Внезапно он проникся сочувствием к этой женщине, к ее нетерпеливому, ищущему лицу. Но, кроме сочувствия, он испытывал еще и некоторое отвращение. Неудачники всегда вызывали у него отвращение, и его неприязнь к агенту Николь объяснялась отчасти и этим. С того самого момента, как он увидел ее несколько лет назад, он знал, что она не только скандалистка, но гораздо хуже. Она неудачница. А из своего опыта Бовуар знал, что неудачники – самые опасные люди. Ведь они в конечном счете доходят до такого состояния, когда терять им больше нечего.

– Это средство называется эфедра, – сказал он.

Она поразмыслила над этим словом.

– И от этого ее сердце остановилось? Зачем кому-то понадобилось убивать ее таким способом?

Не «зачем кому-то понадобилось убивать», а почему именно таким способом. Ее удивил не факт убийства, а его способ.

– Вы хорошо знали мадам Фавро?

– Она была моим покупателем. Покупала здесь фрукты и овощи. А еще некоторые витамины.

– И хорошим она была покупателем?

– Регулярным. Приходила приблизительно раз в неделю.

– А при других обстоятельствах вы встречались?

– Никогда. А что?

Не было ли настороженности в этом ее вопросе?

– Но вы обедали вместе в воскресенье вечером.

– Да, обедали, но это не было нашей идеей. Клара пригласила нас перед спиритическим сеансом. Мы даже не знали, что там будет Мадлен. Как я сказала, она была моим покупателем – только и всего.

– Но она вам не нравилась.

– Я ее не знала.

Позволив паузе затянуться, Бовуар оглядел магазин внимательнее. Чего тут только не было! Пищевые продукты находились с одной стороны магазина, а одежда и мебель – с другой. С продуктовой стороны он увидел глиняные горшочки с деревянными крышками и свисающими с них черпачками. Он увидел грубые мешки, а на деревянных полках вдоль стен – сотни стеклянных баночек, наполненных чем-то похожим на траву. Может быть, это конопля? Он подошел поближе, отметил, что Одиль смотрит на него, и принялся разглядывать банки. На них были надписи типа «Пчелиный бальзам», «Ма хуань», «Лопух» и его любимый «Цветок обезьяньего кардинала». Бовуар взял баночку, снял крышку и потянул носом. Запах был приятный. Он не мог поверить, что папа собственной персоной рукоположил этого кардинала. Он вдруг подумал, а нет ли близ Нотр-Дам-де-Руф-Трюс деревеньки, названной в честь этого кардинала.

На книжной полке стояли книги, посвященные тому, как организовать ферму, производящую натуральные продукты, как построить дом вне сетки, как заниматься ткачеством. И кому такое могло прийти в голову?

Жан Ги Бовуар не был абсолютно нечувствителен к движению зеленых, он даже делал пожертвования в фонды защитников озонового слоя, или борцов с глобальным потеплением, или еще кого-то. Но вести примитивную жизнь, думать, что это спасет мир, было смешно. Впрочем, одна вещь привлекла его внимание. Простой деревянный стул. Дерево было очищено и отполировано, на ощупь гладкое. Бовуар прикоснулся к нему – и не захотелось отнимать руку от дерева. Он долго смотрел на стул.

– Попробуйте сесть, – сказала Одиль, все еще остававшаяся за прилавком.

Бовуар снова взглянул на стул. Он был удобным, зовущим, словно кресло, только деревянное.

– Он вас выдержит, не беспокойтесь.

Ему хотелось, чтобы она замолчала. Он бы просто с удовольствием смотрел на этот превосходный предмет мебели. Это было как произведение искусства, которое он действительно понимал.

– Его сделал Жиль, – сказала Одиль, снова прерывая ход его мыслей.

– Жиль Сандон? Местный?

Она весело улыбнулась:

– Да, это мой Жиль. Он делает такие вещи.

– Я думал, он работает в лесу.

– Он ищет деревья, пригодные для изготовления мебели.

– Находит свои собственные деревья?

– Вообще-то, он говорит, что это они его находят. Он идет на прогулку

в лес и слушает. Когда дерево зовет его, он идет к нему.

Бовуар уставился на него. Она сказала это так, будто то же самое делала и «ИКЕА». Словно это было абсолютно естественным и нормальным – слушать деревья, уже не говоря о том, чтобы слышать их. Бовуар снова посмотрел на стул.

«Они тут что, все психи?» – подумал он. Стул больше не говорил с ним.

Глава двадцать вторая

Агент Робер Лемье ждал своей очереди в магазине месье Беливо. Поначалу он думал, что это мини-маркет, в котором продаются нездоровая еда, сигареты, дешевое пиво и вино и всякие мелочи, которые могут неожиданно понадобиться людям, вроде конвертов или свечей для торта. Но вместо этого он обнаружил вполне нормальный магазин. Такой, в какой когда-то ходила его grand-mère[47]. На темных деревянных полках были аккуратно расставлены овощные консервы, крупы, макароны, джемы и желе, супы и крекеры. Все высокого качества, все чисто и аккуратно. Никакой толпы покупателей, никакого обжорства. Полы, хотя и затертые множеством ног, содержались в чистоте, а под дощатым потолком медленно крутился вентилятор.

За прилавком стоял высокий пожилой человек, он слегка согнулся, слушая еще более пожилую женщину, которая говорила без умолку, отсчитывая деньги за покупки. Она сообщала ему о боли в ногах. Рассказывала о сыне. Рассказывала о своей поездке в Южную Африку, о том, как ей там понравилось. И наконец тихим доброжелательным голосом она сказала, что сочувствует ему в связи с его утратой. Она протянула пятнистую руку с синими набухшими венами и положила на его длинные, тонкие, очень белые пальцы. И задержала там. Он не шелохнулся. Не убрал руку. Нет, он заглянул в ее выцветшие глаза и улыбнулся:

– Merci, Madame Ferland.

Лемье проводил ее взглядом, радуясь, что она замолчала, и занял ее место.

– Милая дама.

Он улыбнулся месье Беливо, который провожал взглядом мадам Ферлан – та открыла дверь, вышла на крыльцо, посмотрела направо и налево, словно потерявшись, и очень медленным шагом пошла прочь.

– Oui.

Вся деревня знала, что мадам Ферлан год назад потеряла сына, хотя она и предпочитала об этом не говорить. До этого самого дня, когда заговорила о сыне с месье Беливо, который принял этот дар разделенной скорби.

Теперь он повернулся к молодому человеку, стоящему перед ним. Волосы у парня были подстрижены на консервативный манер, приятное лицо чисто выбрито. И вообще у него был милый вид.

– Меня зовут Робер Лемье. Я служу в Квебекской полиции.

– Oui, monsieur. Я это понял. Вы хотите поговорить о мадам Фавро.

– Насколько я понимаю, у вас с ней были особые отношения.

– Да.

Месье Беливо не видел причин отрицать это теперь, хотя и не был уверен в том, какие у него были отношения с Мадлен, по крайней мере с ее стороны. Он был уверен только в одном – в своих чувствах.

– И что это были за отношения? – спросил агент Лемье.

Он подумал, что его вопрос резковат, но, с другой стороны, он знал, что их разговор в любую минуту может быть прерван другим покупателем.

– Я ее любил.

Эти слова заполнили пространство между ними, где мелочь, отсчитанная мадам Ферлан, еще грела прилавок.

Агент Лемье был готов к такому ответу. Шеф говорил ему, что именно так, возможно, и обстоят дела. Во всяком случае, отношения между ними были далеки от легкомысленных. Но, глядя на этого тощего, мрачного, печального человека, агент Лемье ни за что бы не догадался об этом. Ему было за шестьдесят, а Мадлен Фавро – сорок с небольшим. Но Лемье удивляла не разница в возрасте. Судя по фотографиям, Мадлен была красива. Она неизменно смеялась или улыбалась, выглядела довольной. Была полна жизни и восторженности. Лемье полагал, что она могла бы заполучить любого. Так почему же она выбрала этого сухопарого человека, пожилого, сутулого, незаметного?

Возможно, она его и не выбирала. Возможно, он любил ее, а она не питала к нему никаких чувств. Возможно, она разбила ему сердце и он покушался на нее.

Мог ли этот человек, от которого пахло крекерами и который напоминал сухую мочалку, убить Мадлен Фавро? Из любви?

Молодому агенту Лемье трудно было в это поверить.

– Вы были любовниками?

Одна эта мысль вызывала у него отвращение, но он заставлял себя благожелательно смотреть на месье Беливо и надеялся вызвать у него отцовские чувства.

– Нет, между нами не было плотских отношений. – Месье Беливо произнес это просто, без смущения. Он был выше того, чтобы беспокоиться из-за таких глупостей.

– У вас есть семья, месье?

– Детей нет. Была жена. Жинетт. Умерла два с половиной года назад. Двадцать второго октября.

Когда Робер Лемье перешел в отдел по расследованию убийств, старший инспектор Гамаш усадил его за стол и прочел краткий курс по поимке убийц:

– Ты должен научиться слушать. Пока ты говоришь, ты ничего не узнаёшь, а эта работа требует умения узнавать. И не только устанавливать факты. Самое главное из того, что ты узнаёшь, расследуя убийство, ты не можешь увидеть или потрогать. Ты узнаёшь, что чувствуют люди. Потому что… – И тут старший инспектор подался вперед, и агенту Лемье показалось, что он сейчас возьмет его за руки. Но Гамаш только заглянул в глаза Лемье. – Потому что мы ищем человека с проблемами. Мы ищем человека, который кажется здоровым, который ведет нормальный образ жизни. Но на самом деле он очень болен. Мы находим этих людей, не просто собирая факты, а собирая впечатления.

– И я делаю это, слушая.

Агент Лемье знал, как сказать людям то, что они хотят услышать.

– Есть четыре фразы, которые позволяют достигнуть мудрости. Я хочу, чтобы ты их запомнил и следовал им. Ты готов?

Агент Лемье вытащил блокнот и авторучку и замер, приготовившись записывать.

– Ты должен научиться говорить: «Я не знаю», «Мне нужна помощь», «Прошу прощения», «Я ошибался».

Агент Лемье записал эти слова. Час спустя он сидел в кабинете суперинтенданта Бребёфа и показывал ему эту запись. Он ожидал услышать смех, но вместо этого суперинтендант сжал губы так, что они побелели, и стиснул челюсти.

– Я забыл об этом, – сказал Бребёф. – Наш шеф, когда мы только поступили в полицию, говорил нам эти слова. Это было тридцать лет назад. Он сказал нам об этом только раз и больше никогда не повторял. Я забыл.

– Вряд ли они стоят того, чтобы их помнить, – заметил Лемье, полагая, что именно это хочет услышать Бребёф.

Он ошибался.

– Ты дурак, Лемье. Ты хоть представляешь себе, с кем имеешь дело? И с чего я взял, черт побери, что ты сможешь в чем-то преуспеть против Гамаша!

– Знаете, – сказал Лемье, словно и не слышал упрека, – такое впечатление, что старший инспектор Гамаш сам верит в это.

«Как и я когда-то, – подумал Бребёф. – Когда я любил Армана. Когда мы доверяли друг другу и обещали друг друга защищать. В те времена,

когда я еще мог признать, что ошибаюсь, что мне нужна помощь, что я чего-то не знаю. Когда я еще умел извиняться».

Но это было давно.

– Ну а я все же не настолько глуп, – тихо произнес агент Лемье.

Бребёф ждал неизбежного скулежа, сомнений, был готов подтвердить, что они делают нужное дело, что Гамаш предал Квебекскую полицию, что Лемье умный молодой человек и сможет отличить ложь Гамаша от правды. Бребёфу так часто приходилось повторять эти слова запутавшемуся Лемье, что он и сам начал в них верить.

Он смотрел на агента и ждал. Но видел перед собой уравновешенного, сдержанного полицейского.

Хорошо. Хорошо.

Однако сердце Бребёфа обдувал слабый холодный ветерок.

– Он сказал мне еще кое-что, – проговорил Лемье, остановившись у дверей и обезоруживающе улыбнувшись. – Матфей, глава десятая, стих тридцать шестой.

Бребёф с каменным лицом проследил, как агент Лемье бесшумно закрывает за собой дверь. После этого он снова начал дышать. Поверхностно, учащенно. Почти как при удушье. Он опустил глаза и увидел, что пальцы его сжаты в кулак, в котором он держит смятый клочок бумаги с четырьмя простыми предложениями.

А в ушах у него – последние слова, сказанные Лемье.

Матфей, глава десятая, стих тридцать шестой.

Он и это тоже забыл. Но он знал, что долго не забудет выражения на лице Лемье. Он видел на этом лице не прежнее знакомое угодливое, озабоченное, умоляющее выражение человека, которого требуется убеждать. Нет, то было выражение человека, которого это больше не волнует. Бребёфа удивил даже не ум, светившийся в глазах агента, а коварство.

Теперь агент Лемье слушал и ждал, когда месье Беливо скажет еще что-нибудь, но старик, казалось, тоже был готов ждать.

– Как умерла ваша жена?

– Инсульт. Высокое давление. Она умерла не скоропостижно. Я смог привезти ее домой и несколько месяцев ухаживал за ней. Но у нее случился еще один инсульт, который ее и убил. Она похоронена за церковью Святого Томаса на старом кладбище, где лежат ее и мои родители.

Агент Лемье подумал, что нет ничего хуже, чем быть похороненным в этом месте. Он предполагал, что его похоронят в Монреале, или в Квебек-

Сити, или в Париже – отошедшим от дел почтенным президентом Квебека. До недавнего времени Квебекская полиция давала ему дом и цель в жизни. Но суперинтендант Бребёф, сам того не ведая, дал ему кое-что еще. Нечто отсутствовавшее в его жизни прежде. План.

Согласно этому плану Робер Лемье не собирался надолго задерживаться в полиции. Только на срок, достаточный, чтобы подняться по карьерной лестнице, заработать себе имя, а потом идти в политику. Все было возможно. Или станет возможно, когда он покончит с Гамашем. Это сделает его героем. А герои получают награды.

– Bonjour, Monsieur Béliveau. – В магазин вошла Мирна Ландерс, заполнив помещение солнечным светом и улыбками. – Я не помешала?

– Вовсе нет. – Агент Лемье захлопнул свой блокнот. – Мы просто перекинулись несколькими словами. Как поживаете?

– Неплохо. – Она обратилась к месье Беливо: – Как у вас дела? Я слышала, вы вчера обедали с Питером и Кларой.

– Верно. Это было большое утешение. Дела у меня точно так, как того и следовало ожидать.

– Печальное событие, – сказала Мирна, решив не пытаться вывести месье Беливо из его полноправной скорби. – Я пришла купить газету. Дайте мне, пожалуйста, «Ла журне».

– На эту газету сегодня спрос.

– Там появилась странная статья.

Мирна подумала, что, может быть, стоит помалкивать на сей счет, но затем решила, что новость все равно уже разошлась по деревне. Она заплатила за газету, перелистала страницы и нашла городскую колонку.

Все трое склонились над газетой, потом все трое разогнулись, словно богомольцы после древней молитвы. Двое были расстроены. Третий пребывал в экстазе.

В этот момент кряканье привлекло их внимание к распахнувшейся сетчатой двери.

Глава двадцать третья

– Месье Сандон! – выкрикнул инспектор Бовуар в тысячный раз.

Его уже начинало охватывать беспокойство. Он находился посреди леса рядом с Сен-Реми. Одиль сказала ему, где он найдет пикап Жиля и его следы в лесу. Найти машину Бовуару удалось без труда. Он лишь два раза потерялся на пути в этот тупичок. А вот найти человека оказалось гораздо труднее. На деревьях только-только начали завязываться почки, так что листья не затрудняли обзора, но идти по бурелому, болоту и камням оказалось нелегко. Эта среда не была для Бовуара естественной. Он перебирался через осклизлые камни, попадал ногами в грязевые лужи, скрытые под гниловатыми осенними листьями. Его великолепные кожаные ботинки (он знал, что покупать такие ботинки – безрассудство с его стороны, но до резины опускаться не собирался) были наполнены водой, грязью и веточками.

Когда он вышел на свежий воздух из приторной атмосферы магазина, Одиль прокричала ему вслед фразу, которая до сих пор звучала у него в ушах.

«Берегитесь медведя», – весело пропела она.

Войдя в лес, Бовуар первым делом нашел палку, чтобы в случае чего ударить медведя по носу. Или это акул нужно бить по носу? Он был готов и к тому и к другому. А медведь, сожрав его, сможет воспользоваться палкой как зубочисткой.

У Бовуара был пистолет, но Гамаш приучил его к мысли о том, что доставать оружие нужно только в том случае, если ты и в самом деле собираешься стрелять, а потому пистолет оставался в кобуре.

Бовуар видел достаточно новостей о нападении медведей и знал, что черные медведи обычно неопасны, если только ты не оказываешься между медведицей и медвежонком. Еще он знал, что они становятся опасными, если их напугать. А потому его крик «месье Сандон» имел двойное значение.

– Месье-е-е Са-а-андо-о-о-он!

– Я здесь, – раздался неожиданный ответ.

– Где? – прокричал Бовуар.

– Здесь-здесь. Я вас найду.

Бовуар услышал шорох прошлогодних листьев и треск веток. Но человека он не видел. Звук стал громче, но человек так пока и не появился.

К Бовуару словно приближался призрак.

«Черт, не нужно мне было об этом думать, – подумал Бовуар, чувствуя, как растет его тревога. – Я же не верю в призраков. Я не верю в призраков».

– Кто вы?

Бовуар повернулся и увидел, что на небольшой возвышенности стоит крупный человек. Широкогрудый, мощный, высокий. На нем была потрепанная вязаная шапочка, рыжая борода торчала во все стороны. Он был заляпан грязью, на одежде висели кусочки коры.

Йети. Большая Нога. Бабушка Бовуара рассказывала ему о некоторых старинных существах. Зеленый человек. Наполовину человек, наполовину дерево. Это был он.

Бовуар крепче сжал палку.

– Инспектор Бовуар, Квебекская полиция.

Никогда еще это не звучало так беспомощно. Зеленый человек рассмеялся. Но не злобным смехом (вот сейчас разорву тебя на части!), а по-настоящему веселым. Он спустился с небольшого холма, ловко петляя между старыми деревьями и молодняком.

– А я уж думал, это дерево со мной говорит.

Он протянул свою большую грязную руку, и Бовуар пожал ее. Он тоже рассмеялся. В обществе этого человека трудно было не веселиться.

– Хотя обычно они не так заметны, когда говорят.

– Деревья?

– О да. Но вы, вероятно, пришли сюда не для того, чтобы поговорить о них. Или с ними.

Сандон положил руку на массивный ствол рядом с собой. Не оперся о него, а просто прикоснулся к нему. Даже без путаных объяснений его подруги Бовуар видел, что у этого человека особые отношения с деревьями. Если бы Дарвин пришел к выводу, что человек произошел от дерева, то отсутствующим звеном можно было бы назвать Жиля Сандона.

– Вы правы. Я расследую убийство Мадлен Фавро. Я думаю…

Бовуар замолчал. Крупный человек отступил на шаг, словно Бовуар толкнул его:

– Убийство? Что вы такое говорите?

– Извините, я решил, что вы знаете. Но вам известно, что она умерла.

– Я был там. Отвез ее в больницу.

– Боюсь, в отчете коронера сказано, что она умерла не естественной смертью.

– Конечно не естественной. Тем вечером вообще не было ничего естественного. Никогда бы не стал приглашать этих призраков в комнату.

Это сделала та женщина – экстрасенс.

– Она ведьма, – сказал Бовуар, сам не веря тому, что произнес эти слова.

И все же так оно и было на самом деле. Так он думал.

– Неудивительно, – заметил Сандон, немного придя в себя. – Думать нужно было. Всем нам, а в особенности ей. В этом мире происходят странные вещи, дружище. И в потустороннем тоже. Но я скажу вам кое-что.

Он подошел ближе к Бовуару и наклонился. Бовуар приготовился: вот сейчас ему в нос ударит запах пота и немытого тела. Но оказалось, что от Сандона пахнет свежим воздухом и сосной.

– Самое странное – это то, что есть между этими двумя мирами. Там, где и живут, как в мышеловке, все призраки. Это неестественно.

– А слушать деревья естественно?

Лицо Сандона, только что выражавшее тревогу, снова засветилось улыбкой.

– Настанет день – и вы их услышите. Можно всю жизнь принимать слышимый в тишине шепоток за шелест ветра. Но это деревья. Природа все время говорит с нами, проблема состоит в том, чтобы услышать. Вот я не могу услышать воду, цветы или камни. Вообще-то, могу, но слышу их очень слабо. А вот деревья – их голоса мне ясны.

– И что они говорят?

Бовуар не мог поверить, что задал этот вопрос, и уж совсем не мог поверить, что ему на самом деле интересен ответ.

Несколько мгновений Жиль смотрел на Бовуара.

– Когда-нибудь я вам скажу. Но не сейчас. Думаю, вы мне не поверите, так что не стоит попусту тратить мое и ваше время. Но когда-нибудь, когда я буду знать, что вы не станете смеяться над ними и не обидите их, я вам скажу, что говорят деревья.

Инспектор Бовуар удивился, обнаружив, что обиделся сам. Он хотел, чтобы этот человек доверял ему. И хотел знать. Но он понимал, что Сандон прав. Он, Бовуар, считал, что все это чепуха. Скорее всего, чепуха.

– Не могли бы вы рассказать мне о Мадлен Фавро?

Сандон нагнулся и поднял палку. Бовуару показалось, что Сандон сейчас сломает ее и истреплет в своих ручищах, но тот просто взял ее, как берут чью-то маленькую руку.

– Она была красива. Я не мастер на слова, инспектор. Она была вот такая. – Он показал палкой в лес.

Бовуар оглянулся и увидел солнечный свет, сверкающий на светло-зеленых почках, падающий на золотые осенние листья. Тут можно было

обойтись и без слов.

– Она недавно здесь появилась, – сказал Бовуар.

– Несколько лет назад. Жила с Хейзел Смит.

– Вы думаете, они были любовницами?

– Хейзел и Мадлен? – Эта мысль, похоже, показалась Сандону новой, хотя и не отталкивающей. Он нахмурился, обдумывая ее. – Вполне возможно. Мадлен была полна любви. Такие люди не проводят различий между мужчинами и женщинами. Я знаю, что они любили друг дружку, если вы об этом, но мне кажется, вы имеете в виду что-то еще.

– Да, имею. И вы говорите, что это вас не удивило бы?

– Нет, не удивило бы. Но только потому, что Мадлен любила многих людей.

– Включая и месье Беливо?

– Мне жаль, если она испытывала какие-то чувства к этому человеку. Вы же знаете, его жена умерла несколько лет назад. А теперь вот и Мадлен.

Гнев вскипал и затихал в этом человеке так быстро, что Бовуар не успевал подготовиться. У Сандона был такой вид, словно он хочет стукнуть что-нибудь или кого-нибудь. Он злобно огляделся, сжав кулаки, по щекам его покатились слезы. Бовуар видел, как мечутся его мысли. Дерево или человек, дерево или человек. По чему ударить?

«Дерево, дерево, дерево», – безмолвно внушал ему Бовуар. Но гнев прошел, и Сандон оперся о громадный дуб. Потом он обнял дерево, и Бовуар не почувствовал никакого желания насмешничать.

Наконец Сандон снова повернулся к Бовуару, клетчатым рукавом отер лицо от слез и всего остального.

– Извините. Я думал, что уже справился с этим, но, видимо, нет. – Этот громадный человек робко улыбнулся Бовуару, продолжая прижимать к лицу гигантский рукав. Потом он опустил руку. – Я пришел сюда вчера. Здесь я чувствую себя лучше всего. Я прошел к ручью и рыдал там. Весь день. Бедные деревья. Но похоже, они не очень возражали. Они тоже иногда рыдают, когда идет сплошная вырубка леса. Понимаете, они воспринимают ужас других деревьев. Через корневую систему. Они скорбят и рыдают. Вчера рыдал я. Сегодня я плакал. Я думал, что все уже закончилось. Извините.

– Вы любили Мадлен?

– Любил. А вы найдите кого-нибудь, кто бы ее не любил.

– Кто-то все же не любил. Ведь кто-то убил ее.

– Никак не могу в это поверить! Вы точно знаете?

Бовуар ничего не ответил, и Сандон кивнул. Но все же это

предположение казалось ему немыслимым.

– Есть средство под названием эфедра. Слышали когда-нибудь о таком?

– Эфедра? – Жиль Сандон задумался. – Вроде не слышал. Но я не хожу по аптекам. У меня магазин натуральных продуктов в Сен-Реми.

– «Ла мезон биоложик». Я знаю. Я был там сегодня. Говорил с Одиль. Она знает?

– Что?

– Что вы любили Мадлен.

– Вероятно. Но она понимала, что это совсем другая любовь. Мадлен из тех людей, которыми восхищаются на расстоянии. Я даже и помыслить не мог о том, чтобы к ней подойти. Вы только посмотрите на меня.

Бовуар посмотрел и понял, что имеет в виду Сандон. Громадный, грязный человек, который чувствует себя как дома в лесной чаще. Не многим женщинам понравится такое. Но вот Одиль он понравился, и Бовуар достаточно хорошо знал женщин и, безусловно, гораздо лучше разбирался в убийствах, а потому видел здесь наличие мотива.

Рут Зардо плелась по дорожке от своего крошечного дома, больше похожего на стенной шкаф, к проходу в стене из сухой каменной кладки, окружающей деревенский луг. Гамаш и Жанна смотрели на нее. С другой стороны луга за ней наблюдали Робер Лемье, Мирна и месье Беливо. Несколько человек остановились на полпути, чтобы взглянуть на Рут.

Все глаза были устремлены на старую женщину, которая прихрамывала и покрякивала.

Рут шла с непокрытой головой, ветерок чуть шевелил ее коротко подстриженные волосы. Вдруг она повернулась, посмотрела на землю позади себя и остановилась. Потом она сделала нечто такое, чего Гамаш никогда не замечал за ней раньше: она улыбнулась. Простой, легкой улыбкой. И похромала дальше.

Она вошла через проход в стене, двигаясь медленно, дюйм за дюймом. А следом за ней двигалось кряканье. Две крохотные пушистые птички.

– Вот она – ведьма, – сказала Жанна.

– Рут Зардо, – рассмеялся Гамаш и подумал, что в этой деревне многие согласятся с Жанной.

Жанна ошеломленно посмотрела на него:

– Рут Зардо? Поэтесса? Это Рут Зардо? Та самая, которая написала:

Я не почувствовала, как прицельное слово

пулей вошло в мое тело.
Я не почувствовала, как разорванная плоть
сомкнулась над ним,
словно вода над брошенным камнем[48].

Эта самая Рут Зардо?

Гамаш улыбнулся и кивнул. Жанна процитировала одно из его любимых стихотворений Рут – «Полуповешенная Мэри».

– Ох ты… – Жанна почти дрожала. – Я думала, она уже умерла.

– Частично, – сказал Гамаш. – Кажется, она делает это поэтапно.

– В моем кругу она настоящая легенда.

– В кругу колдуний?

– Рут Зардо… Это стихотворение, «Полуповешенная Мэри», оно о реальной женщине – Мэри Уэбстер. Они решили, что она ведьма, и повесили ее на дереве. Это было во времена охоты на ведьм. Конец семнадцатого века.

– Здесь? – спросил Гамаш.

Он изучал квебекскую историю, и хотя в ней случалось немало жестоких событий, ни одно из них не достигало жестокости охоты на ведьм.

– Нет. В Массачусетсе.

Жанна по-прежнему смотрела на Рут, впрочем и все остальные тоже. Рут прошла приблизительно фут по деревенскому лугу; птенцы, шедшие за нею, махали крохотными, словно рудиментарными, крыльями и переваливались на перепончатых лапках.

– Удивительная женщина, – сказала Жанна, словно завороженная.

– Рут или Мэри?

– Вообще-то, обе. Вы читали ее стихи?

Гамаш кивнул:

Меня повесили за то, что я жила одна,
за то, что я голубоглазая и загорелая,
за юбки драные, нехватку пуговиц,
за мою ферму, всю в сорняках,
за средство против бородавок надежное.

– Оно самое, – сказала Жанна, провожая Рут глазами; так утренний

свет следует за солнцем. —

Я вверх взлетаю, словно падалица наоборот,
почерневшее яблоко, застрявшее в ветвях дерева.

Невероятно! И все же, – Жанна наконец оторвала глаза от Рут и медленно описала полный круг обратно, – я могу поверить в такое относительно этой деревни. Куда еще отправляются люди в поисках безопасности? Чтобы быть подальше от тех мест, где людей сжигают на кострах.

– Вы поэтому приехали сюда?

– Я приехала, потому что устала, переутомилась. Занятно. Переутомленная ведьма.

Она рассмеялась, и они оба направились к маленькой, обитой вагонкой церквушке на склоне холма.

– Тем не менее вы согласились провести спиритический сеанс.

– Это профессиональное. Трудно сказать «нет».

– Профессиональное или женское? Не только целителям трудно говорить «нет».

– Это верно, мне всегда было нелегко отказывать людям, – сказала Жанна.

Они добрались до Святого Томаса и поднялись на небольшое крыльцо по шести деревянным ступенькам. Гамаш открыл большую деревянную дверь, но Жанна не стала входить. Она повернулась и посмотрела на Рут, потом перевела взгляд на три громадные сосны, растущие на деревенском лугу.

– Это что, совпадение? Деревня называется Три Сосны и на ее лугу растут три сосны?

– Нет, эта деревня была создана лоялистами, которые бежали из Штатов во время войны с Британией. В те времена здесь был сплошной лес. Да и до сих пор здесь вокруг сплошные леса. – Гамаш подошел к ней, и теперь они стояли бок о бок и смотрели на деревню и глухую чащу за ней. – Лоялисты не могли знать, добрались они до безопасного места или нет. И поэтому был придуман специальный код. Три сосны на полянке означали, что они уже в безопасности – за границей Штатов.

– Они были в безопасности, – сказала Жанна и вздохнула с облегчением. – Господи Боже, спасибо Тебе, – прошептала она.

Гамаш стоял на ласковом золотистом солнце и ждал, когда Жанна

будет готова войти внутрь.

– Мы образовали круг, и эта ведьма принялась рассыпать соль, – рассказывал Жиль.

Они с Бовуаром сидели на камнях у полноводного ручья. Бовуар слушал и кидал камешки в воду. Сандон смотрел на ручей, чья поверхность была покрыта танцующими серебряными блестками там, где солнечные лучи улавливали движение.

– Мне нужно было сразу уйти, но… я не знаю… мы все словно были заколдованы. Я думаю, это было похоже на истерию. Я слышал, как в темноте движутся какие-то существа. Все это сильно пугало.

Бовуар украдкой бросил взгляд на Сандона, но тот, казалось, был ничуть не смущен своим признанием.

– Потом она стала вызывать духов, говорила, что слышит их. И я их тоже слышал. Это было ужасно. Она зажгла свечи, но от этого почему-то стало еще темнее. А после раздалось какое-то шарканье. Там что-то появилось, я знаю. Эта ведьма вызвала какого-то мертвеца. Даже я понимаю, что это ошибка.

– И что случилось?

Сандон тяжело дышал, вернувшись в ту нехорошую комнату, снова окруженный темнотой и ужасом. И еще кое-чем.

– Она слышала приближение чего-то. Потом хлопнула в ладоши. Я думал, что вот-вот умру. Послышалось два крика. А может, и больше. Страшные звуки. Затем удар. Я чуть не ослеп от ужаса, но я видел, как Мадлен упала. Поначалу я даже шевельнуться боялся, но Клара бросилась к ней, а следом и Мирна. Когда я снова смог двигаться, вокруг Мадлен уже стояло несколько человек.

– Включая и месье Беливо?

– Нет, его там не было. Я подоспел раньше месье Беливо. Я решил, что он упал в обморок. Если откровенно, то я был рад, что не оказался на ее месте. Потом мы перевернули ее.

– Я не могла этому поверить, – сказала Жанна, вспоминая лицо, от которого вот уже два дня старалась убежать. – Мы пытались прощупать у нее пульс, сделать искусственное дыхание, но это было невозможно – она вся окоченела. Она словно обездвижела, жизнь в один миг оставила ее. Вы назвали какое-то средство…

Она стала вспоминать название. Гамаш молчал, спрашивая себя, не игра ли это.

– Забыла название, но на нее подействовало какое-то медицинское средство, верно?

– Эфедра. Вообще-то, это растение, натуральное вещество. Его используют люди, которые хотят похудеть, но оно было запрещено. Оно слишком опасно. Какое впечатление у вас вызвали эти люди?

– На самом деле это был второй сеанс. Первый состоялся в пятницу вечером в бистро.

– В Страстную пятницу, – сказал Гамаш.

– Я чувствовала напряжение, исходившее главным образом от двух людей. Не от Габри. От двух других. От высокого печального человека. И громадного рыжебородого. Но мужчины часто так себя ведут на сеансах. Они либо не верят и исполнены негативной энергии или же верят и смущены тем, что им страшно. А это опять негативная энергия. Но вообще-то, у меня создалось впечатление, что они были расстроены не просто своим присутствием. Я думаю, они ненавидели друг друга. Сильнее это проявлялось в крупном человеке, но владелец магазина…

– Месье Беливо, – вставил Гамаш.

– В нем есть что-то темное.

Гамаш удивленно посмотрел на нее. Он мало что знал об этом человеке, но даже эта малость вызывала у него симпатию. Месье Беливо казался вежливым и даже застенчивым.

– Он что-то скрывает, – сказала Жанна.

– Мы все что-то скрываем, – заметил Гамаш.

– Вы каждый день сюда приезжаете? – спросил Бовуар, когда Сандон закончил рассказ.

Этот вопрос даже для него прозвучал уж слишком примитивно, и Бовуар постарался не покраснеть.

– Угу. Ищу дерево для моей мебели.

– Я видел в магазине ваши вещи. Это просто фантастика.

– Деревья позволяют мне делать это.

– Позволяют их срубать? – удивленно спросил Бовуар.

– Нет, конечно, за кого вы меня принимаете?

«За убийцу?» – завершил его мысль Бовуар. Неужели он так подумал?

– Я иду по лесу и жду вдохновения. Использую только мертвые деревья. Мне кажется, у нас много общего – у вас и у меня.

Это почему-то понравилось Бовуару, хотя он и не мог понять, что у них общего.

– Мы оба имеем дело со смертью, зарабатываем на ней, если хотите.

Без мертвых деревьев у меня не было бы мебели, а у вас без убитых не было бы работы. Конечно, вы, ребята, сами себе иногда помогаете.

– Вы о чем?

– Да ладно! Вы что, не читали сегодняшнюю газету?

Сандон вытащил из заднего кармана сложенную и помятую газету. Он протянул газету Бовуару, показав грязным пальцем нужную заметку:

– Читайте. Я думал, они всех плохих ребят упрятали за решетку, но один, кажется, все еще разгуливает где-то на свободе. Вернее, не где-то, а здесь, у нас. Вы кажетесь мне порядочным человеком. Тяжело, наверное, иметь такого мерзкого шефа.

Бовуар почти не слышал комментариев. У него возникло такое чувство, будто он рухнул в эту газету и загнан в ловушку словами. Одним словом.

Арно.

Несколько секунд Жанна молчала, оглядывая маленькую деревянную церковку. Простые лесные ландыши наполняли ее своим благоуханием, так что здесь пахло старым деревом, чистящим средством с ароматом лимона, книгами и цветами. Церковь была похожа на ювелирное изделие. Солнечный свет, проникавший внутрь сквозь витражное стекло, приобретал зеленый, голубой и красный оттенки. Самым заметным из этих витражей был не тот, что располагался за алтарем и изображал Христа. Самый заметный находился в боковой стене и изображал трех молодых людей в военной форме. Солнечные лучи, пробившиеся сквозь них, окрашивали своими цветами Гамаша и Жанну, и они сидели на скамье в тепле, составлявшем сущность этих мальчиков.

– Будьте осторожны. – Она отвела взгляд от Гамаша и посмотрела на полоску красного цвета у его ног.

– Что вы имеете в виду?

– Я вижу это повсюду вокруг вас. Будьте осторожны. Что-то случится.

Глава двадцать четвертая

Жан Ги Бовуар нашел Гамаша в Святом Томасе. Он сидел рядом с ведьмой, и оба смотрели перед собой. Бовуар понимал, что из-за его вмешательства допрос будет прерван, но его это не волновало. В руке он держал газетенку. Грязную газетенку. Гамаш повернулся, увидел Бовуара, улыбнулся и встал. Подумав секунду, Бовуар сунул газету во внутренний карман.

– Инспектор Бовуар, это Жанна Шове.

– Мадам…

Преодолевая отвращение, Бовуар пожал ей руку. Если бы он, проснувшись сегодня утром, знал, что будет пожимать руку ведьме, то… Он не представлял, как этого избежать, но должен был признать, что это одна из составляющих его работы, которая ему и нравилась. Непредсказуемость.

– Я как раз собиралась уходить, – сказала ведьма, но по какой-то причине не выпустила руку Бовуара. – Вы верите в призраков, инспектор?

Бовуар чуть глаза не закатил. Он вполне мог себе представить, как допрос превратился в диспут между ведьмой и его шефом на тему призраков и Бога.

– Нет, мадам, не верю. Я думаю, это мошенничество, способ кормиться за счет слабых умов, использовать человеческое горе. Я думаю, это хуже, чем мошенничество.

Он вырвал свою руку из ее. Его переполняли эмоции. Гнев сотрясал клетку, в которую был упрятан, и Бовуар опасался, как бы тот не вырвался наружу. Не нормальный, здоровый гнев, а бешенство, готовое разорвать и уничтожить кого угодно. Слепое, мощное, не знающее ни совести, ни сдержанности.

В его кармане, рядом с сердцем, лежали слова, которые могли по меньшей мере ранить Гамаша. А может, и больше. И именно ему, Бовуару, предстояло стать посредником в нанесении удара. Бовуар направил свой гнев на эту маленькую грустную непонятную женщину:

– Я думаю, вы кормитесь за счет скорбящих и одиноких людей. Это отвратительно. Будь моя воля, я бы всех вас упрятал в тюрьму.

– Или повесили бы на яблоне?

– Зачем обязательно на яблоне?

– Инспектор Бовуар!

Арман Гамаш редко повышал голос, но сейчас он это сделал. И Бовуар понял, что перешел черту, перешел и даже двинулся еще дальше.

– Извините, мадам, – усмехнулся Бовуар, еле сдерживая гнев.

Но эта маленькая женщина, во многих смыслах такая незначительная, даже не шелохнулась. Она осталась спокойной и задумчивой, несмотря на выпады Бовуара.

– Ничего страшного, инспектор.

Она направилась к двери, открыла ее и повернулась – черный силуэт на фоне золотого дня.

– Я родилась в сорочке, – сказала она Бовуару. – Думаю, что и вы тоже.

Дверь закрылась, и в церкви остались лишь двое мужчин.

– Она имела в виду вас.

– Ты, как всегда, проницателен, Жан Ги. – Гамаш улыбнулся. – Что случилось? Ты хотел убедиться, что она не проникла в мою черепную коробку?

Бовуару стало неловко. Ведь и правда все выглядело так, словно ведьма вела себя абсолютно пристойно. Напротив, именно Бовуар пытался воздействовать на мысли Гамаша. Он без слов вытащил газету из нагрудного кармана и протянул Гамашу. Старший инспектор все еще улыбался, но, когда встретил взгляд Бовуара, улыбка сошла с его лица. Он взял газету, надел свои полукруглые очки для чтения и принялся читать в тишине Святого Томаса.

Гамаш замер. Мир вокруг него стал медленно вращаться. Все напряглось. Он увидел седой волос в темной шевелюре Бовуара. У него возникло впечатление, что он может подойти к Бовуару, вырвать этот волос и вернуться на прежнее место, а Бовуар даже не заметит этого.

Арман Гамаш внезапно стал видеть то, чего не замечал прежде.

– Что это значит? – спросил Бовуар.

Гамаш посмотрел на название газеты. «Ла журне». Монреальский сливной бачок. Один из таблоидов, который обрушивался на него во время суда над Арно.

– Это старые новости, Жан Ги.

Гамаш сложил газету и положил ее на свою куртку.

– Но зачем сейчас вспоминать дело Арно? – спросил Бовуар, стараясь говорить таким же спокойным и рассудительным голосом, как и его шеф.

– Сегодня день без новостей. Писать не о чем. Газета шутит. Это une blague[49]. Где ты ее взял?

– Жиль Сандон дал ее мне.

– Ты его нашел? Хорошо. Расскажи, что тебе удалось узнать от него.

Гамаш взял куртку и газету, и они двинулись из церкви на свет божий и в здание прежнего вокзала, а по дороге Бовуар начал рассказывать Гамашу о своих утренних разговорах с Сандоном и Одиль. Бовуар был благодарен шефу за его реакцию, за то, что Гамаш просто отмахнулся от заметки в газете. Теперь и Бовуар мог делать вид, что эта статья ничего не значит.

Они шли в ногу, опустив голову. Сторонний наблюдатель мог бы принять их за отца и сына, которые решили прогуляться в этот прекрасный весенний день и затеяли разговор. Но что-то изменилось.

Я не почувствовала, как прицельное слово
пулей вошло в мое тело.

Разорванная плоть сомкнулась над прицельным словом, и Арман Гамаш продолжал идти, внимательно слушая инспектора Бовуара.

Хейзел Смит уехала в похоронный дом в Кауансвилле. Софи предложила было сопровождать мать, но голос ее звучал так недовольно, что Хейзел решила ехать одна. Да, несколько ее друзей предлагали поехать с ней, но Хейзел не хотела их беспокоить.

Ее словно похитили и поместили в мир приглушенных голосов и сочувствия тому, во что она так пока и не сумела поверить. Вместо встречи в редакции «Журнала вязальщиц» она разглядывала гробы. Вместо того чтобы отвезти бедняжку Эйми на химиотерапию или пить чай со Сьюзен и слушать о ее невезучих детях, она пыталась сочинить некролог.

Как описать саму себя? Дорогого друга? Дорогую спутницу? Той, кого так не хватает… Как найти слова, которые передали бы ее чувства? Те слова, прикоснувшись к которым можно почувствовать, что это те самые слова, какие и нужны? Как описать пустоту, оставшуюся после ухода Мадлен? Комок в горле, которое болит, как от ожога? Ужас, когда ты засыпаешь, зная, что, проснувшись, заново переживешь утрату, как Прометей, прикованный к скале и истязаемый каждый день. Все изменилось. Даже ее грамматика. Она вдруг перешла на прошедшее время. И единственное число.

– Мама! – крикнула Софи из кухни. – Мама, ты здесь? Мне нужна твоя помощь.

Хейзел вернулась из своего далека и направилась к дочери, поначалу медленно, но увеличивая скорость по мере того, как до нее доходили эти

слова.

«Мне нужна твоя помощь».

В кухне она обнаружила Софи, лежащую на кухонном столе с поднятой ногой и перекошенным от боли лицом.

– Что такое? Что случилось?

Хейзел наклонилась потрогать ногу дочери, но Софи отдернула ее:

– Нет! Больно.

– Ну-ка, сядь. Дай я посмотрю.

Ей удалось перетащить Софи с кухонного стола на стул. На другой стул Хейзел положила подушку и осторожно подняла на нее ногу дочери.

– Я ее подвернула в выбоине на подъездной дорожке. Сколько я тебе говорила: эти ямы нужно засыпать.

– Я знаю. Прости.

– Я ходила за твоей почтой – и вот тебе на.

– Дай мне посмотреть.

Хейзел нагнулась и осторожными опытными пальцами принялась обследовать щиколотку дочери.

Десять минут спустя Софи была устроена на диване в гостиной, в руке у нее был телевизионный пульт, на тарелке лежал сэндвич с ветчиной, на подносе стояла бутылочка диетической колы. Хейзел туго забинтовала щиколотку дочери и нашла пару старых костылей, оставшихся от того времени, когда Софи повредила ногу в прошлый раз.

Странным образом головокружение, рассеянность и растерянность прошли. Теперь ее мысли целиком были заняты дочерью, которой требовалась помощь.

Оливье принес блюдо с сэндвичами во второй зал своего бистро. Еще он поставил на подсобный столик кастрюлю грибного супа с кориандром, несколько бутылок пива и лимонада на разный вкус. Когда команда Гамаша пришла на ланч, Оливье взял Гамаша под локоть и отвел в сторону.

– Вы видели сегодняшнюю газету? – спросил Оливье.

– «Ла журне»?

Оливье кивнул:

– Ведь это вас имели в виду?

– Я думаю, да.

– Но почему? – прошептал Оливье.

– Не знаю.

– Они часто делают такие вещи?

– Не часто, но делают.

Он сказал это беспечным тоном, и Оливье расслабился.

– Если вам что-то нужно, дайте мне знать.

Оливье поспешил к своим обязанностям – наступило трудное время ланча. Гамаш налил себе тарелку супа, положил жареные овощи, итальянский сэндвич с козьим сыром и сел.

Вокруг сидели его подчиненные, ели суп, сэндвичи и осторожно поглядывали в его сторону. Кроме Николь, которая ела, опустив голову. Хотя они и сидели кругом, ей каким-то образом удавалось делать вид, что она сидит совсем за другим столом, совсем в другом помещении.

Не ошибся ли он, пригласив ее на это расследование?

Гамаш работал с нею вот уже два года, и, похоже, ничего в ней не менялось. Это сильно беспокоило его. Агент Николь, казалось, копила обиды, копила и нагромождала одну на другую. Она была идеальным маленьким генератором огорчений, шрамов и раздражений. Ее фабрика работала денно и нощно, оттачивая ее злость. Добрые намерения она трактовала как покушение на нее, подарки – как бесчестье, счастье других людей – как личное оскорбление. Она помнила каждую обиду. Ни о чем не забывала, кроме своей гордыни.

Но в то же время Иветт Николь демонстрировала способности к расследованию убийств. Она была своего рода идиоткой, обладающей этой единственной способностью, которая, возможно, воспринималась как ум.

И на расследование этого дела она попала не без оснований. Но основания эти она должна была держать при себе.

Гамаш взглянул на Николь, которая так низко склонилась над тарелкой, что туда падали ее волосы. Они свисали таким образом, что образовывали практически непроницаемый занавес. Но в просвете между прядями волос он все же мог видеть ложку, с которой проливалась жидкость, пока Николь подносила ее ко рту.

– Вероятно, вы все читали это. – Гамаш поднял номер «Ла журне».

Все закивали.

– Они, конечно, имели в виду меня, но это ничего не значит. После долгого уик-энда никаких новостей нет, поэтому решили вытащить на свет божий дело Арно. Это все. Не хочу, чтобы это мешало вашей работе. D’accord?[50]

Он оглядел команду. Агент Лемье согласно кивал, агент Николь отжимала суп с кончиков волос с помощью бумажной салфетки и притворялась, что не слышит его. Инспектор Бовуар внимательно посмотрел на шефа, резко кивнул и принялся запихивать в рот громадный сэндвич с ростбифом и хреном на круассане.

– Агент Лакост?

Изабель Лакост сидела неподвижно, глядя на Гамаша. Она не ела, не кивала, не говорила. Просто смотрела.

– Ответь мне, – попросил Гамаш.

Он перестал есть, сложил руки на коленях и все внимание сосредоточил на ней.

– Мне кажется, тут что-то есть, сэр. Вы всегда говорите, что ничто не случается беспричинно. Я думаю, что есть своя причина и у появления этой заметки.

– Что это за причина, по-твоему?

– Вы знаете, что это за причина, сэр. Та же, что и всегда. Они хотят избавиться от вас.

– И кто же эти «они»?

– Люди в Квебекской полиции, которые остаются преданными Арно.

Лакост выпалила это не задумываясь. Еще бы, ведь она все утро размышляла об этом, вот и пришла к такому заключению.

Как он воспримет ее слова?

Арман Гамаш смотрел через стол прямо ей в глаза. Его собственные карие глаза глядели спокойно, задумчиво и уверенно. Агент Лакост никогда не забывала, что в любом хаосе, невзирая на все угрозы и стрессы, на все нападки, словесные и физические, они продолжали ловить преступников. И всегда за все отвечал спокойный и сильный старший инспектор Гамаш. Он стоял во главе их отдела, и на то были свои основания: он ни разу не дрогнул. Как не дрогнул и сейчас.

– Пусть они остаются при своих причинах, – сказал он наконец. – Мне не обязательно об этом думать.

Он обвел взглядом свою команду. Даже агент Николь смотрела на него, чуть приоткрыв рот.

– А как насчет остальных? – спросила Лакост. – Местных жителей? Или других агентов полиции? Ведь люди поверят в это.

– И что?

– Это может повредить нам.

– И что я должен сделать? Выйти на улицу и кричать, что все это ложь? Я могу сделать две вещи. Могу расстроиться и разволноваться. А могу не обращать на это внимания. Как по-вашему, что я выберу?

Он улыбнулся. Напряжение спало впервые с той минуты, как они собрались, и все смогли продолжить ланч и свои отчеты. К тому времени, когда Оливье забрал пустые тарелки и принес сырную закуску, Бовуар и Гамаш уже успели разогреть своих подчиненных. Робер Лемье сообщил о

своем разговоре с месье Беливо.

– Что нам известно о его жене? – спросил Бовуар. – Как ее звали – Жинетт?

– Пока нам ничего не известно, – сказал Лемье, – кроме того, что она умерла несколько лет назад. Это важно?

– Может, и важно. Жиль Сандон намекал, что смерть двух женщин, с которыми был связан месье Беливо, неслучайна.

– Возможно, ему об этом нашептало дерево, – пробурчала Николь.

– Что это вы там бормочете, агент? – напустился на нее Бовуар.

– Ничего, – ответила она. Суп капал с ее волос на подбитые плечики дешевого костюма, на груди скопились крошки. – Я просто не думаю, что мы должны серьезно относиться к тому, что говорит Сандон. Он явно чокнутый. Да вы только послушайте – он с деревьями разговаривает. То же и эта колдунья. Рассыпает соль, зажигает свечи и говорит с мертвыми. Неужели вы воспринимаете всерьез то, что она говорит? – Этот вопрос она адресовала Арману Гамашу.

– Идемте со мной, агент Николь.

Гамаш аккуратно положил салфетку на стол и поднялся. Не сказав больше ни слова, он открыл застекленную дверь в мощенный плиткой внутренний дворик в той части бистро, что выходила на реку.

Бовуар представил себе на мгновение, как шеф швыряет Николь в воду, как ее руки молотят пенистую воду и исчезают в пучине и как ее тело через неделю выносит в несчастный Атлантический океан.

Но вместо этого команде пришлось наблюдать, как Николь бешено жестикулирует и даже топает ногой, а Гамаш слушает с суровым и серьезным лицом. За ревом реки их разговор не был слышен. Наконец Гамаш поднял руку, и Николь замолчала. Он заговорил. Она выслушала, развернулась и пошла прочь.

Гамаш с озабоченным видом вернулся в бистро.

– Она уезжает? – спросил Бовуар.

– Она возвращается в оперативный штаб.

– А потом?

– Потом она пойдет со мной в старый дом Хадли. Я хочу, чтобы вы тоже пошли, – сказал Гамаш агенту Лакост.

Жан Ги Бовуар сумел промолчать и даже выслушал отчет Изабель Лакост, хотя мысли его метались. Почему агент Николь здесь? Почему? Если ничто не случается беспричинно, то какова причина ее пребывания здесь? Он чувствовал, что такая причина есть.

– Мадлен Фавро было сорок четыре года, – докладывала Лакост

ясным, четким голосом. – Урожденная Мадлен Мари Ганьон, выходец из монреальского среднего класса, росла в квартале Нотр-Дам-де-Грас. На Гарвард-стрит. Воспитание англоязычное.

– Англоязычное? – переспросил Лемье. – Это с такой-то фамилией?

– Ну, скажем, полуанглийское, – признала Лакост. – Отец француз, мать англичанка. Фамилия французская, но воспитание по большей части английское. Училась в школе в Нотр-Дам-де-Грас. Секретарь школы даже помнит ее. Сказала, что в главном коридоре школы висит несколько фотографий Мадлен. Она была спортсменкой года и президентом школьного совета. В общем, из той группы ребят, которым все удается. Еще она была капитаном болельщиков.

Гамаш порадовался, что при этом не присутствовала Николь. Он мог себе представить, как бы она отреагировала на эту литанию успеха.

– А отметки? – спросил он.

– Секретарь обещала посмотреть архивы. К нашему возвращению в оперативный штаб информация уже должна поступить. После школы…

– Секунду, – остановил ее Гамаш. – А Хейзел Смит? Про нее ты спрашивала? Они ведь вместе учились.

– Да, спрашивала. Хейзел Ланг. Ей тоже сорок четыре. Жила на Мелроуз-авеню в том же монреальском квартале.

Гамаш знал этот район. Старые, основательные дома. Деревья и скромные садики.

– Секретарь обещала и по ней прислать информацию.

– Но ее она не вспомнила.

– Нет. Да и как вспомнить – столько лет прошло. Мадлен после школы поступила в Университет Куинс, изучала инженерное дело, потом поступила на работу в «Белл Кэнада». Уволилась четыре с половиной года назад.

Бовуар поедал взглядом Гамаша. Все никак не мог выкинуть из головы его перепалку с Николь. Если бы кто-нибудь из них позволил себе говорить с шефом таким образом, то был бы мигом выставлен за дверь. И вполне заслуженно. А если говорить откровенно, никто из них не позволял себе так говорить с Арманом Гамашем. И не из-за инстинкта самосохранения, а из уважения к шефу.

Почему Николь так разговаривает с ним и почему он не поставит ее на место?

– Женщина, с которой я говорила, работала в другом департаменте и на более низком уровне, – продолжила свой доклад Лакост, – но она говорит, что мадам Фавро была очень справедливым начальником и очень

умной. Она нравилась людям. Я также говорила с ее боссом. Его зовут Поль Маршан. – Лакост заглянула в свои записи. – Он вице-президент «Исследований и разработок». Мадлен Фавро работала начальником отдела. Разработка изделий. Она к тому же тесно сотрудничала с отделом маркетинга.

– Значит, когда появлялось новое изделие, например телефон или что-нибудь такое, – сказал Лемье, – она участвовала в этой работе.

– Ее специализацией были информационные технологии. Очень важная область. Как говорит ее босс, она возглавила это направление незадолго до того, как уволилась.

Гамаш ждал. Изабель Лакост была одним из его лучших агентов, и если бы инспектор Бовуар по какой-либо причине ушел от него, то заместителем Гамаша стала бы она. Ее доклады были тщательными, четкими и лишенными всяких амбиций.

– Она состояла в браке с Франсуа Фавро, но брак оказался неудачным. Несколько лет назад они развелись. Однако ее босс не думает, что именно это стало причиной увольнения. Он спрашивал у нее, почему она уходит, и она высказалась как-то неопределенно, но ее решение уволиться было неколебимым, и он уважал его.

– У него были какие-то соображения на этот счет? – спросила Гамаш.

– Да. – Лакост улыбнулась. – Шесть лет назад у Мадлен Фавро был диагностирован рак груди. Месье Маршан полагает, что именно это вкупе с разводом и послужило причиной ее ухода. Ему было жаль терять ее. Я слышала это по его голосу – она ему нравилась.

– Уж не был ли он влюблен? – спросил Гамаш.

– Не знаю. Но его чувства, мне кажется, выходили за границы обычного уважения. Ее уход огорчил его.

– А потом она приехала сюда, – сказал Гамаш, откинувшись на спинку стула.

В дверь постучал Оливье – принес кофе и поднос с десертом. Он задержался несколько дольше, чем, на взгляд Гамаша, было необходимо, и наконец ушел, сметя крошки со стола, но не получив ни крошки информации.

– Детей у нее нет? – спросил Лемье.

Лакост отрицательно покачала головой и взяла шоколадный мусс в хрустальном бокале, украшенный настоящим кремом и малиной. Она подтащила к себе темный густой кофе, довольная своим докладом и ланчем.

Бовуар увидел, что остался один бокал с муссом. Лемье взял

фруктовый салат, и Бовуар вздохнул с облегчением, хотя и продолжал взирать на агента с подозрением. Кто же это предпочитает фруктовый салат шоколадному муссу? Но теперь перед ним стояла ужасная дилемма – этакий кулинарный «Выбор Софи»[51]. Один мусс. Что делать – взять самому или оставить Гамашу?

Он вперил взгляд в десерт, потом посмотрел на Гамаша, который тоже не сводил взгляда. Но не с десерта, а с него, с Бовуара. По лицу его гуляла едва заметная улыбка и что-то еще. Бовуар редко видел такое выражение на лице шефа.

Грусть.

И тут Бовуар понял все. Понял, почему Николь до сих пор остается в команде. Почему Гамаш даже берет ее с собой сегодня.

Если офицеры, преданные Арно, хотели отомстить Гамашу, то наилучшим способом для этого было внедрение крота в его команду. Арман Гамаш понимал это. И вместо того чтобы уволить ее, решил сыграть в опасную игру. Он оставил ее в команде. Более того, он приблизил ее к себе, чтобы наблюдать за ней. При этом он делал так, чтобы она как можно меньше соприкасалась с другими. Арман Гамаш своим телом прикрыл их от гранаты, какой была Иветт Николь. Сделал это ради них.

Жан Ги Бовуар протянул руку, взял десерт и поставил шоколадный мусс перед Арманом Гамашем.

Глава двадцать пятая

Клара Морроу провела рукой по волосам и уставилась на работу, стоящую на мольберте. Как же это полотно так быстро из блестящего превратилось в дерьмовое? Она снова взялась за кисть и снова положила ее. Ей нужна была более тонкая кисть. Найдя такую, она обмакнула ее в зеленую масляную краску, чуть-чуть – в желтую и подошла к картине.

Но сделать ничего не смогла. Она больше не знала, что хочет сделать.

Волосы Клары торчали во все стороны, посверкивая синей и желтой краской. Она могла бы зарабатывать на жизнь как клоун Клара. Даже на лице у нее были мазки краски; правда, ее глаза испугали бы любого ребенка, подойди он поближе к такому клоуну.

Загнанные, полные страха глаза за неделю до приезда Дени Фортена. Он позвонил сегодня утром и сказал, что хотел бы привезти с собой кое-каких коллег. Это слово – «коллеги» – всегда возбуждало и интриговало Клару. У художников не бывает коллег. У большинства и друзей-то нет. Но теперь она возненавидела слово «коллеги». Возненавидела телефон. И возненавидела эту штуковину на мольберте, которая должна была вывести ее из безвестности, сделать заметной фигурой в мире искусств.

Клара отошла от мольберта – она стала бояться своей работы.

В дверях появился Питер:

– Посмотри-ка на это!

«Пожалуй, придется закрывать дверь, – подумала Клара. – Чтобы не мешали». Она никогда не мешала Питеру, когда он работал, так с какой стати он считает нормальным не только заговаривать с ней, но и ждать, что она выйдет из мастерской, чтобы на что-то там посмотреть? На кусок хлеба с дыркой, похожей на королеву? На Люси, засунувшую голову под ковер? На птичку в кормушке?

Все что угодно, если оно было лишено какого-то смысла, могло стать поводом для Питера оторвать ее от дела. Но Клара знала, что несправедлива. Если в чем-то она и могла быть уверенной, так это в том, что Питер самая главная ее опора, пусть он не всегда понимает ее работы.

– Быстрее!

Он возбужденно поманил ее рукой и исчез.

Клара сняла халат, при этом размазав краску по блузке, и вышла из мастерской, стараясь не зацикливаться на том, что испытала облегчение, выключив свет.

– Смотри.

Питер почти потащил ее к окну.

На деревенском лугу Рут с кем-то разговаривала. Но рядом с ней никто не стоял. Правда, в этом не было ничего необычного. Странно было бы, если бы нашелся кто-то, желающий ее выслушать.

– Подожди, – сказал Питер, заметив нетерпение жены. – Смотри! – радостно воскликнул он.

Рут закончила свою речь, развернулась и медленно двинулась по лугу к своему дому с полотняной сумкой, полной продуктов. Она шла, а следом за ней словно двигались два камешка. Какие-то пушистые камешки. Птицы. Возможно, вездесущие синички. Но в этот момент та, что шла первой, захлопала крылышками и чуть взлетела.

– Утки, – с улыбкой сказала Клара.

Чувствуя, как спадает напряжение, она смотрела на Рут и двух утят, которые строем шли к маленькому дому по другую сторону луга.

– Я не видел, как она ходила к месье Беливо за продуктами, но Габри видел. Он позвонил мне и велел посмотреть. Пташки явно ждали ее у дверей, а потом пошли за ней на луг.

– Интересно, что она им говорила?

– Наверное, учила их браниться. Можешь себе такое представить? Наша собственная туристическая достопримечательность – деревня с говорящими утками.

– И что же они будут говорить? – спросила Клара, с улыбкой глядя на Питера.

– Идите в жопу! – одновременно произнесли они.

– Только у поэтессы может быть утка, которая говорит «идите в жопу», – со смехом сказала Клара.

Потом она увидела, как из бистро вышли полицейские и направились к старому вокзалу. Она подумала, что хорошо бы подойти поздороваться, может, выведать что-нибудь, но тут увидела, как инспектор Бовуар отводит в сторону старшего инспектора Гамаша. Судя по тому, что видела Клара, младший говорил и жестикулировал, а старший – слушал.

– Так вот что вы делаете, – говорил Бовуар, с трудом сдерживая голос. Он вытащил из кармана Гамаша торчавшую оттуда сложенную газету. – Это вовсе не ничего. Это кое-что, верно?

– Я не знаю, – признался Гамаш.

– Это Арно, да? Вечно этот долбаный Арно! – Голос Бовуара зазвучал громче.

– Ты должен доверять тому, что я делаю, Жан Ги. Эта история с Арно слишком уж затянулась. Пора положить ей конец.

– Но вы же ничего не делаете. Этим, – Бовуар помахал газетой, – он бросает вам вызов.

Кларе и Питеру из окна газета казалась палкой. Клара знала, что если за этим наблюдают они с Питером, то наблюдают и другие. Бовуар и Гамаш не могли выбрать более просматриваемого со всех сторон места, чем это.

– Вы долгие месяцы, несколько лет знали, что это дело не кончилось, – продолжал Бовуар. – Но все же хранили молчание. Теперь все важные решения принимаются без консультации с вами…

– Но это дело другое. Старшие офицеры поступают так не потому, что согласны с Арно. Они наказывают меня за то, что я пошел против их решения. Ты это знаешь. Это совсем другое.

– Но так не должно быть.

– Ты так считаешь? Неужели ты думаешь, что, арестовывая Арно, я не предвидел этого?

Тут Бовуар перестал размахивать рукой и замер. Гамаш словно поместил его в некий пузырь. Взгляд карих глаз Гамаша был так настойчив, голос звучал низко и решительно. Своими словами шеф пригвоздил Бовуара к месту.

– Я знал, что так оно и будет. Совет старейшин не мог позволить мне выйти сухим из воды, после того как я не выполнил приказ. Это их наказание. И я его принимаю. Как принимаю и то, что сделал. Только это вещи разные. Тот факт, что я больше не получу повышения, тот факт, что меня больше не привлекают к выработке стратегии Квебекской полиции, – все это не имеет значения. Я это предвидел.

Гамаш мягко забрал газету у Бовуара своими большими руками и понизил голос чуть ли не до шепота. Все в Трех Соснах замерло. Кажется, все белки, бурундуки и даже птицы напрягли слух, чтобы услышать его. И он прекрасно знал, что то же самое делают и люди.

– Но это… – он поднял газету, – это другое дело. Это сделано руками Пьера Арно и людей, которые остаются преданными ему. Это месть, а не неодобрение. Это не стратегия Квебекской полиции.

«Будем надеяться, что так», – подумал Бовуар.

– Этого я не предвидел, – признал Гамаш, глядя на газету. – Чтобы такое происходило годы спустя после ареста и приговора. После того, как об убийствах Арно стало широко известно общественности. Меня предупреждали, что дело Арно не кончено, но я недооценил ту популярность, какой он все еще пользуется. Я удивлен.

Он повел Бовуара к каменному мосту через Белла-Беллу. Перейдя на другую сторону, Гамаш остановился и несколько мгновений смотрел на бурлящую внизу воду, листья и комья земли, захваченные силой обычно спокойной речушки.

– Он застал вас врасплох, сэр, – сказал Бовуар.

– Не совсем, – ответил Гамаш. – Хотя должен признать: да, это застало меня врасплох. – Он похлопал себя по карману, где снова лежала газета. – Я знал: он предпримет что-то в подобном роде, но не знал что и когда. Я думал, нападение будет более открытым. Это демонстрирует его изощренность и терпение – я не подозревал о существовании у него этих качеств.

– Но это ведь делается не руками Арно. Не непосредственно. У него есть свои люди в Квебекской полиции. Вы знаете, кто они?

– Догадываюсь.

– Суперинтендант Франкёр?

– Не знаю, Жан Ги. Не могу об этом говорить. Это всего лишь подозрение с моей стороны.

– Но Николь работала с Франкёром по наркотикам. Франкёр и Арно были лучшими друзьями. Франкёр едва избежал ареста как соучастник убийств. Он наверняка знал, что делает Арно.

– Это всего лишь наши подозрения, – возразил Гамаш.

– И Николь работала с ним. Именно он и перевел ее снова в отдел по расследованию убийств. Я помню, вы возражали против этого.

Гамаш тоже это помнил. Приторный, увещающий голос, который, как сироп, тек по телефонной линии. Гамаш понял уже тогда. Понял, что были причины, по которым Николь перевели к нему, после того как он отказался от нее.

– Она работает на Франкёра, верно? – не столько вопросительно, сколько утвердительно произнес Бовуар. – Она здесь шпионит за вами.

Гамаш внимательно посмотрел на Бовуара:

– Ты знаешь, что такое сорочка?

– Что-что?

– Жанна Шове сказала, что родилась в сорочке и, по ее мнению, ты тоже. Ты знаешь, что это такое?

– Понятия не имею. Меня это не интересует. Она колдунья. Вы и в самом деле придаете значение ее словам?

– Я придаю значение всем словам. Будь осторожнее, Жан Ги. Сейчас опасные времена, и в них обитают опасные люди. Нам необходима любая помощь, какую мы можем получить.

– Включая и помощь ведьмы?

– И возможно, деревьев, – сказал Гамаш, улыбнувшись и шутливой дугой подняв брови. Потом он показал на шумливую воду, которая не позволяла другим услышать их разговор. – Вода – наш союзник. Теперь, если нам удастся найти говорящие камни, мы будем непобедимы.

Гамаш огляделся вокруг. Бовуар поймал себя на том, что повторяет действия шефа. Он взял с земли камень, согретый солнцем, но его шеф уже медленно двинулся к оперативному штабу, сцепив руки за спиной и подняв лицо к небу. Бовуар увидел, что Гамаш улыбается. Он хотел было бросить камень в реку, но остановился. Он не хотел, чтобы тот утонул. «Черт, – подумал он, взвешивая камень в руке и направляясь вслед за Гамашем к оперативному штабу, – когда семя посеяно, оно меняет всю твою жизнь». Как он теперь сможет рубить деревья или даже косить траву, если боится утопить камень?

Чертова ведьма.

Чертов Гамаш.

Глава двадцать шестая

Хейзел Смит отошла от двери, вытирая руки о клетчатый передник.

– Входите.

Она вежливо улыбнулась, но не больше.

Бовуар и Николь прошли за ней в кухню. Все кастрюли были на виду – либо использовались, либо находились в мойке. На плите стоял коричневый глиняный кувшин с двумя ручками. Бобы, запеченные в патоке, жженом сахаре и свином сале. Классическое квебекское блюдо. Помещение было наполнено густыми сладковатыми запахами.

Запеченные бобы требовали немало труда, но, похоже, Хейзел выбрала себе лекарство на этот день – тяжелую работу. На кухонном столе, словно танковый батальон, выстроились кастрюльки. И Бовуар вдруг понял, в каком сражении они участвуют. В войне со скорбью. Героические, отчаянные попытки остановить врага у ворот. Героические, но тщетные. Варвары уже поднялись на гребень холма и готовы были пуститься вниз, на Хейзел Браун, сжигая и уничтожая все на своем пути. Неумолимые, безжалостные. Она могла только отсрочить на некоторое время наступающую скорбь, но не остановить. А убегая от реальности, она лишь делала хуже для себя.

Жан Ги Бовуар посмотрел на Хейзел и понял, что ее ждет: неизбежный прорыв превосходящего ее по силе врага. Собственное сердце в конечном счете не выдержит и откроет ворота скорби. Печаль, утрата, отчаяние стояли на пороге, кони вставали на дыбы, готовясь к решительной атаке. Бовуар спросил себя, сумеет ли эта женщина выжить. Это удавалось не всем. Большинство как минимум навсегда становились другими. Некоторые – более чувствительными, сострадательными. Но многие – черствыми и озлобленными. Закрытыми. Они не были готовы к новым потерям.

– Печенье?

– Oui, merci.

Бовуар взял одну штуку, Николь – две. Руки Хейзел летали от чайника к крану, к розетке, к заварке. И она говорила. Пыталась спрятаться за заградительным огнем слов. Софи растянула связки. Бедную миссис Бертон нужно днем отвезти на химиотерапию. Том Чартланд чувствует себя неважно, но его собственные родственники ни за что не приедут из Монреаля, чтобы ему помочь. Он говорила без умолку, пока Бовуар,

далекий от скорби, не почувствовал, что готов сдаться сам.

Чай был поставлен на стол. Хейзел подготовила поднос с едой и двинулась к лестнице.

– Это вы для дочери? – спросил Бовуар.

– Она у себя в комнате. Ей, бедняжке, трудно ходить.

– Позвольте мне.

Он взял поднос и пошел вверх по узкой лестнице, между стен, обклеенных обоями с цветочным рисунком. Наверху он подошел к закрытой двери и постучал по ней ногой. Послышались два тяжелых шага, и дверь распахнулась.

Внутри стояла Софи со скучающим выражением на лице, потом она увидела Бовуара – и выражение тут же изменилось. Она улыбнулась, чуть наклонила голову и медленно-медленно приподняла больную ногу.

– Мой герой, – сказала она, неуклюже шагнула назад и жестом показала ему, чтобы поставил поднос на туалетный столик.

Несколько мгновений Бовуар смотрел на нее. Привлекательная девушка, ничего не скажешь. Стройная, с чистой кожей, с блестящими пышными волосами. У Бовуара она вызывала возмущение. Сидит у себя в спальне, изображает из себя больную и ждет, когда убитая горем мать обслужит ее. И Хейзел обслуживает. Безумие. Каким же для этого нужно быть человеком, какой дочерью? И это притом, что Хейзел сейчас трудно поспевать везде, по причине маниакальной готовки и неудержимой потребности говорить. Софи, по крайней мере, могла бы поддерживать ее. Помогать не обязательно, но и усугублять трудности матери тоже ни к чему.

– Могу я задать вам несколько вопросов?

– Смотря каких.

Она попыталась произнести это соблазнительно. Видимо, ей очень хотелось произносить каждое слово соблазнительно, только плохо получалось.

– Вы знали, что у Мадлен когда-то был рак груди?

Бовуар поставил поднос на туалетный столик, сдвинув на угол косметичку.

– Да, но она ведь поправилась, верно? И была здорова.

– Правда? Насколько мне известно, для полной уверенности нужно, чтобы прошло пять лет. А пяти лет еще не прошло, да?

– Почти прошло. Она казалась здоровой. Сама говорила.

– И для вас этого было достаточно.

Неужели все девицы в возрасте двадцати одного года такие эгоистки?

Такие бесчувственные? Ей, похоже, было совсем безразлично, что женщина, которая жила с ней под одной крышей и стала членом ее семьи, болела раком и была убита у нее на глазах.

– Как тут жилось после приезда Мадлен?

– Не знаю. Я ведь уехала учиться. Поначалу Мадлен радовалась моим возвращениям, но прошло время, и им с мамой стало все равно.

– Не могу в это поверить.

– Так оно и есть. Я ведь даже не в Куинс собиралась поступать. Меня приняли в Макгилл. Мама хотела, чтобы я туда поступила. Но Мадлен училась в Куинс, и она столько о нем рассказывала. Великолепный кампус, старые здания, озеро. Это было так романтично. Ну и я, никому не сказав, подала заявление туда, и меня приняли. Так я уехала учиться в Куинс.

– Из-за Мадлен?

Софи посмотрела на него жестким взглядом. Ее губы побелели, лицо словно превратилось в камень. И тут он понял. Пока ее мать отчаянно сражалась, пытаясь не пустить скорбь в душу, Софи вела другое сражение. Она пыталась не выпустить скорбь наружу.

– Вы ее любили?

– Я была ей безразлична. Абсолютно. Сплошное притворство с ее стороны. Я для нее все делала. Буквально все. Даже школу мою гребаную поменяла. Ездила черт-те знает куда – аж в Кингстон. Вы хоть представляете, где это? Восемь часов езды, черт бы драл эту школу.

Бовуар знал, что до Кингстона не восемь часов езды. Может быть, пять или шесть.

– День нужно ехать, чтобы до дому добраться. – Софи теряла контроль над собой, камень превращался в лаву. – Из Макгилла я могла бы на каждый уик-энд приезжать домой. В конечном счете я поняла. Боже, какой же я была дурой! – Софи отвернулась и стукнула себя по голове так, что даже Бовуару стало больно. – На меня ей было наплевать. Она просто хотела, чтобы я ей не мешала. Уехала куда подальше. Любила она вовсе не меня. Наконец-то я поняла.

Софи сжала пальцы в кулаки и ударила себя по бокам. Бовуар подошел к ней и взял за руки. «Сколько же на ней синяков, невидимых другим», – подумал он.

Арман Гамаш остановился у двери спальни и заглянул внутрь. Рядом с ним неловко замерли два агента.

Дневное солнце проникало через окна старого дома Хадли и застревало где-то на полпути. Дом не становился ярким или веселым,

столбы света были насыщены пылью. Месяцы и годы запустения и разрушения кружились в этом свете словно живые. По мере того как трое полицейских углублялись в дом, разрушение и пыль становились все заметнее, усугублялись их шагами, а свет становился все более тусклым.

– Я прошу вас осмотреть все и сказать, не изменилось ли что-нибудь.

С дверного косяка свешивались обрывки полицейской ленты. Гамаш протянул руку и ухватил обрывок. Лента была разорвана и растянута. Не обрезана ровно. Кто-то разодрал ее когтями.

Рядом с Гамашем тяжело дышала агент Лакост, словно у нее перехватило дыхание. По другую сторону переступал с ноги на ногу агент Робер Лемье.

Сквозь дверной проем было видно место преступления. Тяжелая викторианская мебель, камин с темной полкой, кровать на четырех столбиках, выглядевшая так, будто на ней недавно спали, хотя Гамаш и знал, что дом давно необитаем. Все это угнетало, но казалось естественным. Потом его взгляд переместился на неестественное.

Круг стульев. Соль. Четыре свечи. И еще кое-что. Крохотная птица, лежащая на боку с чуть раскинутыми крыльями, словно ее сбили в полете. Ножки подтянуты к красноватой грудке, крохотные глаза открыты и бездвижны. Может быть, птичка сидела на трубе со своими братьями и сестрами, смотрела на бескрайний мир и готовилась взлететь? Взлетели ли остальные, чирикавшие рядом? И что случилось с этой пташкой? Вместо взлета она упала? Неужели есть обреченные упасть? Пасть?

Птенец дрозда. Символ весны, возрождения. Мертвый.

Его напугали до смерти? Гамаш не исключал этого. Неужели все, кто заходит в эту комнату, обречены?

Арман Гамаш шагнул вперед.

Иветт Николь принялась ходить по кухне. Слушать дальше ей было невыносимо. А эта женщина говорила и говорила. Поначалу Хейзел сидела с ней за столом, покрытым клеенкой, но потом встала, чтобы проверить печенье и положить остывшее в жестянку.

– Это для мадам Бреммер, – объяснила Хейзел, будто Николь это интересовало.

Пока Хейзел говорила и работала, Николь ходила по кухне, рассматривала кулинарные книги, коллекцию сине-белых тарелок. Потом она перешла к холодильнику, заклеенному фотографиями, в основном двух женщин. Хейзел и еще одной. Мадлен, решила Николь, хотя улыбающаяся, привлекательная женщина ничуть не была похожа на труп в морге с

раскрытым в безмолвном крике ртом. Множество фотографий. Перед рождественской елкой, на озере, на лыжах, летом в саду, в турпоходе. И на всех фотографиях Мадлен Фавро улыбалась.

И тут Иветт Николь поняла кое-что такое, чего не понял никто другой – в этом можно было не сомневаться. Мадлен Фавро была подделкой, выдумкой, представлением. Потому что Николь знала: ни один человек не может быть таким счастливым.

Ее заинтересовала одна из фотографий, запечатлевших женщин на дне рождения. Хейзел Смит уставилась на что-то не попавшее в объектив, на ней была забавная светло-голубая шляпка с блестками. Мадлен Фавро была запечатлена в профиль, она слушала, подперев голову рукой. Она с нескрываемым восхищением смотрела на Хейзел. Рядом с Мадлен сидела молодая толстушка, набивая рот тортом.

Завибрировал телефон Николь, и она, сунув эту фотографию в карман, вышла в тесную гостиную, зацепившись за ножку дивана.

– Merde! Oui, allô?[52]

– Эта брань в мой адрес?

– Нет. – На упрек она реагировала быстро, привычно.

– Поговорить можем?

– Минутку. Мы в доме подозреваемой.

– Как продвигается расследование?

– Медленно. Как всегда у Гамаша. Он еле ноги передвигает.

– Но вы снова близко друг от друга. Это хорошо. Не нужно терять его из виду. На карту поставлено слишком многое.

Николь ненавидела эти звонки, ненавидела себя за то, что отвечает на них. А еще больше ненавидела возбуждение, охватывавшее ее, когда раздавался звонок. После наступало неизбежное разочарование. С ней опять говорили как с ребенком. Она ни в коем случае не могла признать, что сейчас она с Бовуаром. Она должна была находиться со старшим инспектором, но в последнюю минуту тот вместе с Бовуаром удалился в маленький кабинет оперативного штаба, а когда они вышли, Бовуар направился к двери и приказал ей идти с ним.

И вот она оказалась в гнетущей атмосфере этой гостиной, которая напоминала заполненную всевозможными вещами комнату в домах множества дядюшек и тетушек. С прежней родины, говорили они. Но как можно было притащить из Румынии, Польши или Чехословакии набор мебели для гостиной и столовой? Где можно было, пробираясь тайком через границу, спрятать плюшевые розовые ковры, тяжелые занавеси и безвкусные картины? Но каким-то образом их крохотные дома были

заполнены обстановкой, которая стала их фамильной ценностью. Стулья, столы и диваны были разбросаны по их домам, как мусор, брошены на пол, как можно бросить салфетку. Каждый раз, приходя в гости к дядюшкам и тетушкам, Николь обнаруживала, что появилась какая-то новая семейная ценность. В конечном счете места для людей практически не оставалось. Возможно, в этом и состояло назначение этих вещей.

То же самое впечатление возникло у нее и здесь. Вещи. Слишком много вещей. Но одна из них привлекла ее взгляд. Ежегодный школьный альбом, лежащий на диване. Открытый.

Тишину комнаты пронзил визг. Лакост замерла. Старший инспектор развернулся, чтобы увидеть источник этого звука.

– Извините. – Лемье смущенно стоял в дверях, держа обрывок желтой ленты, только что отодранный от косяка. – Постараюсь делать это потише.

Изабель Лакост покачала головой, сердце ее понемногу успокаивалось, переходило на обычный ритм.

– Так изменилось что-нибудь в комнате? – спросил у нее Гамаш.

Лакост обвела помещение взглядом:

– Я ничего такого не вижу, шеф.

– Кто-то проник сюда. Не думаю, что это было сделано без всякой цели. Но что это была за цель?

Арман Гамаш медленно оглядел комнату, которая теперь стала знакомой, но ничуть не привлекательной. Не пропало ли что-нибудь? Кому понадобилось срывать полицейскую ленту и проникать сюда? Чтобы взять что-то? Или подменить?

Или была другая причина?

Единственным очевидным изменением в комнате была птица. Может, ее убили специально? Возможно, дрозд был ритуальной жертвой? Но зачем приносить в жертву птичку? Кажется, жертвы обычно крупнее. Скот, собаки или коты. Гамаш понял, что дал волю фантазии. В действительности он ничего не знал о жертвоприношениях. Все эти дела казались ему мракобесием.

Он опустился на колени – под его подошвами захрустела грубая соль на ковре – и наклонил голову, чтобы получше разглядеть на птицу.

– Взять ее как вещдок? – спросила Лакост.

– Вообще-то, да. Что ты об этом думаешь?

Гамаш знал, что Лакост была здесь утром не для того, чтобы еще раз осмотреть место преступления, – она проводила собственный маленький ритуал.

– У птички вид испуганный, но это может быть мое воображение.

– У нас на балконе есть кормушка для птиц, – сказал Гамаш, поднимаясь. – В хорошую погоду мы пьем там кофе. И у каждой птички, которая прилетает туда, вид ужасно испуганный.

– Ну, вас и мадам Гамаш любой испугается, не то что птичка, – пошутила Лакост.

– Про нее я это точно знаю. – Гамаш улыбнулся. – Уж как она пугает меня…

– Вам можно только посочувствовать.

– К сожалению, я не думаю, что мы способны правильно трактовать выражение лица мертвой птички, – сказал Гамаш.

– Хорошо, что у нас все еще есть чайные листья и внутренности, – подхватила Лакост.

– Именно это всегда и говорит мадам Гамаш.

Улыбка исчезла с его лица, когда он перевел взгляд на лежащую у его ног скрюченную птицу, темное пятнышко на белой соли. Ее глаза были открыты, черные, пустые. Интересно, что видели эти глаза перед смертью?

Хейзел Смит закрыла школьный альбом и разгладила переплет из искусственной кожи, прижала к груди, словно чтобы закрыть рану и остановить то, что вытекает из нее. Хейзел чувствовала это. Чувствовала, как слабеет. Увесистый квадратный альбом тяжело лег на ее мягкую грудь, а она прижимала его все сильнее и сильнее, она уже не обнимала – цепко вцепилась в него, вдавливала в себя со всеми их юношескими мечтаниями все глубже и глубже. Физическая боль принесла ей облегчение, и она даже пожалела, что углы у альбома не слишком острые и они не могут резать, только оставлять царапины. Эта боль была ей понятна. Она была черная, пустая, полая и тянулась в бесконечность.

Сколько она сможет прожить без Мадлен?

Она только-только начинала в полной мере осознавать тяжесть своей потери.

С Мад ее жизнь была полна доброты и обязанностей. С Мад она стала другим человеком. Беззаботным, раскованным, легкомысленным. Она научилась отстаивать свое мнение. Да и мнение-то у нее появилось только с приходом Мад. И Мадлен прислушивалась к ней. Не всегда соглашалась, но всегда слушала. Для стороннего наблюдателя их жизнь могла показаться непримечательной, даже скучной. Но изнутри это был настоящий калейдоскоп событий.

И Хейзел постепенно влюбилась в Мадлен. Не в физическом смысле.

У нее не было желания спать с Мад и даже целоваться с ней. Хотя иногда по вечерам, когда Мад сидела на диване с книгой, а Хейзел в своем кресле за вязанием, у Хейзел возникало желание подойти к дивану и прижать голову Мадлен к груди. К тому месту, к которому она сейчас прижимала школьный ежегодник. Хейзел погладила альбом и представила, что это красивая головка Мад.

– Мадам Смит…

Инспектор Бовуар прервал ее сны наяву. Голова на ее груди стала холодной и жесткой. Стала альбомом. А дом стал холодным и пустым. Хейзел еще раз потеряла Мадлен.

– Позвольте мне посмотреть альбом. – Бовуар протянул руку.

Незадолго до этого агент Николь обнаружила открытый школьный ежегодник в гостиной и принесла в кухню, не предполагая никакой реакции со стороны Хейзел. Такой реакции никто не мог предполагать.

– Мое! Отдайте! – прорычала Хейзел и приблизилась к Николь с таким угрожающим выражением, что молодой агент отдала альбом без всяких колебаний.

Хейзел села и прижала его к себе. В первый раз после появления в доме двоих полицейских Хейзел замолчала.

– Позвольте? – Бовуар потянулся за альбомом.

Хейзел как будто не поняла его. Она смотрела на него так, словно он собирается оторвать ее руку. Наконец она выпустила альбом из рук.

– Это наш выпускной год. – Хейзел подалась к нему и принялась листать страницы. Остановилась на выпускных фотографиях. – Вот она, Мадлен.

Она показала на улыбающуюся, счастливую девушку. Под фотографией было написано: «Мадлен Ганьон. Вероятнее всего, закончит в „Тангуэе“».

– Это шутка, – сказала Хейзел. «Тангуэй» была женская тюрьма в Квебеке. – Все знали, что Мадлен ждет успех. Просто подшучивали над ней.

Жан Ги Бовуар был готов признать, что да, Хейзел верит в это, но он знал, что в каждой шутке есть доля правды. Может быть, школьные друзья Мадлен видели в ней что-то еще?

– Вы не возражаете, если мы возьмем альбом? Вернем в целости и сохранности.

Хейзел явно возражала, но согласно кивнула Бовуару.

Этот альбом напомнил Бовуару еще кое о чем. О том, что` Гамаш просил его узнать у Хейзел.

– Что вы знаете о Саре Бинкс?

Судя по выражению лица Хейзел, этот вопрос показался ей полной глупостью. Это что еще за зверь такой?

– Старший инспектор нашел в тумбочке Мадлен книгу под названием «Сара Бинкс».

– Правда? Это странно. Нет, я ничего о такой книге не знаю. Это…

– Грязная книга? Нет, я так не думаю. Старший инспектор читал ее и смеялся.

– Извините, ничем не могу вам помочь.

Сказано это было вежливым тоном, но Бовуар почувствовал, что за этим скрывается еще что-то. Хейзел была расстроена. Книгой или тем фактом, что у подруги были секреты от нее?

– Вы рассказывали нам о вечере смерти Мадлен, но несколькими днями ранее состоялся еще один спиритический сеанс.

– Вечером в пятницу. В бистро. Меня там не было.

– Но мадам Фавро была. Почему?

– Разве я вам не говорила об этом прежде? Вы еще были со старшим инспектором.

События последних дней смешались в голове Хейзел.

– Да, говорили, но иногда люди при первом разговоре с нами не все могут вспомнить. Было бы хорошо, если бы вы рассказали эту историю снова.

«Так ли это?» – подумала Хейзел. Ее мысли, и без того мятущиеся, путались все больше.

– Откровенно говоря, я не знаю, почему Мад пошла туда. Габри вывесил объявление в церкви и бистро, сообщавшее, что великий экстрасенс мадам Блаватски остановилась в его гостинице и согласилась вызывать мертвых. Только один вечер. – Хейзел улыбнулась. – Не думаю, что кто-то отнесся к этому серьезно, инспектор. И уж точно не Мадлен. Наверное, она восприняла это как развлечение. Возможность отвлечься от обыденности.

– Но вы к этому отнеслись неодобрительно?

– Есть такие вещи, с которыми лучше не шутить. В лучшем случае это потеря времени.

– А в худшем?

Хейзел ответила не сразу. Она обшарила взглядом кухню, словно в поисках безопасного места приземления. Ничего не найдя, ее глаза вернулись к инспектору.

– Это была Страстная пятница, инспектор. Le Vendredi saint.

– И что?

– А вы подумайте. Почему Пасха считается у христиан самым главным праздником?

– Потому что в этот день распяли Христа.

– Нет, потому что Он в этот день воскрес.

Глава двадцать седьмая

Лакост фотографировала спальню в старом доме Хадли, Лемье укладывал в пакеты сорванную полицейскую ленту. А Гамаш тем временем открывал и закрывал ящики в шкафах, прикроватной тумбочке, туалетном столике. Потом он подошел к книжному шкафу.

Что тут искали те, кто не побоялся даже нарушить полицейский запрет?

Гамаш улыбнулся, увидев «Историю» Паркмена[53], эту одиозную историю Канады, которую преподавали в школах более столетия назад, внушая легковерным ученикам, что коренные американцы были коварными дикарями, а истинную цивилизацию в эти земли привезли европейцы.

Он наобум открыл один из томов.

«Имеют форму животных или другие формы, отвратительные и непередаваемо гнусные, адово племя, которое воет в безумной ярости, цепляется за ветви лесных жилищ».

Гамаш закрыл книгу и снова удивленно посмотрел на обложку. Неужели это и в самом деле «История» Паркмена? Сухая, многословная, способная убить своей скукой? Адово племя? Да, это была «История» Паркмена. А раздел, который открыл Гамаш, был посвящен Квебеку.

– Агент Лакост, можешь подойти ко мне?

Она подошла, и он передал ей книгу.

– Открой ее, пожалуйста.

– Просто открыть?

– S’il vous plaît.

Изабель Лакост взяла в руки том в потрескавшемся кожаном переплете и медленно раскрыла обложку. Хрупкие страницы зашуршали, раскидываясь веером, но через секунду-другую замерли и улеглись. Гамаш наклонился и прочел: «Имеют форму животных или другие формы, отвратительные и непередаваемо гнусные, адово племя…»

Книга открылась на той же странице.

Гамаш посмотрел на нее, потом поставил в книжный шкаф и взял соседнюю с ней. Библию. «Интересно, – подумал он, – совпадение ли это, или же рука, которая расставляла здесь книги, знала, что одной книге нужна другая?» Он посмотрел на Библию и сунул ее себе в карман. Он знал, что должен сделать, и любая помощь, даже самая малая, шла ему на пользу. В темном просвете, образовавшемся там, где стояла Библия, была

видна стоявшая за ней книга с корешком без надписи.

Лакост вернулась к работе и не видела, что Гамаш и вторую книгу сунул себе в карман. Но Лемье видел.

Гамаш знал, что попусту тратит время. Солнце вскоре сядет, а он точно не хотел делать это в сумерках.

– Я хочу обыскать дом. Вы все здесь?

Лакост и Лемье посмотрели на него, как его дети Даниель и Анни, когда он сказал им, что пришло время попытаться переплыть залив без спасательных жилетов. «Вы довольно сильные пловцы». Но они никак не могли поверить, что он просит их об этом. «А я буду рядом с вами в лодке».

Он читал неуверенность в глазах Даниеля. Но Анни без колебаний нырнула в воду. Она была маленькая и жилистая, как и Рейн-Мари в ее возрасте. Но в отличие от Даниеля она не расходовала энергию на страх. И все же она была еще такой маленькой, а залив – таким широким, что она с трудом преодолела его. Силы ее иссякли на последних метрах, отец подбадривал ее и практически вытащил на берег своими словами поддержки, которые, словно канатом, привязывали его к любимой дочери. Два раза он с трудом сдержался, чтобы не ухватить ее и не вытащить из воды, но не сделал этого, и она нашла в себе силы плыть дальше.

Маленькие, возбужденные Даниель и Анни были завернуты в нагретые солнцем полотенца, и Арман Гамаш обнимал их, растирал своими большими сильными руками и спрашивал себя, не совершил ли он ошибку, попросив детей устроить этот заплыв одновременно. Не потому, что Анни чуть не провалила заплыв, а потому, что выполнила его. Он почувствовал, как Даниель в его руках напрягся, но потом сдался и согласился, чтобы отец обнимал, утешал и поздравлял его.

Несмотря на свои размеры и силу, Даниель был более хрупким из детей Гамаша. Именно он нуждался в эмоциональной поддержке. До сих пор нуждался.

Гамаш взглянул на Лакост и Лемье, и у него создалось такое же впечатление. Но кто из них был сильным, а кому требовалась эмоциональная поддержка? И имело ли это значение? Что касается его детей, то он был уверен в них обоих.

– Вам нужна помощь? – спросила Лакост, готовая к страшному заданию, если последует приказ.

– У тебя и так достаточно дел, спасибо. Когда закончишь, возвращайся в оперативный штаб. Я надеюсь, коронер пришлет дополнительные сведения.

Изабель Лакост проводила взглядом его фигуру, исчезнувшую в

темноте, – дом словно поглотил его.

Он ушел, и она осталась одна. С Лемье. Она с симпатией относилась к Роберу Лемье. Он был молод и полон энтузиазма. Между ними никогда не было конкуренции. Работать с ним, в отличие от Николь, было одно удовольствие. Николь была полной катастрофой. Самоуверенная, мрачная, эгоистичная. Лакост не могла понять, почему старший инспектор Гамаш до сих пор не выгнал ее. Один раз он это сделал, но, когда Николь снова перевели в его отдел, он просто проглотил это. И сло`ва против не сказал.

И вот она опять с ними. Гамаш мог бы отправлять ее на расследования в разных медвежьих углах. Он мог бы назначить ее на административную работу в управлении. А он брал ее на самые трудные дела. Брал с собой.

«У всего есть причина, – не уставал повторять Гамаш. – У всего». И Лакост понимала, что у этого тоже есть своя причина. Жаль только, что она не знает ее.

– Как у тебя? – спросил Лемье.

– Почти закончила. А ты?

– Еще немного – и тоже закончу. Ты почему не возвращаешься?

– Подожду пока.

Лакост не хотела оставлять Лемье в этом ужасном месте.

Телефон Лемье вибрировал вот уже несколько минут, и он хотел одного – ответить на звонок. Почему она не уходит? Почему?

– Неужели ты не чувствуешь?

Он знал, что должен хотя бы сделать вид, будто ему здесь не по себе, но на самом деле, находясь в старом доме Хадли, он ничего такого не чувствовал. Правда, он видел, что другие, даже Гамаш (возможно, в первую очередь Гамаш), реагировали на этот дом.

– Ощущение такое, будто здесь, с нами, что-то есть, – сказала Лакост. – Будто что-то за нами наблюдает.

Они стояли без движения: Лакост – настороже всеми нервами, прислушиваясь к каждому скрипу, каждому шороху; Лемье – весь сосредоточенный на телефоне, вибрировавшем в его кармане.

– Осторожнее, – сказал он. – А не то испугаешь себя до смерти.

– Убийца хорошо выбрал место. Оно самого дьявола может напугать.

– Слушай, у тебя же куча работы в оперативном штабе. А за меня можешь не опасаться. Я тут в порядке. Правда.

– Правда? – переспросила Лакост, не в силах в это поверить.

Ему хотелось крикнуть: «Да уходи ты!»

– Правда. Я слишком глуп, чтобы бояться. – Он улыбнулся. – Не думаю, что дьяволу нужны дурачки.

– А я думаю, что он как раз и забирает одних дурачков, – сказала Лакост, хотя ей очень не хотелось разговаривать о дьяволе, находясь в старом доме Хадли. – Ладно. Увидимся еще. Если что – звони…

– Если что – что? – насмешливо улыбнулся он, пытаясь выпроводить ее. – Ладно, телефон у меня при себе.

Изабель Лакост вышла в темный коридор с его потертым ковром и запахом плесени и разложения. Как только Лемье повернулся к ней спиной, она припустила бегом по коридору, вниз по лестнице, чуть не падая с ног, и наконец выпрыгнула из двери, словно какое-то мрачное чрево выплюнуло ее в мир.

– Вы знали, что у Мадлен Фавро был рак груди? – спросил инспектор Бовуар.

– Конечно знала, – удивленно сказала Хейзел.

– Но нам вы не сообщили.

– Забыла, должно быть. Я никогда не думала о ней как о женщине с раком груди. Да и она тоже так о себе не думала. И почти никогда не говорила об этом. Жила своей жизнью – и все.

– Наверное, она пережила потрясение, когда узнала о своей болезни. Ей ведь тогда было едва за сорок.

– Да. Кажется, эта болезнь поражает женщин все в более молодом возрасте. Но я не знаю, когда ей поставили этот диагноз. Она нашла меня, когда уже проходила курс лечения. Мне кажется, такое часто случается. Старые друзья обретают в твоей жизни особую важность. Мы не поддерживали отношений после школы, но она вдруг позвонила, а потом приехала. И мне показалось, что школу мы окончили только вчера. Она была слабенькой после химиотерапии, но, как всегда, выглядела красавицей. По виду она осталась такой же, как в восемнадцать лет, только стриженая была, отчего стала еще красивее. Это было странно. Я иногда спрашиваю себя, не переносит ли химиотерапия человека в какой-то иной мир. Многие становятся такими умиротворенными. Кожа на лице гладкая, глаза светятся. Мадлен чуть ли не сияла.

– Вы уверены, что ее не облучали? – спросила Николь.

– Агент Николь! – рявкнул Бовуар. Он чувствовал, что камень, который он нашел на берегу Белла-Беллы и положил себе в карман, рвется в полет. Пробить черепную кость, проникнуть в ее голову, в этот маленький атрофированный мозг. И заменить его. Разве кто-нибудь заметил бы разницу? – Это было лишнее.

– Я просто пошутила.

– Это было жестоко, агент Николь, и вы это понимаете. Извинитесь.

Николь посмотрела на Хейзел жестким взглядом:

– Прошу прощения.

– Ничего.

Николь понимала, что зашла слишком далеко. Но такой приказ она и получила. Вносить раздор в команду, расстраивать людей, выводить из себя.

Ради Квебекской полиции она готова была делать это. Она делала это ради своего босса, которого обожала и ненавидела. Глядя на красивое лицо инспектора Бовуара, налившееся кровью и взбешенное, она понимала, что добилась успеха.

– Мадлен вернулась в Монреаль и закончила курс химиотерапии, – продолжила в неловкой тишине Хейзел. – Но после этого она возвращалась каждую неделю. Она была несчастлива в браке. Детей у нее не было, вы это знаете.

– Она поэтому была несчастлива?

– Она сказала, что они просто стали понемногу отдаляться друг от друга. А еще она считала, что, вероятно, он не может смириться с успешной женой. Ей удавалось все, за что бы она ни бралась. Всегда. В этом была вся Мадлен.

Бовуар подумал, что она похожа на мать, которая гордится своим чадом. Наверное, она хорошая мать. Добрая, заботливая. Готовая подставить плечо. Она ведь воспитала эту избалованную девчонку, что сидит наверху. Он знал, что некоторые дети ужасно неблагодарные.

– Должно быть, это нелегко, – сказала Хейзел.

– Что должно быть нелегко? – Погрузившись в собственные мысли, Бовуар потерял нить.

– Находиться рядом с человеком, который всегда успешен. В особенности если ты сам не уверен в себе. Я думаю, муж Мадлен не был уверен в себе. А вы как считаете?

– Не скажете, как нам его найти?

– Он по-прежнему в Монреале. Его имя Франсуа Фавро. Очень милый человек. Я несколько раз видела его. У меня есть его адрес и телефон, если вам нужно.

Хейзел встала из-за кухонного стола и подошла к комоду. Открыла верхний ящик, порылась в нем, стоя спиной к Бовуару.

– Почему вы пошли на этот сеанс, мадам Смит?

– Мадлен меня попросила, – сказала Хейзел, перебирая бумаги в ящике.

– На первый сеанс она вас тоже приглашала, но вы не пошли. Почему пошли на второй?

– Вот оно. – Хейзел повернулась и протянула Бовуару записную книгу, а он в свою очередь передал ее Николь. – Так о чем вы спросили, инспектор?

– Почему вы пошли на второй сеанс, мадам?

– Ах да. Насколько я помню, тут сработало несколько соображений. Мадлен, похоже, неплохо провела время на первом. Сказала, что было глупо, но как в парке аттракционов. Ну, знаете, как мы любили кататься на «американских горках», чтобы дух захватывало, или заходить в дом с призраками. Мне это показалось забавным, и я пожалела, что меня не было на первом.

– А Софи?

– Ну, она-то с самого начала загорелась этой идеей. Хоть какое-то развлечение в этом захолустье, как она говорит. Софи с нетерпением ждала этого весь день.

Оживление медленно покинуло лицо Хейзел. Бовуар мог проследить воспоминания о том вечере – они отражались на лице Хейзел, и наконец воспоминание о живой Мадлен сменилось воспоминанием о Мадлен мертвой.

– Кому могло понадобиться убивать ее? – спросил Бовуар.

– Никому.

– Но кому-то все же понадобилось.

Он старался действовать мягко и осторожно, как это получалось у Гамаша, но даже для его собственных ушей эти слова прозвучали как обвинение.

– Мадлен была… – Хейзел аккуратно двигала руками перед собой, словно проводя слова или проталкивая их в воздух, – она была солнышко. Если она появлялась в чьей-то жизни, там становилось светлее. Не потому, что она что-то делала. Вот я что-то делаю. – Рука Хейзел показала на строй кастрюлек. – Суечусь, пытаюсь помочь людям, даже когда меня не просят. И я знаю, что это может раздражать. А с Мадлен было иначе – люди просто чувствовали себя лучше в ее присутствии. Объяснить это трудно.

«И тем не менее, – подумал Гамаш, – она мертва, а ты жива».

– Мы считаем, что Мадлен за обедом получила дозу эфедры. Она не жаловалась на еду?

Хейзел подумала, потом отрицательно покачала головой.

– Она ни на что не жаловалась в тот вечер?

– Нет. Она была всем довольна.

– Насколько я понимаю, она встречалась с месье Беливо. Что вы о нем думаете?

– Он мне симпатичен. Мы ведь дружили с его женой. Она умерла почти три года назад. Мы с Мадлен вроде как взяли его под опеку после этого. После смерти Жинетт он стал сам не свой.

– Но со временем он, кажется, вполне пришел в себя.

– Да, сейчас он в себе, – сказала она, но в голосе ее слышалось чрезмерное усилие, выдававшее желание казаться беспристрастной.

Он не мог понять, что происходит за этим спокойным, несколько печальным лицом. Что на самом деле думала Хейзел Смит о месье Беливо?

Глава двадцать восьмая

Шагая по кухне старого дома Хадли, Гамаш тихонько напевал себе под нос. Его пение не было ни достаточно громким, чтобы испугать призрака, ни достаточно мелодичным, чтобы успокаивать. Но это было естественно, по-человечески и создавало иллюзию, что он не один.

Потом покой и кухня кончились. Гамаш оказался еще перед одной закрытой дверью. Будучи офицером полиции, он с подозрением относился к закрытым – как в буквальном, так и в фигуральном смысле – дверям, хотя и знал, что ответы обитают за закрытыми дверями.

Но иногда туда проникало и еще что-то. Что-то старое, порченное и искореженное временем и нуждой.

Гамаш знал, что люди подобны домам. Некоторые веселые и яркие, некоторые мрачные. Некоторые привлекательны снаружи, но отвратительны внутри. А некоторые из самых отталкивающих внешне домов оказывались добрыми и гостеприимными внутри.

Еще он знал, что первые несколько комнат – они для посторонних, для впечатления. И только войдя вглубь дома, он видел его истинную суть. И в конце концов неизбежно обнаруживалась и последняя комната – та, которую мы держим закрытой, запертой, заколоченной даже от самих себя. В особенности от самих себя.

Именно такую комнату и искал Гамаш при каждом расследовании. Там хранились тайны. Там прятались чудовища.

– Почему не отвечал так долго? – раздался в трубке раздраженный, сердитый голос Мишеля Бребёфа. Он не любил, когда его заставляли ждать. И уж точно не выносил, когда подчиненные не отвечали на его звонки. – Ты должен был знать, что это я.

– Я знал, но не мог ответить. Тут были люди.

Подобострастная нотка исчезла из голоса Робера Лемье. Что-то изменилось после их прошлого разговора с Бребёфом в его кабинете. Соотношение сил каким-то образом поменялось, но Бребёф никак не мог понять, в чем эта трансформация. И почему она произошла. И что с этим делать.

– Больше не допускай такого.

Бребёф хотел, чтобы это прозвучало как предупреждение, но получилось нечто недовольное и плаксивое. Лемье еще больше укрепил

свои позиции, проигнорировав это замечание.

– Где ты теперь? – спросил Бребёф.

– В старом доме Хадли. Гамаш обыскивает дом, а я нахожусь в комнате, где произошло убийство.

– Он близок к раскрытию дела?

– Вы шутите? Несколько минут назад он общался с дохлой птичкой. Старший инспектор далек от раскрытия дела.

– А ты?

– Что – я?

– Знаешь, кто убил эту женщину?

– Вы не забыли, что это не моя задача?

Суперинтендант Бребёф отметил, что его отношения с Лемье кардинально изменились. Даже обязательное «сэр» исчезло из речи его подчиненного. Приятный на вид, покорный, амбициозный, но глуповатый молодой полицейский превратился в нечто иное.

– Как дела у агента Николь?

– Она просто ужас. Не понимаю, зачем она вам здесь понадобилась.

– У нее есть своя задача.

Бребёф почувствовал, как тело его немного расслабилось. Как минимум один секрет от Лемье у него оставался. Иветт Николь.

– Слушайте, вы должны мне сказать, почему она здесь, – потребовал Лемье. И после паузы добавил: – Сэр.

Бребёф улыбнулся. Да благословит Господь агента Николь. Жалкую, никудышную Николь.

– Старший инспектор видел газету?

Последовала пауза – Лемье не хотел так просто отказываться от своего вопроса про Николь.

– Да, он говорил об этом за ланчем.

– И?..

– Похоже, его это мало взволновало. Он даже посмеялся.

«Гамаш смеется, – подумал Бребёф. – Он подвергается явным личным нападкам, но при этом смеется».

– Это нормально. Именно этого я и ожидал.

Так оно и было. Но он надеялся на что-то еще. В своих снах наяву он видел потрясение, уязвленность на знакомом лице. Он даже воображал себе, как Гамаш звонит ему, лучшему другу, и просит его поддержки и совета. А какой совет Мишель Бребёф подготовил и несколько раз повторил про себя?

«Не дай им взять верх над тобой, Арман. Сосредоточься на

расследовании, а остальное я возьму на себя».

И тогда Арман Гамаш расслабится, уверенный, что друг защитит его. Он выкинет все из головы и будет заниматься только поисками убийцы. И не увидит опасности, надвигающейся на него из длинной мрачной тени, которую сам и создал.

Гамаш уже успел осмотреть чердак, где, включив фонарик, напугал нескольких летучих мышей и себя. Он осмотрел все спальни, туалеты, стенные шкафы. Он целеустремленно прошел через затянутую паутиной гостиную с ее лепниной и большим камином и оказался в столовой.

Тут произошла странная вещь. Неожиданно Гамаш почувствовал аппетитный аромат хорошо приготовленной еды. Он ощущал запахи воскресного жаркого, сочной подливки, картошки и пастернака. Он чувствовал запах карамелизированного лука и свежего, горячего хлеба. И даже красного вина.

И еще он услышал смех и разговор. Он остановился как загипнотизированный в темной столовой. Неужели дом пытается соблазнить его? Хочет, чтобы он расслабился? Опасный дом, который знает, что еда производит на него такое действие. Это странное впечатление осталось – впечатление о происходящем здесь обеде, который состоялся давным-давно и участники которого давно умерли и лежали в земле. Люди, которые когда-то были здесь счастливы. Он знал, что это игра его воображения. Всего лишь игра.

Гамаш вышел из столовой. Если в доме прятался кто-то или что-то, Гамаш знал, где его искать.

В подвале.

Он потянулся к ручке двери. Она была керамическая, холодная на ощупь. Дверь со скрипом открылась.

– Ты вернулся, – взмахом руки приветствовала Бовуара агент Лакост, игнорируя Николь. – Ну и как оно прошло?

– Вот, принес.

Он швырнул школьный ежегодник на стол и рассказал Лакост о разговоре с Хейзел и Софи.

– И что ты думаешь? – спросила Лакост, поразмыслив над тем, что сказал Бовуар. – Софи любила Мадлен или ненавидела ее?

– Не знаю. Все сложно. Может быть и так и так.

Лакост кивнула:

– Многие девочки влюбляются в зрелых женщин. Учительниц,

писательниц, спортсменок. Я вот была влюблена в Хелен Келлер[54].

Бовуар не знал, кто такая Хелен Келлер, но мысль о страстных отношения Лакост с Хелен заставила его замереть. Он представил себе потные переплетенные тела…

– Она была слепой и глухой, – сказала Лакост, достаточно хорошо знавшая Бовуара, чтобы догадаться о его реакции. – И вообще к тому времени уже умерла.

Это сообщение резко изменило тот образ, что возник перед его мысленным взором. Бовуар моргнул, окончательно прогоняя его.

– Какая неудача.

– И еще она была блестящим человеком.

– Но мертвым.

– Верно. И это, боюсь, сильно испортило наши отношения. Но я все еще восхищаюсь ею. Поразительная женщина. Она сказала: «Во всем есть свои чудеса, даже в темноте и безмолвии». – Тут Лакост поняла, что забылась. – Так о чем мы говорили?

– О любви, – подсказала Николь и тут же пожалела об этом.

Она хотела, чтобы они забыли о ее присутствии.

Бовуар и Лакост повернулись и удивленно посмотрели на нее: оказывается, она здесь и, оказывается, она сказала что-то полезное.

– Ты и правда была влюблена в Хелен Келлер? – спросила Николь. – Она же была чокнутая. Я видела кино про нее.

Лакост посмотрела на нее уничижительным взглядом. Даже без отвращения. Она посмотрела так, что Николь просто исчезла.

«Темнота и безмолвие, – думала Николь. – Это не всегда так уж чудесно».

Инспектор Бовуар и агент Лакост повернулись к ней спиной и пошли прочь.

– Значит, по-твоему, для девицы возраста Софи такой сумбур в голове – это вполне нормально? – спросил Бовуар у Лакост.

– У многих так бывает. Их переполняют эмоции. Так что ее любовь к Мадлен Фавро и последующая ненависть – вещи вполне естественные. А потом она снова могла прийти в восторг от нее. Ты посмотри на отношения большинства девочек с их матерями. Я звонила в лабораторию, – сказала Лакост. – Отчет по взлому спальни будет готов только утром, но коронер отправила по электронке предварительный отчет и сказала, что заглянет сюда по пути домой. Хочет поговорить с шефом в бистро приблизительно через час.

– Где он? – спросил Бовуар.

– Все еще в старом доме Хадли.
– Один?
– Нет. Там еще и Лемье. Мне нужно поговорить с тобой кое о чем.
Она бросила взгляд в сторону Николь, которая теперь сидела за своим столом, уставившись в монитор. Наверняка играет в пасьянс, предположила Лакост.
– Почему бы нам не прогуляться? Глотнуть воздуха перед грозой, – сказал Бовуар.
– Какой грозой?
Она последовала за ним. Он открыл дверь и кивнул.
Лакост видела только голубое небо и редкие облачка. День был превосходный. Она посмотрела на Бовуара в профиль: он с мрачным выражением уставился в небо. Лакост тоже присмотрелась. И увидела это – над темным сосновым лесом на кромке холма за старым домом Хадли. Словно черный купол поднимался над горизонтом, веселый, яркий и искусственный.
– Что это?
– Гроза. За городом это более театральное зрелище. В городе за множеством зданий мы ничего толком не видим.
Он махнул рукой в сторону купола, словно любая гроза являла собой приближение чего-то злобного.
Бовуар снова натянул на себя куртку и, когда они вышли за дверь, направился к каменному мосту в сторону Трех Сосен, но Лакост замешкалась.
– Не возражаешь, если мы пойдем туда? – Она показала в противоположном направлении от деревни.
Он увидел привлекательную петляющую грунтовую дорогу, уходящую в лес. Впереди виднелись разросшиеся деревья, они чуть не касались кронами, образуя арку. Летом там будет тенистое пространство, но сейчас, ранней весной, на ветках были только почки, похожие на крохотные зеленые вспышки, и солнце легко проникало сквозь ветки. Они молча вошли в мир сладких запахов и птичьего щебета. Бовуар вспомнил слова Жиля Сандона. Деревья говорят. А еще, может быть, они поют.
Наконец Лакост уверилась, что никто, а в особенности Николь, их не услышит.
– Расскажи мне о деле Арно.

Гамаш смотрел в темноту и безмолвие. Один раз он уже побывал в этом подвале. Тогда он открыл эту дверь в разгар грозы, в темноте;

в отчаянной спешке он искал похищенную женщину. Сделал шаг и провалился в никуда. Это было похоже на сбывшийся кошмар. Он пересек порог, разделявший этот мир и пустоту. Ни света, ни звезд.

И упал. Как и остальные, пришедшие с ним. В саднящую и окровавленную груду на полу внизу.

Старый дом Хадли защищал себя. Казалось, что малые вмешательства в его жизнь он еще мог выносить. Но чем глубже вы заходили в него, тем более нетерпимым и озлобленным становился дом. Рука Гамаша инстинктивно залезла в брючный карман, потом появилась снова. Пустая.

Затем он вспомнил о Библии в кармане и почувствовал себя лучше. Он сам в церковь не ходил, но не сомневался в силе веры. И символов. И тут Гамаш вспомнил о другой книге, найденной им на месте преступления, и вся его успокоенность мигом улетучилась, словно кто-то вытащил ее из него и швырнул в пустоту внизу.

Он осветил фонариком лестницу, ведущую в подвал. На сей раз, по крайней мере, все ступеньки были на месте. Он осторожно поставил свою большую ногу на первую ступеньку, убедился, что она выдержит его вес. Глубоко вздохнул и двинулся вниз.

– Что-что? – переспросил Бовуар.

– Мне нужно знать о деле Арно, – сказала Лакост.

– Зачем? – Он остановился посреди сельской дороги, повернулся и посмотрел на нее.

Она открыто смотрела в его глаза:

– Я не дура. Что-то происходит, и мне необходимо знать.

– Ты, вероятно, следила за делом по газетам и телевидению, – сказал Бовуар.

– Да. И в полицейском колледже только об этом и говорили.

Бовуар мысленно вернулся в те темные времена, когда Квебекскую полицию разрывало на части. Когда в лояльной и сцементированной организации шли междоусобные войны. Полиция выстроила свои силы кольцом, и все открыли огонь. Это было ужасно. Все полицейские знали, что сила Квебекской полиции в ее лояльности. От этого зависело само их существование. Но с делом Арно все изменилось.

С одной стороны стояли суперинтендант Арно и два его подельника, обвиненные в убийстве. А с другой – старший инспектор Гамаш. Сказать, что Квебекская полиция раскололась пополам, было бы неверно. Все полицейские, которых знал Бовуар, пришли в ужас, узнав о том, что делал Арно, и категорически возражали против такого поведения. Но многие

категорически возражали против того, что сделал Гамаш.

– Значит, тебе все известно, – сказал Бовуар.

– Мне известно далеко не все, и это хорошо известно тебе. В чем дело? Почему вы не хотите посвящать меня в то, что происходит? Дело Арно не закончено, верно?

Бовуар развернулся и медленно пошел по дороге вглубь леса.

– Так что? – окликнула его Лакост.

Но Бовуар хранил молчание. Он сцепил руки за спиной и медленно шагал по дороге, напряженно думая.

Сказать ли обо всем Лакост? Как отнесется к этому Гамаш? Имеет ли это значение? Шеф не всегда оказывается прав.

Бовуар остановился и оглянулся на Изабель Лакост, которая неподвижно стояла посреди дороги. Он жестом подозвал ее, а когда она приблизилась, попросил:

– Расскажи мне, что ты знаешь.

Эта простая фраза удивила его. Именно это всегда говорил ему Гамаш.

– Я знаю, что суперинтендант Арно служил в Квебекской полиции.

– Он был старшим суперинтендантом. Сначала работал в отделе по борьбе с незаконным оборотом наркотиков, а потом был переведен в отдел по расследованию особо тяжких преступлений.

– С ним что-то случилось, – сказала Лакост. – Он стал бессердечным, циничным. Я знаю, много чего случается. Но в деле Арно было нечто большее.

– Ты хочешь услышать настоящую историю?

Лакост кивнула.

– Арно был харизматическим руководителем. Людям он нравился, его даже любили. Я несколько раз встречался с ним и тоже испытывал к нему симпатию. Он был высокий, брутальный. Глядя на него, можно было поверить, что он способен задушить медведя голыми руками. И еще он был умный. С моментальной реакцией.

– То, что хочет увидеть в зеркале каждый мужчина.

– Именно. И он внушил подчиненным ему полицейским, что они особенные и наделены необыкновенной властью. Очень большой властью.

– Он казался тебе привлекательным?

– Я подал заявление – хотел работать в его отделе. Но получил отказ. – Если не считать Гамаша, то Лакост была первой, кому он говорил об этом. – В то время я работал в подразделении на Труа-Ривьер. В общем, как тебе, вероятно, известно, люди были готовы ради него чуть ли не на эшафот идти.

– Но?

– Он был грубиян. Требовал абсолютного подчинения. В конечном счете все хорошие агенты ушли из его подразделения. А с ним остались одни отбросы.

– Такие же грубияны или слишком напуганные, чтобы противостоять грубияну, – сказала Лакост.

– Ты вроде сказала, что не знаешь подлинную историю.

– Я и не знаю. Но в школьном дворе можно узнать обо всем. Полиция в этом смысле мало чем отличается от школы.

– Ну, это все же не школьный двор. Поначалу все начиналось тихо. Непроверенная информация о насилии в резервациях коренных жителей. Слухи об убийствах. Арно решил, что если индейцы хотят убивать себя, то это следует рассматривать как их внутреннее дело и не вмешиваться.

– Но это была его юрисдикция, – сказала Лакост.

– Верно. Он приказал своим подчиненным в резервациях никак не реагировать.

Изабель Лакост понимала, что это значит. Не замечать ребятишек, нюхающих всякую дрянь – бензин или клей, пока их мозги не отключаются. Не замечать насилия, оскорблений, отчаяния. Для полицейских этого просто не существовало. Ничто не существовало, и никто не существовал. Парни стреляли друг в друга. Девушек насиловали и избивали до смерти. Вероятно, кто-то звонил в Квебекскую полицию и звал на помощь, но не получал ответа. А полицейские (почти всегда молодые ребята на своем первом месте службы) смотрели на телефон с улыбкой, зная, что их начальнику именно это и нужно. Одним дикарем меньше. Или они сами были испуганы до смерти? Они знали, что убийства индейцев происходят чуть ли не каждый день. И сами тоже погибали.

– И что случилось потом?

Глава двадцать девятая

«Когда ты боишься, то все вокруг издает скрип». Арман Гамаш вспомнил эти слова Эразма Роттердамского и подумал: а тот скрип, что он сейчас услышал, и в самом деле раздался или же это просто его страх? Он направил луч фонарика на ступеньки позади себя. Ничего.

Пол здесь был земляной, утоптанный за многие годы. Здесь пахло пауками, гнилым деревом и плесенью. Здесь пахло всеми склепами, в которых побывал Гамаш, эксгумируя трупы людей, умерших насильственной смертью.

Что было захоронено здесь? Он знал: что-то было. Он чувствовал это. Дом, казалось, цеплялся за него когтями, мял в своих лапах, душил, словно храня свою тайну и умирая от желания сказать нечто злобное, коварное и жестокое.

И вот опять. Какой-то скрип.

Гамаш развернулся, и тонкий лучик света от фонарика выхватил из тьмы грубые каменные стены, балки и столбы, распахнутые деревянные двери.

Завибрировал его сотовый.

Гамаш вытащил трубку – хорошо знакомый номер.

– Allô.

– C’est moi, – сказала Рейн-Мари; она улыбнулась коллеге и прошла в один из проходов между стеллажами Национальной библиотеки. – Я на работе. А ты где?

– В старом доме Хадли.

– Один?

– Надеюсь. – Он рассмеялся.

– Арман, ты видел газету?

– Видел.

– Это отвратительно. Но мы знали, что это случится. Это почти облегчение.

Арман Гамаш был как никогда счастлив, что у него такая жена: его борьба была и ее борьбой. Она неизменно становилась рядом с ним, даже когда он пытался встать впереди. В особенности когда он пытался встать впереди.

– Я позвонила Даниелю, но он не отвечает. Оставила ему послание на автоответчике.

Гамаш никогда не оспаривал суждений Рейн-Мари, что делало их отношения ровными и счастливыми. Но он не мог понять, зачем нужно было звонить в Париж сыну из-за какой-то лживой статейки.

– Только что звонила Анни. Она тоже видела эту газетку. Просила передать, что любит тебя. Еще она сказала, что если ты хочешь, чтобы она кого-нибудь убила, то она это сделает.

– Как мило с ее стороны.

– Что ты собираешься предпринять? – спросила Рейн-Мари.

– Если откровенно, то я хотел оставить это без внимания. Не делать этому рекламу.

Последовала пауза.

– Может, тебе стоит поговорить с Мишелем?

– Бребёфом? Зачем?

– Ну, после первой я тоже так думала. Но теперь мне кажется, что дело зашло слишком далеко.

– После первой? Что ты имеешь в виду?

Фонарик мигнул, но Гамаш встряхнул его, и тот снова загорелся ярким светом.

– Вечерняя газета. Первый тираж «Ле журналь де ну». Ты его видел, Арман?

Фонарик погас, но по прошествии нескольких долгих мгновений загорелся, однако свет был тусклый и слабый. Гамаш снова услышал скрип. На этот раз у себя за спиной. Он повернулся и прошелся лучом по лестнице. Никого.

– Арман?

– Да, я слушаю. Скажи мне, пожалуйста, что там напечатано.

Он слушал, а вокруг него смыкалась скорбь старого дома Хадли. Ползла к нему, пожирала остатки мощности батареек. Наконец он остался в полной темноте в чреве старого дома Хадли.

– Арно было недостаточно того, что индейцы убивают друг друга, – сказал Бовуар. Они с Лакост шли бок о бок под лучами вечернего солнца, пятнающими грунтовую дорогу. – Арно приказал двум своим старшим офицерам отправляться в резервации и учинять там беспорядки. Agents provocateurs.

– А потом?

Это было почти невыносимо, но она должна была знать. Они шли по тихому лесу, и она слушала эти ужасные слова.

– А потом Пьер Арно отдал своим офицерам приказ убивать.

Бовуару трудно было говорить об этом. Он остановился и посмотрел в лес. Несколько секунд спустя рев в его ушах прекратился, и он снова услышал птичье пение. Дрозд? Сойка? Сосна? Может быть, это и делало Три Сосны таким примечательным местом? Не поют ли иногда хором три высокие сосны на деревенском лугу? Может быть, Жиль Сандон прав?

– И сколько людей было убито?

– Люди Арно не вели бухгалтерии. В Квебекской полиции до сих пор работает группа, которая пытается найти все останки. Убийцы оставили столько трупов, что даже не помнят, где прятали тела.

– Как же им это сходило с рук? Разве семьи не жаловались?

– Кому?

Лакост опустила голову и уставилась на землю. Это предательство было полным.

– Квебекской полиции, – тихо произнесла она.

– Одна мать из индейского племени кри попыталась. Три месяца она продавала самодельную выпечку, шапки и рукавицы. Так она накопила денег, чтобы купить билет на самолет. В одну сторону. В Квебек-Сити. Она изготовила плакат и пришла с ним протестовать к зданию правительства провинции. Целый день она провела перед Национальной ассамблеей, но никто так и не обратил на нее внимания, никто не остановился. Потом какие-то люди прогнали ее с частного владения, но она вернулась. Она приходила туда каждый день в течение месяца, спала в парке на скамье. И каждый день ей говорили, чтобы она ушла.

– Национальная ассамблея? Но это невозможно. Это же общественная собственность.

– Она стояла не у Национальной ассамблеи. Она думала, что это Национальная ассамблея, а на самом деле пикетировала перед отелем «Шато Фронтенак». Никто ей не сказал. Над ней только смеялись.

Лакост хорошо знала Квебек-Сити, помнила величественные башни отеля, поднимающиеся над скалой у реки Святого Лаврентия. Она понимала, что человек, незнакомый с городом, мог совершить такую ошибку. Но ведь у нее был плакат. Но ведь она спрашивала у кого-то, как ей пройти. Впрочем…

– Она не говорила по-французски?

– И по-английски. Только на языке кри, – подтвердил Бовуар.

В наступившем молчании Лакост представила себе внушительный отель, а Бовуар – маленькую морщинистую старуху с горящими глазами. Отчаявшуюся мать, которая хотела узнать, что случилось с ее сыном, но не знала нужных слов.

– И что случилось? – спросила Лакост.

– Не догадываешься? – спросил Бовуар.

Они снова остановились, и Бовуар посмотрел на озабоченное лицо Лакост. Потом ее осенило:

– Ее нашел старший инспектор Гамаш.

– Он остановился в «Шато Фронтенак», – сказал Бовуар. – Увидел эту женщину, когда выходил утром из отеля, а вечером обратил внимание, что она все еще там. Он заговорил с ней.

Изабель Лакост представила себе эту сцену. Шеф, обстоятельный и вежливый, подходит к старой индианке. Лакост увидела страх в ее темных глазах: вот еще один чиновник, который будет требовать, чтобы она убралась и не мозолила глаза порядочным людям. Она не понимала, что говорит ей старший инспектор Гамаш. Он попробовал по-французски, потом по-английски, а она только смотрела на него, худая и взволнованная. Но одно она могла понять: он добрый.

– Ее плакат был, конечно, на языке кри, – продолжал Бовуар. – Шеф оставил ее и вскоре вернулся с чаем, сэндвичами и переводчиком из Индейского центра. Стояла ранняя осень, и они устроились на ограждении фонтана перед отелем. Ты знаешь это место?

– В парке? Под старыми кленами? Прекрасно знаю. Я там тоже присаживаюсь каждый раз, когда бываю в Старом Квебеке. Смотрю на уличных актеров – они выступают ниже по холму перед кафе.

– Да, они сидели на этом месте, – кивнул Бовуар, – пили чай и ели сэндвичи. Шеф сказал, что старушка помолилась перед едой, благословила пищу. Она явно была голодна, но не набросилась на еду сразу. Сначала помолилась.

Бовуар и Лакост уже не глядели друг на друга. Они стояли на грунтовой дороге лицом друг к другу, но смотрели в противоположные стороны, в лес. Каждый представлял себе эту сцену в Старом Квебеке.

– Она сказала ему, что у нее пропал сын. Что пропал не только он один. Она рассказала о своей деревне на берегу залива Джеймс. До прошлого года в деревне действовал сухой закон, по решению рода продажа спиртного была запрещена. Но потом вождя убили, старейшин застращали, совет женщин распустили. После этого завезли алкоголь. Гидросамолетом. Несколько месяцев – и на месте процветающей прежде деревни остались одни руины. Но это было еще не самое худшее.

– Она рассказала ему об убийствах, – сказала Лакост. – И он ей поверил?

Бовуар кивнул. Не в первый раз спрашивал он себя: что бы он сам

сделал в этой ситуации? И не в первый раз приходил ему в голову маленький уродливый ответ. Он был бы среди тех, кто смеялся над ней. А если и допустить, что ему хватило бы порядочности подойти к ней, то разве поверил бы он ее истории устрашения, предательства и убийства?

Вероятно, нет. А то и того хуже. Может, и поверил бы, но делать ничего не стал. Сделал бы вид, что ничего не слышал. Ничего не понял.

Он надеялся, что с тех пор изменился в лучшую сторону, но наверняка не знал. В чем он не сомневался, так это в том, что старухе из племени кри сильно повезло.

Первое время Гамаш никому не говорил об этой встрече. Даже Бовуару.

Он провел несколько недель, летая из одной резервации Северного Квебека в другую. К тому времени, когда у него появились ответы, выпал первый снег.

Он поверил ей сразу же, как только заглянул в ее глаза в том парке Старого Квебека. Он пришел в ужас, исполнился отвращения, но не усомнился в том, что она говорит правду.

Это сделали полицейские. Она видела, как эти люди уводили в лес парней. Полицейские вернулись, а парни – нет. И среди них был ее сын Майкл. Названный так в честь архангела, он остался в лесу, и сколько она его ни искала, так и не нашла.

Но она нашла Армана Гамаша.

Кто там?

Гамаш стоял неподвижно. Его глаза привыкли к темноте, уши ловили каждый звук.

Скрип стал громче, приблизился. Гамаш постарался не думать о том, что сейчас сказала ему Рейн-Мари, а сосредоточиться на звуке, который, казалось, надвигался на него со всех сторон.

И вот какой-то чуть более темный, чем окружающая темнота, контур возник из-за одной из дверей. Черный носок черного ботинка. Потом медленно появились очертания ноги, руки, пистолета.

Гамаш стоял не шевелясь в самом центре помещения и ждал.

Теперь они оказались лицом друг к другу.

– Агент Лемье, – тихо произнес Гамаш.

Он узнал его, как только увидел пистолет. Но опасность от этого ничуть не уменьшилась. Он знал, что если оружие извлечено, то тот, кто держит его в руке, неизбежно действует по определенной схеме. Неожиданный испуг – и рука может дернуться.

Но рука агента Лемье твердо держала оружие. Он уверенно стоял в прямоугольнике подвального помещения, держа оружие на уровне пояса и нацелив его на старшего инспектора.

Наконец ствол медленно опустился.

– Это вы, сэр? Вы меня испугали.

– Ты не слышал, как я тебя зову?

– Это были вы? Я не разобрал слов. Это было похоже на стон. Я думаю, это дом так на меня действует.

– У тебя есть фонарик? В моем сели батарейки, – сказал Гамаш, направляясь к Лемье.

У ног Гамаша появился луч света.

– Ты убрал оружие в кобуру?

– Да, сэр. Подождите, что еще скажут люди, когда узнают, что я держал вас под прицелом. – Лемье натужно улыбнулся.

Гамаш оставался серьезным. Он продолжал смотреть на Лемье. Когда он заговорил, голос его звучал жестко.

– То, что ты сейчас сделал, – основание для увольнения. Ты никогда не должен извлекать оружие, если не уверен, что будешь его использовать. Тебе это известно, но ты пренебрег тем, чему тебя учили. Почему?

Спускаясь в подвал, Лемье хотел пошпионить за Гамашем. Однако у старшего инспектора был очень чуткий слух. Фактор неожиданности был потерян, но Лемье решил, что может сыграть кое на чем ином. Если этот дом пугал Гамаша, то почему бы не напугать его еще сильнее? Интересно, как будет реагировать Бребёф, если он избавится от проблемы Гамаша, спровоцировав у него инфаркт с летальным исходом. Лемье кидал маленькие камешки и видел, как поворачивается Гамаш. Он шуровал куском веревки, воспроизводя звуки ползущей змеи, и видел, как Гамаш отступает. И наконец он вытащил пистолет.

Но Гамаш окликнул его по имени, словно был уверен, что это он. И преимущество Лемье было потеряно. Хуже того, старший инспектор Гамаш перешел в наступление. Он без малейшего страха стоял перед Лемье, излучая не гнев и даже не страх, а силу. Властность.

– Я задал тебе вопрос, агент Лемье. Почему ты извлек оружие?

– Я прошу прощения, – пролепетал Лемье, прибегая к проверенной временем тактике раскаяния и признания вины. – Я испугался – один в подвале.

На Гамаша не подействовало это жалкое притворство.

– Ты знал, что здесь нахожусь я.

– И я искал вас, сэр. Я слышал что-то. Голоса. А я знал, что вам не с

кем говорить, и тогда я решил, что это кто-то другой. Может быть, тот, кто сорвал полицейскую ленту. Может быть, вам требовалась помощь. Но… – Лемье опустил голову, укоризненно покачал ею, – мне нет извинений. Я ведь мог вас убить. Отдать вам мое оружие?

– Мне нужна правда. Не лги мне, сынок.

– Я не лгу, сэр, поверьте. Я понимаю, это звучит глупо, но я просто испугался.

Однако Гамаш продолжал хранить молчание. «Неужели я сыграл так неубедительно?» – подумал Лемье.

– Господи боже, я такой простофиля! Сначала напортачил с эфедрой, теперь вот это.

– Это была просто ошибка, – сказал Гамаш.

Голос его звучал по-прежнему жестко, но не так, как прежде.

Лемье возликовал: он выиграл. Что там говорил Бребёф? «Все любят грешников, но никто не любит их так, как Гамаш. Он считает, что может спасти утопающего. Твоя задача – тонуть».

И он тонул. Намеренно оставил наводку по эфедре на компьютере Габри, чтобы его поймали и простили. Теперь его опять поймали. Конечно, глупо было вытаскивать оружие, но он сумел обратить ошибку в преимущество. И Гамаш, глупый, слабый Гамаш, прощал его и за новую выходку с оружием. Эта слабость была любимым наркотиком Гамаша. Он любил прощать.

– Нашли что-нибудь, сэр?

– Ничего. Этот дом еще не готов делиться своими тайнами.

– Тайнами? У дома есть тайны?

– Домá – они как люди, агент Лемье. У них есть тайны. Я тебе скажу кое-что, чему меня научила жизнь. – Арман Гамаш понизил голос, так что агенту Лемье пришлось напрягать слух, чтобы услышать. – Ты знаешь, чего мы боимся, агент Лемье?

Лемье отрицательно покачал головой. И тогда из темноты и тишины до него донесся ответ:

– Мы боимся наших тайн – вот чего мы боимся.

За его спиной раздался тихий скрип, нарушив наступившую тишину.

Глава тридцатая

– И что случилось потом? – спросила Лакост.

Они возвращались в оперативный штаб, и, когда вышли из леса, грозовая туча стала виднее. Она уже занимала четверть неба. Приближалась медленно, но с пугающей неизбежностью.

– Pardon? – спросил Бовуар, которого отвлек вид надвигающейся тучи.

– Я говорю о старшем инспекторе. У него были свидетельства против Арно и других. Что он сделал с ними?

– Не знаю.

– Да ладно. Ты наверняка знаешь. Обо всем остальном он тебе рассказал. Эта история про старуху кри так и не всплыла в суде.

– Не всплыла. Решили не говорить об этом, чтобы не подставлять ее под удар. И смотри никому об этом ни слова.

Лакост хотела было возразить: «Ведь все, кого это касалось, попали за решетку», но потом она вспомнила сегодняшнюю статью в газете. Значит, кому-то было не все равно.

– Конечно, ни слова.

Бовуар кивнул и пошел дальше.

– Но это не все, – сказала Лакост, догнав его. – Ты чего-то еще не сказал.

– Агент Николь.

– Что – агент Николь?

Бовуар понимал, что зашел слишком далеко. Он остерегал себя, уговаривал остановиться. Но слова продолжали литься – ему требовался сообщник, сочувствующее лицо.

– Ее прислал к нам суперинтендант Франкёр, чтобы она шпионила за старшим инспектором.

Казалось, что от самих этих слов шел смрадный дух.

– Merde, – сказала Лакост.

– Merde, – согласился Бовуар.

– Нет, в самом деле. Я имею в виду настоящее дерьмо.

Лакост показала на землю – у обочины исходила паром огромная куча дерьма. Бовуар попытался свернуть в сторону, но все же наступил на край.

– Господи, какая гадость! – Он поднял ногу: сплошная мягкая итальянская кожа и еще более мягкое вонючее дерьмо. – Разве люди не должны убирать за своими собаками?

Он поскреб краем ботинка о дорогу, и теперь кожа, помимо дерьма, покрылась и землей.

– Это не собачье дерьмо, – произнес уверенный голос.

Бовуар и Лакост повернулись, но никого не увидели. Бовуар вгляделся в лес. Неужели одно из деревьев перестало петь и в самом деле заговорило? Возможно ли, чтобы первые слова, услышанные им от дерева, были «Это не собачье дерьмо»? Он еще раз повернулся и увидел, что к ним идут Питер и Клара Морроу. «Мимо кассы», – подумал Бовуар, спрашивая себя, давно ли эта пара здесь и что она слышала.

Питер нагнулся и принялся разглядывать кучу. Только сельские жители так бесконечно очарованы дерьмом. Сельские жители и родители.

– Медвежье, – сказал Питер, выпрямляясь.

– Мы проходили здесь всего несколько минут назад. Вы считаете, что медведь шел за нами?

«Наверное, они шутят?» – подумал Бовуар. Но лица у них были самые что ни на есть серьезные. В руке у Питера Морроу была газета, скрученная в плотный рулон.

– Старший инспектор с вами?

– Нет, к сожалению. Я не могу помочь?

– Он должен увидеть это сам, – сказала Клара Питеру.

Питер кивнул и протянул газету Бовуару.

– Мы читали ее сегодня утром, – ответил Бовуар, отдавая газету назад.

– И все же взгляните, – посоветовал Питер.

Бовуар вздохнул и развернул газету. Это была «Ле журнал де ну», а не «Ла журне», как он предполагал. И в ней, в самой середине, была большая фотография старшего инспектора и его сына Даниеля. Они находились в каком-то каменном сооружении, похожем на склеп. И Гамаш передавал Даниелю конверт. Заголовок гласил: «Арман Гамаш передает конверт неизвестному мужчине».

Бовуар пробежал статью, но потом ему пришлось вернуться в начало и попытаться прочитать медленнее. Он был так огорчен, что с трудом воспринимал написанное. Слова сливались, прыгали и тонули в волнах его бешенства. Наконец он, глотая ртом воздух, опустил газету и увидел Армана Гамаша, который шел по мосту в сопровождении Робера Лемье. Их взгляды встретились, и Гамаш дружески улыбнулся, но, когда он увидел газету и заметил, в каком состоянии находится Бовуар, улыбка сошла с его лица.

– Bonjour. – Гамаш пожал руку Питеру и поклонился Кларе. – Насколько я понимаю, вы видели самое свежее. – Он кивнул на газету в

руке Бовуара.

– А вы? – спросил Бовуар.

– Видеть не видел, но Рейн-Мари прочла мне статью по телефону.

– Что вы собираетесь сделать? – спросил Бовуар.

Казалось, все прочие исчезли, остались только Бовуар и старший инспектор. А еще громадная грозовая туча, поднимавшаяся за спиной Гамаша.

– Потерплю некоторое время.

Гамаш кивнул остальным, повернулся и пошел в оперативный штаб.

– Постойте! – Бовуар бросился за Гамашем. Он успел преградить дорогу шефу, когда тот уже подходил к двери. – Вы не можете позволить им писать такие вещи. Это настоящая клевета. Боже мой, неужели мадам Гамаш все это прочла вам? Вы только послушайте. – Бовуар раскрыл газету и начал читать. – «Квебекская полиция по меньшей мере должна объясниться перед квебекцами. Как коррумпированный полицейский может оставаться в рядах полиции? И занимать влиятельное положение? Во время расследования по делу Арно было ясно, что старший инспектор Гамаш сам не без греха и только сводит личные счеты со своим начальником. Но теперь он, кажется, сам занялся бизнесом. Кто этот человек, которому он вручает конверт? Что в этом конверте? И какие услуги оплачивает его содержимое?»

Бовуар смял газету и посмотрел Гамашу прямо в лицо:

– Это ваш сын. Вы передаете конверт Даниелю. Никаких оснований для этого вранья нет. Да ну же, вам достаточно только снять трубку и позвонить редакторам. Объяснить, что вы делаете.

– Зачем? – Голос Гамаша звучал спокойно, в ясном взгляде не было злости. – Чтобы они состряпали новую ложь? Чтобы они знали, что уязвили меня? Нет, Жан Ги. Если я могу ответить на обвинения, это еще не значит, что я должен это делать. Верь мне.

– Вы это всегда говорите, будто мне нужно напоминать, чтобы я вам верил. – Бовуару было уже все равно, слышит его кто-нибудь или нет. – Сколько раз я должен доказывать вам мою преданность, чтобы вы перестали говорить «верь мне»?

– Извини. – Казалось, слова Бовуара в первый раз задели Гамаша за живое. – Ты прав. Я в тебе не сомневаюсь, Жан Ги. И никогда не сомневался. Я тебе верю.

– А я верю вам, – произнес Бовуар почти спокойно, выпустив пар.

Несколько мгновений он раздумывал, не заменить ли слово «верю» на другое, но потом решил, что «верю» будет достаточно. Он посмотрел на

Гамаша и понял, что тот еще не сделал неверного шага. Это Бовуар был в дерьме всеми своими итальянскими кожаными ботинками.

– Делайте, что считаете нужным, – сказал он. – Я буду вас поддерживать.

– Спасибо, Жан Ги. А сейчас я должен позвонить Даниелю. В Париже уже поздно.

– И еще, шеф… – Лакост почувствовала, что теперь ей будет безопасно подойти ближе. – Коронер хочет поговорить с вами. Она будет ждать вас в бистро в пять.

Гамаш посмотрел на часы:

– Нашли что-нибудь объясняющее взлом запечатанной спальни?

– Ничего, – сказала Лакост. – А вы что-нибудь нашли?

Что ей ответить? Что он нашел печаль, ужас и истину? «Мы боимся наших тайн», – сказал он Лемье. Гамаш вышел из этого треклятого подвала с собственной тайной.

Жиль Сандон прижал ножку к себе и принялся ласкать. Его корявая рука с мучительной медлительностью перемещалась вверх и вниз. С каждым разом поднимаясь все выше, пока ножка не кончилась.

– Ты такая гладкая, – сказал он, дуя на ножку и снимая с нее крохотные частички. – Подожди, я еще тебя смажу. Густым тунговым маслом.

– С кем это ты говоришь?

Одиль тяжело оперлась о дверную раму. Содержимое как ее стакана, так и мастерской Жиля завертелось. Обычно она обращала свою злость в вино и поглощала ее, но в последнее время это перестало действовать.

Жиль испуганно поднял голову, словно его застали за каким-то неблаговидным делом, не предназначенным для посторонних глаз. Затертый клочок наждачной бумаги упал на пол. Он почувствовал запах вина. Пять часов. Может, все не так уж и плохо. Большинство людей выпивают рюмочку-другую в пять часов. В конечном счете ведь существует великолепная квебекская традиция «cinq à sept»[55].

– Я говорил с ножкой, – объяснил он, и впервые эти слова прозвучали нелепо.

– Не глупо ли это – говорить с ножкой?

Жиль посмотрел на ножку, которая со временем должна была стать частью замечательного стола. Откровенно говоря, ему никогда прежде и в голову не приходило, что это глупо. Он был человеком умным и знал, что большинство людей не разговаривают с деревьями, но полагал, что это их личная проблема.

– Я работала над очередным стихотворением. Хочешь послушать?

Не дожидаясь ответа, Одиль оттолкнулась от дверного косяка и медленно, осторожно прошла к прилавку магазина. Вернулась оттуда со своей тетрадью.

– Ну слушай.

Как любит человек страдать,
Устроить шум из ничего,
Шипов повсюду набросать,
Гвоздей, стекла, всего-всего.

– Постой. – Она снова оперлась о косяк, когда Жиль повернулся было к ней спиной. – Это еще не все. И брось ты эту долбаную хреновину.

Он опустил глаза и увидел, что пальцы его напряглись и побелели, словно кровь из них перетекла в дерево, – так крепко они обхватили ножку. После секундного колебания он осторожно положил ножку на пол, убедившись, что в этом месте хороший слой стружки.

Не для него кулик чирик,
Не для него лягушка квак,
И цапля свой унылый лик
Себе на грудь все бряк да бряк.

Одиль опустила тетрадь и смерила Жиля многозначительным взглядом. Кивнув несколько раз, она закрыла тетрадь и, стараясь не потерять равновесия, направилась назад в магазин. Жиль посмотрел ей вслед, спрашивая себя: что она хотела этим ему сказать? Как это получается, что он понимает деревья, а свою подругу не может понять?

Ему вдруг стало не по себе, словно по коже поползли мурашки. Прижав деревянную ножку к щеке, Жиль глубоко вздохнул и мысленно перенесся в лес. В нежный, внимательный лес. В безопасный лес. Но даже там его мысли не давали ему покоя.

Что известно Одиль? И что она имеет в виду под «чирик»? Уж не собирается ли она начирикать что-нибудь еще менее вразумительное про него? Не предупреждает ли она его? Если так, то ее необходимо остановить.

Под эти мысли он ритмично постукивал по изысканной ножке.

Усевшись за свой стол, Арман Гамаш разгладил помятую газету. До этого момента он воспринимал текст лишь на слух, когда другие читали ему эту статью, и уже тогда был потрясен. Но теперь, когда он увидел фотографию, сердце у него сжалось. Даниель держал конверт, который Гамаш вручил сыну только вчера утром. Даниель, его прекрасный Даниель, крупный, как медведь. Неужели люди не понимают, что это отец и сын? Неужели издатели злонамеренно закрыли на это глаза? Гамаш знал ответ на этот вопрос. Кто-то выключил им разум.

Он взял трубку и набрал номер Даниеля.

Доктор Шарон Харрис остановила машину у тротуара, собираясь войти в бистро. В окно она увидела Питера и Клару Морроу и еще несколько человек, с которыми была шапочно знакома. Увидела огонь в камине и Габри с подносом напитков – Габри рассказывал что-то группе жителей. На ее глазах Оливье ловко взял поднос у Габри и понес его другой группе. Габри сел, положил одну массивную ногу на другую и продолжил рассказ. Доктору Харрис показалось, что он глотнул виски из чьего-то стакана, но она не была уверена. Она повернула голову и окинула взглядом деревню. В окнах начинал загораться свет, в воздухе пахло дымком. Три высокие сосны на деревенском лугу отбрасывали длинные тени. Доктор Харрис посмотрела на небо. Надвигался не только вечер. В машине она слушала прогноз погоды, и даже Министерство по охране окружающей среды Канады было удивлено наступлением такого мощного грозового фронта. Но что в нем находилось? Метеорологи не знали. В это время года можно было ожидать дождя, или дождя с градом, или снега.

Поскольку Армана Гамаша в бистро не было заметно, доктор Харрис решила посидеть на скамье на деревенском лугу и подышать свежим воздухом. Когда она садилась, ее взгляд привлекло что-то под скамьей. Она подобрала эту вещь, рассмотрела и улыбнулась.

Через дорогу открылась дверь дома Рут Зардо, и из нее вышла пожилая женщина. Рут постояла там несколько секунд, и доктору Харрис показалось, что Рут говорит с кем-то невидимым. Потом она спустилась по ступенькам и внизу произнесла в воздух еще несколько слов.

«Вот и докатилась до ручки, – подумала доктор Харрис. – Мозги выжжены стихами и еще кое-чем похуже».

Рут повернулась и сделала нечто такое, отчего доктору Харрис, которая немного знала этого мизантропа в юбке, стало не по себе. Она улыбнулась и помахала молодой женщине. Доктор Харрис помахала в

ответ, пытаясь понять, что за злобный план, родившийся в голове Рут, сделал ее такой счастливой. И тут она увидела.

Рут хромала по дороге, а следом за ней хвостиком шли две маленькие птички. Одна раскрывала крылья и хлопала ими, другая чуть прихрамывала и отставала. Рут остановилась и подождала, потом двинулась снова, теперь уже медленнее.

– Настоящая семейка, – сказал Гамаш, садясь на скамью рядом с доктором Харрис.

– Смотрите, что я нашла.

Доктор Харрис разжала кулак, и Гамаш увидел на ее ладони крохотное яичко. Голубое яичко дрозда, но на самом деле не совсем яичко дрозда. Оно было так замысловато расцвечено зеленым и розовым, что Гамашу пришлось надеть свои полукруглые очки, чтобы по достоинству его оценить.

– Где вы его нашли?

– Прямо здесь, под скамейкой. Можете себе представить? Оно деревянное, кажется.

Она протянуло ему яичко. Гамаш поднес его поближе и разглядывал, пока не заболели глаза.

– Прекрасная работа. Откуда оно взялось?

Доктор Харрис покачала головой:

– Это место… Как вы для себя объясняете деревню вроде Трех Сосен, где поэтессы выгуливают уток, а предметы искусства падают с небес?

При упоминании небес оба посмотрели на грозовую тучу, которая почти наполовину закрыла небо.

– Я бы не ждал, что здесь появится целая плеяда Рембрандтов, – заметил Гамаш.

– Пожалуй. Уж скорее абстрактных, чем классических.

Гамаш рассмеялся. Доктор Харрис нравилась ему.

– Бедняжка Рут. Знаете, она мне сейчас улыбнулась.

– Улыбнулась? Вы думаете, она умирает?

– Она – нет. А вот та малютка – да.

Доктор Харрис показала на меньшую из уточек, которая с трудом шла по траве к пруду. Они сидели на скамье и наблюдали. Рут подошла к хромающему птенцу и очень медленно пошла рядом. Они шли вдвоем, хромая, как мать и дитя.

– Итак, что убило Мадлен Фавро, доктор?

– Эфедра. В ее организме обнаружена эфедра в количестве, в пять-шесть раз превышающем допустимое.

Гамаш кивнул:

– Это данные токсикологии. Могла она получить эту дозу за обедом?

– Скорее всего. Эфедра действует довольно быстро. Подсунуть это ей в еду было не так уж трудно.

– Но это еще не все, – сказал Гамаш. – Не у всех умирающих от эфедры на лице выражение ужаса.

– Верно. Вы хотите узнать, что ее убило на самом деле?

Гамаш кивнул.

Шарон Харрис оторвала взгляд от его сильного спокойного лица и кивком показала на склон холма:

– Вот что ее убило. Старый дом Хадли.

– Да ладно, доктор. Дома не убивают, – как можно убедительнее произнес Гамаш.

– Дома, может, и не убивают, но страх – вполне. Вы верите в призраков, старший инспектор?

Он не ответил, и доктор Харрис продолжила:

– Я врач, ученый, но мне приходилось бывать в домах, где было так страшно – волосы дыбом. Меня приглашали в гости в весьма достойные дома. И даже в новых домах, случается, господствует чувство страха. Ощущаешь присутствие чего-то.

Она всю дорогу спорила сама с собой по этому поводу. Стоит ли говорить ему все? Стоит ли признаваться в своих страхах? Но она знала, что должна это сделать. Чтобы он смог найти убийцу, она должна «исповедоваться» перед ним. И еще она знала, что никакому другому чину Квебекской полиции она не сказала бы об этом.

– Вы верите в дома, посещаемые призраками? – спросил Гамаш.

Доктор Харрис снова стала одиннадцатилетней девочкой, которая пробиралась по сосновому лесу к дому Трембли. Место это, заброшенное, темное, мрачное, находилось в самой чаще.

«Здесь когда-то убили человека, – прошептала ей на ухо подружка. – Мальчишку. Его задушили и зарезали».

Она слышала, что парнишку избил до смерти его дядюшка, но кто-то другой сказал, что тот умер от голода.

И вот убиенный продолжал бродить там, оставался на том же месте. Ждал. Ждал возможности захватить тело какого-нибудь другого парнишки. Чтобы снова стать живым и отомстить за свою смерть.

Они подобрались к дому на несколько ярдов. Стоял вечер, темный лес смыкался вокруг них, и все знакомое и привычное стало пугающим. Потрескивали ветки, слышались чьи-то приближающиеся шаги, какие-то

скрипы, и маленькая Шарон Харрис бросилась наутек. Дрожа от страха, она бежала через лес, и сосны протягивали свои лапы и царапали ей лицо, а за спиной она слышала тяжелое дыхание. Кто это был – ее подружка, которую она оставила в чаще? Или мертвый мальчик, пытавшийся ее догнать? Она чувствовала его холодные руки на своих плечах, он отчаянно хотел забрать ее жизнь.

Чем быстрее она бежала, тем страшнее ей становилось, и наконец она со слезами продралась сквозь деревья, охваченная ужасом – и одна.

Даже сегодня, глядя на себя в зеркало, она видела крохотные шрамы, оставленные ветками и ее страхом. И еще она помнила, что в тот вечер бросила подругу там, в лесу, – пусть призрак забирает ее, а не Шарон. Конечно, ее подруга, тоже вся в слезах, выбежала из леса через несколько секунд. И они обе знали, что мертвый мальчик и в самом деле украл кое-что. Он украл доверие между подругами.

Шарон Харрис готова была поверить, что некоторые дома облюбованы призраками, но она ни капли не сомневалась в том, что к некоторым людям призраки точно наведываются.

– Верю ли я, что бывают дома, посещаемые призраками, старший инспектор? Вы меня об этом спрашиваете? Меня, врача и ученого?

– Да, спрашиваю, – улыбнулся Гамаш.

– А вы в это верите?

– Ну, вы же меня знаете, доктор. Я во все верю.

Она подумала несколько мгновений, потом решилась – а какого черта!

– Да, это место посещают призраки. – Ей и уточнять не нужно было, они оба знали, о чем она говорит. – Каким образом они это делают, я не ведаю. Мадлен Фавро знала, но за это знание она поплатилась смертью. Что касается меня, то я не очень хочу это выяснять.

Некоторое время они сидели молча в самом центре мирной деревни. Пока они говорили о призраках, демонах и смерти, люди поблизости выгуливали собак, разговаривали и работали в саду. Гамаш ждал, когда доктор Харрис снова заговорит, и наблюдал, как Рут пытается заманить крохотные пушистые шарики в пруд.

– Сегодня днем я поискала информацию про эфедру. Ее получают из… – она вытащила блокнот из кармана, – голосеменного кустарника.

– Это растение, верно? – спросил Гамаш.

– Вы уже знаете?

– Агент Лемье мне сказал.

– Кустарник этот растет повсюду. Это старомодное малоэффективное средство, антигистамин. Китайцы знали о нем много веков назад. У них

оно называется ма хуань. Потом фармакологи узнали о его свойствах и стали готовить эфедрин.

– Вы говорите, что оно растет повсюду…

– Хотите знать, растет ли оно здесь? Растет. Вон одно.

Она показала на громадное дерево на лужайке. Гамаш встал и подошел к нему, нагнулся, подобрал кожистый коричневый листик, упавший осенью.

– Это дерево гинкго, – сказала доктор Харрис, подошла к Гамашу и тоже подняла листик. У него была необычная форма, больше напоминавшая веер, чем классический лист; толстые прожилки были похожи на связки. – Оно принадлежит к семейству голосеменных – я уже говорила об этом.

– Кто-то мог сделать из этого экстракт эфедры? – Гамаш кивнул на лист.

– Я не знаю, из чего получают экстракт – из листьев, коры или чего-то другого. Но я точно знаю, что принадлежность к тому же семейству не гарантирует наличия в нем эфедры. И как я уже сказала, сочетания эфедры и испуга было бы недостаточно.

Они развернулись и направились назад к скамейке. Гамаш потер лист пальцами, ощущая прожилки.

– Должно было случиться что-то еще? – спросил он.

– Должно было существовать что-то еще, – кивнула доктор Харрис.

– Что именно? – спросил Гамаш, надеясь, что ответом не будет «призрак».

– Мадам Фавро должна была страдать болезнью сердца.

– И она страдала?

– Да, – ответила доктор Харрис. – По данным вскрытия, у нее была крайне серьезная болезнь сердца, почти наверняка спровоцированная раком груди.

– Рак груди может спровоцировать болезнь сердца?

– Не рак, а его лечение. Химиотерапия. Рак груди у молодой женщины бывает такой агрессивный, что доктора используют большие дозы химии, чтобы его купировать. Женщин обычно консультируют перед лечением, но выбор тут очевиден: пережить несколько трудных месяцев, потерять волосы, рисковать болезнью сердца или почти наверняка умереть от рака груди.

– Черт побери, – прошептал Гамаш.

– Согласна с вами.

К их скамейке подошла Рут Зардо:

– У вас очень серьезный вид. Запутываете дело Фавро?

– Возможно. – Гамаш встал и поклонился старой поэтессе. – Вы знакомы с доктором Харрис?

– Никогда не встречались.

Они обменялись рукопожатиями. Шарон Харрис уже, наверное, в десятый раз представляли Рут.

– Мы восхищались вашей семейкой. – Гамаш кивнул в сторону пруда.

– У них есть имена? – спросила доктор Харрис.

– Та, что побольше, – это Роза, а маленькая – Лилия. Их нашли в цветах у пруда.

– Прекрасно, – сказала доктор Харрис, глядя на Розу, которая плюхнулась в пруд.

Лилия сделала шажок и упала в воду. Рут, стоявшая спиной к птицам, почувствовала, что что-то пошло не так, быстро похромала к пруду и вытащила маленькую уточку, мокрую, но живую.

– Еще бы чуть-чуть – и конец, – проворчала Рут, обтирая рукавом клюв и головку уточки.

Шарон Харрис не знала, сказать ей что-нибудь или промолчать. Рут наверняка понимала, что Лилия обречена.

– Гроза уже почти здесь. – Доктор Харрис посмотрела на небо. – Не хочу, чтобы она застала меня в дороге. Но у меня есть для вас еще кое-какая информация.

– Какая? – спросил Гамаш, провожая ее до машины.

Рут тем временем двинулась домой, Роза, покрякивая, шла следом, а Лилия сидела на ладони Рут.

– Не думаю, что это стало причиной ее смерти, во всяком случае непосредственно. Но на размышления наводит. У Мадлен Фавро был рецидив рака груди. В запущенной стадии. Метастазы в печени. Не очень много, но до Рождества она бы вряд ли дожила.

Гамаш остановился, переваривая эту информацию.

– А она была в курсе?

– Не знаю. Возможно, и нет. Но если откровенно, то, насколько мне известно, женщины с раком груди настолько чувствуют свое тело, что их восприятие становится чуть ли не телепатическим. Это очень сильная связь. Знаете, Декарт ошибался[56]. Разум и тело едины. Эти женщины знают. Не первичный диагноз, но, когда случается рецидив, они почти наверняка знают.

Шарон Харрис села в машину и отъехала с первыми каплями дождя и усилением ветра. Небо над маленькой деревней стало темно-фиолетовым и непроницаемым. Арман Гамаш поспешил в бистро, стараясь успеть,

прежде чем разверзнутся хляби небесные. Усевшись в мягкое кресло, он заказал виски и лакричную трубочку, а потом, глядя в окно на усиливающуюся грозу в Трех Соснах, он спросил себя, кому понадобилось убивать умирающую женщину.

Глава тридцать первая

– Хорошая книга?

Над плечом Гамаша склонилась Мирна. Он был настолько поглощен чтением, что даже не заметил ее приближения.

– Не знаю, – признался он и передал книгу ей.

Он вытащил из своих карманов все книги, которые набрал, чувствуя себя при этом как мобильная библиотека. Если другие следователи собирали отпечатки пальцев и улики, то Гамаш собирал книги. Не все готовы были согласиться с тем, что это движение в верном направлении.

– Ужасная гроза. – Мирна опустилась в большое кресло напротив Гамаша и заказала красное вино. – Слава богу, мне не нужно выходить на улицу. Знаете, я вообще могла бы никогда не выходить на улицу. Все, что мне нужно, здесь есть. – Она весело развела руками, и ее цветастый кафтан повис на подлокотниках кресла. – Еда от Сары и месье Беливо, общество и кофе здесь…

– Ваше красное, ваше высочество, – сказал Габри, ставя пузатый бокал на темный деревянный стол.

– Можешь идти. – Мирна королевским жестом наклонила голову. – У меня есть вино и виски. И еще все книги, какие мне только захочется прочитать.

Она подняла свой стакан, Гамаш – свой.

– Santé[57].

Они улыбнулись друг другу и посмотрели на дождевые потоки, стекающие по оконному стеклу.

– Так что у нас здесь? – Мирна водрузила на нос очки и осмотрела томик в кожаном переплете, принесенный Гамашем. – Где вы это взяли? – спросила она наконец, сбрасывая с носа очки, которые, не выбрав длину шнурка, улеглись на плато ее груди.

– В комнате, где умерла Мадлен. Книга стояла в шкафу.

Мирна тут же положила книгу, словно нечестие может передаваться через вещи. Книга лежала между ними, ее обложка была проста и поразительна. Маленькая рука, обведенная красным. Похоже на кровь, но Гамаш уже проверил: обыкновенные чернила.

– Это книга о магии, – сказала Мирна. – Ни издателя, ни международного книжного номера. Наверное, напечатано за счет автора малым тиражом.

– Не можете сказать, сколько этой книге лет?

Мирна наклонилась над книгой, но не прикоснулась к ней:

– Кожа чуть потрескалась на корешке, и некоторые страницы выпали. Клей, вероятно, высох. Я бы сказала, что ее напечатали перед Первой мировой войной. Посвящение там есть?

Гамаш отрицательно покачал головой.

– В вашем магазине ничего подобного не было? – спросил он.

Мирна сделала вид, что задумалась, хотя ответ у нее был готов. Окажись в ее руках такая жуткая книга, она бы запомнила. Мирна любила книги. Любые. У нее были книги, посвященные оккультизму, несколько книг о магии. Но если бы появилось что-нибудь вроде той, что лежала сейчас между ними, то она постаралась бы поскорее избавиться от нее. Всучила бы кому-нибудь, кто не вызывал у нее симпатии.

– Нет, никогда.

– А что-нибудь вроде этой?

Гамаш вытащил из внутреннего кармана книгу, которую он недавно прочел от корки до корки и с которой ни за что не хотел расставаться.

Он предполагал увидеть вежливый любопытствующий взгляд. Может быть, даже веселый и понимающий. Но никак не ожидал ужаса.

– Где вы ее нашли?

Мирна выхватила книгу из его руки и сунула между собой и подлокотником.

– В чем дело? – спросил Гамаш, удивленный ее реакцией.

Но Мирна не слушала его. Ее глаза обшарили зал и остановились на месье Беливо, который замешкался в дверях. Потом он прошел дальше.

Тогда Мирна достала книгу и положила на стол, где образовалась маленькая стопка книг. Странный томик в кожаном переплете с красной рукой, Библия и теперь еще эта, с потешным рисунком на обложке, которая и стала причиной суматохи.

– Кто такая Сара Бинкс? – спросил Гамаш, постучав пальцем по книге.

– Любимая певица Саскатуна, – сказала Мирна так, будто это все объясняло.

Гамаш уже полазил по Интернету в поисках Сары Бинкс и знал об этой книге, предположительной дани худшему из когда-либо рождавшихся поэтов. Книга была великодушной, теплой и забавной, и Мадлен спрятала ее.

– Я нашел ее в глубине ящика в спальне Мадлен.

– Это книга Мадлен?

– Вы предполагали, что кого-то другого?

– Я не знаю, как тут циркулируют книги. Люди дают их почитать друг другу. Это сущая беда книготорговца. Они не покупают – обмениваются.

Мирна действительно выглядела расстроенной, но Гамаш подозревал, что причина этого не бродячие книги. Она оглядывала зал, нервничала, явно чувствовала себя не в своей тарелке.

– Что случилось? – спросил Гамаш и тут же нашел ответ.

Глаза Мирны остановились на сухопаром человеке у стойки бара. Вид у месье Беливо был печальный и потерянный.

– Он всегда такой. – Мирна взяла горсть орешков кешью, просыпав немного на стол.

Гамаш с рассеянным видом подобрал их и сунул себе в рот.

– То есть?

Мирна немного подумала.

– Я знаю, у него были причины. Его жена перед смертью долго болела. Теперь умерла Мадлен. И все же он работает, открывает по утрам магазин и стоит за прилавком.

– Может, он привык к горю. Может, для него это состояние стало нормой.

– Возможно. Вы бы смогли на следующий день после смерти жены открыть магазин и работать?

– Мадлен не была его женой, – сказал Гамаш, спеша прогнать образ мертвой Рейн-Мари.

– Жинетт была его женой, и он на следующий день открыл магазин. Он что, такой сильный или мы имеем дело с близким врагом?

– С чем с чем?

– С близким врагом. Это такая концепция в психологии. Две эмоции, внешне похожие, но на самом деле противоположные. Одна выдает себя за другую, и ее принимают за другую, но одна из них – здоровая, тогда как другая болезненная, извращенная.

Гамаш положил очки. От высокой влажности пальцы у него стали мокрыми. Или это ладони внезапно вспотели? Шум грозы, дождя и града, неистово стучащего в окно, усилился, а разговоры и смех в бистро стихли.

Гамаш подался вперед и тихо спросил:

– Можете привести пример?

– Есть три пары, – сказала Мирна, тоже подаваясь вперед; говорила она шепотом, хотя и не знала почему. – Привязанность выдает себя за любовь, жалость – за сострадание, а безразличие – за самообладание.

Арман Гамаш помолчал несколько мгновений, глядя в глаза Мирны и пытаясь понять по их выражению глубинный смысл того, что она сказала.

Он знал: у ее слов есть глубинный смысл. Только что было произнесено нечто очень важное.

Но он не понял этих слов в полной мере. Гамаш перевел взгляд на камин, а Мирна откинулась на спинку кресла и раскрутила красное вино в пузатом бокале.

– Не понимаю, – сказал наконец Гамаш. – Не могли бы вы объяснить?

Мирна кивнула:

– Легче всего понять жалость и сострадание. Сострадание подразумевает сочувствие, вы смотрите на страдающего человека как на равного. Если же вы жалеете кого-то, то чувствуете себя над ним.

Гамаш кивнул:

– Но отличить одно от другого затруднительно.

– Вот именно. Даже тому, кто испытывает эти чувства. Почти любой человек будет говорить о своем сострадании. Это одна из благородных эмоций. Но на самом деле это всего лишь жалость.

– Значит, жалость – близкий враг сострадания, – медленно проговорил Гамаш, переваривая услышанное.

– Верно, она похожа на сострадание, ведет себя как сострадание, но в действительности является его противоположностью. И пока действует жалость, места для сострадания не находится. Жалость уничтожает, выдавливает более благородную эмоцию.

– Потому что мы обманываем себя: думаем, что испытываем одно чувство, а на самом деле нас одолевает другое.

– Обманываем себя и обманываем других, – добавила Мирна.

– А любовь и привязанность? – спросил Гамаш.

– Классический пример – мать и дети. Некоторые матери видят свой долг в том, чтобы подготовить детей к жизни в большом старом мире. К независимости, к браку, к рождению собственных детей. К тому, чтобы самим выбирать место, где они будут жить так, чтобы чувствовать себя счастливыми. Это любовь. Другие же – и мы все их видим – вцепляются в своих людей. Переезжают в тот же город, в тот же квартал. Живут за их счет. Удушают их. Манипулируют ими, пытаются вызвать у них чувство вины, калечат их жизни.

– Калечат? Каким образом?

– Не учат их независимости.

– Но тут речь идет не только о матерях и детях, – сказал Гамаш.

– Верно. То же самое случается в дружбе. В браке. В любых личных отношениях. Любовь хочет для других лучшего. Привязанность берет в заложники.

Гамаш кивнул. Он видел себя участником этого. Заложникам не позволялось бежать, а когда они пытались, происходила трагедия.

– И последнее? – Он снова наклонился к Мирне. – Что там было?

– Безразличие и самообладание. Я думаю, что это худшие из близких врагов, самые губительные. Самообладание – это равновесие. Когда в нашей жизни случается что-то из ряда вон выходящее, мы остро переживаем, но у нас есть возможность преодолеть это. Вы наверняка сталкивались с подобными вещами. Люди так или иначе переживают смерть собственного ребенка или супруга. Я, как психолог, постоянно с этим сталкивалась. Это невероятная скорбь и печаль. Но люди где-то внутри себя находят опору. Она называется самообладанием. Это способность принять происходящее и двигаться дальше.

Гамаш кивнул. Семьи, сумевшие пережить смерть близкого человека, всегда вызывали у него сочувствие. Некоторые из них даже находили в себе силы простить убийцу.

– И чем это отличается от безразличия? – спросил он, не видя связи.

– А вы подумайте. Все эти стоические люди. Твердость духа. Спокойствие перед лицом трагедии. И у некоторых действительно хватает на это мужества. Но некоторые, – она еще больше понизила голос, – просто психически больные. Они вообще не чувствуют боли. И знаете почему?

Гамаш хранил молчание. Гроза налегала на окна, словно отчаянно хотела прервать их разговор. По стеклу молотил град, его залепляло снегом, скрывая из виду деревню, и наконец создалось впечатление, что они с Мирной остались одни в этом мире.

– Другие им безразличны. Они чувствуют не так, как остальные люди. Они как человек-невидимка: сверху человеческая одежда, а внутри – пустота.

Гамаш почувствовал, как мороз побежал по его коже, и знал, что она под рубашкой покрылась пупырышками.

– Проблема в том, чтобы отличить одно от другого, – прошептала Мирна, уставившись взглядом в месье Беливо. – Люди, наделенные самообладанием, отличаются необыкновенной храбростью. Они принимают боль в себя, полностью ощущают ее, а потом прощаются с ней. И знаете что?

– Что? – прошептал Гамаш.

– Внешне они такие же, как те люди, которым все совершенно безразлично. Сдержанные, спокойные и собранные. Мы почитаем это. Но вот кто отважен, а кто близкий враг?

Гамаш, согревшийся у камина, откинулся на спинку кресла. Теперь он

знал, что враг рядом.

Агент Лакост и Лемье уже уехали, и Бовуар остался один в оперативном штабе. Один, если не считать Николь. Она сидела ссутулившись за компьютером, ее одутловатое лицо было похоже на лицо мертвеца.

Часы показывали шесть. Пора. Он взял свою кожаную куртку и открыл дверь, но тут же быстро ее закрыл:

– Черт побери!

– Что?

Николь подошла к нему. Бовуар отодвинулся, приглашая ее действовать. Она подозрительно посмотрела на него, потом быстро распахнула дверь.

Ей в лицо ударил порыв ледяного дождя и чего-то еще. Она отпрянула назад, и Бовуар увидел что-то отскакивающее от пола. Град. Неужели это град, черт его подери? Распахнутую дверь раскачивало ветром, и когда Николь потянулась к ручке, то заметила, как в порывах ветра вихрится снег.

Снег, черт его побери?

Дождь, град и снег? Может, еще и лягушки начнут падать с небес?

И тут зазвонил телефон. Это был дребезжащий электронный звонок сотового. Звонок знакомый, но Бовуар не мог определить чей. Явно не его. Он посмотрел на Николь – кровь наконец-то прихлынула к ее лицу. Ее словно загримировал какой-то мстительный умелец из бюро похоронных услуг: на щеках и на лбу появились большие красные пятна. Все остальное оставалось мертвенно-бледным.

– Кажется, ваш телефон звонит.

– Это не мой. Вероятно, Лакост свой оставила.

– Ваш. – Бовуар подошел к ней. Он представлял себе, кто может ей звонить. – Ответьте.

– Это какой-то чужой номер.

– Если не ответите вы, то это сделаю я.

Он сделал шаг в ее сторону, и она отступила:

– Нет. Я отвечу.

Она медленно раскрыла телефон, явно надеясь, что звонок прекратится, прежде чем ей придется нажать кнопку. Но телефон продолжал звонить. Бовуар сделал еще шаг в ее сторону. Николь отпрыгнула, но недостаточно быстро. Бовуару удалось схватить телефон.

– Bonjour? – произнес он.

На линии – тишина.

В бистро почти никого не было. Поленья тихо потрескивали в камине, освещая комнату алым и янтарным светом. Здесь было тепло, уютно и тихо, если не считать ударов грома, когда гроза впадала в очередной приступ неистовства.

Бовуар вытащил из своей сумки школьный ежегодник.

– Замечательно, – сказал Гамаш, завладев им.

Он удобно устроился на стуле, надел очки, протянул руку к бокалу с вином и… исчез. Бовуар подумал, что никогда шеф не был счастливее, чем с книгой в руках.

Бовуар взял ломтик хрустящего французского батона, густо намазал его паштетом и съел. Снаружи ревел ветер. Внутри все было тихо и спокойно.

Несколько минут спустя дверь открылась, и порывом ветра внутрь занесло Жанну Шове. К ее лицу прилипли волосы и выражение ужаса. Гамаш поднялся и слегка поклонился ей. Она выбрала столик вдали от них.

– Готов поспорить на что угодно, что это Николь выгнала ее из гостиницы в грозу. Только она могла бы напугать женщину, которая умеет вызывать мертвых.

Принесли их заказ. Габри поставил суп из омара перед Гамашем и французский луковый перед Бовуаром.

Они принялись есть, продолжая разговор. Для Бовуара это была любимая часть любого расследования. Одна голова хорошо, а две – со старшим инспектором – куда лучше. Они обменивались мыслями, идеями. Ничего официального, никаких записей. Только мысли вслух. Под еду и выпивку.

– Что тебя здесь поразило? – спросил Гамаш, постучав пальцем по альбому.

Суп у него был густой, с насыщенным вкусом омара и приправленный коньяком.

– Мне показалось, что могут быть важны подписи под фотографиями.

– Ты имеешь в виду замечание про тюрьму «Тангуэй». Да, я тоже обратил внимание.

Гамаш снова открыл раздел с выпускными фотографиями. На сей раз он посмотрел на Хейзел. Перед тем как сфотографироваться, она явно сходила в салон красоты. Волосы уложены, глаза нарочито подведены. Подпись под фотографией гласила: «Хейзел любила спорт и драмкружок. Не стала мадам».

«Не стала мадам», – подумал Гамаш и спросил себя, не является ли это

примером пары «безразличие – самообладание». Какая девчонка не хочет стать красивой, полной достоинства женщиной?

Он перешел на страничку драмкружка. И увидел там Хейзел. Она улыбалась, обнимая такую же самодеятельную актрису с лицом, покрытым гримом. Под фотографией подпись: «Мадлен Ганьон в роли Розалинды в „Как вам это понравится“». Описание школьной постановки, удивительный успех – об этом написал режиссер-постановщик. Хейзел Ланг.

– Удивительно, как у Мадлен на все хватало времени. Спорт, драмкружок, – сказал Бовуар. – Она еще и в группу поддержки спортивной команды входила. – Он пролистал ежегодник, нашел нужную страницу. – Видите? Вот она.

И снова перед ними предстала Мадлен с улыбкой во все лицо и блестящими даже на черно-белой фотографии волосами. На всех короткие юбочки. Свитера в обтяжку. Все молодые, все красивые. Гамаш стал читать имена. Моника, Джоан, Мадлен, Жоржетт. Одной девушки на фото не было. Девушки по имени Жанна. Жанна Потвен.

– Ты обратил внимание на имя отсутствующей девушки из группы поддержки? – спросил Гамаш. – Жанна.

Он повернул альбом к Бовуару, потом посмотрел на одинокую женщину за столом.

– Неужели вы и вправду считаете… – Бовуар повел головой в том направлении.

– Случались и куда более странные вещи.

– Типа спиритических сеансов и призраков? Вы думаете, что она колдовством превратила себя из красавицы-болельщицы в это?

Они оба посмотрели на неприметную женщину, одетую в унылый свитер и брюки.

– «Я видел на камнях цветов прекрасных ряд и квазимод, что всем добро творят»[58], – продекламировал Гамаш, глядя на Жанну Шове.

В этот момент появился Оливье с их обедом. Бовуар остался доволен. Он не только получил свою еду, но и цитирование поэзии было пресечено. Бовуар устал делать вид, что понимает слова, смысл которых совершенно ускользал от него. От заказанного Гамашем coq au vin[59] над столом поднялся густой простецкий запах с неожиданным кленовым ароматом. Молодые нежные бобы и глазированные маленькие морковки были поданы отдельно на белом блюде. Перед Бовуаром поставили большой, приготовленный на углях стейк в луке, поджаренном на сковороде. На его сервировочном блюде лежала горка картошки фри.

Умри Бовуар в этот момент, он умер бы счастливым человеком, вот только оставалось еще съесть крем-брюле на десерт.

– Так кто, по-вашему, сделал это? – спросил Бовуар, хрустя картошкой.

– Женщина была такая обожаемая, что подозреваемым в ее убийстве нет конца, – сказал Гамаш. – Ее убил человек, имевший доступ к эфедре и знавший о спиритическом сеансе. Но убийца, вероятно, знал и кое-что еще.

– Что?

– Что у Мадлен Фавро было больное сердце.

Гамаш рассказал Бовуару об отчете коронера.

– Но никто из тех, с кем мы разговаривали, даже не заикнулся об этом, – заметил Бовуар, глотнув пива. – Может быть, убийца все же не знал об этом? Он думал, что достаточно будет дать ей эфедру и отвести в старый дом Хадли.

Гамаш подобрал подливку мягким теплым хлебом.

– Такое возможно.

– Но если у Мадлен была болезнь сердца, почему она держала это в тайне?

И какие другие тайны могла скрывать Мадлен и пыталась унести с собой в могилу вместе с предсмертным криком?

– Может быть, убийце просто повезло? – предположил Бовуар.

Но они оба знали, что, хотя успех этого убийства зависел от многих факторов, удачи в их числе не было.

Глава тридцать вторая

Жанна Шове сидела спиной к залу и пыталась делать вид, что ей нравится быть одной. Что она очарована теплым, веселым огнем. Что злые взгляды обитателей деревни – почти такие же буйные, как погода за окном, – ее не ранят и не шокируют. Она пыталась делать вид, что она здесь своя. Здесь, в Трех Соснах.

Когда ее маленькая машинка несколько дней назад спустилась по Дю-Мулен, Жанна Шове сразу же почувствовала себя как дома: деревня купалась в ярких лучах солнца, на деревьях завязывались почки, люди улыбались, вежливо кивали друг другу. Некоторые делали это даже так, как только что сделал Гамаш, – учтиво, на старинный манер, сохранившийся, кажется, только в этой волшебной долине.

Жанна Шове достаточно повидала мир – и этот, и другие, – чтобы узнать магическое место. Именно таким местом и были Три Сосны. Ей казалось, что она плыла всю жизнь в поисках земли и вот из воды возник остров. В ту ночь она лежала в кровати в маленькой гостиничке, завернувшись в хрустящие чистые простыни, а колыбельную ей пели лягушки в пруду. Тяжелые годы стали забываться. Это были годы не усталости, а именно тяжести, когда ее кости словно окаменели и тащили на илистое дно.

Но в ту ночь, лежа в кровати, она знала: Три Сосны спасли ее. С того момента, как почта доставила ей брошюру, Жанна позволила себе проникнуться надеждой.

Но потом, в ту пятницу, она увидела на спиритическом сеансе Мадлен, и ее остров ушел под воду, как Атлантида. Она снова погрузилась с головой.

Жанна отхлебнула принесенного Оливье крепкого, густого кофе, который благодаря сливкам приобрел темно-коричневый цвет, и притворилась, что местные жители, так расположенные к ней в первые дни после приезда, не стали каменными, холодными, жесткими и суровыми. Она почти что могла представить себе, как они надвигаются на нее с факелами в руках и ужасом в глазах.

А все из-за Мадлен. Есть вещи, которые не меняются. Жанна хотела одного – стать своей, а Мадлен всего лишь лишила ее этой возможности.

– Позвольте присоединиться к вам.

Жанна вздрогнула и подняла голову. Над ней возвышались Арман

Гамаш и Жан Ги Бовуар. На лице Гамаша гуляла дружеская улыбка, глаза смотрели по-доброму и задумчиво. Вид у второго полицейского был раздраженный.

«Он не хочет быть здесь со мной», – подумала Жанна, хотя и понимала, что не обязательно быть телепатом, чтобы сделать такой вывод.

– Прошу. – Она указала на мягкие стулья по обе стороны от камина, с теплой от огня потертой обивкой.

– Вы собираетесь пересаживаться еще куда-нибудь? – недовольно спросил Габри.

– Вечер только начался, patron, – улыбнулся Гамаш. – Позвольте предложить вам что-нибудь? – спросил он у Жанны.

– Я уже пью кофе, спасибо.

– Мы хотели заказать ликер. Вечер самый подходящий для ликеров.

Он кинул взгляд в сторону окна, в котором отражался теплый интерьер бистро. Старые рамы задрожали под очередным напором ветра, ровный стук по стеклу свидетельствовал о том, что град не закончился.

– Боже, – произнес Габри, – как мы можем жить в стране, которая так с нами поступает?

– Я возьму эспрессо, бренди и бенедиктин, – заказал Бовуар.

Гамаш посмотрел на Жанну. Почему-то в его обществе она чувствовала себя как со своим отцом или дедушкой, хотя старший инспектор был старше ее лет на десять, не больше. В нем было что-то старомодное, словно он принадлежал другой эре, другой эпохе. Она спросила себя, не трудно ли ему жить в этом мире. Но потом решила, что нет.

– Да, я бы хотела… – Она задумалась на секунду, обвела взглядом ряд бутылок на полке за стойкой бара. «Тиа Мария», «крем де мент», коньяк. Она снова повернулась к Габри: – Будьте добры, мне куантро.

Гамаш заказал ликер для себя, потом они поговорили о погоде, о Восточных кантонах, о состоянии дорог. Наконец подали заказанную выпивку.

– Вы всегда были телепатом, мадам Шове? – спросил Гамаш, когда Габри неохотно отошел от столика.

– Наверное, но только лет в десять я поняла, что не все видят мир так, как я.

Она поднесла маленькую рюмочку к носу и понюхала. Пахло апельсином, чем-то сладким и чем-то теплым. У нее от одного запаха глаза заслезились. Она поднесла рюмку с куантро к губам и увлажнила их вязкой жидкостью. Потом опустила рюмку и облизнула губы. Ей хотелось, чтобы

это продлилось. Вкусовые ощущения, запахи, виды. Общество.

– А как вы это поняли?

Как правило, она не говорила о таких вещах; впрочем, люди обычно об этом не спрашивали. Она помедлила и пристально взглянула на Гамаша. Потом заговорила:

– На дне рождения у подружки. Я осмотрела все завернутые подарки и сумела точно сказать, что они собой представляют.

– Ну, если бы вы промолчали, то ничего бы и не было, – сказал Гамаш и взглянул на нее внимательнее. – Но вы не промолчали, да?

Бовуар был немного раздражен тем, что шеф придает этому разговору такой парапсихологический поворот. Ведь в конечном счете это он, Бовуар, вроде бы родился в сорочке. После того как Николь со всех ног сбежала в гостиницу, он провел остаток вечера за компьютером в поисках информации об этой самой сорочке. Пока на мониторе не появилось нечто довольно жуткое на вид.

– Да, – сказала Жанна, – я прошлась по половине подарков, говоря, что` под каждой оберткой, но тут новорожденная расплакалась. Я до сих пор помню лица гостей. Все девочки, мои подружки, смотрели на меня, злые и расстроенные. А за ними – их матери с испугом на лице. После этого я уже никогда не была такой, как прежде. Думаю, я всегда видела скрытое, но считала, что и другие это видят. Нет, я не все видела. Выборочно. Но многое.

Она говорила бодрым тоном, но Гамаш знал, что` ей пришлось перенести. Он посмотрел на посетителей бистро, сидящих за ее спиной, – они мирно обедали. Но никто из них не подошел к Жанне. К этой чокнутой ясновидящей. Ведьме. Он знал, что они добрые люди. Но даже добрые люди боятся.

– Наверное, вам было нелегко, – сказал Гамаш.

– Другим бывало труднее. Поверьте мне, я знаю. Я не жертва, старший инспектор. И потом, я никогда, ни при каких ситуациях не теряю своих ключей. Вы про себя можете сказать такое?

Говоря это, она обращалась к Гамашу, но ее широкая улыбка чуть потускнела, когда она перевела взгляд на Жана Ги Бовуара. На ее лице было написано такое понимание, что он чуть не признался, что тоже никогда, ни при каких обстоятельствах не теряет ключей.

Он действительно родился в сорочке. Он позвонил матери и спросил у нее, и она, подумав немного, подтвердила это.

– Mais, Maman[60], почему ты мне никогда не говорила?

– Я стеснялась. Тогда это считалось позорным. Даже монахини в

больнице расстроились.

– Но почему?

– Ребенок, который родился в сорочке, либо проклят, либо благословен. Это означает, что ты наделен даром провидения.

– И я был наделен этим даром?

Задав этот вопрос, он почувствовал себя идиотом. Ведь кому, как не ему самому, знать об этом.

– Не знаю. Каждый раз, когда ты говорил что-то странное, мы не обращали на тебя внимания. Со временем это прекратилось. Извини, Жан Ги. Может, мы были не правы, но я не хотела, чтобы ты был проклят.

«Я или ты?» – чуть не спросил он.

– Но может, я был благословен, мама.

– Это тоже проклятие, mon beau[61].

Мать родила его в сорочке во всю голову. Это было нечто отделявшее его от мира. Оболочка, которая должна была остаться у его матери, но почему-то оказалась у него на голове. Такое случалось редко, расстраивало родителей, и по сей день, судя по данным исследований, люди верили, что те, кто рождается в сорочке, обречены вести необычную жизнь. Жизнь, в которой их преследуют призраки мертвых и умирающих. Жизнь, в которой они могут предугадывать будущее.

Может быть, поэтому он и работал в отделе по расследованию убийств? Может быть, поэтому он проводил целые дни с недавно убитыми и преследовал людей, которые создавали призраков? Более десяти лет он подшучивал над шефом, поддразнивал его, критиковал за то, что тот слишком уж полагается на интуицию. А шеф только улыбался и продолжал гнуть свое, тогда как Бовуар почитал лишь его величество факт, то, что можно почувствовать, подержать в руках и услышать. Теперь он не был так уж в этом уверен.

– Что вообще привело вас сюда? – спросил Гамаш у Жанны Шове.

– Я получила по почте брошюру. Три Сосны показались мне замечательными, к тому же мне требовался отдых. Кажется, я вам это уже говорила.

– Быть телепатом – это, наверное, утомительно? – вмешался вдруг в разговор Бовуар.

– Утомительно работать продавцом в автосалоне. Мне требовался отдых, и это место показалось мне идеальным.

Может, сказать им остальное? О надписи на обложке брошюры? Такую же брошюру Жанна видела в вестибюле гостиницы, но на ней никакой надписи не было. Неужели кто-то потратил время на эту странную надпись

на ее экземпляре брошюры, чтобы заманить ее в Три Сосны?

– А вы сами откуда? – спросил Гамаш.

– Из Монреаля. Там родилась, там и училась.

Гамаш протянул ей альбом:

– Вам это знакомо?

– Школьный ежегодник. У меня тоже есть такой, из моей школы. Сто лет в него не заглядывала. Наверное, уже потеряла.

– Мне послышалось или вы сказали, что ничего не теряете? – подколол ее Бовуар.

– Ничего такого, чего я не хочу терять, – улыбнулась она, возвращая Гамашу альбом.

– В какой школе вы учились? – спросил Гамаш.

– В школе Гарета Джеймса в Вердене. А что?

– Да так, кое-какие соображения. – Арман Гамаш неторопливо раскрутил коньяк в своем бокале. – Люди редко убивают людей, которых они не знают. В этом деле есть что-то такое…

Он не стал развивать свою мысль, не чувствуя в этом необходимости. Несколько секунд спустя Жанна заговорила.

– Оно говорит о близком знакомстве жертвы и убийцы, – тихо сказала она. – Нет, в нем есть еще кое-что. Избыточность персонажей.

Гамаш кивнул, продолжая смотреть в янтарную жидкость:

– В Страстную пятницу прошлое догнало Мадлен Фавро в старом доме Хадли. Вы вызвали к жизни что-то из этого прошлого.

– Это несправедливо. Меня пригласили на тот сеанс. Идея была не моя.

– Вы могли бы и отказаться, – сказал он. – Вы только что сказали, что знаете суть происходящего, ощущаете, предвидите. Неужели вы не чувствовали опасности?

Снаружи завывал ветер, а Жанна Шове вспоминала тот вечер в бистро. Кто-то предложил еще один спиритический сеанс. Кто-то предложил провести его в старом доме Хадли. И что-то изменилось. Это она почувствовала. В их веселый кружок прокрался страх.

Она тогда посмотрела украдкой на Мадлен, красивую, смеющуюся Мадлен, у которой был усталый и нервный вид. Мадлен даже не узнала ее.

Жанна обратила внимание на то, что сама идея провести спиритический сеанс в старом доме Хадли вызвала у Мад плохо скрываемое неприятие. И этого было достаточно. Жанна почувствовала, что, если вдруг на них с вершины холма понесется грузовик, Мадлен неизбежно станет жертвой.

Ей и в голову не пришло отказаться от второго сеанса.

Глава тридцать третья

– Ты разве не в мастерской должна быть? – спросил Питер.

Он налил еще кофе и направился к длинному сосновому столу в кухне. Он обещал себе, что будет молчать. И уж конечно, не станет напоминать Кларе, что время уходит. Ей совсем не хотелось слышать о том, что Дени Фортен приезжает уже через несколько дней. Чтобы увидеть ее все еще незаконченную картину.

– Он приедет меньше чем через неделю, – услышал Питер свой голос.

Он был словно одержимый.

Клара читала утреннюю газету. Первая страница была посвящена вчерашней жуткой грозе, которая повалила множество деревьев, перекрыла дороги и стала причиной нарушения энергоснабжения по всему Квебеку. А потом кончилась.

Рассвет был облачный, дождик все еще накрапывал. Снег и град к утру растаяли, и единственным свидетельством прошедшей грозы были обломанные ветки и полегшие цветы.

– Я уверен, ты сможешь. – Питер сел рядом с Кларой. Вид у нее был изможденный. – Но может, тебе нужно немного отдохнуть. Выкинь на время из головы эту картину.

– Ты рехнулся? – Она посмотрела на него. Ее темно-голубые глаза были воспалены, и он подумал, уж не плакала ли она. – Это мой шанс. У меня не остается времени.

– Но если ты сейчас пойдешь в мастерскую, то лишь еще больше напортачишь.

– Еще больше?

– Я не это хотел сказать. Извини.

– Боже, что мне делать?

Клара потерла руками свои усталые глаза. Она не спала бо`льшую часть ночи. Поначалу лежала в кровати, старалась уснуть. Когда из этого ничего не получилось, она погрузилась в размышления о картине. Она больше не знала, что с ней делать.

Неужели смерть Мадлен так расстроила ее, что она потеряла способность ясно мыслить? Это была удобная и утешительная мысль.

Питер взял ее маленькие руки в свои и обратил внимание, что они в синей краске. Она что, не мыла их со вчерашнего дня или уже успела поработать сегодня утром? Он инстинктивно попытался размазать краску

большим пальцем. Она была утренняя.

– Слушай, почему бы нам не устроить маленький званый обед? Можно было бы пригласить Гамаша и еще несколько человек. Он наверняка любит домашнюю готовку.

Произнеся это, он замолчал, пораженный жестокостью каждого отдельного своего слова и всех, вместе взятых. Сейчас Кларе меньше всего были нужны гости. Ей нельзя отвлекаться, ей нужно работой победить этот страх, ее сейчас нельзя трогать – пусть сидит у себя в мастерской. Приглашение гостей в такое время было бы настоящей катастрофой.

«Он что, спятил? – подумала Клара. – С картиной черт знает что, а Питер предлагает собрать гостей». Но даже если бы она утратила свой талант, свою музу, свое вдохновение, свое мужество, то одно она все же сумела бы сохранить – уверенность в том, что Питер хочет для нее только лучшего.

– Прекрасная мысль.

Клара попыталась улыбнуться. Ей было известно, что паника ни к чему хорошему не приводит. Она посмотрела на каминные часы. Половина восьмого. Прихватив с собой кофе, Клара позвала Люси, их золотистого ретривера, надела куртку, резиновые сапожки и шапку и вышла.

Воздух был свежий и чистый. А если не чистый, то хотя бы естественный. Пахло свежей листвой, деревьями, землей. И водой. И дымком. Запах у дня был прекрасный, но вид – как после сражения. Все молодые тюльпаны и нарциссы полегли. Клара наклонилась и подняла один из них, надеясь, что он откликнется на помощь. Но стоило его отпустить, как он снова упал.

Клара никогда особо не любила работать в саду. Вся ее творческая энергия уходила в искусство. К счастью, Мирна обожала ухаживать за садом, и, к еще большему счастью, своего сада у Мирны не было.

В обмен на еду и фильмы Мирна превратила скромный сад Клары и Питера в произведение садового искусства с клумбами роз и пионов, дельфиниумов и наперстянки. Но в конце апреля расцветать осмеливались только весенние луковицы – и вот что с ними теперь случилось.

Армана Гамаша разбудил слабый стук в дверь. Он посмотрел на часы, стоящие на прикроватной тумбочке, – они показывали десять минут седьмого. В его уютный номер проникал тусклый утренний свет. Он прислушался, и стук раздался снова. Гамаш вылез из-под одеяла, надел халат и открыл дверь. За нею стоял Габри, его густые темные волосы с одной стороны стояли торчком. Он был небрит, одет в потертый халат и

мягкие тапочки. У Гамаша возникло впечатление, что чем изящнее и утонченнее выглядел Оливье, тем более растрепанным становился Габри. Все в мире должно быть сбалансировано.

«Видимо, сегодня Оливье будет выглядеть особенно великолепно», – подумал Гамаш.

– Désolé[62], – прошептал Габри.

Он поднял руку, и Гамаш увидел в ней газету. Сердце у него упало.

– Только что принесли. Я подумал, что вам лучше ее увидеть, прежде чем ее увидит кто-либо еще.

– Кто-либо еще?

– Пока что ее видели только мы с Оливье. Больше никто.

– Вы очень добры, Габри. Merci.

– Я сварю кофе. Спускайтесь, когда будете готовы. Слава богу, хоть гроза закончилась.

– Вы так думаете? – улыбнулся Гамаш.

Он закрыл дверь, положил газету на кровать, принял душ и побрился. Взбодрившись, он посмотрел на газету – черные и серые всплески на белой бумаге. Гамаш принялся листать газету, спеша сделать это, прежде чем мужество оставит его.

И вот оно пожалуйста. Хуже, чем он предполагал.

Гамаш сжал челюсти так, что клацнули зубы. Он смотрел на фотографию и тяжело дышал. Его дочь Анни с мужчиной. Целуются.

«Анн Мари Гамаш со своим любовником мэтром Полем Мироном в офисе прокурора».

Гамаш закрыл глаза. Снова открыл, но фотография не исчезла.

Он прочел заметку один раз, другой. Заставлял себя читать медленно. Пережевывать, проглатывать и переваривать омерзительные слова. Потом посидел некоторое время, размышляя.

Через несколько минут он позвонил Рейн-Мари. Она еще спала.

– Bonjour, Armand. Который теперь час?

– Почти семь. Хорошо спала?

– Не очень. Как-то мне было неспокойно. А ты?

– То же самое.

– У меня неважные новости. Анри съел твои любимые тапочки. Точнее, одну из них.

– Шутишь! Он никогда не делал этого прежде. Интересно, с чего это вдруг?

– Он скучает без тебя, как и я. Он любит не разумом, но зато сильно.

– Надеюсь, ты не съела мою вторую тапочку?

– Так, обглодала немного по краям. Ты и не заметишь.

Последовала пауза, потом Рейн-Мари спросила:

– Что случилось?

– Еще одна статья.

Он представил ее на их кровати с простым пуховым одеялом, перьевыми подушками и чисто-белыми одеялами. Обычно она спала на двух подушках и натягивала одеяло на голое тело до самого подбородка. Не из стыдливости или застенчивости, а ради тепла.

– Что, очень плохо?

– Пожалуй. Про Анни. – Ему показалось, что он услышал глубокий вдох. – На фотографии она целуется с человеком, который представлен как мэтр Поль Мирон. Прокурор короны. Семейный.

– Как и она, – сказала Рейн-Мари. – Бедняжка Дэвид. Бедняжка Анни. Все это вранье, конечно. Анни никогда бы так не поступила с Дэвидом. Ни с кем бы так не поступила. Никогда.

– Согласен. А суть в том, что меня не обвинили в убийствах вместе с Арно, потому что я подложил Анни в постель прокурору.

– Armand! Mais, c’est épouvantable![63] Как они могут? Не понимаю, как человек может опуститься до такого!

Гамаш закрыл глаза и почувствовал пустоту в груди, там, где должна была находиться Рейн-Мари. Он всем сердцем хотел быть рядом с ней. Обнять, прижать к себе своими сильными руками. Почувствовать, как ее руки обнимают его.

– Арман, что нам делать?

– Ничего. Нам нужна выдержка. Я позвоню Анни и поговорю с ней. Вчера вечером я говорил с Даниелем. Он, похоже, воспринимает это нормально.

– Чего хотят эти люди?

– Чтобы я ушел в отставку.

– Почему?

– Это месть за Арно. Я стал символом позора, который постиг Квебекскую полицию.

– Нет, Арман, дело не в этом. Я думаю, ты стал слишком влиятельным.

Он повесил трубку и позвонил дочери – она тоже еще спала. Она выскользнула в другую комнату, чтобы поговорить с ним, потом услышала шаги Дэвида.

– Папа, я должна поговорить с Дэвидом. Позвоню тебе попозже.

– Мне очень жаль, Анни.

– Это не твоя вина. Боже мой, он идет вниз – там газета. Я побегу.

На мгновение Арман Гамаш представил себе сцену в доме дочери в монреальском квартале Плато-Мон-Руаяль. Дэвид, взъерошенный со сна и недоумевающий. Такой влюбленный в Анни. Анни, порывистая, амбициозная, полная жизни. И такая влюбленная в Дэвида.

Он сделал еще один звонок. Своему другу и начальнику Мишелю Бребёфу.

– Oui, allô, – раздался знакомый голос.

– Я тебя не разбудил?

– Вовсе нет, Арман. – Голос звучал приятно, дружески. – Я сам собирался позвонить тебе утром. Я читал вчерашние газеты.

– А сегодняшнюю утреннюю?

Последовала пауза, потом Гамаш услышал голос Мишеля:

– Катрин, газеты уже доставили? Oui? Ты не можешь принести их сюда? Одну минуту, Арман.

Гамаш услышал, как Бребёф шуршит листами газеты. Потом шуршание прекратилось.

– Mon Dieu. Armand, c’est terrible. C’est trop[64]. Ты говорил с Анни?

Она была крестной дочерью Мишеля и его любимицей.

– Только что. Она еще не читала. Сейчас разговаривает с Дэвидом. Все это, конечно, вранье.

– Думаешь, я в это поверил? – сказал Бребёф. – Конечно это ложь. Мы знаем, Анни никогда бы не завела роман. Арман, это становится опасным. Кто-нибудь поверит в это дерьмо. Может быть, тебе следует все объяснить.

– Тебе?

– Нет, не мне. Журналистам. На той первой фотографии ты был с Даниелем. Почему бы тебе не позвонить редактору и не объясниться с ним. Я уверен, что у тебя есть объяснение по поводу конверта. Кстати, что в нем было?

– В том конверте, который я дал Даниелю? Да ничего существенного.

Последовала пауза. Наконец Бребёф заговорил, на этот раз серьезным тоном:

– Арман, это была вуаль?

Гамаш рассмеялся:

– Как это ты догадался, Мишель? Именно вуаль. Старая семейная вуаль. Ее сделала моя бабушка.

Бребёф тоже рассмеялся, потом оборвал смех.

– Если ты не пресечешь эти инсинуации, они будут продолжаться. Созови пресс-конференцию, скажи всем, что Даниель – твой сын. Скажи им, что было в конверте. Скажи им про Анни. Какой от этого будет вред?

Какой будет вред?

– Эта ложь будет продолжаться, Мишель. Ты это знаешь. Это монстр, у которого бессчетное число голов. Отсечешь одну голову – появятся другие, более сильные и злобные. Если мы ответим, то они будут знать, что мы у них на крючке. Я этого делать не стану. И в отставку не подам.

– Ты говоришь как ребенок.

– Дети иногда говорят умные вещи.

– Дети упрямы и эгоистичны, – отрезал Бребёф.

Воцарилось молчание. Мишель Бребёф заставил себя сделать паузу. Досчитать до пяти. Создать впечатление, что думает. Потом он заговорил:

– Ты победил, Арман. Но может, позволишь мне поработать за кулисами? У меня есть кое-какие связи в прессе.

– Спасибо, Мишель. Буду тебе признателен.

– Хорошо. Давай работай. Сосредоточься на расследовании. Думай о деле и ни о чем не беспокойся. Я позабочусь об этих делах сам.

Арман Гамаш оделся и спустился вниз, погружаясь все глубже и глубже в аромат крепкого кофе. В течение нескольких минут он пил кофе, жевал круассан и разговаривал с Габри. Растрепанный Габри, теребя ручку кружки, рассказывал Гамашу о том, как решился сообщить о своей ориентации семье и коллегам по инвестиционному дому. Пока Габри говорил, Гамаш проникался пониманием того, что его собеседнику прекрасно известно, как чувствует себя Гамаш. Обнаженный, беззащитный, вынужденный стыдиться того, чего нет. И Габри исподволь давал понять Гамашу, что тот не один. Наконец старший инспектор поблагодарил Габри, надел резиновые сапоги и непромокаемый плащ и вышел прогуляться.

Накрапывал дождик, и все веселые весенние цветы полегли, как неопытные солдаты, погибшие в первом бою. Гамаш гулял уже двадцать минут, сцепив руки за спиной. Раз за разом обходил он тихую деревеньку, глядя, как она пробуждается, как зажигается свет в окнах, как выводят на прогулку собак, как из труб начинает идти дымок. Все было мирно и спокойно.

– Привет, – сказала Клара Морроу. Она стояла в своем саду в плаще, надетом на ночную рубашку, и с кружкой кофе в руке. – Оцениваю нанесенный ущерб. Вы свободны сегодня вечером? Мы хотим пригласить на обед несколько человек.

– Замечательно. Спасибо за приглашение. Не хотите присоединиться ко мне? – Гамаш показал на тропинку вокруг луга.

– С удовольствием.

– Как ваша работа? Я слышал, вы в скором времени ждете приезда Дени Фортена. – Увидев ее лицо, он понял, что зашел на опасную территорию. – Или мне не следовало об этом спрашивать?

– Нет-нет. Просто у меня не все получается. То, что несколько дней назад казалось таким ясным, внезапно стало мутным и путаным. Вы меня понимаете?

– Понимаю, – с горечью сказал он.

Клара посмотрела на него. Она часто казалась глуповатой, плохо сложенной в сравнении с другими. Только рядом с Гамашем она неизменно чувствовала себя нормальной.

– Какого мнения вы были о Мадлен Фавро?

Клара задумалась, собираясь с мыслями.

– Она мне нравилась. Очень. Впрочем, я ее толком не знала. Она недавно вступила в Общество женщин англиканского вероисповедания. Счастливица Хейзел.

– Это почему?

– Предполагалось, что в этом сентябре Габри уступит свой президентский пост Хейзел, но тут вмешалась Мадлен и сказала, что сама будет президентом.

– Это не огорчило Хейзел?

– Вы явно никогда не состояли в Обществе женщин-англиканок.

– Я не принадлежу к англиканской церкви.

– Это очень забавно. Мы проводим встречи и чаепития, а два раза в год – распродажи. Но организовать это чертовски трудно.

– Если это чертовски трудно, – улыбнулся Гамаш, – то за такое мог взяться только человек, на чьей душе смертный грех.

– Совершенно верно. Наше наказание – провести вечность в поисках волонтеров.

– Значит, Хейзел была рада избавиться от этого?

– Пребывала на седьмом небе. Не исключено, что именно для этого она и привела туда Мадлен. Они были хорошей командой, хотя так не похожи друг на друга.

– А почему?

– Понимаете, в обществе Мадлен вам всегда было хорошо. Она много смеялась и умела слушать. С ней хорошо было веселиться, но, если вы заболевали или оказывались в нужде, на помощь вам приходила Хейзел.

– По-вашему, Мадлен была неглубоким человеком?

Клара ответила не сразу:

– Мне кажется, Мадлен привыкла получать то, что ей нужно. Не

потому, что она была корыстной, просто так оно всегда происходило.

– Вы знали, что у нее был рак?

– Да. Рак груди.

– Вам известно, выздоровела ли она?

– Мадлен? – Клара рассмеялась. – Да она была здоровее вас или меня. Находилась в прекрасной форме.

– Она совсем не изменилась за несколько последних недель или месяцев?

– Изменилась? Нет, я так не думаю. Она мне казалась такой же, как и прежде.

Гамаш кивнул и продолжил:

– Мы полагаем, что вещество, которое ее убило, было подмешано в ее еду во время обеда. Вы не видели или, может, не слышали чего-нибудь необычного?

– В этой компании? Все нормальное у них вызвало бы тревогу. Но вы говорите, что ее убил кто-то за нашим обедом? Дал ей эфедру?

Гамаш кивнул.

Клара задумалась, вспоминая тот вечер. Принесли еду, разогрели, приготовили, расставили. Люди расселись. Раздали разные блюда.

Нет, все казалось естественным и нормальным. Ужасная мысль: кто-то сидевший за тем же столом отравил Мадлен. Но нельзя сказать, что Клару это удивило. Если это было убийство, то совершил его кто-то из них.

– Мы все ели одни и те же кушанья, сами себе накладывали еду. Может быть, яд предназначался для кого-то другого?

– Нет, – сказал Гамаш. – Мы отправили остатки еды в лабораторию – ни на одном блюде эфедры не обнаружено. И потом, вы сами накладывали себе еду, верно? Чтобы быть уверенным, что эфедра достанется именно Мадлен, убийца должен был подсыпать это вещество именно ей. Прямо в еду на ее тарелке.

Клара кивнула. Она видела руку, видела действие, но не человека. Она стала вспоминать людей, присутствовавших за обедом. Месье Беливо? Хейзел и Софи? Одиль и Жиль? Да, Одиль убивала стихи, но явно больше ничто не пало ее жертвой.

Рут?

Питер всегда говорил, что Рут – единственный знакомый ему человек, способный на убийство. Не она ли совершила убийство? Но ее даже не было на том спиритическом сеансе. Правда, может, ей и не обязательно было присутствовать.

– А сам сеанс не мог сыграть какую-нибудь роль? – спросила она.

– Мы полагаем, что сеанс был одной из составляющих. Как и эфедра.

Клара на ходу отхлебнула остывший кофе.

– Вот чего я не могу понять: зачем кому-то понадобилось убивать Мадлен именно тем вечером?

– Что вы имеете в виду? – спросил Гамаш.

– Зачем давать ей эфедру в разгар обеда? Если убийце нужно было сделать это во время сеанса, то почему он не действовал вечером в пятницу?

Этот вопрос не давал покоя и Гамашу. Зачем ждать до воскресенья? Почему не убить ее в пятницу вечером?

– Возможно, попытка была, – сказал он. – Вечером в ту пятницу ничего странного не случилось?

– Ничего более странного, чем общение с покойниками? Нет, ничего такого я не помню.

– А с кем обедала Мадлен?

– С Хейзел, насколько я помню. Нет, постойте, Мадлен не ездила обедать домой. Она оставалась здесь.

– Обедала в бистро?

– Нет, с месье Беливо. – Клара бросила взгляд на его дом, большой нескладный дом, обшитый вагонкой и выходящий на деревенский луг. – Он мне нравится. Он почти всем нравится.

– Почти, но не всем?

– Вы ничего не пропускаете мимо ушей? – рассмеялась она.

– Если я чего-то не замечаю или упускаю из виду, то эти вещи скапливаются, растут и забирают чью-то жизнь. Поэтому я стараюсь ничего не пропускать, – с улыбкой сказал Гамаш.

– Пожалуй. Единственный человек, который не симпатизировал месье Беливо, – это Жиль Сандон. Но Жиль Сандон и сам по себе личность. Вы его знаете?

– Он вроде работает в лесу, да?

– Изготовляет удивительную мебель. Но я подозреваю, что есть причина, почему он предпочитает работать с деревьями, а не с людьми.

– А как к нему относится месье Беливо?

– Мне кажется, он даже не замечает неуважительного отношения. Он такой обходительный и добрый. И на сеанс пошел, только чтобы составить компанию Мад. Я видела – ему это не нравится. Наверное, из-за того, что у него жена умерла.

– И он боялся, что она вернется?

– Может быть, – рассмеялась Клара. – Они очень любили друг друга.

– Думаете, он ждал ее появления на сеансе?

– Появления Жинетт? Его покойной жены? Никто из нас ничего не ждал. По крайней мере, в тот первый раз, в бистро. Это все было для забавы. И тем не менее он расстроился. Сказал потом, что плохо спал той ночью.

– Но на следующем сеансе все было иначе, – заметил Гамаш.

– Глупо было туда идти.

Она шла спиной к старому дому Хадли, но чувствовала на себе его взгляд.

Гамаш повернулся, ощущая, как где-то внутри его рождается холодок и охватывает все его существо, встречаясь с холодным влажным воздухом на коже. Он ощущал угрозу со стороны этого сооружения на холме, которое замерло, выжидая подходящего момента, чтобы напасть на него. Да нет же, все не так. Старый дом Хадли не нападает в прыжке. Он подкрадывается. Медленно. Почти незаметно. И в одно прекрасное утро ты просыпаешься, поглощенный его отчаянием и печалью.

– Когда тем вечером мы поднимались на холм, произошло нечто странное, – сказала Клара. – Мы двинулись в путь тесной группкой, разговаривали, но по мере приближения к дому разговоры почти прекратились, каждый шел сам по себе. Я думаю, этот дом создает одиночество. Я шла почти последней. За мной только Мадлен.

– Месье Беливо не шел рядом с нею?

– Не шел, как это ни странно. Он разговаривал с Хейзел и Софи. Они с Софи какое-то время не виделись. По-видимому, они дружат, потому что Софи за обедом села рядом с ним. Одиль, которая шла впереди, остановилась, и я прошла мимо нее. Потом я услышала, как они разговаривают с Мадлен у меня за спиной.

– Это было необычно?

– Не то чтобы так уж неслыханно, но у них было мало общего. Я не помню точно, что было сказано, однако у меня создалось впечатление, что Одиль хотела подольститься к Мад. Говорила, какая она красивая, как ее все любят. Я хотела услышать больше, но не смогла.

– Что вы думаете об Одиль?

Клара рассмеялась, но тут же оборвала смех:

– Извините. Это было не очень хорошо. Но каждый раз, думая об Одиль, я вспоминаю ее стихи. Не могу понять, зачем она их пишет. Как по-вашему, она считает, что пишет хорошие стихи?

– Трудно сказать, – ответил Гамаш.

И Клара почувствовала, как страх змеей обвился вокруг ее сердца,

снова проник в голову. Страх, что в искусстве она такая же пустышка, как Одиль. Что, если приедет Фортен и посмеется над ней? Он видел несколько ее работ, но, может, он был пьян или не в себе. Может, он видел работы Питера, а решил, что их написала Клара. Наверное, в этом все дело. Не могла ее работа понравиться великому Дени Фортену. Да и какая работа? Это несчастное незаконченное свидетельство ее никчемности?

– Одиль и Жиль давно вместе? – спросил Гамаш.

– Несколько лет. Они знают друг друга целую вечность, но сошлись только после его развода.

Клара замолчала.

– О чем вы задумались? – спросил Гамаш.

– Об Одиль. Вероятно, это нелегко.

– Что именно?

– У меня такое чувство, что она прикладывает массу усилий. Как какой-нибудь скалолаз, понимаете? Правда, не очень хороший. Цепляется изо всех сил и старается не показать, как ей страшно.

– Цепляется за что?

– За Жиля. Она стала писать стихи, только когда они сошлись. Я думаю, она хочет быть частью его мира. Мира творчества.

– А к какому миру принадлежит она?

– К рациональному миру. С фактами и цифрами. Она очень умело заправляет в магазине. Наладила там все ради него. Но похвал на сей счет слышать не желает. Она хочет слышать одно: что она великая поэтесса.

– Занятно, что она выбрала поэзию, тогда как рядом с ней живет одна из лучших поэтесс Канады, – сказал Гамаш, наблюдая за Рут, которая спускалась по ступенькам веранды, но внезапно остановилась, повернулась, наклонилась и снова выпрямилась.

– Я вышла замуж за одного из лучших художников Канады, – заметила Клара.

– Вы сравниваете себя с Одиль? – удивленно спросил Гамаш.

Клара не ответила.

– Клара, я видел ваши работы. – Гамаш остановился и посмотрел на нее, и, когда она заглянула в его темно-карие глаза, змея ослабила свои кольца, ее сердцу полегчало и мысли стали яснее. – Они блестящие. Страстные, открытые. Полные надежды, веры, сомнения. И страха.

– У меня много таких на продажу. Хотите какую-нибудь?

– Я теперь вполне кредитоспособен, спасибо. Но знаете что? – Он улыбнулся. – Все будет, как оно и должно быть, если мы будем стараться.

Рут стояла на газоне перед домом и смотрела вниз. Подойдя ближе,

Клара и Гамаш увидели двух крохотных птичек.

– Доброе утро, – сказала Клара.

Рут подняла глаза и хмыкнула.

– Как поживают детки? – спросила Клара и тут увидела все сама.

Маленькая Роза покрякивала, чистила клювом перышки и выставляла себя напоказ. Лилия стояла неподвижно, смотрела перед собой, и вид у нее был испуганный, как у той крохотной птички в старом доме Хадли. Гамаш подумал, не родилась ли она в сорочке.

– Превосходно, – сказала Рут, словно подначивая их возразить ей.

– Мы сегодня приглашаем народ на обед. Хочешь прийти?

– Я так или иначе собиралась. У меня виски кончился. Вы там будете? – спросила она Гамаша.

Он кивнул в ответ.

– Хорошо. Вы похожи на греческую трагедию. Я могу сделать заметки и написать стихотворение. Ваша жизнь наконец-то обретет смысл.

– Вы меня успокоили, мадам, – слегка поклонился Гамаш.

Когда они продолжили прогулку, он сказал:

– Я бы попросил вас пригласить еще кое-кого. Жанну Шове.

Клара продолжала идти, глядя перед собой.

– Что-то не так? – спросил он.

– Она мне не нравится, пугает меня.

Гамашу очень редко доводилось слышать такие слова от Клары. Старый дом Хадли, нависший над ним, казалось, увеличился в размерах.

Глава тридцать четвертая

Агент Изабель Лакост устала слоняться по лаборатории. Ее заверили, что данные по отпечаткам пальцев готовы. Просто они куда-то затерялись.

Она уже встретилась с Франсуа Фавро, бывшим мужем Мадлен. Он был великолепен. Мужчина средних лет прямо с обложки модного журнала. Высокий, красивый, умный. Достаточно умный, чтобы откровенно отвечать на ее вопросы.

– Да, конечно, я слышал о ее смерти, но мы давно не виделись. И мне не хотелось лишний раз беспокоить Хейзел.

– Даже для того, чтобы выразить сочувствие?

Франсуа подвинул свою кофейную чашку на полдюйма влево. Лакост обратила внимание, что ногти у него неровно обкусаны. Беспокойство находит выход тем или иным способом.

– Я ужасно не люблю такие вещи. Никогда толком не знаю, что сказать. Вот посмотрите.

Он взял с письменного стола какие-то бумаги и протянул ей. На них было нацарапано:

«Сочувствую вашей утрате, она оставила большую…»

«Хейзел, я хочу…»

«Мадлен была чудесным человеком, ее потеря…»

И все в таком роде на трех страницах. Незаконченные предложения, недосказанное сочувствие.

– Почему бы вам просто не сказать ей, что вы чувствуете?

Он уставился на Лакост с таким видом, что она сразу вспомнила мужа. Так он показывал свое раздражение. Для нее чувствовать и выражать чувства словами было легко. Для него – невозможно.

– Что вы подумали, узнав о том, что ее убили?

Лакост знала, что если люди не могут говорить о чувствах, то они, по крайней мере, могут говорить о своих мыслях, которые нередко соприкасаются с чувствами. И определяются ими.

– Я подумал, кто мог это сделать. Кто ненавидел ее с такой силой.

– И что вы чувствуете по отношению к ней теперь? – спросила Лакост тихим рассудительным голосом. Вкрадчивым голосом.

– Не знаю.

– Это правда?

Молчание затянулось. Было видно, что эмоции одолевают его, он

пытается сдержать их, пытается уцепиться за рациональную скалу своего разума. Но эта скала обвалилась, и он рухнул вместе с ней.

– Я люблю ее. Любил.

Он обхватил голову руками, вцепившись длинными тонкими пальцами в темные волосы.

– Почему вы развелись?

Франсуа потер лицо и посмотрел на агента Лакост затуманенным взглядом:

– Это была ее идея, но, думаю, я ее к этому подталкивал. Мне не хватало силы воли, чтобы сделать это самому.

– А почему вы хотели развода?

– Не мог больше это выносить. Поначалу все было замечательно. Она была такая красивая, сердечная, любящая. И успешная. За что бы она ни бралась, все у нее получалось. Она просто сияла. Это было все равно что жить рядом с солнцем.

– Оно ослепляет и обжигает, – сказала Лакост.

– Да. – Фавро явно испытал облегчение, услышав эти слова. – Находиться так близко к Мадлен было опасно.

– Вы действительно хотите знать, кто ее убил?

– Да, но…

Лакост ждала. Арман Гамаш научил ее терпению.

– Но я не думаю, что буду удивлен. Она не хотела обижать людей, но обижала. А если вас обидят очень уж сильно…

Необходимости заканчивать предложение не было.

По пути в Три Сосны Робер Лемье остановился перед кафе «Тим Хортон» в Кауансвилле, и теперь на столе для совещаний стоял ряд стаканчиков кофе и лежали пакетики с пышками.

– Вот это наш человек! – воскликнул Бовуар, увидев это, и хлопнул молодого полицейского по спине.

Лемье снискал еще большее расположение Бовуара, когда затопил древнюю чугунную плиту посредине комнаты.

Запахло картоном и кофе, сладкими пышками и сладким дымком.

Инспектор Бовуар объявил утреннее совещание открытым, как только появилась агент Николь, которая, как всегда, опоздала и была растрепана. Каждый выступил со своим докладом, а в заключение старший инспектор Гамаш пересказал им отчет коронера.

– Значит, у Мадлен Фавро было больное сердце, – сказал агент Лемье. – Убийца, вероятно, знал об этом.

– Не исключено. Коронер говорит, что тут сложилось три обстоятельства. – Бовуар подошел к подставке, на которой стояли листы бумаги большого формата. Он взмахнул фломастером, словно волшебной палочкой, и стал писать, озвучивая написанное: – Первое: очень большая доза эфедры. Второе: испуг во время спиритического сеанса. И третье: больное сердце.

– Почему ее не убили во время сеанса в пятницу? – спросила Николь. – Все эти три фактора присутствовали и тогда. Или по меньшей мере два из трех.

– Вот это-то я и пытался понять, – сказал Гамаш. Перед этим он молчал и слушал, попивая кофе. Пальцы у него были немного липкие от пышки с шоколадной глазурью. Он вытер их маленькой бумажной салфеткой и подался вперед. – Возможно, сеанс в Страстную пятницу был генеральной репетицией? Или прелюдией? Возможно, Мадлен сказала или сделала что-то, что привело к ее смерти два дня спустя? Связаны ли эти сеансы между собой?

– Если не связаны, то что-то уж слишком много совпадений, – заметил Лемье.

– Бога ради, – сказала Николь. – Не пытайся подхалимничать перед ним. – Она махнула рукой в сторону Гамаша.

Лемье промолчал. Он-то как раз и получил инструкции подхалимничать. Он умел делать это лучше всего и делал, как ему представлялось, очень тонко, но сейчас эта сучка поймала его на подхалимаже во время утреннего совещания. Его личина разумности и долготерпения рушилась под насмешкой Николь. Он презирал ее, и, если бы не его более важная цель, он бы ответил ей как надо.

– Слушайте, – продолжила Николь, игнорируя Лемье, – это же так очевидно. Вопрос не в том, чем они похожи, а в том, чем не похожи. Какие были различия между двумя этими сеансами?

Довольная собой, она откинулась на спинку стула.

Странно, но никто не вскочил с места, чтобы поздравить ее. Молчание затягивалось. Наконец старший инспектор Гамаш медленно встал и подошел к Бовуару:

– Позвольте?

Он взял фломастер и написал на листе бумаги: «В чем различие между двумя сеансами?»

Николь победоносно ухмыльнулась, а Лемье кивнул, но при этом судорожно сцепил руки под столом.

От Франсуа Фавро Изабель Лакост отправилась прямо в школу на Нотр-Дам-де-Грас – большое здание красного кирпича с датой «1867» на фасаде. Это сооружение совершенно не было похоже на ту школу, в которой училась Лакост. Ее школа была современная, большая. Французская. Но как только она вошла в старое здание, то сразу же вспомнила толкучку в коридорах своей школы. Пробираясь в потоке учащихся к своему шкафчику и при этом стараясь сохранить прическу (чтобы волосы аккуратно лежали или, наоборот, торчали во все стороны, в зависимости от последней моды), она ощущала себя байдарочником, который плывет по бурлящей горной реке.

Звуки были знакомые: гул голосов среди металла и бетона, скрип туфель по жесткому полу, – но в прошлое ее перенес именно запах. Запах книг, чистящего средства, завтраков, чахнущих и портящихся в сотнях шкафчиков. И запах страха. Этот запах был самым сильным в школе, даже сильнее запаха потных ног, дешевой парфюмерии и гнилых бананов.

– Я собрала для вас целое досье, – сказала миссис Плант, секретарь школы. – Когда училась Мадлен Ганьон, я здесь не работала. И вообще ни одного из тогдашних учителей или персонала в школе не осталось. Это ведь было тридцать лет назад. Но все наши архивы сейчас в компьютере, так что я распечатала ее табели успеваемости и нашла еще кое-какие сведения, которые могут вас заинтересовать. Включая и вот это.

Она положила руку на стопку ежегодников – этой извечной школьной библии.

– Очень мило с вашей стороны, хотя я думаю, что табелей будет достаточно.

– Но я вчера проторчала полдня в архиве, отыскивая эти альбомы.

– Спасибо. Они наверняка нам помогут.

Агент Лакост подхватила стопку альбомов, верхние из которых угрожали вот-вот свалиться, и вышла из кабинета вслед за миссис Плант. Коридоры начали заполняться, и в школе стоял невнятный гул: ребята окликали друг друга, устраивали свалки.

– У нас есть ее фотографии на стене, – сказала миссис Плант. – Вот здесь. Самые разные фотографии. А мне нужно возвращаться в кабинет. Вы как, донесете?

– Донесу. Спасибо за помощь.

Лакост медленно двинулась по коридору, разглядывая фотографии в рамочках на стене. Здесь были спортивные команды-победители и школьное начальство. А вот и юная Мадлен Фавро, урожденная Ганьон. Улыбающаяся, здоровая. Мадлен, у которой впереди долгая интересная

жизнь. Уворачиваясь от снующих туда-сюда учеников, агент Лакост спрашивала себя, каково это было для Мадлен – учиться в школе. Для нее эти коридоры тоже пахли страхом? Судя по ней, это было не так; правда, самые пугливые часто вовсе не кажутся пугливыми.

Гамаш снова сел на место и взял кофе. Все изучали новый список. Под заголовком «В чем различие между двумя сеансами» он написал:

Хейзел
Софи
Гости за обедом
Старый дом Хадли
Жанна Шове более серьезна

Старший инспектор пояснил, что в разговоре с ним экстрасенс сказала: к первому сеансу она не подготовилась, это был маленький сюрприз со стороны Габри, и она не отнеслась к нему серьезно. Подумала, что скучающие деревенские жители ищут каких-нибудь развлечений. Поэтому она представила им дешевую голливудскую версию. Глупую мелодраму. Но когда позднее кто-то рассказал ей про старый дом Хадли, а потом непонятно откуда возникла мысль об общении с мертвыми, она восприняла эту мысль серьезно.

– Почему? – спросил Лемье.

– Ты же не совсем дурак, – фыркнула Николь. – Считается, что старый дом Хадли населен привидениями. А она зарабатывает на жизнь общением с ними. Так?

Не обращая внимания на Николь, Бовуар поднялся и написал:

Свечи
Соль

– Что-нибудь еще? – спросил он.

Бовуару нравилось делать записи на доске. Всегда нравилось. Ему нравился запах фломастера. И скрежет, который он производил. И порядок, который он создавал из случайных мыслей.

– Ее заклинания, – сказал Гамаш. – Это важно.

– Верно, – подхватила Николь, широко раскрыв глаза.

– Для создания атмосферы, – пояснил Гамаш. – В этом состояло основное различие. Насколько я понимаю, сеанс в Страстную пятницу

лишь слегка испугал участников, но вечером в воскресенье царил настоящий ужас. Возможно, убийца пытался прикончить Мадлен вечером в пятницу, но сеанс оказался недостаточно пугающим.

– А кому пришла в голову идея о старом доме Хадли? – спросил Лемье и стрельнул взглядом в Николь, бросая ей вызов: попробуй-ка высмеять меня еще раз.

Но она только усмехнулась и покачала головой. Лемье почувствовал, как у него в груди вскипает ярость, поднимается вверх и клокочет в горле. Неприятно, когда тебя высмеивают, оскорбляют, обвиняют в подхалимаже. Но когда тебя отвергают с презрением – это вообще нестерпимо.

– Не знаю, – ответил Гамаш. – Мы задавали этот вопрос, но никто так и не вспомнил.

– Но если вы считаете, что ключ к разгадке кроется в перемещении в старый дом Хадли, то мы должны исключить Хейзел и Софию, – сказал Бовуар.

– Почему? – спросил Лемье.

– Потому что их не было в пятницу.

Наступило молчание.

– Но Софи – единственный человек, который присутствовал на втором сеансе и которого не было на первом, – сказала Николь. – Не думаю, что первый сеанс имел какое-то отношение к убийству. Мне кажется, что кому-то эта мысль пришла в голову позднее. И именно потому, что некто не присутствовал на первом сеансе.

– Но не присутствовала не только Софи, – сказал Лемье. – Ее мать тоже была лишь на втором.

– Однако она могла присутствовать на первом. Ее приглашали. Если бы она хотела убить Мадлен, то наверняка пошла бы.

– И возможно, именно поэтому она и появилась на втором сеансе, – сказал Гамаш. – В первый раз не получилось, так что нужно было принять меры, чтобы во второй все прошло как по маслу.

– И взяла с собой дочь? Да что вы! – Николь раскрыла блокнот и вытащила из него фотографию, которую сняла с дверцы холодильника в доме Смит. – Вот, посмотрите.

Она бросила фотографию на стол. Бовуар взял ее и передал Гамашу. На фотографии были запечатлены три женщины. Мадлен, изображенная посередине, повернула голову к Хейзел и глядела на нее с нескрываемой любовью. На Хейзел была какая-то смешная шляпка, ее счастливое и довольное лицо тоже выражало любовь. Она тоже была изображена в профиль и смотрела не в камеру, а на упитанную молодую женщину с

куском торта в руке, который она подносила ко рту. На переднем плане красовался именинный торт.

– Где вы это взяли?

– В доме Смит. Сняла с холодильника.

– Зачем? Что вас заинтересовало на этой фотографии? – Гамаш подался вперед и вперился в Николь внимательным взглядом.

– Лицо. На нем все написано.

Николь замолчала, ожидая, дойдет ли до остальных ее мысль. Увидят ли они, что Мадлен Фавро, такая красивая, улыбающаяся и внимательная, просто фальшивка? На самом деле никто здесь не был счастлив. Ей приходилось притворяться.

– Вы правы, – сказал Гамаш. Он повернулся к Бовуару. – Видишь? Вот ее? – И ткнул в фото своим большим пальцем.

Бовуар наклонился, разглядывая фотографию. Его глаза широко раскрылись.

– Это Софи. Девушка с куском торта – это же Софи.

– Только потолще, – кивнул Гамаш.

Он перевернул фотографию. На заднике была написана дата. Два года назад.

Всего за два года Софи Смит сбросила двадцать – тридцать фунтов?

В конце совещания зазвонил телефон Гамаша.

– Шеф, это я, – сказала агент Лакост. – Наконец-то получила отчет по отпечаткам пальцев. Мы знаем, кто проник в комнату в старом доме Хадли.

В Хейзел Смит словно что-то сломалось. Она, как кукла с вывихнутыми сочленениями, то мчалась на полной скорости, то замирала, а потом снова переходила на бег.

– У меня к вам несколько вопросов, мадам Смит, – сказал Бовуар. – И нам потребуется провести тщательный обыск. Вскоре сюда приедут несколько полицейских из Кауансвилла. У нас имеется ордер.

Он полез было в карман, но она отмахнулась, сказав:

– В этом нет необходимости, инспектор. Софи! Со-о-фи-и-и!

– В чем дело? – раздался раздраженный голос.

– У нас гости. Это опять полиция. – Она почти пропела эти слова.

Появилась Софи – она ковыляла по лестнице на костылях, нога ее была в тугой повязке. Судя по тому, как она морщилась, ей стало хуже. Бовуар подумал: а было ли вообще какое-то растяжение?

Он достал фотографию и показал обеим женщинам.

– Это со стороны холодильника, – сказала Хейзел, присмотревшись к

снимку.

Она снова утратила энергию; похоже, ей даже говорить было трудно. Голова ее опустилась, словно стала слишком тяжелой, и только чуть приподнималась, когда Хейзел делала вдох, а потом опять падала.

– Когда была сделана эта фотография? – спросил Бовуар.

– Очень давно, – ответила Софи и хотела взять снимок, но Бовуар отвел руку назад. – Лет пять или шесть, не меньше.

– Ты ошибаешься, детка, – сказала Хейзел. – Тут у Мадлен волосы длинные. Уже отросли. Это было года два назад.

– Это вы? – спросил Бовуар, показывая на упитанную девицу.

– Не думаю, – ответила Софи.

– Позвольте взглянуть, – сказала Хейзел.

– Да нет, мама, не стоит. Нога ужасно болит. Наверное, я ударила ее, спускаясь по лестнице.

– Бедняжка.

Энергия вернулась к Хейзел. Женщина ринулась к кухонному шкафу. Бовуар увидел множество пузырьков и последовал за Хейзел. Она отодвинула первый ряд пузырьков, принялась перебирать второй.

– Позвольте мне?

– Но Софи нужен аспирин.

Бовуар взял пузырек с полки. Низкодозированный аспирин. Он взглянул на Хейзел, которая с тревогой смотрела на него. «Она знает, – подумал он. – Знает, что дочь симулирует, а потому купила низкодозированный». Он дал таблетку Хейзел, потом натянул резиновые перчатки, тонкие, как пленка. Что-то говорило ему, что среди этой армии пузырьков найдется кое-что еще, кроме аспирина. Бовуар решил, что если родился в сорочке, то пора ему уже начать доверять своим инстинктам.

Десять минут спустя на столе перед ним стояла уйма пузырьков. Таблетки от головной боли, таблетки от боли в спине, таблетки от менструальных спазмов, таблетки от молочницы. Витамины. Даже пузырек с жевательными конфетами.

– Для деток, – объяснила Хейзел.

В шкафу не было, пожалуй, только одних таблеток, когда-либо выпускавшихся фармацевтикой, – эфедры.

Команда криминалистов из местной полиции уже приехала и принялась обыскивать дом. К сожалению, чтобы обыскать это хранилище всевозможного мусора, требовалось чуть ли не в десять раз больше полицейских. Дела обстояли гораздо хуже, чем предполагал Бовуар, а он был специалистом в предположении худшего.

Прошло два часа, и единственным важным событием, случившимся за это время, было исчезновение двоих полицейских. Позднее их нашли – они бродили по подвалу. Бовуар устроил себе перерыв и уселся на диван в столовой, притиснутый к серванту, который в свою очередь был притиснут к другому дивану. Не успел он сесть на диван, как тот подбросил его вверх. Отторг его. Бовуар попробовал еще раз, осторожно. На сей раз он почувствовал жесткие пружины, и у него создалось впечатление, что они сжимаются, чтобы снова вышвырнуть его. Он превратился в циркового клоуна.

Один из агентов позвал его наверх, и, когда Бовуар поднялся, ему был предъявлен медицинский пузырек.

– Где вы его нашли? – спросил Бовуар.

– В косметичке. – Агент кивнул на комнату Софи.

Бовуар услышал, как Софи, клацая костылями, быстро поднимается по лестнице, потом клацанье прекратилось, и раздались проворные шаги – Софи шагала через две ступеньки зараз.

– Что там? – раздался с другой стороны голос Хейзел.

Бовуар показал пузырек обеим женщинам.

– «Эфедра», – прочитала этикетку Хейзел. – Софи, ты же обещала!

– Заткнись, мама! Это не мое.

– Это было найдено в вашей косметичке, – сказал Бовуар.

– Я не знаю, откуда оно там взялось. Это не мое.

Она явно испугалась. Но говорила ли она правду?

Войдя в дом, Гамаш ощутил запах тостов и кофе. Здесь царили спокойствие и уют. Деревянные полы из широких досок были выкрашены в темно-янтарный цвет. Камин не горел, но Гамаш увидел пепел и почти догоревшее полено. Комната с ее большими окнами и стеклянной дверью, ведущей в садик позади дома, была веселой и светлой даже в такой пасмурный день. Мебель была старой и удобной, на стенах висели пейзажи и несколько портретов. Там, где не было картин, стояли книжные шкафы.

При других обстоятельствах Гамаш был бы не прочь проводить время в такой комнате.

– Комната, в которой убили Мадлен, была взломана два дня назад, – сказал Гамаш. – Мы знаем, что это сделали вы.

– Вы правы. Это я.

– Зачем?

– Я хотел, чтобы дом забрал и меня, – ответил месье Беливо.

Он четко изложил свою историю, потирая сухие руки, словно ему не

хватало человеческого прикосновения.

– Это было на следующий день после смерти Мадлен. Не знаю, приходилось ли вам терять любимого человека, старший инспектор, но человек чувствует себя при этом так, будто весь знакомый ему мир изменился. Еда приобретает другой вкус, дом перестает быть домом, даже друзья меняются. Как бы они вам ни сочувствовали, они не могут последовать за вами той дорогой, которой идете вы. Все казалось таким далеким, приглушенным. Я даже не мог понять, что мне говорят. – Он вдруг улыбнулся. – Бедные Питер и Клара. Они пригласили меня на обед. Наверняка они беспокоились обо мне, но не думаю, что я как-то помог им избавиться от тревоги за меня. Они хотели, чтобы я знал, что я не один, но я оставался один.

Он перестал тереть руки и крепко сжал их.

– Посреди обеда я вдруг понял, что должен умереть. Питер и Клара говорили о саде, о готовке и событиях этого дня, а я обдумывал, каким способом лучше себя убить. И наконец я понял. Я вернусь в тот дом, сяду один в этой комнате и буду ждать.

Ничто не шевелилось. Даже морские часы на каминной полке молчали, словно время остановилось.

– Я знал, что, если просижу достаточно долго, зло, обитающее в этом доме, найдет меня. И оно меня нашло.

– И что случилось? – спросил Гамаш.

– Появилось то, что убило Мадлен. – Месье Беливо произнес это без запинки, без смущения. Просто констатировал факт. Нечто из иного мира проникло в его мир, чтобы утащить его с собой. – Оно пришло по коридору. Я слышал, как его когти скребли по полу. Темнота стояла полная. Я сидел спиной к дверям, но знал, что оно здесь. Потом оно заверещало, как в тот вечер. Пронзительно закричало мне прямо в ухо. Я махнул рукой, чтобы его прогнать.

Он взмахнул над головой тонкими руками в сером шерстяном свитере, словно представляя себя в той комнате.

– А потом я побежал. С криком бросился вон из той комнаты.

– Вы предпочли жизнь, – сказал Гамаш.

– Нет. Просто я был слишком напуган, чтобы умирать. По крайней мере, умирать вот так. – Он подался вперед, уставился пронзительным взглядом в глаза Гамаша. – В этом доме есть что-то. И оно напало на меня.

– Больше его нет, месье. Вы его убили.

– Я? – Он откинулся на спинку стула, словно отброшенный этой мыслью.

– Это был птенец дрозда. Возможно, он испугался не меньше вашего.

Месье Беливо потребовалось несколько мгновений, чтобы понять смысл слов Гамаша.

– Значит, я был прав. То, что приносит смерть, находилось в этой комнате, – сказал он. – И это был я.

Глава тридцать пятая

– Мне нравится, как вы здесь все обустроили, – сказал Оливье, раскладывая салфетки и расставляя тарелки в оперативном штабе в здании старого вокзала.

Он поставил супницу на шкафчик под списком подозреваемых, с удовольствием отметив, что его имени там нет. И с еще большим удовольствием, что имя Габри в нем присутствует. Ему не терпелось сообщить приятелю эту новость. У Габри от страха волосы дыбом встанут.

Посредине стола для совещаний Оливье поставил горячую тушеную курицу с клецками.

Незадолго до этого старший инспектор зашел в бистро и попросил принести им ланч.

– Как поживает месье Беливо? – спросил у него Оливье.

Он видел, как Гамаш вышел из дома владельца магазина.

– Полагаю, ему бывало и лучше, – ответил Гамаш.

– И хуже. Я помню, каким он был после смерти Жинетт. Слава богу, Хейзел и Мадлен помогли ему вернуться к жизни. Всюду звали его с собой, в особенности в такие важные дни, как Рождество. Фактически спасли его.

Возвращаясь в оперативный штаб, Гамаш спрашивал себя, был ли Беливо благодарен им за это. И еще он думал, что Хейзел теперь осталась одна и, может быть, они сойдутся.

Вернувшись в здание старого вокзала, Гамаш увидел Бовуара, который только что вернулся из дома Хейзел, где проходил обыск. Через несколько минут из Монреаля приехала агент Лакост, и они расселись за длинным столом. Совещание было в самом разгаре, когда появился Оливье с ланчем.

Он не торопился уходить, но они не сказали при нем ни слова. Потом инспектор Бовуар проводил его до двери и плотно закрыл ее за ним. Оливье на мгновение приник ухом к холодному металлу, но ничего не услышал.

Впрочем, и слышать-то было нечего, кроме стука ложек по фарфору: полицейские набросились на суп из красной чечевицы и приправленных карри яблок, а потом – на тушенку.

– Доклады, – скомандовал Гамаш.

– Мы нашли эфедру, – ответил Бовуар, ставя пузырек на стол. – Сняли отпечатки и передали их в Монреаль.

Он уже сообщил об этом Гамашу, но теперь нужно было оповестить всю команду о находке и обыске.

– Софи Смит отрицает, что это ее пузырек, – продолжил Бовуар, – но ей придется признаться. Она сказала, что питала сильные, может, даже навязчивые чувства к Мадлен. И она лгунья. Не знаю, что у нее там с ногой, но, когда понадобилось, она припустила бегом, позабыв про свою щиколотку. Видели бы вы лицо ее матери.

– Она рассердилась из-за того, что дочь симулировала? – спросил Лемье.

– Господи, ну как можно быть таким глупцом? – сказала Николь, и Лемье посмотрел на нее с нескрываемой ненавистью.

– Агент Николь, я вас предупреждаю, – вмешался Гамаш.

– Нет, в самом деле, – гнула свое Николь. – О чем ты вообще думаешь? – обратилась она к Лемье, который сидел, вцепившись в стол. – Хейзел Смит была ошарашена, увидев, что у ее дочери есть пузырек с эфедрой, – медленно проговорила Николь, глядя в лицо Лемье. – Это расследование убийства, а не врачебный кабинет. Кого, на хрен, интересует ее щиколотка, кроме полного идиота?

– Хватит! Идемте со мной. – Гамаш встал и направился к двери, держа в руке пузырек.

Николь перехватила взгляд Лемье и дернула головой в сторону Гамаша:

– Он тебя звал, недоумок.

Лемье стал подниматься со стула.

– Агент Николь, – холодным и требовательным тоном произнес Гамаш.

Николь улыбнулась Лемье и, вставая, покачала головой.

– Лузер долбаный, – пробормотала она напоследок.

Оказавшись за дверью, она спросила:

– Что случилось, сэр?

Ее самоуверенность исчезла с потерей аудитории. Здесь их было только двое.

– Вы заходите слишком далеко. Вам придется уехать.

– Вы меня увольняете?

– Пока нет. Я посылаю вас в Кингстон позадавать вопросы о Софи Смит в Университете Куинс.

– В Кингстон? Так это же полдня пути. Я доберусь туда только вечером.

– Еще позднее. Вам придется по пути завезти это в лабораторию в Монреале. Результаты нужны мне завтра утром.

Николь уставилась на него и наконец сказала тихо:

– Мне кажется, вы совершаете ошибку, сэр.

Гамаш встретился с ней взглядом. Голос его звучал спокойно, размеренно, но Николь, чувствуя его напор, отступила на полшага.

– Я знаю, что делаю. Вы должны уехать. Сейчас.

Стоя у двери, он проводил ее взглядом. Всегда далекая от изящества, агент Николь шла по мосту, сутулясь, на ходу пиная камешки.

Гамаш вернулся в штаб. Без агента Николь тут стало светлее. Гамаш с удовлетворением отметил, что Лемье выглядит спокойнее.

Вместе с ланчем Оливье принес тарелку с шоколадным печеньем и финики на десерт. За кофе и десертом они выслушали историю месье Беливо.

– Он отправился туда умирать? – спросила агент Лакост, отложив печенину. – Как это печально.

«Печально. Опять это слово, – подумал Гамаш. – Бедный, печальный месье Беливо». Но неожиданно перед его мысленным взором возник не старый владелец магазина, а птенец. Его щебет усиливался страхом. Он был убит, потому что искал общества.

Настала очередь Лакост докладывать о ее путешествии в Монреаль.

– Секретарь школы дала мне вот это. – Она положила на стол две папки. – Табели успеваемости Мадлен и Хейзел. Просмотреть их я еще не успела. Мадлен стала настоящей легендой этой школы.

Бовуар взял папки, а Лакост нырнула под стол и появилась со стопкой ежегодных школьных альбомов в руках.

– Я не хотела брать, но она мне их всучила.

Она положила стопку на стол и снова взялась за печенье. Оно было нежное, домашнего приготовления, а вместо глазури покрыто воздушным зефиром.

– Вы говорили с бывшим мужем Мадлен? – спросил Гамаш.

– От Франсуа Фавро толку было мало. На развод подала Мадлен, но он признает, что вынудил ее к этому своим поведением. Еще он признал, что все еще любит ее, но он сказал, что жить с ней было все равно что жить рядом с солнцем. Это было прекрасно, но болезненно.

Они погрузились в молчание, ели, размышляли. Лакост думала о женщине, которую убили за то, что она была блестящей, Лемье думал о том, как бы убить Николь, Бовуар – о Софи, которая, вероятно, убила женщину, которую любила. А Арман Гамаш думал об Икаре.

Жан Ги Бовуар сидел за рулем, а Арман Гамаш смотрел в окно и старался не обращать внимания на выбоины, трещины и ямы на дороге. В некоторых из них вполне мог бы уместиться небольшой городок.

Он вернулся мыслями к расследованию.

У Софи Смит была эфедра. Софи присутствовала на втором сеансе, но не на первом, что может объяснить, почему именно тогда и произошло убийство. И она призналась в сильных чувствах к Мадлен. И было еще кое-что. Об этом ему сказала Клара сегодня утром. Гамаш поначалу не обратил внимания на ее слова, но они еще больше обвиняли Софи. Ему не давал покоя вопрос, как убийца подсунул эфедру в еду Мадлен. Клара и Софи поспешили занять место рядом с месье Беливо. Но при этом Мадлен оказалась рядом с Софи, которая предусмотрительно уселась между месье Беливо и Мадлен.

Зачем?

Этому могли быть два объяснения. Их отношения вызывали у нее такую неприязнь, что она в буквальном смысле решила вклиниться между ними. Или же она хотела иметь возможность подсунуть Мадлен эфедру.

Или и то и другое.

У нее был мотив и была возможность.

После ланча Гамаш вызвал патрульную машину, чтобы вести наблюдение за домом Смит. Действовать он не хотел, пока у него не будет доказательств того, что пузырек принадлежал Софи. Утром они ее арестуют.

А пока ему нужно было найти ответы на другие вопросы.

Он посмотрел на часы.

– Первые выпуски газет появятся через час, – сказал Бовуар. – Месье Беливо оставит один номер для нас.

– Merci.

– Я рад, что вы отослали Николь. Работать будет легче.

Гамаш не ответил, и Бовуар продолжил:

– Вы никогда не говорили мне о том, что произошло, после того как вы поняли, что представляет собой Арно. Кое-какая информация, конечно, стала известна в ходе суда. Но я знаю, что это не все.

Гамаш смотрел в окно на проплывающий мимо пейзаж. Деревья только-только начинали оживать. Он словно присутствовал при зарождении жизни на земле.

– Было созвано срочное заседание совета старейшин, – заговорил Гамаш.

Его глаза более не видели чудо рождения новой жизни, а лишь холодный зал совещаний в управлении Квебекской полиции. Приходили все новые и новые полицейские чины. Никто, кроме его самого и Бребёфа, не знал, для чего созвано совещание. Пьер Арно вежливо улыбался и

смеялся с суперинтендантом Франкёром, с которым они сидели бок о бок на вращающихся креслах.

– Я погасил свет и стал проецировать изображения на экран. Фотографии мальчиков из школьного альбома. Потом фотографии убитых. Чередовал одно и другое. Потом я зачитал показания свидетелей и результаты лабораторных исследований. Все пришли в замешательство. Пытались понять, к чему я веду. Потом все понемногу замолчали. Кроме Франкёра. И Арно.

Он видел эти голубые глаза. Холодные, как мрамор. Он чувствовал, как мысли мечутся от факта к факту в отчаянных попытках опровергнуть услышанное. Поначалу Арно чувствовал себя свободно, не сомневался в своей неприкосновенности, был уверен, что никто не сможет ни в чем его обвинить. Но собрание продолжалось, и он все больше проявлял беспокойство, неуверенность.

Гамаш хорошо проделал свою работу. Он работал над этим делом почти в течение года, втихую, в свободное время и по выходным. И наконец все возможные пути отхода для Арно были перекрыты, заблокированы, заперты и еще раз перекрыты.

Гамаш знал, что у него есть только один выстрел – это собрание старейшин. Если Арно уйдет отсюда, Гамаш и многие другие, включая Бребёфа, будут обречены.

Он представил свои факты, но при этом знал, что Арно может воспользоваться одним мощным оружием. Лояльностью. Полицейские скорее предпочтут умереть, чем проявить нелояльность друг к другу и к Квебекской полиции. Лояльность среди полицейских по отношению к Арно была велика.

И Арно победил.

Перед лицом фактов он признал себя виновным в подстрекательстве к убийству и в реальных убийствах. Но он убедил совет с учетом его положения и долгих лет службы не арестовывать его и двоих его подчиненных. Пока не арестовывать. Они просили дать им возможность привести в порядок дела, обеспечить свои семьи, попрощаться. А потом они отправятся в охотничий домик Арно в районе Абитиби и там покончат с собой.

Чтобы избежать постыдного для них судебного процесса. Чтобы избавить Квебекскую полицию от позора.

Гамаш яростно возражал против такой глупости. Но совет, который боялся Арно и боялся публики, принял другое решение.

К удивлению Гамаша, Пьер Арно вышел из управления свободным. По

крайней мере, на какое-то время. Но такой человек и за очень короткое время может принести много горя.

– И тогда мы взяли дело в Маттон-Бее? – спросил Бовуар.

– Да, как можно дальше от Монреаля, – признал Гамаш.

Он отправил из Монреаля Рейн-Мари и попросил своего приятеля Марка Бро из Монреальской полиции назначить полицейских для защиты его детей. После этого он на гидроплане отправился в Квебек-Сити, оттуда в Бе-Комо, а потом в Наташкуан, Харрингтон-Харбор и, наконец, в крохотную рыбацкую деревню на Маттон-Бее. И там он начал искать убийцу, а нашел себя. В занюханной столовой на скалистом берегу деревни. Там пахло рыбой, как свежей, так и жареной, и грубый, неотесанный рыбак, словно высеченный из скалы, сидевший в одиночестве за столом напротив него, посмотрел на Гамаша и улыбнулся, излучая такой неожиданный свет, что Гамаш тут же понял, что должен делать.

– И тогда вы уехали, – сказал Бовуар. – Вы вернулись в Монреаль. А потом я узнал, что все газеты только и пишут что об Арно и двоих его подчиненных.

«Вот она, ирония судьбы», – подумал Гамаш и постарался больше не смотреть на часы.

Гамаш тогда приехал в Абитиби и предотвратил самоубийство. Весь путь назад двое полицейских рыдали в пьяной истерике от облегчения. Но не Арно. Он сидел прямо между ними и смотрел на Гамаша в зеркало заднего вида. Едва войдя в охотничий домик, Гамаш понял, что Арно не имеет ни малейшего намерения кончать жизнь самоубийством. Остальные – да. Но не Арно. В течение четырех часов езды сквозь снежную бурю Гамаш выдерживал на себе этот взгляд.

Пресса объявила его героем, но Арман Гамаш знал, что он никакой не герой. Герой не стал бы колебаться. Герой не убежал бы.

– А как прореагировали в управлении, когда вы появились с Арно и другими? – спросил Бовуар.

– Прием был самый сердечный, – с улыбкой сказал Гамаш. – Совет был в бешенстве. Я поступил против их желания. Они обвинили меня в нелояльности. Что ж, я и был нелоялен.

– Ну, это как посмотреть. Лояльность по отношению к кому? Почему вы это сделали?

– Чтобы остановить убийства. Матери убитых заслуживали большего, чем молчание, – сказал Гамаш после некоторой паузы. – Та женщина племени кри, которую я встретил, и другие заслуживали публичного извинения, заверения в том, что такое не повторится. Кто-то должен был

выйти вперед и взять на себя вину за то, что случилось с их детьми.

Как и другие полицейские Квебекской полиции, Бовуар испытал чувство стыда и отвращения, когда узнал, что сделал Арно. Но Арман Гамаш частично искупил их вину, доказал, что не все квебекские полицейские олицетворяют собой зло. Подавляющее число полицейских всех рангов твердо и безоговорочно встали на сторону Гамаша. Как и большинство газет.

Но не все.

Некоторые обвинили Гамаша в том, что он мстит Арно. И даже пытались оболгать его, заявив, что он один из убийц и сфабриковал дело против популярного Арно.

Теперь эти обвинения зазвучали снова.

– Сколько сторонников Арно осталось в полиции? – деловито спросил Бовуар.

Это был не пустой вопрос. Бовуар собирал тактическую информацию.

– Я не хочу, чтобы ты ввязывался в это дело.

– Идите вы в жопу!

Жан Ги Бовуар никогда не позволял себе разговаривать с шефом в таком тоне, и их обоих поразили эти слова и их ярость.

Бовуар остановился у обочины:

– Как вы можете? Я так устал от этого. От того, что вы относитесь ко мне как к ребенку. Да, вы по званию выше меня. Да, вы старше и мудрее. Это так. Но настало время позволить мне встать рядом с вами. Прекратите отодвигать меня на задний план. Хватит!

Он с такой силой ударил руками по баранке, что чуть не сломал ее и почувствовал, как заныли кости. К ужасу Бовуара, у него на глазах выступили слезы. «Нет, это от боли в руках, только от боли в руках», – сказал он себе.

Но та клетка у него в груди опустела. Его любовь к Гамашу прорывалась наружу, грозила разорвать его на части.

– Выйди! – велел Гамаш.

Повозившись с ремнем безопасности, Бовуар сумел наконец выйти на дорогу. Дождь прекратился, сквозь тучи пробивалось солнце. Пробиться сквозь собственную оболочку пытался и Бовуар.

Гамаш твердо стоял на земле рядом с ним.

– Идите вы в жопу! – в голос закричал Бовуар.

Ему хотелось одного – выть во всю силу легких. Сжать кулаки, ударить что-либо или кого-либо и завыть. Вместо этого он зарыдал. Затоптался на месте, не видя ничего вокруг. Неизвестно, сколько это

продолжалось, но в конечном счете к нему вернулись чувства. Сначала он увидел свет, потом услышал щебет птиц, потом ощутил запах леса после дождя. Он постепенно пришел в себя, вернулся в этот мир. И увидел перед собой Гамаша. Старший инспектор не ушел. Не пытался утихомирить его, остановить. Утешить. Он дал Бовуару отрыдаться, отвыться, выпустить пар.

– Я просто хочу… – Голос Бовуара затих.

– Чего ты хочешь? – спокойно спросил Гамаш.

Солнце светило из-за спины старшего инспектора, и потому Бовуар видел только его очертания.

– Я хочу, чтобы вы мне верили.

– Мне кажется, это не все.

Бовуар чувствовал себя как выжатый лимон. Двое мужчин смотрели друг на друга. Капельки дождя, прилепившиеся к веткам деревьев, сверкали на солнце.

Гамаш очень медленно подошел к Бовуару и протянул руку. Жан Ги уставился на нее, большую и сильную. А потом увидел собственную руку (увидел так, словно это была чья-то чужая рука) – она поднялась и медленно опустилась. В руке шефа его собственная рука была тонкой, чуть ли не изящной.

– Я все знал с того момента, когда увидел тебя, рассерженного и огорченного, в хранилище вещдоков отделения на Труа-Ривьер, – сказал Гамаш. – Почему, ты думаешь, я взял тебя, когда ты не был нужен никому другому? Почему, ты думаешь, я сделал тебя моим заместителем? Да, ты талантливый следователь. Ты заточен на то, чтобы находить убийц. Но это не все. Между нами существует взаимопонимание, между мной и тобой. Взаимопонимание у меня существует со всеми членами команды, но наиболее полное – с тобой. Ты мой преемник, Жан Ги. Придет время – и ты займешь мое место. Я люблю тебя, как сына. И ты мне нужен.

У Бовуара жгло глаза и нос, он всхлипнул, и этот всхлип пустился вдогонку за теми, что уже унес ветер, словно эта эмоция была такая же естественная, как дерево.

Они обнялись, и Бовуар прошептал Гамашу на ухо:

– Я вас тоже люблю.

Потом они отпрянули друг от друга. Без смущения. Они были отец и сын. И вся зависть Бовуара к Даниелю исчезла, покинула его сердце.

– Вы должны сказать мне все.

Гамаш продолжал колебаться.

– Неведение меня не защитит.

И тогда Арман Гамаш сказал ему все. Рассказал об Арно, о Франкёре, о Николь. Бовуар слушал, ошарашенный.

Глава тридцать шестая

Одиль Монманьи была занята с клиентом, который размышлял о различиях между твердым и мягким соевым творогом. Пока она обслуживала посетителя, Гамаш и Бовуар бродили по магазину, разглядывали ряды упаковок с органической пищей, различными чаями и травами. В задней части помещения они нашли мебель, изготовленную Сандоном. Гамаш любил антикварные вещи, в особенности из квебекской сосны. Современная мебель часто вызывала у него недоумение. Но когда Гамаш смотрел на столы Жиля, на его стулья и табуретки, его миски и посохи, у него возникало ощущение, что он видит удивительную смесь старины и новизны. Дерево, казалось, было обречено принимать такие формы, словно оно росло сотни лет в лесах Квебека в ожидании, когда этот человек найдет его и использует таким вот образом. Но при этом дизайн был ничуть не похож на традиционный. Изделия были современные и смелые.

– Хотите что-нибудь купить? – спросила Одиль.

Гамаш почувствовал запах кислого вина, который не смогла перебить даже ментоловая жевательная резинка. Сочетание было отвратительным, и он с трудом сдержался, чтобы не отпрянуть.

– Я не прочь. Но пожалуй, не сегодня, – сказал он. – У нас, боюсь, есть еще несколько вопросов.

– Нет проблем. У нас сегодня тихий день. Большинство дней у нас тихие.

– Это дает вам возможность писать стихи.

Одиль оживилась:

– Вы знаете о том, что я пишу стихи?

– Да, мадам.

– Хотите, я прочту вам что-нибудь?

Бовуар попытался перехватить взгляд Гамаша, но тот сделал вид, что не замечает глазной гимнастики подчиненного.

– Сочту за честь, если для вас это не составит труда.

– Вот, садитесь сюда.

Она практически толкнула Гамаша на один из стульев Жиля. Старший инспектор ожидал, что раздастся громкий треск, стул под ним сломается и при этом на соответствующую сумму уменьшится его банковский счет. Но ничего такого не произошло. Стул, дерево и накопления Гамаша не

пострадали.

Одиль вернулась со своей затрепанной тетрадкой – Бовуар видел ее в прошлое свое посещение магазина: тогда Одиль захлопнула тетрадь на его глазах.

Она откашлялась, повела плечами, как боец перед схваткой.

За болото в сумерках понеслись
Зловещие облака, и мы идем,
Невзирая на ветер и дождь в лицо,
Я, моя любовь и я – втроем.

Вскрикнула чайка, согнулся камыш,
Но трое рука об руку мы идем,
Не сгибаясь под порывами ветра,
Я, моя любовь и я – втроем.

– Я назвала это стихотворение «Я, моя любовь и я».

Гамаш был слишком ошеломлен и не мог произнести ни слова, но тут Бовуар обрел голос:

– Это было замечательно. Я словно видел все это своими глазами.

И он не лукавил. Он уже привык слышать из уст Гамаша невнятные цитаты, в основном невразумительные, без малейшего намека на рифму, стихи Рут Зардо. В стихотворении Одиль, по крайней мере, был хоть какой-то смысл. Бовуар представлял себе птицу, слышал ее крик, видел дождь.

– Хотите, прочту еще?

– К сожалению, мне нужно задать вам несколько вопросов. – Гамаш похлопал ладонью по табуретке рядом с собой. – Как бы ни было заманчиво ваше предложение.

Одиль села, слегка пошатнувшись в попытке сохранить равновесие.

– Какого вы были мнения о мадам Фавро?

– У меня к ней не было претензий. Она иногда заходила сюда, но я не очень хорошо ее знала. Жаль, что она умерла. Вы знаете, кто это сделал?

– А вы?

Одиль задумалась.

– Наверное, это ее подружка. Хейзел. Всегда такая милая. Слишком уж милая. С ума от нее можно сойти. Она определенно среди подозреваемых. Хотя, вообще-то, может, именно она должна была стать жертвой. Вы уверены, что убили того человека, которого хотели?

– Вы разговаривали с Мадлен по пути в старый дом Хадли.

– Разве? – Умение Одиль лгать не превосходило ее умения слагать стихи.

– Разговаривали. Вас слышали.

– Мы болтали о всяких пустяках.

– Вы спорили, мадам, – тихо, но твердо произнес Гамаш.

Он смотрел на Одиль в профиль, видел ее подбородок, слабый и мягкий.

– Нет, мы не спорили, – возразила она.

Гамаш знал, что ему нужно лишь ждать и надеяться, что не явится новый клиент.

– Она пыталась заарканить Жиля, – сказала Одиль, и ее кислое дыхание ударило в нос Гамашу, словно она слишком долго держала эти слова в себе. – Я знаю, она этого хотела. Всегда ему улыбалась, всегда прикасалась к нему. – Подражая Мадлен, она прикоснулась к руке Гамаша. – Она хотела, чтобы он обратил на нее внимание, а он не обращал.

– Это правда? – спросил Гамаш.

– Конечно правда. Он любит меня.

Последнее слово она произнесла едва слышно. Ее рот остался открытым, из него потянулась длинная ниточка слюны. Из носа потекли сопли, из глаз – слезы. Ее лицо словно растворилось кислотой.

Пыталась ли Мадлен отбить Жиля у Одиль? Если так, то появлялись два мотива для убийства. Одиль могла убить ее как соперница, а месье Беливо – из ревности. Как там сказала Клара? Мадлен всегда получала то, что хотела. Но чего она хотела? Кого? Жиля или месье Беливо? Или ни того ни другого?

– О чем вы спорили тем вечером? – настойчиво спросил Гамаш.

– Я просила ее прекратить. Вас это устраивает? Вы удовлетворены? Я умоляла ее держаться подальше от Жиля. Она могла захомутать любого. Была такая красивая и умная. Все хотели быть с ней. Да и кто бы не захотел? Ну, кроме меня. Я знаю, что` люди обо мне думают. Что я глупая, скучная и умею только складывать и вычитать. Я любила Жиля всю жизнь, и наконец он выбрал меня. Меня. И я никому не собиралась его отдавать. Я умоляла ее оставить его мне.

– И что она ответила?

– Она все отрицала. Позволила мне выставить себя дурой, унизиться, а потом ей даже не хватило мужества признаться в том, какая она шлюха.

Когда они уходили, Гамаш пожал ее руку – та была скользкая и потная. Но именно так бывает, когда человек горюет. Бовуар умудрился улизнуть

без рукопожатия.

Жиля Сандона они нашли в лесной чаще. Двигались на звук топора, зашли на небольшой холм, перебрались через мертвое, полусгнившее дерево и увидели этого громадного человека, обтесывающего сваленное дерево. Несколько секунд они следили за мощными, изящными движениями громадных рук, которые поднимали древнее орудие и опускали его на дерево. Внезапно он прекратил работать, замер и повернулся прямо в их сторону. Несколько секунд он смотрел на них, а они – на него, потом Сандон помахал им.

– Вы вернулись! – крикнул он Бовуару.

– И привел с собой начальника.

Сандон направился к ним, ветки захрустели под его ногами.

– Здесь начальства нет, – сказал он Бовуару, потом оценивающим взглядом посмотрел на Гамаша. – Это про вас все газеты пишут?

– Про меня, – с улыбкой сказал Гамаш.

– Что-то вы не похожи на убийцу.

– А я и не убийца.

– И что, я должен этому верить?

– Вы можете верить чему угодно. Мне все равно.

Сандон хмыкнул, потом показал на пенек так, словно это было шикарное кресло.

– Вы, кажется, прежде были лесорубом, – сказал Гамаш, садясь на пенек.

– Да, в темные дни. Я больше этого не стыжусь. Я тогда многого не знал.

Но вид у него был смущенный.

– Чего же вы не знали? – спросил Бовуар.

– Я вам говорил. Деревья живые. Ну, то есть мы все знаем, что они живые, но все же не думаем о них как о живых. А они живые. Живое нельзя убивать, это неправильно.

– Как вы пришли к этому?

Сандон вытащил из кармана грязный носовой платок, протер лезвие топора, очистил его и принялся рассказывать:

– Я работал лесорубом на одной из здешних лесопилок. Каждый день ходил в лес с моей бригадой. Мы пилили деревья, привязывали их к трактору и тащили на волок, где их забирали. Работа каторжная, но мне нравилось. На свежем воздухе. Никакого тебе начальства.

Он подозрительно покосился на Гамаша. Его обветренное лицо

заросло рыжей седеющей бородой, глаза смотрели пристально, но как бы издалека.

– Как-то раз я пошел в лес с топором и услышал хныканье. Словно ребенок капризничал. Это было как раз в это время года. Лучшее время для валки леса. Но в это же время у зверей рождаются детеныши. Бригада лесорубов собиралась для работы, а хныканье становилось громче. Потом я услышал визг. Я крикнул ребятам, чтобы они прекратили работать. Хныканье перешло в крик. Он был повсюду. Да и ощущение возникло какое-то неприятное. Я всегда чувствовал себя в лесу как дома, но внезапно мне стало страшно. «Я ничего не слышу», – сказал один из парней и снова ударил по дереву. И опять раздался крик. Об остальном вы можете догадаться. За один день что-то изменилось. Я изменился. Стал слышать деревья. Наверное, я всегда мог слышать их радость. Именно поэтому и чувствовал себя таким счастливым в лесу. Но теперь я слышал и их ужас.

– И что вы сделали?

– А что я мог сделать? Что бы вы сделали? Я должен был остановить это. Остановить убийства. Вы можете себе представить, что это такое – рубить лес, который кричит от боли?

Бовуар мог, в особенности если бы крик продолжался весь день.

– Но деревья в основном помалкивают. Просто хотят, чтобы их оставили в покое, – продолжал Жиль. – Забавно: я научился свободе у существ, которые корнями сидят в земле, на одном месте.

Гамаш подумал, что в этом есть резон.

– Меня уволили, но я бы все равно не остался. В тот день я вошел в лес лесорубом, а вышел кем-то совершенно иным. Мир для меня в тот день изменился. И уже не мог быть прежним. Моя жена пыталась меня понять, но не сумела. В конечном счете она ушла от меня вместе с детьми. Вернулась в Шарльвуа. Не стоит ее винить. Для меня это стало облегчением. Она все время говорила мне, что деревья не разговаривают, не поют и, уж конечно, не кричат. Но это не так. Мы жили в разных мирах.

– А Одиль – она живет в вашем мире? – спросил Бовуар.

– Нет, – признал Жиль. – Вообще-то, я еще не встречал человека, который жил бы в одном мире со мной. Но она принимает это. Не пытается меня изменить или убедить в том, что я ошибаюсь. Принимает меня таким, какой я есть.

– А Мадлен?

– Она была чем-то прекрасным и экзотичным. Это как если бы вы вошли в здешний лес и увидели там пальму. Она привлекает ваше внимание.

– У вас был с ней роман? – напрямик спросил Бовуар.

Гамаш предпочел бы более деликатную форму, но такой уж у Бовуара был стиль.

– Нет. Мне было достаточно восхищаться ею издалека. Пусть я и говорю с деревьями, но я же не сумасшедший. Я ее не интересовал. И она меня по большому счету не интересовала. Так, фантазии какие-то были, но они не имели никакого отношения к действительности.

«Любопытно, что` именно Сандон называет действительностью», – подумал Бовуар.

– Почему вам не нравится месье Беливо? – спросил Гамаш.

Сандону потребовалось несколько секунд, чтобы мысленно от Мадлен перейти к худосочному владельцу магазина. Он посмотрел на свои громадные руки, поскреб мозоль.

– На его земле рос великолепный дуб. В него ударила молния, и громадная ветка откололась и повисла. Я слышал, как дуб плачет, и попросил разрешения удалить ветку, помочь дереву. Беливо отказался.

– Почему? – спросил Бовуар.

Жиль посмотрел на него:

– Сказал, что я убью все дерево, удаляя ветку. Я признал, что такой риск есть, но сказал ему, что дерево страдает и для него будет лучше, если оно выздоровеет или быстро умрет.

– Но он вам не поверил?

Жиль отрицательно покачал головой:

– Это дерево умирало целых три года. Я слышал, как оно плачет, умоляя о помощи. Я просил Беливо позволить мне помочь этому дубу, но он и слышать ничего не хотел. Он считал, что дереву становится лучше.

– Он не знал, – сказал Гамаш. – И боялся.

Жиль пожал плечами, отвергая эту мысль.

– А то, что он встречался с Мадлен, не повлияло на ваше отношение к нему? – спросил Гамаш.

– Он должен был ее защитить. Должен был защитить это дерево. Он хоть с виду и великодушный, но на самом деле плохой человек.

Гамаш попытался вспомнить, как назвал себя месье Беливо. Вот как: то, что приносит смерть. Сначала его жена, потом Мадлен, потом этот птенец. И дерево. Живые существа вокруг месье Беливо умирали.

Они немного помолчали, вдыхая сладковатый, плесневелый запах влажных сосен, осенних листьев и новых почек.

– И вот я прихожу сюда, нахожу мертвые деревья и превращаю их в мебель.

– Даете им новую жизнь, – сказал Гамаш.

Сандон посмотрел на него:

– Сомневаюсь, что вы умеете слышать деревья, или как?

Гамаш наклонил голову, прислушиваясь, потом отрицательно покачал ею. Сандон кивнул.

– А здесь есть деревья гинкго? – спросил Бовуар.

– Встречаются. Хотя и не такие старые, как секвойи. А секвойи бывают и тысячелетние. Вы можете это себе представить? Люблю с ними разговаривать. Гинкго столько не живут. Но это одно из старейших известных деревьев. Доисторическое еще. Считается живым ископаемым. Вы только представьте.

На Гамаша это произвело впечатление. Сандон много знал о гинкго. О древних деревьях гинкго, из которых получали эфедру.

Они вернулись в оперативный штаб, и Гамаш увидел на своем столе аккуратно сложенную газету. Было пять часов, Робер Лемье работал за своим компьютером. Когда они вошли, он поднял голову и помахал им. Он посмотрел на газету, словно выражая сочувствие Гамашу.

Гамаш потянулся за газетой, и Жан Ги Бовуар встал рядом с шефом. Гамаш вспомнил виденный им как-то документальный фильм из жизни диких горилл. Когда возникала опасность, они бежали в сторону того, от кого исходила угроза, кричали, били себя в грудь. Но время от времени они прикасались к горилле, стоящей рядом. Чтобы убедиться, что они не одни.

Бовуар был такой гориллой рядом с ним.

На первой странице газеты была фотография Гамаша с дурацким выражением на лице – глаза полузакрыты, рот искривлен в странной гримасе.

«SOÛL!» – утверждала подпись прописными буквами под фотографией. «Пьян!»

– Да вы, оказывается, пьющий шантажист и сутенер-убийца, – сказал Бовуар.

– Человек эпохи Возрождения, – откликнулся Гамаш, покачивая головой.

Но он испытал облегчение. Первым делом он пробежал статью – нет ли там упоминаний о Даниеле, Анни, Рейн-Мари. Но нашел только два имени – свое и Арно. Они были навсегда связаны, словно один не мог существовать без другого.

Он стал звонить близким и следующие полчаса разговаривал с ними, убеждался, что все в порядке. Насколько оно могло быть в порядке в такой

ситуации.

Когда они с Бовуаром, неся папки и классные ежегодники, возвращались в гостиницу, Гамаш понял, что они живут в странном мире, где хорошим считается день, когда его обвиняют всего лишь в пьянстве и некомпетентности.

Глава тридцать седьмая

В первый раз за двадцать пять лет Клара Морроу заперла двери своей мастерской. Они ждали Оливье и Габри. Арман Гамаш и его инспектор Жан Ги Бовуар только что появились. Мирна пришла еще раньше, принесла картофельную запеканку с мясом и громадную композицию из цветов, веток с почками и чего-то похожего на чепец.

– Там подарок для вас, – сказала она Гамашу.

– Правда?

Он понадеялся, что она не имеет в виду чепец.

Клара провела Жанну Шове в гостиную, где собрались все. Гамаш перехватил взгляд Клары и с благодарностью ей улыбнулся. Она улыбнулась ему в ответ, но ему показалось, что у нее усталый вид.

– У вас все в порядке? – Он взял у нее поднос с выпивкой и поставил на обычное место – на пианино.

– Немножко волнуюсь. Пыталась работать сегодня днем, но Питер правильно сказал: лучше не насиловать себя, если муза прилегла отдохнуть. К счастью, мне удалось сосредоточиться на обеде.

Но по виду Клары можно было сказать, что ей проще отгрызть себе ногу, чем присутствовать на этом обеде.

Оливье взял у Габри керамическое блюдо с паштетом домашнего приготовления; вообще-то, именно Габри собирался предлагать гостям паштет, но он предпочел стоять у камина и разговаривать с Жанной.

– Паштет? – предложил Оливье Бовуару, и тот, взяв большой ломоть французского батона, густо намазал его паштетом.

– Говорят, что вы колдунья, – сказал Габри Жанне, и в комнате воцарилась тишина.

– Я предпочитаю слово «виканка», но в общем вы правы, – обыденным тоном произнесла Жанна.

– Паштет? – спросил Оливье, радуясь тому, что у него есть за что спрятаться. Жаль, что они не привели лошадь.

– Спасибо, – сказала Жанна.

Появилась Рут и, громко топая, вошла в гостиную, где царила оживленная атмосфера. Бовуар воспользовался этим отвлечением, чтобы поговорить с Жанной наедине.

– Агент Лемье заезжал в вашу школу, – сказал он, отводя ее в тихий уголок.

– Правда? Как интересно.

Впрочем, судя по ее виду, ей было ничуть не интересно.

– Оно и в самом деле было интересно. Школы не обнаружилось.

– Как это?

– В Монреале нет школы Гарета Джеймса.

– Но это невозможно! Я там училась!

Она казалась взволнованной – именно в таком состоянии подозреваемые устраивали Бовуара больше всего. Эта женщина, эта ведьма не нравилась ему.

– Та школа сгорела двадцать лет назад. Удобно, не правда ли?

Он встал, прежде чем она ответила.

– Где моя выпивка? – Рут похромала к пианино. – Торопилась добраться сюда, прежде чем вы всё выпьете, – сказала она Гамашу.

Оливье только порадовался тому, что в комнате наконец появился кто-то более злобный, чем Габри.

– Я попрятал бутылки по всему дому, и если вы, мадам Зардо, будете со мной милы, то я, возможно, сообщу вам, где часть из них, – сказал Гамаш, слегка поклонившись.

Рут подумала, потом, вероятно, решила, что это будет для нее затруднительно. Она схватила стакан для воды и протянула его Питеру:

– Виски.

– И как только ты умудряешься писать стихи? – спросил Питер.

– Я тебе скажу как: не трачу попусту слова на таких, как ты.

Она взяла у Питера стакан и сделала большой глоток.

– Так почему вы пьете? – спросила она у Гамаша.

– Voyons[65], – вмешался Бовуар. – Эта статья – сплошная ложь. Он не пьет.

– Какая еще статья? – спросила Рут. – И что тогда это? – Она показала на бокал с виски в руке Гамаша.

– Я выпиваю, чтобы расслабиться, – сказал Гамаш. – А вы?

Рут уставилась на него, но перед ее мысленным взором были только два птенца, засунутые в их маленькие кроватки в духовке, завернутые в теплые полотенца с грелками, купленными ею в «Канэдиан тайр». Она накормила Розу и попыталась накормить Лилию, но та почти ничего не съела.

Рут осторожно поцеловала их в маленькие пушистые головки, почувствовала на своих тонких старых губах вкус перьев. Она давно никого не целовала. Они были такими свежими и теплыми. Лилия нагнулась и тихонько клюнула ее в ладонь, словно целуя в ответ. Рут собиралась прийти

к Морроу раньше, но дождалась, когда уснут Роза и Лилия. Она схватила свой кухонный таймер, поставила его на два с половиной часа и сунула его в карман своего траченного молью кардигана.

Она сделала большой глоток виски и задумалась над этим вопросом. Почему она пьет?

– Я пью, чтобы не свихнуться, – сказала она наконец.

– Не свихнуться или не рехнуться? – пробормотала Мирна. – Так или иначе, все равно ничего не поможет.

На диване Габри снова взял в окружение Жанну:

– Чем занимаются колдуньи?

– Габри, ты собираешься угощать людей?

Оливье попытался всучить ему блюдо с паштетом, но Габри взял себе ложку и оставил Оливье с блюдом.

– Мы исцеляем людей.

– Я думал, что вы делаете ровно противоположное. Разве нет злых колдуний?

– Не дай бог, если его стараниями мы окажемся в Стране жевунов, – пробормотал Оливье Питеру, и оба отошли от дивана.

– Некоторые есть, но их не так много, как вы думаете, – улыбнулась Жанна. – Колдуньи – это такие же люди, только с более чуткой интуицией.

– Значит, никакой магии тут нет, – сказал Бовуар, который невольно слышал разговор.

– Мы не вызываем ничего такого, чего бы уже не было рядом. Просто мы видим вещи, которых не видят другие.

– Например, покойников? – спросил Габри.

– Ну, это ерунда, – заявила Рут. Оттолкнув в сторону Мирну, она уселась на диван и выставила в стороны костлявые локти. – Я их все время вижу.

– Правда? – удивилась Мирна.

– Я вижу их и теперь, – сказала Рут, и в комнате воцарилась тишина.

Даже Питер и Оливье вернулись к дивану.

– Здесь? – спросила Клара. – В нашем доме?

– В особенности здесь, – ответила Рут.

– Сейчас?

– Вон там. – Рут указала пальцем на Гамаша.

Все затаили дыхание, а Гамаш посмотрел на Бовуара.

– Покойник? Он покойник? – прошептала Клара.

– Покойник? Мне послышалось «полковник». А, не берите в голову, – сказала Рут.

– Как она умудряется писать стихи? – спросил Питер у Оливье, и они вдвоем снова отошли, чтобы посмотреть последнюю головоломку Питера.

– Так кто это сделал? Вы уже знаете, кто убил Мадлен? – спросила Рут. – Или вы были слишком заняты – раздавали людям взятки и пили, а до работы так руки и не дошли?

Бовуар открыл было рот, но Гамаш поднял руку, заверяя его, что это шутка.

– Мы не знаем, но уже приближаемся к разгадке.

Для Бовуара такое заявление оказалось неожиданным, однако он успешно скрыл удивление.

– Вы все знаете, что у нее был рак? – спросил Гамаш.

Все стали переглядываться и кивать.

– Но это было давно, – сказала Мирна.

Гамаш подождал, не выскажется ли кто-либо еще, потом решил, что должен яснее сформулировать вопрос.

– И вам всем было известно, что у нее продолжается ремиссия?

Все встревожились и снова начали переглядываться в поисках ответа, как это делают добрые друзья, понимающие друг друга без слов.

– Ни о чем другом я не слышал, – сказал Питер, и все с ним согласились.

Гамаш и Бовуар переглянулись. Разговор завязался снова, и Питер отправился в кухню – проверить, готов ли обед.

Гамаш последовал за ним и увидел, что Питер помешивает тушеную баранину. Тогда Гамаш взял французский батон и хлебный нож и выжидательно посмотрел на Питера, который благодарно ему улыбнулся.

Они принялись тихо работать вдвоем, прислушиваясь к разговору в соседней комнате.

– Говорят, завтра наконец-то будет хорошая погода, – сказал Питер. – Солнечная и теплая.

– Апрель всегда такой, правда? – подхватил Гамаш, нарезая батон и раскладывая ломтики на деревянном блюде, покрытом салфеткой.

Приподняв салфетку, он увидел характерную обработку дерева. Явно творение Сандона.

– Вы хотите сказать, непредсказуемый? – уточнил Питер. – Трудный месяц.

– Сегодня солнечно и тепло, а завтра – снег, – согласился Гамаш. – Шекспир сказал об этом так: «блеск обманчивый апрельских дней»[66].

– Я предпочитаю Т. С. Элиота. «Самый жестокий месяц»[67].

– Почему вы так говорите?

– Все весенние цветы гибнут. Это происходит почти каждый год. Их обманом выманивают на свет божий, они расцветают. И не только весенние луковицы, но и почки на деревьях. Розовые кусты, всё. Все они пробуждаются к жизни и радуются. И вдруг – раз, и снежная буря всех убивает.

У Гамаша возникло такое чувство, будто они говорят вовсе не о цветах.

– Ну а чего бы вы хотели? – спросил он Питера. – Они должны расцветать, хотя бы на короткое время. И они вернутся на следующий год.

– Но не все. – Питер повернулся к Гамашу, не замечая, что с деревянной ложки капает густая подливка. – Некоторые погибают совсем. У нас был великолепный розовый куст. Несколько лет назад он только-только начал давать почки, и тут сильный мороз убил его.

– «Мороз нагрянет, – процитировал Гамаш. – Изгложет корни, и падет он так же, как и я»[68].

Питер задрожал.

– Кто падет, Питер? Клара?

– Никто не падет. Я этого не допущу.

– Странное канадское свойство: мы постоянно говорим о том единственном, что не в состоянии контролировать. О погоде. Мы не можем остановить мороз, не можем воспрепятствовать цветам делать то, что им предназначено. Если такова твоя природа, то лучше уж расцвести хоть на мгновение, чем всю жизнь прятаться.

– Не согласен.

Питер повернулся спиной к гостю и принялся так активно перемешивать мясо, что чуть не превратил его в пюре.

– Извините. Я не хотел вас обидеть.

– Вы меня ничуть не обидели, – сказал Питер в стену.

Гамаш отнес нарезанный батон на длинный сосновый стол, подготовленный для обеда, и вернулся в гостиную. Он подумал, что Элиот назвал апрель самым жестоким месяцем не потому, что он убивает цветы и почки на деревьях, а, напротив, потому, что он чего-то не делает. Как трудно приходится тем, кто не цветет, когда вокруг все дышит новой жизнью и надеждой.

– Давайте-ка без всяких задних мыслей, – сказал Оливье.

– Он почти никогда не говорит такое, – заверил Габри Клару и взял одну креветку с блюда, которое пытался всучить ему Оливье, чтобы Габри

предлагал угощение гостям.

– Ведь Пасха – не христианский праздник? – спросил Оливье.

– Христианский, – ответила Жанна. Эта маленькая невзрачная женщина каким-то образом сумела доминировать в комнате, где было немало сильных личностей. Она сидела в углу дивана, затиснутая между подлокотником и Мирной, и все глаза были устремлены на нее. – Но ранняя церковь не знала точно, когда был распят Христос, а потому выбрала дату, которая выпадала на день одного из языческих ритуалов.

– Зачем им это понадобилось? – спросила Клара.

– Ранней церкви, чтобы выжить, нужно было привлекать язычников. Время было опасное и хрупкое. Чтобы победить язычников, церковь приняла некоторые их праздники и ритуалы.

– Церковные благовония сродни нашим травам для окуривания, – согласилась Мирна. – Когда мы поджигаем пучки сухих трав, чтобы очистить место.

Она посмотрела на Клару, и та кивнула ей. Но это был утешающий ритуал, полный радости, он не имел ничего общего с размахиванием кадилом, угрюмым и смутно угрожающим. Мирна никогда не считала, что между двумя этими ритуалами есть что-то общее, и теперь подумала: что бы сказали священники, услышав такое сравнение? Или колдуньи.

– Верно, – кивнула Жанна. – То же самое и с праздниками. Мы иногда называем Рождество йолем[69].

– Да, в некоторых рождественских сказках, – сказал Габри.

– А еще есть йольское бревно, – вспомнил Оливье.

– Йолем в древности называли праздник зимнего солнцеворота. Самая длинная ночь в году. Двадцать первого декабря. Это языческий праздник. И на эти же дни ранняя христианская церковь решила назначить Рождество.

– Чтобы его праздновали несколько десятков ведьм? Да бросьте вы! – фыркнула Рут. – По-моему, вы хотите казаться важнее, чем на самом деле.

– Категорически нет. Церковь долгие века не интересовалась нами, разве что в качестве топлива для костра, как вам известно.

– Что значит это ваше «как вам известно»?

– Вы много раз писали о старых верованиях. Эта тема присутствует в ваших стихах.

– Вы приписываете им то, чего в них нет, Жанна д’Арк, – сказала Рут.

Жанна процитировала, глядя в глаза Рут:

Меня повесили за то, что я жила одна,
за то, что я голубоглазая и загорелая,

И да, еще за груди.
Как только разговор о демонах заходит,
все это пригождается.

– Вы хотите сказать, что Рут – ведьма? – спросил Габри.

Жанна оторвала взгляд от высохшей старухи, которая сидела выпрямившись, будто кол проглотила.

– Викане верят, что большинство старых женщин – хранительницы мудрости, целительских знаний и всяких историй.

– Рут практикует вискультизм. Это идет в счет? – спросил Габри, вызвав взрыв смеха.

Улыбнулась даже Жанна.

– В древние времена большинство людей были язычниками и отмечали праздники на старый манер. Йоль и Пасха. Весеннее равноденствие. Вы практикуете ритуалы? – спросила Жанна у Мирны.

– Кое-какие. Мы празднуем солнцестояние и делаем окуривание. Это что-то вроде сборной солянки из языческих и индейских верований.

– Это кошмар, – проворчала Рут. – Я была на двух таких. Кончилось тем, что от меня потом несло шалфейным дымом. Люди в аптеке решили, что я накурилась.

– Иногда магия действует, – с улыбкой сказала Мирна Кларе.

– Обед! – крикнул Питер из кухни.

Они переместились в кухню, где Питер уже расставил тарелки и блюда с тушенкой и овощами. Клара и Бовуар зажгли свечи, расставленные по всей кухне, и, когда все уселись на свои места, ощущение было такое, что они находятся в планетарии, под темным небом с точками светящихся звезд.

Тарелки были щедро наполнены тушеной бараниной, картофельной запеканкой с мясом, свежим хлебом, взбитым картофельным пюре и молодыми бобами. Все принялись уплетать угощение и болтать о садах и о грозе, об Обществе женщин англиканского вероисповедания и о состоянии дорог.

– Я пригласила и Хейзел, но она сказала, что они не смогут прийти, – сообщила Клара.

– Она почти всегда отказывается, – сказала Мирна.

– Правда? – удивился Оливье. – Я что-то этого не замечал.

– И я тоже, – сказала Клара, отправляя в рот ложку пюре. – Правда, теперь я вспоминаю, что, когда мы хотели устроить обед после смерти

Мадлен, Хейзел и слышать об этом не хотела.

– У некоторых людей такой характер, – пожала плечами Мирна. – Они всегда с радостью помогают другим, но сами принимают помощь с трудом. Вообще-то, это плохо. Она, наверное, ужасно переживает. Даже представить не могу, как ей больно.

– И под каким предлогом она отказалась прийти сегодня? – спросил Оливье.

– Сказала, что Софи растянула связки, – ответила Клара, нахмурившись.

За столом раздался хохот, и Клара объяснила Гамашу:

– Софи всегда больна или травмирована. По крайней мере, сколько я ее знаю, всегда так было.

– А вы что об этом думаете? – спросил Гамаш у Мирны.

– О Софи? Она любит быть в центре внимания. Завидует матери и Мадлен… – Она замолчала, поняв двусмысленность своих слов.

– Не беспокойтесь, – сказал Гамаш. – Мы это уже и сами поняли. А еще Софи не так давно похудела.

– Тонны веса сбросила, – подтвердил Габри. – Но она тут как на качелях. То наберет вес, то сбросит, а потом опять наберет.

– Может, это наследственное? – спросил Гамаш. – У Хейзел тоже проблемы с весом?

Они все опять переглянулись, кроме Рут, которая тем временем украла ломоть хлеба с тарелки Оливье.

– Сколько я ее помню, Хейзел всегда такой оставалась, – сказала Клара.

Гамаш кивнул и пригубил вино.

– Превосходный обед, Питер. Спасибо.

Он поднял стакан, и Питер кивнул в ответ, принимая благодарность.

– Вообще-то, я был уверен, что у нас сегодня будет куропатка, – сказал Оливье Питеру. – Разве не куропатка твое фирменное блюдо в этом году?

– Но вы же не гости, – ответил Питер. – Мы готовим куропатку только для настоящих гостей.

– Я думаю, ты хотел угодить Рут, – предположил Оливье.

– На самом деле мы собирались приготовить корнуэльских кур, но подумали, что ты теперь не станешь их есть из-за своих деток, – сказал Питер, обращаясь к Рут.

– Это ты о чем?

Похоже, Рут действительно была сбита с толку, и Гамаш подумал, уж не забыла ли она, что ее утята все же не человеческие детеныши, не ее

настоящие детки.

– Так ты не возражаешь, если мы будем есть птицу? – спросил Питер. – И даже утку? Мы собирались приготовить барбекю – confit du canard[70].

– Роза и Лилия не цыплята. И не утки, – возразила Рут.

– Не утки? – спросила Клара. – Кто же они?

– Наверное, летающие обезьяны, – сказал Габри, повернувшись к Оливье, и тот хмыкнул.

– Они канадские гуси.

– Ты уверена? Они такие маленькие, в особенности Лилия, – сказал Питер.

Все прикусили язык, и сиди Клара поближе к мужу, она непременно лягнула бы его. Вместо этого она пнула Бовуара. «Еще один пример скрытой англосаксонской ярости, – подумал он. – Не могу им доверять. И пинком на пинок не ответишь».

– Ну и что? Она всегда была маленькой, – сказала Рут. – Когда они вылупились, она и из скорлупы сама не могла выбраться. Роза уже гуляла и покрякивала, а Лилия билась в скорлупе, но не могла ее сломать.

– И что вы сделали? – спросила Жанна.

Как и все остальные, она была освещена лишь пламенем свечей, но если другие при этом становились привлекательнее, то ее лицо приобретало демоническое выражение, глаза казались ввалившимися и темными, тени ложились гуще.

– А что, по-вашему, я могла сделать? Разбила скорлупу. Раскрыла яйцо так, чтобы она могла выбраться.

– Ты спасла ей жизнь, – заявил Питер.

– Возможно, – сказала Жанна, откинувшись на спинку стула и почти исчезая в тени.

– Что значит «возможно»? – спросила Рут.

– Павлиноглазка.

Это слово произнесла не Жанна – Габри.

– Скажи мне, что ты не говорил «павлиноглазка», – потребовала Клара.

– А вот и говорил. И на то были основания. – Габри помолчал, убеждаясь, что все слушают его. Он мог не сомневаться: слушали. – Чтобы павлиноглазка развилась из яйца во взрослую особь, требуется несколько лет. На своей последней стадии гусеница наворачивает на себя кокон и превращается внутри его в однородную массу, которая потом вновь преобразуется. Она становится чем-то совершенно иным. Громадной

павлиноглазкой. Но не все так просто. Прежде чем начать жить, ей нужно выбраться из кокона. Удается это не всем.

– Удалось бы, будь я рядом, – сказала Рут, глотнув виски.

Габри не ответил, что было для него совсем нехарактерно.

– Что? Что такое? – забеспокоилась Рут.

– Им необходимо самим выбраться из кокона. Так они усиливают крылышки и мышцы. Борьба за жизнь – вот что их спасает. Без этого они обречены. Если ты помогаешь павлиноглазке, тем самым ты ее убиваешь.

Стакан Рут замер у ее губ. Такое случилось впервые за все то время, что ее знали. Потом она поставила стакан на стол с такой силой, что струйка виски взметнулась в воздух.

– Вранье! Что ты можешь знать о природе?

Наступило молчание.

По прошествии долгой минуты Арман Гамаш обратился к Мирне:

– Прекрасная цветочная композиция. Кажется, вы сказали, что в ней есть что-то для меня.

– Есть, – с облегчением откликнулась она. – Но вам придется это поискать.

Гамаш поднялся и осторожно развел ветки. И в этом лесу увидел книгу. Вытащил ее и сел.

– «Словарь магических мест», – прочел он название.

– Последнее издание.

– Неужели обнаружились какие-то новые магические места, не известные прежде? – спросил Оливье.

– Похоже. Я видела, какую книгу вы вчера читали в бистро, и подумала, что вам и эта будет интересна, – сказала Мирна Гамашу.

– А что вы читали? – спросила Клара.

Гамаш вышел в прихожую и, вернувшись с книгами, которые принес с собой, положил их на стол. Сверху оказалась книга с изображением маленькой руки в красной окантовке на черном кожаном переплете. Никто не потянулся к этой книге, не взял ее.

– Где вы ее нашли? – спросила Жанна с расстроенным видом.

– В старом доме Хадли. Вам знакома эта книга?

«Что-то она не торопится отвечать», – подумал Гамаш. Жанна протянула руку, и он передал ей книгу. Несколько секунд она рассматривала книгу, потом положила ее на стол.

– Это хамса. Древний символ против зависти и сглаза. Его еще называют «рука Мириам». Или «рука Марии».

– Марии? – переспросила Клара, медленно вернувшаяся на свой

стул. – Девы Марии?

Жанна кивнула.

– Ерунда, – сказала Рут.

Она стирала капельки пролитого виски пальцем, а потом обсасывала его.

– Вы не верите в магию? – спросила Жанна.

– Я не верю в магию, я не верю в Бога. Никаких ангелов не существует, и в углу сада не прячутся феи. Ничего этого нет. Вот единственная магия. – Она подняла стакан и сделала большой глоток.

– И как, действует? – спросил Гамаш.

– Иди в жопу! – ответила Рут.

– Как всегда, красноречиво, – заметил Габри. – Я прежде верил в Бога, а потом стал верить в Великий пост.

– Ухохочешься, – сказал Оливье.

– Хотите знать, во что верю я? – спросила Рут. – Ну-ка, дайте мне это.

Впрочем, она не стала ждать, сама потянулась ко второй книге и схватила ее со стола. Это была потрепанная Библия, которую Гамаш взял в старом доме Хадли. Рут прищурилась и, пытаясь найти нужную страницу, поднесла Библию поближе к свече. Комната погрузилась в тишину, слышно было лишь, как шипят свечные фитили. Наконец Рут принялась читать голосом, потрепанным, как и Библия в ее руках:

– «Говорю вам тайну: не все мы умрем, но все изменимся вдруг, во мгновение ока, при последней трубе; ибо вострубит, и мертвые воскреснут нетленными, а мы изменимся»[71].

Все сидели, погрузившись в молчание.

«Мертвые воскреснут нетленными».

И в это время заработал таймер в кармане Рут.

Глава тридцать восьмая

Гамаш никак не мог уснуть. Часы на прикроватной тумбочке показывали 2:22. Он лежал без сна и следил за сменой ярко-красных цифр с того момента, как часы показали 1:11. Его разбудил не дурной сон, не тревога, не полный мочевой пузырь. Его разбудили лягушки. Квакши. Армия невидимых лягушек у пруда бо`льшую часть ночи исполняла брачные песни. Он надеялся, что за час они угомонятся, но этого явно не случилось. В сумерках кваканье звучало радостно, после обеда – волшебно. А в два часа ночи оно просто раздражало. Все, кто говорит, что за городом тишь да гладь, не жили там толком. В особенности весной.

Гамаш встал, надел халат и тапочки, взял стопку книг с туалетного столика и направился вниз. Там он разжег огонь в камине, приготовил себе чай и сел. Глядя на огонь, он размышлял о сегодняшнем обеде.

Рут ушла сразу же, как только сработал ее таймер, напугавший всех до смерти. Она только что закончила читать этот необыкновенный отрывок из Послания апостола Павла к Коринфянам. «Сильное послание, – подумал Гамаш. – Слава богу, что оно сохранилось».

– Спокойной ночи! – крикнул Питер из дверей. – Приятных сновидений!

– У меня с этим нет проблем, – отозвалась Рут.

Оставшаяся часть обеда была мирной и вкусной. Питер купил в пекарне Сары грушевый и клюквенный пироги. Жанна принесла шоколад ручного приготовления из кондитерской мадам Марьель в Сен-Реми, а Клара выставила блюдо с сыром и вазы с фруктами. Прекрасным завершением вечера стал крепкий, ароматный кофе.

И вот теперь в тишине гостиницы Гамаш за чаем обдумывал то, что услышал сегодня. Он раскрыл один из школьных ежегодников. Этот альбом относился к первому году учебы Мадлен в школе, и потому она лишь изредка встречалась на фотографиях. На нескольких снимках Гамаш увидел Хейзел в командах юниоров. Но с годами Мадлен начала расцветать. Стала капитаном баскетбольной и волейбольной команды. На всех снимках рядом с ней была Хейзел. Занимала свое естественное место.

Гамаш отложил альбомы, задумался, снова взял один и принялся искать пропавшую девушку из группы поддержки. Жанна Потвен. Неужели это возможно? Неужели все так просто?

– Долбаные лягушки, – раздался несколько минут спустя голос

Бовуара, пришлепавшего в гостиную. – Только избавились от Николь, так сразу лягушки расквакались. И все же на вид они приятнее и не такие скользкие. Что вы смотрите?

– Школьные ежегодники, которые привезла Лакост. Чай будешь?

Бовуар кивнул и провел рукой по глазам.

– «Спорт иллюстрейтед» она, видимо, не привезла?

– К сожалению, сынок. Но вот в этом альбоме я нашел кое-что. Нашу пропавшую девушку из группы поддержки. Никогда не догадаешься.

– Жанна?

Бовуар встал и взял альбом у Гамаша. Он просмотрел страницу и нашел фотографию Жанны Потвен. Потом он перевел взгляд на Гамаша и сделал несколько глотков чая, продолжая смотреть на шефа.

– Я рад, что это было ваше прозрение, а не мое. Не думаю, что ради этого стоило рождаться в сорочке.

Жанна Потвен, отсутствующая девушка из группы поддержки, была чернокожей.

– Ну, проверить все-таки стоило, – сказал Бовуар, не слишком пытаясь скрыть ухмылку.

Он взял «Словарь магических мест» и принялся листать.

– Там есть интересный раздел о пещерах во Франции.

– Бог ты мой. – Бовуар некоторое время разглядывал фотографии. Круги, выложенные камнями, старые дома, горы. Там было даже волшебное дерево. Гинкго. – Вы верите в такие вещи?

Гамаш посмотрел на Бовуара поверх полукруглых очков. Волосы его подчиненного были растрепаны, на лице проступала щетина. Он погладил свою щеку – она тоже была как наждак. Потом он провел рукой по голове и ощутил красноречиво торчащие в стороны космы. Остатки его волос стояли дыбом. Вид у них двоих, вероятно, был ужасающий.

– Вас тоже лягушки достали? – В гостиную вошла облаченная в халат Жанна Шове. – Еще есть? – Она кивнула на чайник.

– Чай всегда есть. – Гамаш улыбнулся и налил ей остатки чая.

Она взяла у него чашку и с удивлением обнаружила, что даже в третьем часу ночи от него слабо пахнет сандаловым деревом и розовой водой. Это создавало атмосферу покоя.

– Мы тут разговаривали о магии, – сказал Гамаш.

– Я спросил, верит ли он в такие вещи. – Бовуар постучал пальцем по книге, которую дала им Мирна.

– А вы не верите? – спросила Жанна.

– Ничуть.

Он услышал, как фыркнул Гамаш, и посмотрел на него.

– Прошу прощения, – извинился Гамаш. – Случайно вырвалось.

Бовуар нахмурился: он прекрасно знал, что у шефа ничего случайно не вырывается, если он этого не хочет.

– Нет, в самом деле… – Гамаш подался вперед. – Кто получает пояс удачи? И монетку удачи? И еду удачи перед каждым хоккейным матчем? – Гамаш повернулся к Жанне. – Он единственный ест итальянский poutine[72] левой рукой.

– Мы выиграли в хоккей у команды отдела по борьбе с наркотиками Монреальской полиции. Я сделал хет-трик[73], и тем вечером мне действительно пришлось есть итальянский poutine левой рукой.

– На мой взгляд, это вполне резонно, – сказала Жанна.

– Если мы куда-то летим, то ты обязательно должен купить билет на место пять «А». И обязательно выслушать инструкцию по безопасности до самого конца. Если я в это время пытаюсь тебе что-то сказать, то ты даже не слушаешь.

– Это не магия, это здравый смысл.

– А место пять «А»?

– Это удобное место. Ну хорошо, это мое любимое место. Если я сижу на нем, то самолет не упадет.

– А пилоты об этом знают? Может быть, это они должны сидеть на месте пять «А»? – сказала Жанна. – Если вам от этого легче, то я вам скажу: у всех свои предрассудки. Это называется «магическое мышление». Если я сделаю то-то и то-то, тогда будет так, хотя эти вещи никак не связаны. Прихлопнешь паука – не получишь письма. Или: нельзя ходить под приставной лестницей. Или: разбитое зеркало – к неприятностям. Мы с ранних лет воспитываемся в представлениях магии, а потом всю жизнь расплачиваемся за это. Вы знаете, что астронавты берут с собой в космос какой-нибудь талисман, чтобы он обеспечил их безопасность? А ведь это ученые.

Бовуар встал:

– Пожалуй, пойду попробую уснуть. Книга вам нужна?

Он протянул Гамашу книгу, но тот отрицательно покачал головой:

– Я ее уже просмотрел. Довольно интересно.

Бовуар затопал вверх по лестнице. Как только звук его шагов стих, Жанна обратилась к Гамашу:

– Вы спрашивали, почему я приехала сюда, и я сказала – отдохнуть. Так оно и было на самом деле, но это не вся правда. Мне прислали

брошюру, но я только вчера, когда увидела другие брошюры Габри, поняла: моя брошюрка отличается от них.

Она извлекла из кармана халата две глянцевые брошюрки и протянула их Гамашу. На обложке красовались фотографии гостиницы и Трех Сосен. Брошюры были идентичны, за исключением одного. Наверху той, что Жанна Шове получила по почте, было написано: «Где спариваются лэй-линии – пасхальные скидки».

– Я слышал про лей-линии, но не знаю, что это такое.

– Тот, кто это напечатал, тоже плохо в этом разбирается. Здесь ошибка. Принято писать «лей», а не «лэй», – сказала Жанна. – Впервые о лей-линиях было написано в тысяча девятьсот двадцатых годах.

– Совсем недавно? Я думал, это что-то древнее. Как Стоунхендж.

– Они древние, но их никто не замечал, и вот только лет девяносто назад на них обратили внимание. Какой-то человек из Англии – фамилию его я забыла – посмотрел на каменные круги, и стоячие камни, и даже старейшие соборы и заметил, что они выстроены по одной линии. Они отстоят друг от друга на многие мили, но если соединить точки, то образуются прямые линии. И он пришел к выводу, что для этого есть основания.

– Какие же?

– Энергия. Земля генерирует больше энергии по этим линиям. И… – она подалась вперед, стрельнув глазами по сторонам, чтобы убедиться, что никто не подслушивает, – некоторые в это не верят.

– Да, – прошептал в ответ Гамаш. Он взял в руки ее экземпляр брошюры. – Кое-кто знал вас настолько хорошо, что ему было известно, чем можно заманить вас сюда.

И кому-то здесь на Пасху нужен был медиум. Чтобы контактировать с мертвыми – и создавать их.

Рут Зардо тоже не спала, хотя она вообще не ложилась. Она сидела на стуле белой пластмассы – этот комплект садовой мебели она называла кухонным – и смотрела в духовку, которая была включена на минимум. Достаточно, чтобы Розе и Лилии было тепло.

Габри сказал неправду. Невозможно, чтобы, разбив скорлупу, она повредила Лилии. Да и сделала-то она всего ничего – маленькую трещинку, чтобы дать Лилии наводку, вот и все.

Рут поднялась, с трудом побеждая свои суставы, и похромала к духовке, инстинктивно сунула внутрь сухую венозную руку, чтобы убедиться, что обогреватель работает, но не слишком сильно.

Потом она склонилась над птенцами – дышат ли?

Лилия выглядела неплохо. Она даже вроде бы подросла. Рут была уверена, что маленькая грудка поднимается и опускается. Она медленно вернулась к белому пластмассовому стулу. Еще несколько секунд смотрела на сковороду в духовке, затем подтащила к себе блокнот.

Когда пришли мое тело снимать
(рот распахнут, закрыты глаза),
вынули меня из петли,
тут их ждал сюрприз —
я была жива.

Она видела розовую головку и желтый клюв, пробивающийся из яйца на свет божий. Она была уверена, что малютка посмотрела на нее и крякнула. Попросила о помощи. Рут слышала, что гуси привязываются к тому, что видят их глаза, когда они вылупляются из яйца. Но она не знала, что это дело обоюдное. Она протянула руку, не в силах смотреть, как борется за жизнь малютка. Она разбила скорлупу. Освободила маленькую Лилию.

Что же в этом могло быть плохого?

Рут отложила авторучку и подперла голову руками, вцепившись узловатыми пальцами в короткие седые волосы. Она пыталась сдержать поток мыслей, не допустить, чтобы они превратились в чувства. Но было слишком поздно. Она это знала.

Она знала, что доброта убивает. Всю жизнь она подозревала это, а потому была холодной и жестокой. Она встречала доброту уничижительными замечаниями. Видя улыбающиеся лица, она кривила губы. Любую мысль, доброжелательное действие обращала в нападение. Отталкивала от себя всех, кто был добр к ней, кто был сострадательным и любящим.

Потому что она любила их. Любила всем сердцем и не желала им зла. Ведь она всю жизнь знала, что скорейший способ повредить кому-то, искалечить, сделать инвалидом – это проявить доброту. Если люди не защищены, они умирают. Лучше всего научить их быть во всеоружии, даже если это чревато для нее вечным одиночеством. Изоляцией от всех.

Но конечно, ее чувства должны были как-то проявляться, и вот, когда ей перевалило за шестьдесят, слова, которые чеканились внутри ее, прорвались наружу. В виде стихов.

«Жанна, конечно, права, – подумала Рут. – Я верую. В Бога, в природу, в магию. В людей». Она была самым легковерным из всех людей, каких знала. Она верила во все. Она посмотрела на свои строки в блокноте.

Меня повесили за то,
чего я не говорила,
и потому теперь я могу говорить все,
что хочу.

Рут Зардо взяла в руки птенчика, которому больше не требовалось ее теплое новое полотенце. Головка Лилии упала набок, глаза уставились на мамочку. Рут приподняла крохотные крылышки, надеясь увидеть движение.

Но Лилия ушла. Была убита добротой.

Прежде я не была колдуньей.
Теперь ею стала.

Клара с полуночи не выходила из своей мастерской. Работала. После званого обеда ею овладело какое-то чувство. Пока еще оно не превратилось в идею или хотя бы в мысль. Только чувство. Произошло что-то важное. Не в том дело, что кто-то что-что сказал, вернее, не совсем в том. Было и еще что-то. Взгляд. Ощущение.

Она вылезла из-под одеяла и почти бегом устремилась к полотну. Долго стояла на некотором расстоянии, глядя на картину, видя ее такой, какой она была и какой могла стать.

Потом взялась за кисть.

Спасибо Питеру, что он предложил эту вечеринку. Клара была уверена, что, не будь вечеринки, она бы до сих пор оставалась в тупике.

Глава тридцать девятая

Следующее утро было великолепным, а за ним наступил день, полный зеленых и золотых красок. Раннее молодое солнце коснулось своими лучами деревни – и все засияло, посвежевшее и отмытое вчерашним дождем. Хотя Гамаш не спал два часа посреди ночи, проснулся он рано и отправился на утреннюю прогулку, перешагивая через дождевых червей (еще один признак весны) на дороге. Слава богу, что хоть эти твари безмолвны. Двадцать минут спустя, трусцой перебежав луг наискосок, к нему присоединился Жан Ги Бовуар.

– Мы должны все закончить сегодня, – сказал Бовуар, глядя, как Гамаш маневрирует по тропинке.

– Ты так думаешь?

– Мы получим данные лабораторного анализа по эфедре, а потом допросим Софи. Она нам все расскажет.

– То есть признается? Ты считаешь, это ее рук дело?

– Ничего не изменилось, а потому – да, я считаю, что это сделала она. Насколько я понимаю, вы придерживаетесь другого мнения?

– Да, у нее были мотив и возможность и, вероятно, до сих пор остается и злость.

– Так в чем же проблема?

Гамаш остановился и повернулся к Бовуару. Казалось, что в мире, кроме них двоих, никого нет. Вся уютная деревенька продолжала спать. На мгновение Гамаш предался фантазии. Если бы он позволил людям Арно сделать то, что они хотели, как легко было бы ему сейчас поехать в Монреаль и подать заявление об отставке. Потом забрать Рейн-Мари, которая оставила бы свою работу в Национальной библиотеке, и приехать сюда. Они пришли бы на ланч в бистро, сели бы на террасе, с которой открывается вид на Белла-Беллу, а поев, отправились бы на поиски жилья. Нашли бы себе дом в деревне, Гамаш купил бы поэтическое кресло-качалку Сандона, садился бы в него каждое утро, читал газету, попивая кофе, а жители деревни приходили бы к нему со своими маленькими проблемами. Пропал носок с бельевой веревки. Семейный рецепт таинственным образом был использован соседом, пригласившим гостей на вечеринку. Рейн-Мари вступила бы в Уильямсбургское общество любителей искусств и наконец пошла бы на курсы, которые давно ее привлекали.

И никаких тебе больше убийств. Никакого Арно.

Ах, как хорошо это было бы.

– Ты просмотрел «Словарь магических мест»?

– Просмотрел. Вы так тонко намекнули мне поискать во Франции.

– Я очень умен, – согласился Гамаш. – Ну, ты поискал?

– И увидел, где были найдены пещеры лет пятнадцать назад. Пещеры со всеми этими рисунками животных. Судя по всему, пещерные люди нарисовали их тысячи лет назад. Я почитал немного, но, откровенно говоря, не понял, почему это так важно. Есть и другие пещерные рисунки. Ведь это не первые рисунки, что были найдены.

– Верно.

Перед мысленным взором Гамаша все еще стояли эти рисунки. Грациозный, упитанный бизон, лошади, и не одна-две, а целый табун, бегущий по глади скалы. Археологи поразились, увидев эти изображения, обнаруженные менее двадцати лет назад туристами в лесах Франции. Такие детализированные, такие живые рисунки – археологи даже решили, что это вершина пещерного искусства. Последняя стадия перед эволюционированием в современного человека.

Но после этого было сделано удивительное открытие. Эти рисунки были на двадцать тысяч лет старше, чем все найденное раньше. Это были не последние, а первые рисунки. Применение теней, трехмерные изображения, умение так изящно показать мощь и движение… А потом последнее, ошеломительное открытие.

Глубоко внутри одной из пещер было найдено изображение руки, обведенное красным. Никогда прежде ни в одной из других пещер не обнаруживалось изображений художника или людей. Но человек, который изобразил все это, имел чувство собственного «я». Индивидуальности.

В книге «Словарь магических мест» Арман Гамаш вчера вечером увидел одно из таких изображений. Рука, обведенная красным. Словно художник заявлял о себе по прошествии тридцати пяти тысяч лет.

И Гамаш вспомнил о другом изображении, не таком древнем, – на книге, которую он нашел в про́клятом и разрушающемся доме.

– Отличие между ними в том, что это, похоже, искусство для искусства. И магия. Ученые считают, что эти рисунки имели целью вызвать реальных животных.

– Но откуда они знают? – спросил Бовуар. – Разве мы не повторяем все время магические слова, когда не понимаем чего-то?

– Повторяем. Именно это и послужило в свое время основанием для охоты на ведьм.

– Как это назвала мадам Зардо? Времена костров?

– Не уверен, что они закончились, – сказал Гамаш, взглянув на старый дом Хадли, а потом переведя взгляд на милую, тихую деревню. – Но больше всего в этих пещерных рисунках меня заинтересовало название пещеры. Ты его помнишь?

Бовуар задумался. Он не помнил.

Гамаш повернулся, чтобы продолжать выписывать кренделя, обходя ползущих червей. Бовуар несколько секунд смотрел на этого высокого, изящного, сильного человека, берегущего червей. Потом он двинулся следом за шефом и тоже зигзагами, отчего из окон деревенских домов они казались двумя взрослыми мужчинами, участвующими в каком-то неуклюжем, хотя и знакомом балете.

– А вы помните название? – спросил Бовуар, догнав шефа.

– Шове. Пещеры Шове.

Когда они вернулись в гостиницу, их встретил аромат только что сваренного кофе с молоком, бекона в кленовом соке и яиц.

– Яйца бенедикт, – объявил Габри, поспешивший им навстречу, чтобы взять их куртки. – Вкуснота.

Он проводил их через гостиную в столовую, где уже был накрыт стол. Гамаш и Бовуар сели, и Габри поставил перед ними две кружки с дымящимся пенистым кофе.

– Вы не видели стопку альбомов в гостиной, когда спустились? – спросил у Габри Гамаш, отхлебнув кофе из кружки.

– Альбомов? Нет.

Гамаш поставил свою кружку и прошел в гостиную. Бовуар видел через арку, как шеф обошел гостиную, а потом вернулся, сел и положил на колени белую салфетку.

– Они исчезли, – сказал он, судя по виду совсем не расстроенный.

– Школьные ежегодники?

Гамаш кивнул и улыбнулся. Он этого не планировал, но это было кстати. Кого-то это встревожило. Настолько встревожило, что он проник в гостиницу (всем было известно, что она никогда не запирается) и выкрал ежегодники двадцатипятилетней давности.

– Вкуснота, – сказал Габри, ставя перед гостями тарелки.

На каждой было по два яйца и толстый ломоть канадского черного бекона, положенного на поджаренную английскую булочку. Яйца были сбрызнуты голландским соусом, а кромки тарелок выложены фруктовым салатом.

– Mangez[74], – велел Габри.
Гамаш мягко ухватил его за руку. Посмотрел на крупного, растрепанного Габри, и тот замер, глядя перед собой, потом опустил глаза.
– В чем дело? Что случилось? – спросил Гамаш.
– Ешьте. Прошу вас.
– Скажите мне.
Бовуар подцепил на вилку большой кусок яйца, с которого капал соус, но замер, не донеся его до рта. Его вдруг осенило.
– Что-то случилось. Новая статья?
Они вдвоем пошли за Габри в гостиную. Габри вытащил газету, засунутую за диванную подушку. Передав газету Гамашу, он подошел к телевизору и включил его. Потом подошел к приемнику и включил радио.
Несколько секунд – и комната заполнилась обвинениями. Они лились из приемника, из новостной телепрограммы, со страниц газеты.
Даниель Гамаш под следствием.
Анни Гамаш в отпуске, ее адвокатская лицензия отозвана.
Арман Гамаш подозревается во всех смертных грехах – от убийства до владения собачьим питомником, из которого он выколачивает неслыханные прибыли.
На сей раз на первой странице не было фотографии Гамаша, зато было фото Даниеля и стоящей за ним Розлин с Флоранс на руках. Вокруг толпа репортеров. На лице Даниеля сердитое и испуганное выражение.
Гамаш слышал, как сердце колотится в его груди. Он сделал глубокий прерывистый вдох и только теперь понял, что сдерживал дыхание. По телевизору показывали, как молодая женщина выходит из дома, закрывая портфелем лицо от объективов.
Анни.
– Господи боже, – прошептал Гамаш.
Потом она опустила портфель и остановилась. Для телевизионщиков это стало неожиданностью – они предпочитали картинку, на которой жертва убегает от них. А она им улыбнулась.
– Нет, не надо, – прошептал Бовуар.
Анни подняла руку и выставила им средний палец.
– Анни, – беззвучно произнес одними губами Гамаш. – Мне нужно позвонить.
Он бросился наверх, схватил свой сотовый. С удивлением обнаружил, что его пальцы дрожат, – он едва попал на клавишу быстрого набора. Рейн-Мари ответила после первого звонка.
– Ах, Арман, ты видел?

– Только что.

– Я сейчас разговаривала по телефону с Розлин. В Париже задержали Даниеля. Он подозревается в наркодилерстве.

– Так, – сказал Гамаш, понемногу обретая спокойствие. – Так. Дай мне подумать.

– Они ведь ничего не найдут, – сказала Рейн-Мари.

– Могут и найти.

– Но это сколько лет назад было, Арман. Он был мальчишкой, дурака валял.

– Возможно, ему подбросили наркотики, – сказал Гамаш. – Как там Розлин?

– В шоке.

Рейн-Мари не стала упоминать об этом, не хотела взваливать лишний груз на его плечи, но Гамаш знал, что она беспокоится за беременность Розлин. В подобной ситуации у женщин нередко случается выкидыш.

Они замолчали.

Такого Гамаш никак не ожидал. Чем там занимается Бребёф? Или это он так себе представляет пресечение клеветы против своего друга? Гамаш заставил себя смирить волну гнева против Бребёфа. Он понимал, что Бребёф – всего лишь удобная цель для его гнева. Он знал, что его друг делает все от него зависящее, но их противники оказались гораздо более серьезными, чем предполагал и мог контролировать Гамаш.

Кто-то неплохо проделал домашнюю работу. Кто-то знал его семью, знал, что много лет назад Даниель получил срок за хранение наркотиков. Знал, что Даниель в Париже, и даже, вероятно, знал о беременности его жены.

– Это зашло слишком далеко, – сказал наконец Гамаш.

– Что ты собираешься делать?

– Я это остановлю.

После секундной паузы Рейн-Мари спросила:

– Как?

– Если необходимо, я подам в отставку. Они выиграли. Я не могу ставить под угрозу мою семью.

– Боюсь, теперь они не удовлетворятся твоей отставкой, Арман.

Он тоже так думал.

Гамаш позвонил Мишелю Бребёфу и попросил его собрать сегодня во второй половине дня заседание совета старейшин Квебекской полиции.

– Не будь глупцом, Арман, – сказал Бребёф. – Они именно этого и хотят.

– Я не глупец, Мишель. Я знаю, что делаю.

Оба отключились. Гамаш был благодарен другу за помощь, а Бребёф был уверен, что Гамаш – глупец.

Утреннее совещание было кратким и напряженным.

Агент Лакост сообщила о своем разговоре с доктором, у которого лечилась Мадлен. За две недели до убийства она была на приеме. Доктор подтвердила, что у Мадлен случился рецидив и метастазы проникли в печень. Она сказала об этом мадам Фавро. Она назначила лечение, чтобы облегчить протекание болезни, но лечение так и не началось.

Мадлен пришла к доктору одна, и у той создалось впечатление, что, хотя диагноз был убийственный, для больной это не стало неожиданностью.

Агент Николь еще не вернулась из Кингстона, данных лабораторного анализа содержимого пузырька эфедры еще не поступило, хотя отпечатки пальцев на пузырьке обнаружили. Других отпечатков, кроме отпечатков Софи, на нем не было.

– Так что, похоже, у нас есть доказательства, – сказал Лемье. – Она убила Мадлен Фавро из ревности. Пришла домой, просчитала, какие возможности ей предоставляет спиритический сеанс, подсыпала ей несколько таблеток за обедом, а потом дождалась, когда остальное доделает дом Хадли.

Все закивали. В окне старого вокзала Гамаш видел Рут и Габри, медленно идущих к деревенскому лугу. Было еще рано, и первая свежесть дня еще не отпустила деревню. Следом за Рут катился прыгучий шарик, выставляя крылышки. Шарик был один.

– Сэр?

– Прошу прощения.

Все уставились на Гамаша. Это был очень тревожный симптом. За все годы, что Бовуар знал Гамаша, он еще не видел, чтобы тот отвлекся во время разговора или совещания. Он смотрел им в глаза, чтобы они знали: для него в этот момент не существует других людей. Его команда чувствовала себя важной и защищенной.

Но сегодня он был рассеян.

– О чем вы говорили? – спросил Гамаш, поворачиваясь к группе.

– Представляется, что вина Софи Смит в убийстве доказана. Может быть, задержать ее?

– Вы не можете этого сделать.

Голос раздался откуда-то сзади. Там, рядом с громадной пожарной

машиной, стояла очень маленькая женщина. Хейзел. Хотя узнать ее было трудно. Скорбь в конечном счете сломила ее. Теперь она казалась высохшей, большие глаза смотрели с отчаянием.

– Пожалуйста. Пожалуйста, не делайте этого.

Гамаш направился к ней, кивнув Бовуару. Вместе они провели Хейзел в маленькую комнату, в которой добровольная пожарная команда Трех Сосен оборудовала кладовку.

– Вы знаете что-то такое, что может способствовать нашему расследованию, Хейзел? – спросил Гамаш. – Что-то такое, что убедило бы нас, что ваша дочь не убивала Мадлен, хотя пока все указывает именно на это?

– Она этого не делала. Я знаю. Она бы не смогла.

– Кто-то дал Мадлен эфедру. У Софи была эфедра, и она присутствовала на сеансе. – Гамаш говорил очень медленно и четко, хотя и не был уверен, что смысл его слов доходит до Хейзел.

– Долго я не продержусь, – прошептала она. – А если я потеряю и Софи, то не переживу этого. Если вы ее арестуете, я умру.

У Гамаша это не вызывало сомнений.

Жан Ги Бовуар посмотрел на Хейзел. Ей было ровно столько же лет, сколько и Мадлен, хотя поверить в это было невозможно. Теперь она выглядела как ископаемое, как нечто извергнутое горами, возвышающимися вокруг Трех Сосен. Один из бормочущих камней Жиля Сандона. Нет, не камней. Камни были тверды. А эта женщина скорее вызывала аналогии с тем, на что они старались не наступить во время утренней прогулки. Но сейчас они раздавят ее.

– Когда у Софи была найдена эфедра, вы сказали: «Софи, ты же обещала», – напомнил Бовуар. – Что вы имели в виду?

– Разве я такое говорила? – Хейзел задумалась, пытаясь вспомнить. – Да, говорила. Пару лет назад Мадлен нашла пузырек эфедры в ванной Софи. Это случилось после смерти одного из спортсменов, когда вся пресса шумела по поводу эфедры. Вероятно, это и натолкнуло Софи на использование диетических таблеток. – Она словно вытаскивала воспоминания со дна моря, тащила их с огромным трудом. – Софи заказала таблетки через какую-то интернет-компанию. Мадлен нашла пузырек и забрала его.

– Как отреагировала Софи?

– Как любая девятнадцатилетняя девчонка. Разозлилась. Заявила, что это вторжение в ее частную жизнь. Но я думаю, это была не злоба, а смущение.

– Это повлияло на их взаимоотношения? – спросил Гамаш.

– Софи любила Мадлен. Она не могла ее убить, – сказала Хейзел.

У нее остался один аргумент, и она повторяла и повторяла его: ее дочь не убийца.

– Мы пока не будем говорить с Софи, – пообещал Гамаш. Он приподнял голову Хейзел за подбородок и заставил посмотреть на себя. – Вы понимаете?

Хейзел заглянула в его темно-карие глаза и послала ему мысленный сигнал никогда не отводить взгляда. Но он, конечно, отвернулся, и она снова осталась одна.

Они позвонили Кларе, попросили ее забрать Хейзел и побыть с ней денек. Появилась Клара и забрала Хейзел к себе. Дома Клара выслушала ее, потом спросила, не хочет ли Хейзел прилечь. Хейзел никогда не чувствовала себя такой усталой и с благодарностью легла на диване. Клара приподняла ее ноги, принесла одеяло, укутала и наблюдала за ней, пока не удостоверилась, что неожиданно состарившаяся женщина (которая на самом деле была моложе Клары) уснула.

После этого Клара вернулась в свою мастерскую и снова принялась за работу. Теперь она работала еще медленнее, линии стали твердыми и уверенными. На картине стало проступать изображение, но это было нечто большее, чем черты лица, – что-то еще появлялось на полотне.

– У Софи Смит неплохая репутация в Куинсе. Даже среди волонтеров в центре помощи. Она работает на неполную ставку в книжном магазине кампуса и, похоже, является примерной студенткой.

Вернулась из поездки Иветт Николь. Она сидела за столом для совещаний и пила четверной кофе, который сама себе купила.

– Отметки?

– Вполне пристойные. Хотя ничего выдающегося. Я приехала слишком поздно – из администрации уже никого не было, но я поговорила с ее соседками по комнате и сокурсниками, и все сказали, что Софи хорошая студентка.

– Болезни? – спросил Гамаш.

Он приметил, что агент Лемье ведет себя необычно: помалкивает, сидит, сложив руки на груди и крепко, чуть не до боли, сжав кулаки.

– Никаких, – ответила Николь. – Ни простуд, ни синяков, ни хромоты. Ни разу не была ни в медпункте, ни в Кингстонской больнице. Насколько известно ее друзьям, она не пропустила ни дня учебы. За исключением тех

дней, что прогуливала.

– Абсолютно здорова, – произнес Гамаш очень тихо.

– Значит, эта Ландерс была права, – сказала Николь. – Софи, приезжая домой, разыгрывала болезни, чтобы отвлечь мать от Мадлен.

– Вы завезли пузырек в лабораторию? – спросил Бовуар.

– Конечно, – сказала Николь.

Она жевала булочку с кремом, словно и не замечая голодных взглядов вокруг.

– Позвони, пожалуйста, и узнай, не готов ли уже результат, – попросил Гамаш Бовуара.

Пока тот звонил, Гамаш раздал поручения на день, потом подошел к доске. Он знал, что все глаза устремлены на него. Он предполагал, что они ждут, не взорвется ли он, не сломается ли. И тогда он сам повернулся к ним. Лакост, Лемье, Николь. Такие молодые. Такие нетерпеливые. Со всеми свойственными людям недостатками и достоинствами. И он улыбнулся.

Лемье улыбнулся в ответ. И Лакост тоже улыбнулась, хотя улыбка получилась грустная. У Николь выражение было такое, словно ей нанесли оскорбление.

Гамаш нашел то, что искал. Человек, проникший в гостиницу и похитивший школьные ежегодники, забрал не все. Самый главный альбом оставался на столе Гамаша. Тот, который Николь нашла в доме Хейзел. Выпускной альбом Мадлен. Гамаш принялся рассматривать его и вскоре перешел ко второй его части, с выпускными фотографиями. Но увидеть он хотел вовсе не Хейзел и даже не Мадлен. Он искал другую девушку. Девушку из группы поддержки.

– Мне сообщили результаты, – сказал Бовуар, садясь на стул за столом для совещаний и швыряя на столешницу блокнот. – Эфедра в пузырьке Софи, вероятно, не та же самая, что убила Мадлен.

Гамаш подался вперед и положил альбом.

– Не та же самая?

– В лаборатории пока нет абсолютной уверенности, они хотят провести полный анализ, но, похоже, у Софи был другой материал в качестве связующего агента – так его назвали в лаборатории. Поскольку эфедра – это род растений, трава, то, прежде чем придать ей форму таблеток, делают экстракт. Разные компании используют разные связующие агенты. Агент в этих таблетках отличается от того, что был обнаружен в организме Мадлен.

У Гамаша загорелись глаза.

– Какой же я был идиот! Они сказали что-нибудь о химических

веществах, которыми была убита Мадлен?

Он ждал ответа, затаив дыхание.

– Только то, что эта эфедра старая. Более естественная, но менее стабильная.

– Более естественная. Чего и следовало ожидать.

Он подозвал Лемье, задал ему несколько вопросов, потом снова обратился к Бовуару:

– Поехали со мной.

Когда приехали Бовуар и Гамаш, Одиль Монманьи только-только открывала магазин.

– Приехали еще послушать стихи?

Бовуар не понял, всерьез она спрашивает или нет. Он проигнорировал ее вопрос.

– Вы что-нибудь знаете об эфедре?

– Понятия не имею, что это такое.

– Я спрашивал вас об этом после смерти Мадлен. И вы знаете, что она была убита этим веществом, – сказал он.

– Да, я слышала об этом от вас, но до этого – никогда.

В магазине стоял терпкий запах. Здесь пахло всевозможными чаями и специями. И травами.

Гамаш подошел к лоткам, на которых было написано: «Коготь дьявола», «Джонов корень» «Гинкго билоба». Он вытащил из кармана пластиковый пакетик, но вместо совочка, лежащего у лотков, достал из кармана пинцет и положил в пакетик малую щепоть гинкго билоба. Потом подписал.

– Я бы хотел купить это, s’il vous plaît.

Судя по виду Одиль, она бы не отказалась от порции виски, какая обычно по плечу только Рут.

– Да тут всего ничего. Возьмите так.

– Нет, мадам, я должен заплатить.

Гамаш положил пакетик на весы.

На ярлычке было написано: «Ма хуань».

– Китайская трава, о которой нам рассказывал Лемье в то первое утро, – сказал Бовуар, когда они вернулись в машину. – Это эфедра.

– Которую сотни, а то и тысячи лет использовали в других целях, – подхватил Гамаш. – Но потом ее обнаружили фармакологи и превратили в убийцу. Ма хуань. Коронер Харрис тоже мне об этом рассказывала. Каждый раз, когда мы беседовали с кем-то, знакомым с этой темой, они говорили об

этом средстве как о траве, которая используется в китайской и других медицинах. Но я настолько зациклился на диетической добавке, что ничего этого почти не слышал. А ответ все время был под боком.

– Вы меня опередили, – сказал Бовуар, пытаясь на покрытой лужами дороге не наступить на лягушку, хотя Гамашу показалось, что он скорее собирается размазать ее по земле. – У меня было такое видение: Сандон варит в котле дерево гинкго.

– Сорочка, видимо, не всегда тебе помогает.

– Похоже, застилает мне глаза, вы правы, – усмехнулся Бовуар. – А что означает этот ма хуань? Одиль с его помощью убила Мадлен? И что насчет экстрасенсихи? Это просто случайность, что ее фамилия совпадает с названием пещер во Франции? Я совсем запутался.

– «Теперь мы видим как бы сквозь тусклое стекло»[75], – процитировал Гамаш. – Но скоро мы увидим все.

– Это я знаю, – произнес Бовуар тоном победителя телевикторины. – Первое послание к Коринфянам. Мы читали его на нашей свадьбе. Оно о любви. Но Рут прошлым вечером читала другой отрывок. С этим что мы будем делать? – Он показал на пакетик с ма хуань.

– Поеду в Монреаль – отвезу в лабораторию, – сказал Гамаш.

– Осторожнее. Пресса увидит вас с этим – скажут, что вы главный клиент Даниеля, – ляпнул Бовуар и сам ужаснулся тому, что так неудачно пошутил.

– В такие дни и в самом деле неплохо бы воспользоваться чем-нибудь в этом роде, – рассмеялся Гамаш.

– Извините.

– Не извиняйся. Все образуется.

– Сквозь тусклое стекло, – тихо произнес Бовуар. – Какое точное описание. Вы и вправду считаете, что это окно скоро станет прозрачным?

– Да, считаю, – сказал Гамаш.

Но еще он знал, что апостол Павел говорил не об окне, а о зеркале.

Глава сороковая

Гамаш хорошо знал зал совещаний на верхнем этаже управления Квебекской полиции. Сколько чашек кофе успело остыть, пока он решал этические и нравственные проблемы, стоявшие перед полицией? Целый вал вопросов, сводившихся в конечном счете к одному: насколько далеко можно заходить, защищая общество? Безопасность против свободы.

Он уважал людей, собравшихся в этом зале. Всех, кроме одного.

Стена с окнами выходила на восточный район Монреаля и Олимпийский стадион с его наклонной башней, похожий на какое-то доисторическое существо, возродившееся к мучительной жизни. Внутри стоял овальный деревянный стол в окружении начальственных кресел. Все кресла одинаковые.

Такова была идея.

И хотя места не были закреплены за конкретными лицами, каждый знал свое место. Несколько старших офицеров посмотрели на Гамаша, двое пожали ему руку, но большинство сделали вид, что не замечают его. Ничего другого он и не ожидал. Он всю жизнь работал с этими людьми, но предал их. Вынес сор из избы в деле Арно. Он уже тогда прекрасно понимал, что это для него значит. Он станет изгоем. Его прогонят из племени.

Что ж, он вернулся.

– Alors, – сказал суперинтендант Паже, их номинальный глава. – Вы просили нас собраться, Арман, и мы пришли.

Он произнес это обыденным тоном, словно они обсуждали расписание отпусков. Гамаш предвидел этот момент заранее, чувствовал, как он надвигается на него, словно океанский шторм. А он был встревоженный моряк, ждущий этого. Но ожидание закончилось.

– Чего вы хотите? – спросил суперинтендант Паже.

– Это должно прекратиться. Атаки на мою семью должны прекратиться.

– К нам это не имеет никакого отношения, – отрезал суперинтендант Дежарден.

– Как это не имеет? – возразил ему Бребёф. – Мы не можем оставаться безучастными зрителями, когда старший офицер подвергается нападкам.

– Старший инспектор всегда давал понять, что не нуждается в нашем совете или помощи.

Этот голос прозвучал основательно и резонно. Даже успокоительно. Большинство собравшихся повернулись в сторону говорившего, остальные уставились в свои записи.

Рядом с Гамашем, как и предполагал старший инспектор, сидел суперинтендант Франкёр. В конечном счете это было его, Франкёра, законное место, и Гамаш выбрал место рядом с ним. Он приехал не для того, чтобы прятаться. Да и с какой стати стал бы он прятаться в углу или за спиной Бребёфа?

Он сел рядом с человеком, который желал его изгнания из полиции. А может, даже с планеты. Это был лучший, ближайший друг Пьера Арно, его протеже. Сильвен Франкёр.

– Я здесь не для того, чтобы вести старые сражения, – сказал Гамаш. – Я здесь для того, чтобы просить о прекращении этих нападок.

– А с чего вы взяли, что мы можем это прекратить? Пресса имеет право печатать, что ей вздумается, и я не могу себе представить, что они печатают вещи, которые не прошли тщательной проверки, – заявил суперинтендант Франкёр. – Если они печатают клевету, вы можете подать на них в суд.

Раздалось несколько смешков. Бребёф был вне себя, но Гамаш улыбался.

– Может быть, я так и сделаю, хотя вряд ли. Мы все знаем, что это сплошная ложь…

– Откуда мы это знаем? – спросил Франкёр.

– Voyons, велика ли вероятность того, что Арман Гамаш стал бы рисковать своей дочерью? – прозвучал риторический вопрос Бребёфа.

– Велика ли вероятность того, что Пьер Арно был убийцей? – спросил Франкёр. – Но старший инспектор считает, что был.

– Вы хотите сказать, что таково было решение суда, – ровным голосом сказал Гамаш, чуть придвигаясь к личному пространству Франкёра. – Но возможно, вы не знакомы с этой частью нашей системы.

– Как вы смеете?

– Как вы смеете вести войну против моей семьи?

Они уставились друг на друга. Потом Гамаш моргнул, а Франкёр улыбнулся и откинулся на спинку своего удобного кресла.

Не сводя глаз с Франкёра, Гамаш сказал:

– Прошу прощения, суперинтендант. В этом не было необходимости.

Франкёр кивнул, словно рыцарь крестьянину.

– Я пришел сюда не для того, чтобы ссориться с кем-то из вас. Вы все читали газеты, видели телесюжеты. А дальше будет только хуже, это ясно.

Я уже сказал, что это сплошная ложь, но я не жду, что вы поверите или проникнетесь сочувствием ко мне. После моего вклада в дело Арно. Я перешел Рубикон. Пути назад нет.

– Тогда чего же вы хотите, старший инспектор? – спросил суперинтендант Паже.

– Я бы хотел, чтобы вы приняли мою отставку.

Те, кто сидел, вальяжно расслабившись, выпрямились. Все кресла подвинулись вперед, некоторые так быстро, что их почтенное содержимое грозило вывалиться на стол. Все глаза устремились на Гамаша. Словно гора Мон-Руаяль начала оседать, погружаться в землю. Нечто примечательное вот-вот должно было исчезнуть. Арман Гамаш. Даже те, кто его ненавидел, признавали, что он стал легендой, героем как внутри полиции, так и вне ее.

Но герои иногда падают.

И вот теперь они становились свидетелями такого падения.

– С какой стати? – спросил Франкёр, и все переключили внимание на суперинтенданта. – Думаете таким образом слезть с крючка? Вы этого хотите, да? Хотите убежать, как вы убежали от решения Арно? Вы всегда так поступаете, когда сталкиваетесь с затруднениями.

– Это неправда, – вмешался Бребёф.

– Вы считаете, что кто-то из нас подбрасывает эти материалы прессе? – сказал Франкёр, чувствуя себя в своей тарелке, как естественный, хотя и не назначенный, лидер группы.

– Считаю.

– Voilà. Смотрите, какого он о нас мнения.

– Не обо всех. Только об одном, – сказал Гамаш, вперившись взглядом во Франкёра.

– Как вы смеете…

– Вы уже во второй раз спрашиваете об этом, и мне уже надоело. Я смею, потому что нужно же кому-то сметь. – Он оглядел собравшихся. – Дело Арно не закончилось, вы все это знаете. Кто-то из присутствующих продолжает его работу. До убийства он еще не дошел, но это не за горами. Я знаю это.

– Знаете? Знаете?! Откуда вы можете знать? – Франкёр вскочил на ноги, склонился к Гамашу. – Вас и слушать-то смешно! Потеря времени. У вас нет мыслей, сплошные чувства!

Раздалось несколько смешков.

– У меня есть и то и другое, суперинтендант, – сказал Гамаш.

Франкёр продолжал стоять над ним, держась одной рукой за спинку кресла Гамаша, а другой опираясь о стол, словно взял противника в плен.

– Вы чертовски самоуверенны! – закричал Франкёр. – Вы представитель худшего вида полицейских! Создали собственную маленькую армию шестерок. Людей, которые вас обожествляют. Остальные из нас отбирают лучших выпускников академии для службы в Квебекской полиции, а вы намеренно отбираете худших. Вы опасный человек, Гамаш. Я это давно понял.

Гамаш тоже поднялся, он сделал это медленно, вынуждая Франкёра отступить.

– Моя команда раскрыла практически все преступления, которые расследовала. Мои люди блестящие, преданные и мужественные. Вы назначаете себя судьей и выкидываете тех, кто не отвечает вашим требованиям. Отлично! Только не вините меня в том, что я подбираю ваш мусор и вижу его истинную цену.

– Даже агента Николь?

Франкёр понизил голос, и остальным пришлось напрячься, чтобы услышать его слова. Но не Гамашу. Он слышал эти слова очень отчетливо.

– Даже агента Николь, – сказал он, глядя в холодные, жесткие глаза.

– Один раз вы ее выкинули, насколько мне помнится, – прошипел Франкёр. – Выгнали ее, и она оказалась в моем отделе. По наркотикам. Неплохо себя показала.

– Тогда зачем было отправлять ее назад ко мне? – спросил Гамаш.

– Как это вы говорите, старший инспектор? У всего есть своя причина. Очень глубокая. У всего есть своя причина, Гамаш. Попробуйте сообразить. А теперь у меня к вам вопрос. – Он стал говорить еще тише. – Что было в конверте, который вы тайно передали вашему сыну? Кажется, его зовут Даниель? У него дочь Флоранс. И жена. Она, кажется, беременна?

Этих его слов уже никто не слышал – так тихо он говорил. У Гамаша возникло странное ощущение, что Франкёр не произносит слова вслух, а внедряет их прямо ему в голову. Резкие, колючие, призванные ранить и предостеречь.

Он резко вдохнул, попытался сдержать себя – так велико было желание сложить пальцы в кулак и размозжить это ухмыляющееся, самодовольное, отвратительное лицо.

– Сделайте это, Гамаш, – прошипел Франкёр. – Сделайте это, чтобы спасти свою семью.

Неужели Франкёр предлагает ударить его? Чтобы Гамаша арестовали, заключили в тюрьму? Где он будет подвержен всем тем «случайностям», какие происходят в тюрьмах? И за такую цену Франкёр готов оставить его семью в покое?

– Трус несчастный. – Франкёр улыбнулся и отодвинулся, покачивая головой. – Я полагаю, меньшее, что может сделать старший инспектор Гамаш, – это объясниться, – сказал он обычным голосом. Напряженные, нервные лица вокруг стола немного успокоились. – Я полагаю, прежде чем мы начнем действовать от его имени или примем его отставку, мы должны узнать кое-что. Например, что было в конверте, который он передал сыну. Voyons, старший инспектор, это резонный вопрос.

Люди за столом согласно закивали. Гамаш посмотрел на Бребёфа – тот поднял брови, словно давая понять, что это удивительно бессмысленное расследование. С этим вопросом они легко справятся, если это все, что хочет знать совет.

Гамаш несколько секунд молчал, размышляя. Потом отрицательно покачал головой:

– Прошу прощения, это личное дело. Я не могу вам сказать.

Понимая, что все кончено, он собрал свои бумаги и направился к двери.

– Вы неумный человек, старший инспектор, – сказал ему вслед широко улыбающийся суперинтендант Франкёр. – Если вы сейчас выйдете отсюда, то ваша жизнь превратится в кошмар. Пресса будет клевать вас и ваших детей, пока и костей не останется. Ни карьеры, ни друзей, ни частной жизни, ни достоинства. А все из-за вашей гордыни. Как там сказал один из ваших любимых поэтов, Йейтс? «Распалось все; держать не может центр»[76].

Гамаш остановился, развернулся и размеренно пошел назад. С каждым шагом он как будто увеличивался в размерах. Офицеры, сидящие вокруг стола, с расширившимися глазами подались в стороны. Гамаш подошел к Франкёру, чья улыбка исчезла:

– Этот центр удержит.

Каждое слово было произнесено медленно и четко, голосом сильным, низким и более угрожающим, чем Франкёр когда-либо слышал. Гамаш повернулся и пошел к двери, а Франкёр попытался взять себя в руки. Но было слишком поздно. Все видели страх на его лице, и многие засомневались, а того ли человека они поддерживали.

Но и для этого было слишком поздно.

Гамаш шел по коридору, мужчины и женщины, стоявшие по обе стороны, приветствовали его, улыбались, и ему стало спокойнее. Кое-какие слова, сказанные Франкёром, прояснили кое-что. Какая-то часть информации в этот миг вывернулась так, что он увидел ее в ином свете. Но, будучи в состоянии стресса, Гамаш упустил мгновение. Это было связано с

Арно? Или с делом, которое он вел в Трех Соснах?

– Что ж, все прошло хорошо. Для Франкёра, – сказал Бребёф, догнав Гамаша, пока тот ждал лифта.

Гамаш молчал и смотрел на цифры, пытаясь припомнить, что показалось ему столь значительным. Кабина подошла, и они вдвоем вошли в нее.

– Знаешь, ты мог бы и не скрывать, что было в том конверте, – сказал Бребёф. – Кстати, а что там было?

– Извини, Мишель, ты что-то спросил? – Гамаш вернулся к реальности.

– Конверт, Арман. Что в нем было?

– Да ничего особенного.

– Тогда в чем проблема?

– Он не сказал «пожалуйста».

Бребёф нахмурился:

– Ты сам-то слышишь, что говоришь? Раздаешь другим советы, а через твой толстый череп что-нибудь проникает? Зачем делать из этого тайну? Мы боимся наших тайн. Разве не это ты всегда говоришь?

– Есть разница между тайной и частной жизнью.

– Ну, это чисто семантические различия.

Двери лифта открылись, и Бребёф вышел. Собрание прошло лучше, чем он мог себе представить. Гамаш почти наверняка покинет Квебекскую полицию, но мало того, он еще унижен и уничтожен. Или скоро будет.

В лифте Арман Гамаш твердо стоял на ногах, как одно из деревьев Жиля Сандона. И если бы Сандон находился рядом, то, возможно, услышал бы то, чего не могли услышать другие: крик Армана Гамаша, которого рубили под корень.

«Говорю вам тайну».

Эти слова из Послания апостола Павла к Коринфянам не давали покоя Гамашу. Эти слова были пророческими. В одно мгновение его мир изменился. Он ясно увидел то, что было скрыто. То, что никогда не хотел видеть.

Он заехал в школу на Нотр-Дам-де-Грас и успел застать секретаря, которая уже собиралась уходить домой. И теперь он сидел на парковке и разглядывал две вещи, полученные от нее. Список выпускников и еще один ежегодник. Она не могла понять, зачем ему все это нужно, но Гамаш пробормотал извинения, и она сдалась. Он думал, она потребует с него расписку. «Больше я не потеряю ни одного школьного альбома».

Но альбомы не были потеряны. Они были украдены. Кем-то, кто учился в школе с Мадлен и Хейзел. Кем-то, кто хотел скрыть свое лицо. И теперь, глядя на список выпускников и альбом, Гамаш точно знал, кто это.

«Говорю вам тайну», – услышал он надтреснутый голос Рут, читавшей эти великолепные слова. А следом – другой голос. Голос Мишеля Бребёфа. Обвиняющий, рассерженный. «Мы боимся наших тайн».

Гамаш знал, что так оно и есть. Из всего, что мы держим в себе, хуже всего наши тайны. То, чего мы настолько стыдимся, что должны прятать это даже от себя. Тайны ведут к заблуждениям, а заблуждения – ко лжи, а ложь создает стену.

Мы боимся наших тайн, потому что они разделяют нас с другими людьми. Делают одинокими. Превращают нас в пугливых, злобных, ожесточенных людей. Обращают нас против других и в конечном счете против нас самих.

Убийство почти всегда начинается с тайны. Убийство – это тайна, протяженная во времени.

Гамаш позвонил Рейн-Мари, Даниелю и Анни, а потом – Жану Ги Бовуару.

После этого он завел машину и поехал за город. Пока он ехал, зашло солнце, а когда он добрался до Трех Сосен, было уже совсем темно. В свете фар он видел лягушек, прыгающих по дороге, – они пытались пересечь ее по причине, которая навсегда останется для него тайной. Гамаш сбросил газ, стараясь не наехать на лягушек. Они подпрыгивали в свете фар «вольво», словно радостно приветствуя водителя. Они выглядели в точности как лягушки на довольно дурацких старинных тарелках Оливье. Гамашу пришла в голову мысль купить у Оливье две штуки, чтобы напоминали ему об этой весне и танцующих лягушках. Но потом он понял, что, вероятно, не сделает этого. Он не хочет ничего, что напоминало бы ему об этом дне.

– Я всех обзвонил, – сказал Бовуар, как только Гамаш вошел в оперативный штаб. – Они придут. Вы уверены, что хотите провести дело именно так?

– Уверен. Я знаю, кто убил Мадлен Фавро, Жан Ги. Кажется логичным, что это дело, начавшись с круга, должно описать полный круг. Мы встречаемся в старом доме Хадли в девять вечера. И мы назовем убийцу.

Глава сорок первая

Сердце у Клары было в пятках, в печенке, в копчике. Все ее тело откликалось на биение сердца. Она не могла поверить, что снова находится в старом доме Хадли.

Стояла темнота, если не считать слабого пламени свечи.

Когда ей позвонил инспектор Бовуар и сказал, чего хочет Гамаш, она подумала, что он шутит или выпил лишнего. В общем, не в себе.

Но он говорил серьезно. Они должны были встретиться в девять вечера в старом доме Хадли. В той самой комнате, где умерла Мадлен.

Весь вечер Клара смотрела на стрелки часов, неуклонно двигающиеся к девяти. Поначалу мучительно медленно, потом они вдруг ускорились и полетели по циферблату. Она не могла даже есть, и Питер умолял ее никуда не ходить. Наконец ее ужас нашел опору, и она согласилась остаться. В их маленьком доме, у камина, с хорошей книгой и стаканчиком мерло.

Спрятаться.

Но Клара знала, что если она останется дома, то ей придется нести этот груз трусости до конца дней. И когда часы показали пять минут девятого, она поднялась, словно пребывая в чьем-то чужом теле, надела куртку и вышла из дому. Как зомби в одном из старых черно-белых фильмов.

Она и оказалась в черно-белом фильме. Без уличных фонарей и светофоров на Три Сосны после захода солнца опускалась темнота. Если не считать светящихся точек в небе. И света в домах вокруг деревенского луга, которые умоляли ее не покидать их, не делать этой глупости.

Клара в темноте присоединилась к другим – к Мирне, Габри, месье Беливо, колдунье Жанне; все они плелись, словно против воли, к заколдованному дому на холме.

И вот она снова оказалась в этой комнате. Она обвела взглядом лица, обращенные к свече в середине их кружка, – ее свет отражался в их глазах, как контрольная лампочка, свидетельствующая о страхе, который они несли в себе. Клара поразилась тому, насколько пугающим может быть простое мерцание свечи, если другого света у вас нет.

Одиль и Жиль сидели напротив нее, так же как Хейзел и Софи.

Месье Беливо сел рядом с Кларой, а Жанна Шове – рядом с Габри, который украсил себя распятиями и звездами Давида, а в карман брюк запихал круассан. Мирна поинтересовалась содержимым его кармана,

потому что это было похоже на что-то другое.

Но все же их кружок был сломан. Один стул лежал на боку, упав в центр почти неделю назад, и там он и оставался как напоминание, хотя в сумеречном свете он был похож на скелет со своими деревянными подлокотниками, ножками и ребристой спинкой, отбрасывающей ломаные тени на стену.

Вечер за стенами старого дома Хадли стоял спокойный и тихий. Но внутри дома царила другая атмосфера, там была отдельная гравитация. Это был мир стонов и потрескиваний, печали и вздохов. Дом забрал еще одну жизнь, даже две, если считать птенчика, и он снова был голоден. Он хотел еще. И был похож на склеп. Даже хуже: он наводил на мысли о чистилище. Когда ты входил в этот дом, в эту комнату, то оказывался в потустороннем мире, где-то между жизнью и смертью. В мире, где они подлежали суду, после которого каждый отправлялся отбывать приговор там, где было назначено.

Из темноты появилась рука и ухватила стул-скелет. Это оказался Арман Гамаш. Несколько секунд он просидел молча, потом опер локти о колени и подался вперед, сплетя большие сильные пальцы словно в молитве. Его темно-карие глаза были задумчивы.

Клара услышала выдох. Пламя свечи бешено замигало от силы их высвободившегося напряжения.

Гамаш посмотрел на собравшихся. Кажется, он задержал взгляд на Кларе и улыбнулся, но Клара подумала, что, наверное, у всех создалось такое же впечатление. Она не могла понять, как он умудряется управлять временем, вынуждать его выходить за рамки собственных правил. Впрочем, она знала и то, что Три Сосны тоже обладают такой способностью: в деревне время словно становится гибким.

– Это трагедия тайн, – заговорил Гамаш. – Это история привидений, призраков, зла, рядящегося в одеяния доблести. Это история того, что было спрятано и похоронено. Живых. Когда хоронят что-то не полностью мертвое, оно непременно возвращается, – сказал он после секундной паузы. – Оно когтями прорывает себе путь из земли, сгнившее и истлевшее. И голодное. Вот что случилось здесь. У всех в этой комнате есть тайны. Что-то такое, что они хотят скрыть. И это что-то ожило несколько дней назад. Когда агент Лакост сообщила мне о своем разговоре с бывшим мужем Мадлен, я начал прозревать. Он говорил о Мадлен как о солнце. Дарующем жизнь, ярком и веселом.

Освещенные лица в кругу согласно закивали.

– Но солнце, оно ведь еще и обжигает. Оно ослепляет и жжет. – Он

снова обвел их взглядом. – И создает сильные тени. Кто может жить вблизи солнца? Я вспомнил об Икаре, прекрасном юноше, который полетел на крыльях, сделанных его отцом. Однако отец его предупредил: не подлетай слишком близко к солнцу. Но Икар не послушался. Все, у кого есть дети, поймут меня.

Он посмотрел на Хейзел. Она сидела с бессмысленным взглядом. Пустым. Там, где прежде были тревога, боль, гнев, не осталось ничего. Здесь промчались всадники, оставив за собой пустыню. Но Гамаш подумал, что они, наверное, не принесли скорби. Всадники, которых Хейзел так отчаянно сдерживала, принесли кое-что куда более ужасное. Их ношей было одиночество.

– Наиболее очевидным подозреваемым была Софи. Бедняжка Софи, как все ее называют. Она всегда обижена, всегда болеет. Хотя дела улучшились, когда появилась Мадлен.

Софи уставилась на него недовольным взглядом, насупив брови.

– Дом, который был так наполнен вещами и в то же время оставался пустым. Можете вы себе такое представить?

Неожиданно они перенеслись мыслями в тот день, когда скучный дом Хейзел и Софи посетило солнце. Когда раздвинулись занавески. Когда смех расшевелил застоявшийся воздух в комнатах и тот завихрился в лучах солнца.

– Но вы заплатили за это немалую цену: стали видны ваши тени. Вы влюбились в Мадлен, верно?

– Любовь – это не тень, – с вызовом сказала Софи.

– Вы правы. Любовь не тень. Но привязанность – да. Мирна, вы говорили о близком враге.

– Привязанность, выдающая себя за любовь, – кивнула Мирна. – Но я не думала о Софи.

– Да, вы думали о ком-то другом. Но это применимо и к данному случаю. – Он обратился к Софи: – Вы хотели, чтобы Мадлен целиком принадлежала вам. Вы поступили в Куинс, университет, в котором училась она, поступили, чтобы произвести на нее впечатление. Чтобы она обращала на вас больше внимания. Вас мучило, что приходилось делить Мадлен с вашей матерью, но когда вы недавно вернулись домой и обнаружили, что у Мадлен завязались отношения с месье Беливо, это стало для вас пределом всего.

– Как она могла? Нет, вы посмотрите на него! Старый, уродливый, бедный. Владелец какой-то захудалой лавки. Как она могла полюбить его? Я поехала учиться в этот долбаный Куинс ради нее, а когда вернулась,

оказалось, что ее нет. Ушла с ним на спиритический сеанс.

Она показала своим костылем на Беливо, которого, похоже, не тронули ее оскорбления.

– А когда пришло время второго сеанса, тут вы увидели ваш шанс. Вы всю жизнь боролись с избыточным весом, даже эфедру принимали несколько лет назад, пока таблетки у вас не нашли и не отобрали. Но потом вы снова стали набирать вес и заказали новую порцию эфедры по Интернету. На этой вашей фотографии, снятой всего два года назад, мы видим толстушку.

Гамаш пустил по кругу фотографию, висевшую прежде на холодильнике. Все рассмотрели ее. Казалось, она была снята на другой планете, где люди любили друг друга, смеялись и радовались. На планете, где Мадлен все еще была жива.

– Вы нашли пузырек с эфедрой. Вы знали, что ваша мать ничего не выбрасывает. Инспектор Бовуар сообщил, что шкаф забит старыми пузырьками, большинство лекарств давно просрочено. По отчету нашей лаборатории мы знаем, что в последнее время вы не пользовались недавно заказанной эфедрой. Вместо нее вы нашли старые таблетки. Вы знали, что у Мадлен больное сердце – следствие химиотерапии…

По кругу прошел шепоток.

– И вы знали, что большая доза может ее убить. Вам нужно было только напугать ее. Сделать что-то такое, отчего ее сердце застучало бы в груди как сумасшедшее. И такая возможность вам представилась. Спиритический сеанс в старом доме Хадли.

– Это глупо, – сказала Софи, хотя вид у нее был отнюдь не уверенный.

– За обедом вы сели рядом с Мадлен и подсыпали ей в еду таблетки.

– Ничего я не подсыпала. Мама, скажи ему, что я этого не делала.

– Она этого не делала, – произнесла Хейзел, найдя в себе немного сил, чтобы прийти на защиту дочери.

– Конечно, все, что я сказал о Софи, применимо и к Хейзел. – Гамаш повернулся к женщине рядом с Софи. – Вы любили Мадлен. И никогда не пытались этого скрыть. Почти наверняка платонической любовью, но сильной. Возможно, вы любили ее еще с детства, когда были девчонками. И тут она приезжает жить к вам, восстанавливается после химиотерапии, и ваша жизнь начинается заново. Скука уходит. Уходит одиночество.

Хейзел кивнула.

– Если Софи могла найти эфедру, то могли и вы. За обедом вы сидели по другую сторону от Мадлен. Вы могли подсунуть эфедру в ее еду. Но остается один неудобный вопрос: почему не убить Мадлен на первом

сеансе? Зачем ждать?

Он сделал паузу, чтобы все осознали этот вопрос. Теперь казалось, что весь существующий мир ограничен кругом света. Известный мир заканчивался там, где наступала темнота.

– Сеансы имели три отличия, – принялся загибать пальцы Гамаш. – Перед вторым сеансом состоялся обед у Питера и Клары, второй сеанс был назначен в старом доме Хадли, и на нем присутствовали мать и дочь Смит.

– Но зачем Хейзел убивать Мадлен? – спросила Клара.

– Ревность. Посмотрите на эту фотографию. – Он показал на снимок, который в этот момент находился в руках Габри. – Мадлен с любовью смотрит на Хейзел, а Хейзел тоже смотрит, с еще большей нескрываемой любовью. Но не на Мадлен или Софи. Она смотрит в сторону от объектива. И тут я вспомнил слова Оливье. Он сказал о том, как Хейзел опекала месье Беливо после смерти его жены. Он приглашался на все праздники. В особенности на крупные. На Хейзел светло-голубая шляпка, на торте – голубая глазурь. Это день рождения месье Беливо. Ваш.

Он посмотрел на Беливо, у которого был встревоженный вид. Габри передал ему фотографию, и бакалейщик несколько секунд разглядывал ее. В тишине они услышали потрескивание. Словно что-то поднималось по ступенькам. Клара знала, что это всего лишь игра ее воображения. Она знала, что прежде она слышала только дрозденка, а не монстра, который возникал в ее воображении. Теперь птенец был мертв. Так что никто не мог подниматься по лестнице. На площадке никого не было. Никто не мог идти по коридору.

– Хейзел всегда была очень добра, – сказал наконец месье Беливо, глядя на Хейзел, которая готова была сквозь землю провалиться.

– А вы в него влюбились, верно? – спросил Гамаш.

Хейзел едва заметно отрицательно покачала головой.

– Мама, это правда?

– Я находила его очень милым. Однажды я даже подумала…

Голос ее стих.

– Но потом появилась Мадлен, – сказал Гамаш. – Она ни о чем таком и не думала, почти наверняка и представления не имела о том, как вы к нему относитесь, но тем не менее она похитила у вас месье Беливо.

– Он мне не принадлежал, как можно было его у меня похитить?

– Мы так говорим обычно, но одно дело – слова, и совсем другое – чувства. Два одиноких человека – вы и месье Беливо. Во многих смыслах куда как более естественная пара. Но Мадлен явилась великолепным, красивым, веселым притяжением, и месье Беливо был очарован ею. Я не

хочу создать впечатление, будто Мадлен была злобной или бесчестной. Она просто была самой собой. И в нее было трудно не влюбиться. Я верно говорю, месье Сандон?

– Moi?

У Сандона дернулась голова, когда он услышал свое имя.

– Вы тоже ее любили. Сильно любили. Ваша любовь была такой сильной и всепоглощающей, какой бывает только безответная любовь. Во многих смыслах она самая сильная, потому что никогда не бывает удовлетворенной. Мадлен оставалась для вас идеалом. Совершенной женщиной. Но потом это совершенство дало сбой. Она полюбила кого-то другого. И не просто другого, а того единственного человека, которого вы презираете. Месье Беливо, приносящего смерть. Человека, который позволил почтенному старому дубу умереть в мучениях.

– Я бы никогда не смог убить Мадлен. Я даже дерево не могу срубить. На цветок не наступлю, жука не раздавлю. Я не могу забрать чужую жизнь.

– Можете, месье Сандон. – Арман Гамаш замолчал и подался вперед, глядя на громадного лесоруба. – Вы же сами сказали. Лучше пресечь страдания, чем позволить умирать долгой и мучительной смертью. Вы говорили о дубе. Но вы были готовы его убить. Пресечь страдания. Если бы вы знали, что Мадлен умирает, возможно, вы бы поступили так и по отношению к ней.

Сандон лишился дара речи. Его глаза и рот были широко открыты.

– Я ее любил. Не мог я ее убить.

– Жиль, – прошептала Одиль.

– А она любила кого-то другого. – Гамаш наклонился еще ближе к Сандону, чтобы каждое его слово достигало цели. – Она любила месье Беливо. Вы каждый день видели это, каждый день это происходило на ваших глазах, вы не можете это отрицать. Она вас ничуть не любила.

– Как она могла? – Сандон поднялся со стула и сжал кулаки, похожие на дубинки. – Вы и представить себе не можете, что это было такое – видеть ее с ним. – Он повернулся и посмотрел на кроткого месье Беливо. – Я понимал, что она не могла полюбить такого, как я…

Он запнулся.

– Но если она не могла полюбить вас, то не должна была полюбить никого? – тихо сказал Гамаш. – Вероятно, это было ужасно.

Лесоруб рухнул на стул. Все ждали, что сейчас раздастся треск и стул под ним рухнет, но стул выдержал – так может мать подхватить падающего ребенка.

– Но вещество, которое ее убило, обнаружилось в аптечке у Смитов, –

яростно проговорила Одиль. – Жиль не мог его оттуда взять.

– Вы правы. Он не мог проникнуть к ним в дом, – ответил ей Гамаш. – Я упоминал о данных лабораторного анализа, согласно которому эфедра, убившая Мадлен, не из недавней закупки. Она гораздо более натуральная. Как же я был глуп! Мне об этом говорили много раз, но я словно не слышал. Эфедра – трава. Растение. Ее много веков использовали в китайской медицине. Может быть, Жилю и не требовался доступ в дом Смитов. Как и вам. Вы знаете, что я взял в вашем магазине?

Он уставился на Одиль, а та вперилась в него лихорадочным, обезумевшим взглядом.

– Ма хуань. Старинное китайское средство из травы. Еще оно известно под названием чай мормона. И эфедра.

– Я этого не делала. И он этого не делал. Он ее не любил. Она была сучка, паскудная, паскудная личность! Она манипулировала людьми, и у них возникало впечатление, что она к ним небезразлична.

– Вы говорили с ней, предупреждали ее, когда шли сюда тем вечером. Верно? Вы сказали ей, что она может заполучить любого, но Жиль – единственный мужчина, которого вы когда-либо хотели. Вы умоляли ее держаться от него подальше.

– Она сказала, чтобы я не была дурой. Но я вовсе не дура.

– К тому времени было уже слишком поздно. Она уже получила дозу эфедры. – Гамаш оглядел круг уставившихся на него лиц. – У вас у всех были основания убить ее. И возможность для этого. Но тут присутствовала и еще одна необходимая составляющая. Мадлен Фавро была убита эфедрой и испугом. Кто-то должен был обеспечить этот испуг.

Все глаза обратились на Жанну Шове. Ее собственные глаза были полуприкрыты и темны.

– Вы все пытались убедить меня считать Жанну подозреваемой. Говорили, что не доверяете ей, что она вам не нравится. Что пугает вас. Я объясняю это своего рода истерикой. Среди вас появился чужак. Ведьма. Лучше виновного и не найдешь, верно?

Клара уставилась на него. Гамаш сказал об этом так просто, так четко. Неужели они и в самом деле хотели отдать эту похожую на мышку женщину в руки инквизиции? Подставить ее? Поджечь костер и погреться у него, как пуритане, которые были уверены, что сами они ни при чем. Никто не думал об истине, никто не думал об этой женщине.

– Я сразу отмел ее как подозреваемую – уж слишком это было очевидно. Но во время вчерашнего обеда я передумал.

Кларе показалось, что она снова слышит скрип, словно дом опять

пробудился, почувствовал возможность убийства. Сердце ее колотилось, да и свеча начала мигать, словно и у нее внутри что-то задрожало. Было в старом доме Хадли что-то такое. И вот оно ожило. Гамаш, по-видимому, это почувствовал. Он наклонил голову, на его лице появилось недоуменное выражение. Он прислушался.

– Рут Зардо говорила о времени костров и назвала вас Жанной д’Арк, – сказал он Жанне. – Которую сожгли на костре за то, что она слышала голоса и ей были видения. Ведьма.

– Святая, – поправила Жанна далеким, отстраненным голосом.

– Ну, если вам так больше нравится, – сказал Гамаш. – Первый сеанс показался вам шуткой, но к следующему вы отнеслись серьезно. Вы постарались, чтобы он произвел впечатление и был максимально пугающим.

– Я не отвечаю за страхи других людей.

– Вы так думаете? Если, выпрыгнув из темноты, вы закричите как резаная, то вы же не будете обвинять человека в том, что он испугался. А вы именно это и сделали. Преднамеренно.

– Никто не тянул Мад туда на аркане в тот вечер, – сказала Жанна и замолчала.

– Мад, – тихо произнес Гамаш. – Уменьшительное имя. Его использовали люди, которые хорошо ее знали, но не те, кто только-только с ней познакомился. Вы ведь знали ее, верно?

Жанна не ответила.

Гамаш кивнул:

– Вы ее знали. Я вернусь к этому через несколько секунд. Последней составляющей убийства был этот спиритический сеанс. Но никто из присутствующих здесь не собирался проводить его и никто не ждал, что на Пасху здесь появится экстрасенс. Уж слишком тут много совпадений, чтобы считать их случайными. И это не было случайностью. Вы отправляли ей это? – Гамаш протянул Габри рекламку его гостиницы.

– Никому я это не отправлял, – отрезал Габри, едва взглянув на брошюру. – Я их заказал только для того, чтобы успокоить Оливье, который говорит, что мы себя недостаточно рекламируем.

– И вы не рассылали этих брошюрок по почте? – не отставал Гамаш.

– Зачем бы я стал это делать?

– У вас гостиница, – сказала Мирна. – Бизнес.

– Именно это и говорит Оливье, но у нас и без того достаточно гостей. Зачем делать лишнюю работу?

– Уже одно то, что ты – Габри, и без того немалая работа, –

согласилась Клара.

– Утомительная, – кивнул Габри.

– Значит, это не вы сделали надпись вверху. – Гамаш показал на глянцевую брошюру в большой руке Габри.

Габри подставил брошюрку под пламя свечи и напряг глаза.

– «Где спариваются лэй-линии – пасхальные скидки», – прочел он и хохотнул. – Ну прямо. Вы это имели в виду, когда говорили: «Тут у вас не спариваются»? – спросил он Жанну, перемещая свой круассан.

– Я ничего такого не говорила. Я сказала, что лей-линии здесь не спариваются, то есть не встречаются.

– Мне показалось, вы говорили немножко другое, – с облегчением сказал Габри. – Но вот этого я никогда не писал. – Он вернул брошюрку Гамашу. – Я даже не понимаю, что это значит.

– Вы не писали этих слов и не отправляли брошюрку. Так кто же это сделал? – Было ясно, что Гамаш не ждет ответа. – Кто-то, кому нужно было заманить Жанну в Три Сосны. Кто-то, кто знал ее настолько хорошо, что понимал: упоминание лей-линий вызовет у нее интерес. Но в то же время этот кто-то сам плохо знал, что такое лей-линии, и не умел правильно написать это слово.

– Я бы сказала, что в эту категорию попадаем все мы, – вступила в разговор Клара. – Кроме одного человека. – Она посмотрела на Жанну.

– Вы хотите сказать, что я сама это написала? Чтобы все выглядело так, будто кто-то пытался заманить меня сюда? И даже слово сама исказила. Ну, я не настолько умна.

– Возможно, – заметил Гамаш.

– К первому сеансу, – сказала Клара, обращаясь к Габри, – ты развесил объявления, сообщавшие, что мадам Блаватски будет общаться с мертвыми. Ты соврал – назвал неправильную фамилию…

– Художественный вымысел, – объяснил Габри.

– Быть Габри утомительно, – вставила Мирна.

– …но ты знал, что она экстрасенс. Откуда?

– Она мне сама сказала.

Через секунду заговорила Жанна:

– Это правда. Я все время повторяю себе: никому ничего не говори – и, конечно, именно об этом всем и рассказываю в первую очередь. Не могу понять почему.

– Вы хотите быть особенной, – не без тепла сказала Мирна. – Мы все хотим. Просто вы человек более открытый.

– Понимаете, – сказал Габри необычным для него слабым голосом, – я

ведь не вытягивал из нее этого клещами. Я у всех своих гостей спрашиваю, чем они занимаются. Какие у них пристрастия. Это же любопытно.

– А потом ты используешь их в своих целях, – сказал Сандон, не способный забыть, как он проиграл двести долларов одному из постояльцев Габри, который оказался чемпионом по покеру.

– Деревня успокаивается, – объяснил Габри Гамашу. – Я несу культуру в Три Сосны.

Никто не стал напоминать ему про визжащего оперного певца.

– Когда Жанна приехала, она гадала мне по руке, – продолжил Габри. – В прошлой жизни я был Хранителем света в Акрополе, только никому об этом не говорите.

– Обещаю, – торжественно произнесла Клара.

– Но перед этим я обошла деревню, – сказала Жанна. – Почувствовала энергию этого места. Забавно то, что, кто бы это ни написал, – она показала на брошюру в руке Гамаша, – он был почти прав. Здесь действительно есть лей-линии, но они идут параллельно. Это довольно необычное явление, когда линии проходят так близко друг к другу. Но они не спариваются. И вообще-то, никому не нужно, чтобы они спаривались. Возникает слишком много энергии. Это хорошо для всяких священных мест, но вы ведь знаете, что в Стоунхендже никто не живет.

– По крайней мере, если кто и живет, мы их не видим, – сказал Гамаш, ко всеобщему удивлению. – Тот, кто отправил вам эту брошюру, не сомневался: Габри узнает, что его гостья экстрасенс, а это гарантировало, что он попытается ее использовать. Так что проведение спиритического сеанса было вполне предсказуемо. Вчера вечером у Питера и Клары вы, Мирна, принесли мне книгу. «Словарь магических мест». Я просмотрел ее, и знаете, что нашел?

Все молчали. Он обратился к Жанне:

– Я думаю, вы знаете, что я там нашел. У вас был расстроенный вид, когда появилась эта книга, в особенности еще и потому, что это было последнее издание. Оливье спросил, неужели обнаружились какие-то новые магические места. Он, конечно, шутил, но, как выяснилось, был очень близок к правде. За последние двадцать лет и в самом деле было обнаружено новое магическое место. Во Франции. Несколько пещер, названных по району, в котором они были найдены. Пещеры Шове.

Снова послышался скрип, и Гамаш понял, что время истекает. Приближалось что-то темное и личное.

– Жанна Шове. Экстрасенс и самозваная виканка, носящая имя средневековой героини, сожженной за колдовство, и фамилию магической

пещеры. Невозможно, чтобы вы так звались от рождения. Но вчера вечером случилось и еще кое-что. Мы с инспектором Бовуаром не могли уснуть – мешали лягушки. Мы сидели в гостиной, просматривали ежегодные альбомы школы, где учились Хейзел и Мадлен. И тут появилась Жанна. А сегодня утром альбомы пропали. Взять их мог только один человек. Почему вы это сделали, Жанна?

Жанна сидела, уставившись в темноту. Спустя несколько секунд она сказала:

– Что-то грядет.

– Pardon? – спросил Гамаш.

Она повернулась к нему, и свет наконец упал на ее глаза. Они сияли. Это было неестественно, обескураживало.

– Я знаю, вы это чувствуете. Это то, о чем я предупреждала вас тем утром в церкви. Оно здесь.

– Зачем вы забрали альбомы, Жанна?

Гамаш должен был оставаться собранным, не позволить мыслям перескакивать на другое. Но он знал, что время на исходе. Ему необходимо было закончить это сейчас.

Она, не скрываясь, смотрела на дверь и хранила молчание.

– Сегодня днем я заехал в школу и взял там две вещи. Еще один альбом и список выпускников. Я бы хотел прочесть кое-что из выпускного альбома Хейзел и Мадлен. – Он достал альбом из сумки и положил себе на колени. Открыл на заложенном месте. – «Джоан Каммингс. Член группы поддержки. Жанна д’Арк собирается спалить этот мир».

Он тихо закрыл альбом.

– Ты Джоан Каммингс? – спросила Хейзел, поднимаясь со стула. – Из школы?

– Ты меня не узнала, да? Мад тоже не узнала.

– Ты изменилась, – сказала Хейзел, у которой от смущения стал заплетаться язык.

– А вот Мад не изменилась, – заметила Жоанна.

Гамаш перевернул альбом и показал им фотографию. В неясном свете они увидели молодую женщину: крепкие руки воздеты к небу, на красивом лице улыбка во весь рот.

– Это было почти тридцать лет назад. Но, несмотря на всю косметику и улыбки, они называли вас Жанной д’Арк и говорили о сожжении.

Жанна стрельнула глазами в дверь, потом снова перевела взгляд на Гамаша:

– Я знала Мадлен по группе поддержки. Вы были правы, говоря о

солнце. Да, такой она и была, и даже еще больше. Она была по-настоящему прекрасной, что делало ее еще хуже. Меня много лет дразнили и мучили за то, что я не такая, как все, и я хотела одного – быть принятой. Стала пользоваться косметикой, сделала прическу, научилась нести чушь и наконец поступила в группу поддержки. Я хотела стать ее подругой, но она меня не замечала. Она не была жестокой, просто снисходительной.

– Вы ее ненавидели? – спросила Клара.

– Наверное, вы всегда пользовались успехом, – отрезала Жанна. – Хорошенькая, талантливая, энергичная. – (Клара услышала эти слова, но не узнала в них себя). – У меня ничего этого не было. Мне просто хотелось иметь подругу. Одну-единственную подругу. Вы представляете себе, как ужасно все время быть чужаком? И вот наконец меня взяли в группу поддержки. Там были все самые крутые девчонки. И знаете, как мне это удалось?

Ее голос упал до шепота.

– Я предала все, чем была прежде. Стала глупенькой и поверхностной. Каждый день изживала себя прежнюю. Я заперла в себе все, что мне было важно, и повернулась спиной к людям, которые могли бы стать моими друзьями. И все ради одной идеальной девчонки.

– Ради Мадлен, – кивнул Гамаш.

– А она была идеальной. Худшим днем в моей жизни стал тот, когда я поняла: я предала все, что мне было важно, и не получила за это ничего.

– И тогда вы изменили свою фамилию на Шове. И снова стали такой, как прежде.

– Нет, я в конечном счете приняла себя такой, какая я есть. Изменение фамилии на Шове стало праздником, декларацией. Я наконец перестала прятать от людей свое истинное «я».

– Она ведьма, – прошептал Габри Мирне.

– Мы знаем, mon beau. И я тоже.

– Я знала, кто я, но не знала откуда. Я всюду оставалась чужаком. Пока не попала сюда. Как только я проехала по дороге в Три Сосны, я поняла, что нашла дом.

– Но еще вы нашли Мадлен, – сказал Гамаш.

Жанна кивнула:

– На сеансе тем вечером. И я знала, что она опять похитит мой свет. Не из корысти, а потому, что я сама отдам его ей. Я это чувствовала. Я нашла себя, нашла дом, мне не хватало только друга. И как только я увидела Мад, то сразу поняла, что опять пойду по тому же кругу. Попытаюсь стать ей другом и буду отвергнута.

– Но зачем было ее убивать? – спросила Клара.

– Я ее не убивала.

По кругу прошел недоверчивый шепоток.

– Она говорит правду, – сказал Гамаш. – Она не убивала Мадлен.

– Тогда кто? – спросил Габри.

Жанна встала и уставилась в темноту у дверей.

– Сэр?

Голос, донесшийся оттуда, был молодым, робким и от этого почему-то еще более пугающим: все равно как узнать, что дьявол – друг твоей семьи.

Гамаш тоже поднялся и повернулся к двери. Он не видел ничего, кроме черноты, но потом появились и очертания. Его время кончилось. Он повернулся к кругу. Все глаза были устремлены на него, лица круглые и открытые, как прожектора, ищущие подтверждения, что все правильно.

– Я вернусь через несколько минут.

– Вы покидаете нас? – спросила Клара.

– Прошу прощения. Это необходимо. Но не бойтесь, ничего плохого с вами не случится.

Гамаш развернулся и вышел из мерцающего круга света, исчез за краем мира.

Глава сорок вторая

Агент Лемье провел его в самый конец коридора, в плохо освещенную комнату, где сидел какой-то человек, положив ногу на ногу, с фонариком на коленях.

– Привет, Арман.

Голос был такой знакомый. Да и фигуру, даже в тусклом свете, Гамаш узнал сразу. Он столько лет любил его. Они вдвоем еще в запретном возрасте заглядывали в бары, ходили на свидания вчетвером, зубрили учебники перед экзаменами, отправлялись в долгие прогулки, разбирали насущные мировые проблемы. А потом собирали их до последнего винтика. Вместе курили. Вместе прогуливали. Они были шаферами друг у друга на свадьбах. Стояли друг за друга горой, просили друг друга стать крестными своих драгоценных, любимых детей.

Внезапно Арман Гамаш снова оказался дома. Он прижимался щекой к грубой ткани дивана, устремив глаза на дорогу. Он ждал маму и папу. Они приходили домой через день. Но тем вечером приехала какая-то незнакомая машина. Из нее вышли два человека. Постучали в дверь. Рука бабушки нашла его руку, в нос ударил неожиданно резкий запах нафталина от ее свитера, когда она прижала его голову к себе, чтобы защитить его от слов. Но слова все же нашли его, накатили на него и прилипли к нему на всю оставшуюся жизнь.

Ужасная автокатастрофа.

И уже тогда с ним рядом был его маленький друг Мишель Бребёф. Гамаш рос, и его утешало знание того, что ничего страшнее в жизни уже не будет.

До сего дня.

Теперь он стоял перед этим человеком, которого так любил. Всадники отпущены на свободу и несутся вниз по склону, лошади ржут, оружие наголо. Пленных не брать.

– Bonjour, Michel.

– Ты ведь знал, да? Я видел это по твоему лицу, когда выходил сегодня из кабины лифта.

Гамаш кивнул.

– Откуда? – спросил Бребёф.

Гамаш оглянулся на стоящего в дверях агента Лемье.

– Он остается, Арман.

Гамаш уставился на Лемье, внимательно вглядываясь в его лицо. Но увидел только холодный, жесткий взгляд.

– Еще не поздно, – сказал Гамаш.

– Слишком поздно, – возразил молодой агент. – Для нас обоих.

– Тебя я не имел в виду, – сказал Гамаш.

Бребёф поднялся:

– Откуда ты узнал?

– Тайны, – сказал Гамаш, удивляясь спокойствию своего голоса. Этот разговор был похож на множество других, которые он вел с Мишелем. Логичный, вдумчивый, даже мягкий. – Мы боимся наших тайн. Ты сказал это мне в кабине лифта.

– И что?

– Ты сказал, что это один из уроков, которые я преподаю стажерам. Но это неправда. Я произнес эту фразу только однажды, и это было здесь, в старом доме Хадли. И сказал я эти слова агенту Лемье.

Бребёф задумался на мгновение.

– Значит, ты знал, что он работает на меня?

– Я знал, что он работает на кого-то другого, но не на меня. Я знал, что он шпион.

– Почему? – Бребёфа невольно одолело любопытство.

– Так действовал Арно. Просто и эффективно. Ввести человека, которому ты доверяешь, в какое-то дело – и пусть доводит ситуацию до точки кипения. Un agent provocateur. Я понял, что если люди Арно попытаются меня свалить, то будут делать это изнутри. Подсадят крота в мою команду. Но Арно пользовался услугами головорезов. Ты гораздо умнее. Ты выбрал человека располагающего, который умеет втереться в доверие.

Гамаш повернулся к Лемье:

– Ты легко сходишься с людьми. Вся команда приняла тебя. Ты умный, самокритичный. Ты вписался в команду. Это гораздо эффективнее, чем подсылать головорезов. Ты убиваешь поцелуем.

Холодные глаза агента Лемье выдержали пристальный взгляд Гамаша.

– Осторожнее, молодой человек. Вы играете с вещами, в которых ничего не понимаете.

– Вы думаете, не понимаю? – Лемье шагнул вперед. – Вы думаете, что я – молодой агент Лемье, наивный, неопытный, глуповатый? Вы полагаете, что я был сбит с толку щедрыми обещаниями суперинтенданта? Думаете, что меня соблазнили?

Говоря это, он подходил все ближе к Гамашу. Шел нарочито медленно,

а голос его звучал ровно и бархатно, завлекающе. Обворожительно. Но очарование юности слезало с него как шелуха, а то, что приближалось к Гамашу, с каждым шагом становилось все старше и отвратительнее. Наконец Лемье остановился, почти уткнувшись лицом в лицо старшего инспектора. У Гамаша возникло ощущение, что это существо сейчас лизнет его своим омерзительным, скользким языком. Он изо всех сил заставлял себя не отступать, сдерживая рвоту.

– Вы думаете, что настанет день и я пожалею об этом, да?

Гамаш ощутил на своей щеке вонючее дыхание Лемье.

– Вы предсказуемы, старший инспектор. У вас потребность спасать людей, как когда-то спасли вас. Если вам еще раз будет предоставлена такая возможность. Суперинтендант рассказал мне о ваших родителях. Для большинства мальчишек это стало бы незаживающей раной, но вы сумели выжить и даже процветаете. Но заключенная вами сделка состояла в том, что вы будете помогать другим. Никто не может утонуть, пока вы на вахте. Тяжелый крест.

Гамаш чувствовал, как колотится его сердце.

– То, о чем мальчишки разговаривают друг с другом… Я представляю себе вас, Гамаш. Дюжий, рослый серьезный мальчик рассказывает своему другу о торжественной клятве помогать людям. И Бребёф торжественно поклялся помогать вам. Верно? Как Ланселот и Артур[77]. И в конечном счете один предает другого. Чему там учил вас ваш первый начальник? Евангелие от Матфея, глава десятая, стих тридцать шестой. Вы думали, что я не обращаю на это внимания? – спросил он Гамаша.

– Нет-нет, я всегда знал, что ты на все обращаешь внимание.

Гамаш повернулся к Бребёфу. Он чувствовал, что теряет контроль над собой, и если это случится, то он потеряет все.

– Я могу понять нападки на меня, но на мою семью, Мишель? При чем тут Даниель? При чем тут Анни, ведь ты ее крестный отец?

– Ты уже тогда мог понять, что это я. Кто еще столько знает о твоей семье? Но ты все равно оставался слепым. Таким преданным. – Бребёф покачал головой. – Ты так ничего и не заподозрил, верно? Все думал, что это Франкёр.

Гамаш шагнул к Бребёфу, но между ними встал Лемье. Гамаш не помнил, чтобы Лемье был таким большим. Он остановился, не сводя взгляда с Бребёфа.

– Я знал: что-то переменилось между нами, – сказал Гамаш. – Ты был отчужденным, вежливым, но не больше. Всякие мелочи, но ничего, за что можно было бы зацепиться. Всякие глупости, которые и упоминать-то не

стоит, но одна мелочь цеплялась за другую. Забыл поздравить с днем рождения, не пришел на вечеринку, бросил мимоходом замечание, которое могло оскорбить. Но я никак не мог в это поверить. Я решил не верить своим глазам.

«Боялся поверить в это, – подумал Гамаш. – Боялся, что это правда и что я могу потерять лучшего друга. Как Хейзел потеряла Мадлен».

– Я думал, что ты занят семейными делами. Я и представить себе не мог… – Слова у него иссякли. Но одно, последнее, сформировалось и вышло из его рта: – Почему?

– Ты помнишь время сразу после приговора Арно и другим? Дело было завершено, но ты попал в немилость. Тебя вытеснили из совета. Мы с Катрин пригласили тебя и Рейн-Мари на обед. Чтобы приободрить. Но у тебя было прекрасное настроение. Мы пошли ко мне в кабинет выпить коньяка, и ты сказал мне, что тебе все равно. Ты сделал то, что должен был сделать. Твоя карьера была поставлена под угрозу, но ты словно и не замечал этого. Когда ты ушел, я уселся за чтение какой-то мутной книги, которую дал мне, кажется, ты. Там я нашел слова, потрясшие меня. Я переписал их на бумажку и положил в бумажник, чтобы никогда не забывать.

Бребёф вытащил свой бумажник. Извлек из него сложенный клочок бумаги, затертый и затрепанный, как любовное письмо. Он развернул бумажку:

– Это было писано в год Рождества Христова девятьсот шестидесятый. Предположительно эти слова сказал Абд ар-Рахман Третий Испанский.

Голос его звучал как у взволнованного мальчишки перед классом. У Гамаша чуть не перехватило дыхание от боли. Бребёф откашлялся и начал:

– «И вот я отошел от дел после пятидесяти лет побед или мира, подданные меня любят, враги боятся, союзники уважают. Богатства и почести, власть и наслаждения – все было доступно мне, как и любые земные блага. И в таких обстоятельствах я усердно считал дни чистого и подлинного счастья, подаренные мне судьбой. И насчитал их числом четырнадцать».

Робер Лемье рассмеялся. Но сердце Армана Гамаша пронзила боль.

Бребёф аккуратно сложил листок и убрал его в свой бумажник.

– Всю нашу жизнь я был умнее, быстрее, лучше в теннисе и хоккее, чем ты, – сказал Бребёф. – Я получал отметки лучше, чем ты, и первым обрел любовь. Родил трех сыновей. У меня пять внуков против твоего одного. Я получил семь почетных грамот. А сколько у тебя?

Гамаш отрицательно покачал головой.

– Ты даже не знаешь, да? Я, а не ты получил звание суперинтенданта и стал твоим начальником. Я наблюдал, как ты губишь свою карьеру. Так почему же ты счастлив, а я – нет?

Этот вопрос сразил Гамаша, пронзил его грудь и сердце, взорвался в мозгу, вынудив закрыть глаза. Когда он снова их открыл, ему показалось, что у него видение: за спиной Лемье, в тени, стоял кто-то еще.

Потом меньшая тень отделилась от большей и стала агентом Николь, похожей на привидение, застрявшее между двумя мирами.

– Чего ты хочешь? – спросил Гамаш у Бребёфа.

– Он хочет, чтобы вы ушли в отставку, – объяснил Лемье, явно не почувствовавший появления Николь. – Но мы оба знаем, что этого будет недостаточно.

– Конечно, этого будет достаточно, – резко сказал Бребёф. – Мы победили.

– А что потом, Бребёф? – спросил Лемье. – Вы слабак, Бребёф. Вы обещали обеспечить мой карьерный рост, но как я могу верить человеку, который предает своего лучшего друга? Нет, моя единственная гарантия – иметь на вас такой гнусный компромат, чтобы для вас пути назад уже не было. – Он вытащил пистолет и посмотрел на Гамаша. – Вы в этом самом доме говорили мне, чтобы я никогда не доставал пистолет, если не собираюсь его использовать. Я хорошо выучил этот урок. Но я не собираюсь его использовать. Им воспользуетесь вы.

Он сунул оружие Бребёфу:

– Возьмите. – Мальчишеский голос Лемье звучал ровно и убедительно.

– Никогда! Ты хочешь, чтобы я застрелил своего друга?

– Вашего друга? Вы уже убили ваши отношения. Так почему теперь не убить и человека? Вы знаете, что он вас не отпустит. Посмотрите, что он сделал с Арно. Даже если он уйдет в отставку, это дело он так не оставит. Посвятит остаток жизни тому, чтобы свалить вас.

Бребёф опустил руки. Лемье вздохнул и взвел пистолет.

– Лемье… – сказал Гамаш и сделал шаг вперед, стараясь держать в поле зрения как Лемье, так и Николь, которая, насколько он видел, опустила руку к бедру.

– А ну, прекрати!

Из темноты появился пистолет в руке Жана Ги Бовуара. Инспектор твердо держал оружие, глаза его жестко смотрели на Лемье. Николь снова растворилась в темноте.

– У вас все в порядке? – спросил Бовуар Гамаша, не сводя глаз с Лемье.

– В полном.

Бовуар и Лемье смотрели друг на друга, как древние враги, наставив стволы: Бовуар – на Лемье, Лемье – на Гамаша.

– Вы знаете, инспектор, мне терять нечего, – проговорил убедительный молодой голос. – Я ни за что не выйду отсюда в качестве арестанта. Если вы на счет пять не опустите пистолет, я пристрелю Гамаша. Если вы сделаете хотя бы вдох и я увижу малейшие признаки того, что вы собираетесь стрелять, то я выстрелю первым. Да какого черта! – Он чуть повернул голову в сторону Гамаша.

– Нет-нет, стой! – Бовуар опустил пистолет.

– Слабаки. – Лемье покачал головой. – Все вы слабаки.

Он повернулся к Гамашу и выстрелил.

Глава сорок третья

При звуке выстрела Клара Морроу подпрыгнула. В течение последних пятнадцати минут они слышали приглушенные голоса, которые, хотя иногда и набирали нервную высоту, все же оставались человеческими. Но выстрел – это уже было нечто совсем иное. Нечто такое, чего не слышало большинство канадцев. Он прозвучал слишком громко, сообщая о том, что по старому дому Хадли снова гуляет смерть.

– Пойдем посмотрим? – предложила она.

– Ты что, рехнулась? – спросила Мирна с расширенными от ужаса глазами. – Что мы там будем делать? У кого-то пистолет – ты что, не понимаешь? Нам нужно выбираться отсюда.

– Я с вами! – выпалил Габри, вскочив на ноги.

– Мы должны остаться, – сказала Жанна. – Старший инспектор просил нас оставаться на месте.

– Мало ли что он просил, – возразил Сандон. – А если бы он попросил вас выпрыгнуть из окна, вы бы выпрыгнули?

– Этого он не просил и никогда не стал бы, – ответила Жанна. – Мы должны оставаться здесь.

Арман Гамаш лежал на полу, пытаясь достать пистолет. Бовуар стоял на четвереньках – он никак не мог найти собственное оружие – и окликал шефа:

– Вы живы? Что случилось?

– Доставай пистолет! – прокричал Гамаш.

Он боролся с Лемье, который старался выскользнуть из его рук.

В темноте на полу каждая нога, каждая рука, каждая ножка стула воспринималась как оружие. Рука Гамаша нащупала камень.

– Можете остановиться, – раздался над ними молодой голос.

Трое мужчин, возившиеся на полу, подняли голову. Над ними стояла агент Николь с пистолетом в руке.

Все трое медленно встали. Лемье потрогал затылок, потом посмотрел на свою руку – она была окрашена кровью.

– Дай мне пистолет! – велел он, протягивая руку к Николь.

– Перебьешься, – сказала Николь.

– Слушай, ты, глупая сучка, дай мне пистолет!

Но Николь стояла неподвижно, ее пистолет не шелохнулся. Лемье

перевел взгляд на Бребёфа, который отступил в тень.

– В какую игру вы играете, Бребёф? Уберите ее.

– Не могу! – Голос был высокий, почти визжащий, словно на грани истерики.

– Я вас предупреждаю, Бребёф!

Из тени раздался взрыв смеха, но тут же смолк.

– Я ему не подчиняюсь, чтобы он меня убирал, – заявила Николь, глядя на Лемье холодным, жестким взглядом.

– Франкёр, – прошипел Лемье, обращаясь к Бребёфу. – Я думал, вы его контролируете.

– Дайте мне пистолет, агент Николь. – Гамаш шагнул к ней и протянул руку.

– Пристрели его! – завопил Лемье. – Пристрели!

В этот момент зазвонил ее сотовый. К их удивлению, она ответила, не сводя с них глаз:

– Да, я понимаю. Он сейчас со мной.

Она протянула телефон Гамашу. Тот, помедлив, взял его.

– Oui, allô?

– Старший инспектор Гамаш? – прозвучал голос с сильным иностранным акцентом.

– Oui.

– Говорит Ари Николев. Я отец Иветт. Я надеюсь, вы присматриваете за моей дочерью. Каждый раз, когда я ей звоню, она говорит, что расследует дело для вас. Это правда?

– Она замечательная молодая женщина, сэр, – сказал Гамаш. – Извините, я должен идти.

Он вернул телефон Николь, а она передала ему пистолет. Лемье смотрел на это с отвисшей челюстью.

– В чем дело? – Он снова повернулся к Бребёфу, прячущемуся в тени. – Вы сказали, что она с нами.

– Я говорил, что она нам полезна, – напряженно заговорил Бребёф, пытаясь бороться с охватывающей его истерикой. – Когда Франкёр перевел ее назад в отдел по расследованию убийств, я понял, что Гамаш будет считать ее шпионкой Франкёра. Иначе зачем еще возвращать ее туда? Но Франкёр всегда был хвастуном и идиотом. Как только начались затруднения, он от нее отказался. Николь была удобна – на нее все можно было свалить. Если бы у Гамаша возникли подозрения, то кого подозревать, если не ее.

– Как же вы ошибались, кретин! – прорычал Лемье.

– Да, папа, я думаю, теперь он согласится. Папа просит меня пригласить вас на чай когда-нибудь.

– Скажите вашему отцу, что для меня это будет большая честь.

– Да, папа. Он говорит, что придет. Да нет, я не угрожаю ему пистолетом. – Она вскинула брови, глядя на Гамаша. – Хорошо. Нет, ничего я не напортачила, но спасибо, что волнуешься.

– Вы знали? – спросил Лемье Бовуара, когда тот завел его руки за спину и защелкнул на них наручники.

– Конечно знал, – солгал Бовуар.

Он ничего не знал, пока не поставил перед шефом вопрос ребром там, на обочине дороги. Тогда-то они и рассказали все друг другу. Тогда все и выяснилось. Николь работала на них. Бовуар был рад, что не выбросил ее в бурную по весне Белла-Беллу, хотя все его нутро требовало этого. Да, на эту сорочку, в которой он родился, не следует так уж полагаться.

– Я знал, что она не шпион Франкёра. Это было бы слишком уж очевидно, – сказал Гамаш, передавая пистолет Бовуару. – Я говорил с ней почти год назад, рассказал о моем плане, и она согласилась мне подыграть. Она отважная молодая женщина.

– Вы не хотите сказать «психопатка»? – спросил Лемье.

– Она к себе не располагает, с этим я готов согласиться, но именно на это я и рассчитывал. Пока ты считал, что я подозреваю ее, ты мог свободно делать то, что тебе было нужно. А я мог свободно наблюдать за тобой. Я попросил Николь вести себя так, чтобы вызывать как можно больше раздражения у окружающих, но в первую очередь у тебя. Выводить тебя из равновесия. Твоя броня – это твое умение располагать к себе. Если бы нам удалось выбить тебя из колеи, ты бы мог сказать или сделать какую-нибудь глупость. Так оно и случилось. В тот день ты здесь следил за мной. Еще ни один мой агент не наводил на меня оружие. Ты сделал это, рассчитывая испугать меня. А получилось наоборот: после этого у меня не осталось сомнений в том, что ты – шпион. Но я совершил серьезную ошибку, – сказал Гамаш Бребёфу. – Я думал, что близкий враг – это Франкёр. Мне и в голову не приходило, что это ты.

– Евангелие от Матфея, глава десятая, стих тридцать шестой. «И враги человеку домашние его», – тихим голосом процитировал Бребёф.

Истерика прошла, злость прошла, прошел и страх. Прошло все.

– Как и его друзья.

Гамаш наблюдал за тем, как Бовуар и Николь повели Бребёфа и Лемье к двери.

«Четырнадцать дней, – думал Мишель Бребёф. – Четырнадцать дней

счастья». Это было верно. Но только сейчас он вспомнил, что бóльшую часть этих четырнадцати дней он провел в обществе своего приятеля Армана Гамаша.

– Чем ты меня ударила, черт побери? – спросил Лемье.

– Камнем, – сказала Николь, улыбаясь во весь рот. – У инспектора Бовуара из кармана на днях выпал этот камень, и я его подняла. Я бросила его в тебя, когда ты нажимал спусковой крючок.

Арман Гамаш шел по темному коридору. Что-то странное происходило со старым домом Хадли. Он становился знакомым. Гамаш мог идти по нему, не зажигая фонаря. Но на полпути он остановился.

Он залез в карман куртки, вытащил фонарик и щелкнул выключателем. Перед ним стояло многоголовое существо.

– Мы идем вас спасать, – сказал Габри из-за спины Мирны.

Возглавляла шествие Жанна, за ней шла Клара, потом – все остальные.

– Языческие солдаты в наступлении, – сказала Жанна, улыбнувшись.

Свеча почти догорала. Они заняли свои места – те самые, на которых сидели прежде, словно это был старый и приятный ритуал, весенний обряд.

– Вы собирались сказать нам, кто убил Мадлен, – напомнила Одиль.

Гамаш дождался, когда все рассядутся, потом заговорил:

– «Как это горько – видеть счастье только чужими глазами!»

Он помолчал, чтобы все смогли оценить эти жестокие слова.

– Кое-кому стало невыносимо горько видеть тот радостный мир, который Мадлен создавала для себя. Вы знаете, откуда эти слова?

– Шекспир, – ответила Жанна. – «Как вам это понравится».

Гамаш кивнул:

– Откуда вы помните?

– Мы ставили эту пьесу в последний год учебы в школе. Ты была режиссером-постановщиком, – напомнила она Хейзел. – А Мадлен исполняла главную роль.

– Мадлен исполняла главную роль, – повторил Гамаш. – Всегда. Не потому, что так уж рвалась, просто не могла иначе.

– Она была солнце, – тихим голосом проговорил Сандон.

– И кто-то подлетел к ней слишком близко, – согласился Гамаш. – Кто-то из присутствующих здесь – Икар. Слишком долго находился слишком близко к солнцу. И наконец солнце сделало то, что делает всегда. Отправило человека с небес на землю. Но на это потребовалось время. Годы. Даже десятилетия. Убийца обеспечил себе прекрасную жизнь.

Друзья, приятный круг общения. Это было богатое и счастливое время. Но призраки нашего прошлого всегда нас находят. В данном случае таким призраком был не человек, а эмоция, давно похороненная и даже забытая. Но она была сильна. Ослепляющая, сокрушительная, обжигающая ревность. – Он повернулся к Жанне. – Если вы думали о том, как это трудно – быть в группе поддержки вместе с Мадлен, то представьте себе, что могла чувствовать ее лучшая подруга.

Все глаза обратились к Хейзел.

– Судя по школьным альбомам, вы отлично играли в баскетбол, Хейзел, но Мад была лучше. Она была капитаном. Всегда капитаном. Вы были в дискуссионном клубе, но и там капитаном была Мад.

Он взял альбом и открыл страницу их выпускных фотографий.

– «Не стала мадам», – прочел он подпись под фотографией юной Хейзел. – «Не стала *мад*ам». Я решил, что за этим кроется определенный смысл, но это означало кое-что другое. Верно?

Хейзел разглядывала свои руки.

– Она так и не стала Мад. Так и не догнала свою подружку. Так и не поняла ее. Все время пыталась, и каждый раз ее ждала неудача, потому что вы стали смотреть на это как на соревнование, а она – нет. Вас загнала в угол лучшая подруга, которая во всем была чуть лучше вас. По окончании школы вы расстались, и дружба закончилась. Но много лет спустя, после перенесенного рака груди, Мадлен захотела найти старых друзей. К тому времени вы успели хорошо устроить свою жизнь. Скромный дом в хорошем месте. Дочь. Друзья. Возможный роман. Вы участвовали в Обществе женщин-англиканок. Но вы хорошо усвоили школьный урок. Сегодня днем на заседании в Монреале коллега сказал мне кое-что. Речь шла… – Гамаш задумался на секунду, – о другом деле.

Гамаш снова услышал этот голос, низкий, властный, непререкаемый. Он обвинял Гамаша в том, что тот берет к себе только слабых, бесполезных людей, которых не возьмет никто другой. Чтобы всегда выделяться на их фоне. Возвеличивать свое собственное «я». Гамаш знал, что это не так. Нет, «я» у него, конечно, было, но он знал, что у него в команде лучшие, а не худшие люди. Они много раз доказывали это.

Однако обвинения Франкёра задели его за живое. И по пути в Три Сосны он понял, что его зацепило. Это имело отношение не к делу Арно, а к этому текущему делу. К Хейзел.

– Вы окружаете себя людьми ранеными, в чем-то ущербными. Нуждающимися в помощи. Вы заводите дружбу с больными, несчастливыми в браке, алкоголиками, страдающими ожирением,

попавшими в беду. И при этом вы чувствуете себя выше их. Вы с ними добры, но снисходительны. Кто-нибудь когда-нибудь слышал, чтобы Хейзел, упоминая кого-то, не добавляла словечка «бедный»?

Они переглянулись и отрицательно покачали головой. Это было так. Бедняжка Софи, бедная миссис Бланшар, бедный месье Беливо.

– Близкий враг, – сказала Мирна.

– Именно. Жалость вместо сострадания. Все считали вас святой, и это лило воду на вашу мельницу. И вы чувствовали себя нужной, лучше всех тех людей, которым вы помогали. Когда вы снова встретились с Мадлен, она все еще была больна. Вам это было на руку. Это означало, что вы могли нянчиться с ней, приглядывать за ней. Быть старшей. Она была больна, нуждалась в помощи, а вы – нет. Но потом она сделала нечто, на что вы никак не рассчитывали. Она стала поправляться. Ей стало лучше, чем когда-либо прежде. Появилась Мадлен не только живая, яркая, блестящая, но исполненная благодарности и желания держаться за жизнь. Но получилось так, что ухватилась она за вашу жизнь. Понемногу она снова стала брать верх. Ваши друзья, ваша работа в Обществе женщин-англиканок, – вы видели, что не за горами тот день, когда вы снова отойдете на второй план. И тут Мадлен перешла черту. Она забрала двух самых дорогих для вас людей. Вашу дочь и месье Беливо. Оба стали уделять ей повышенное внимание. Ваш враг вернулся и поселился в вашем доме – она ела с ваших тарелок, использовала вашу жизнь в своих целях.

Хейзел сидела ссутулившись на своем стуле.

– Что вы при этом чувствовали?

Она подняла голову:

– Что, по-вашему, я могла чувствовать? В школе я вечно играла вторую роль. Я была лучшей в волейбольной команде, пока туда не пришла Мад.

– Ну, вторая роль тоже не так уж плохо, – сказал Габри, которого в любых спортивных соревнованиях устраивало попадание в первую десятку, даже если это были соревнования по киданию сапога на дальность на ярмарке в Веллингтоне.

– Вы так думаете? А попробуйте-ка сами. Во всем. И люди вроде вас всю мою жизнь говорят именно эти слова. Вторая – это же хорошо. Вторая – это прекрасно. Неправда. Даже в школьном спектакле. Наконец-то я была главной. Режиссер-постановщик. Но когда пьеса была хорошо принята, кто пожинал плоды успеха?

Ей не нужно было объяснять им это. Вырисовывалась яркая и жестокая картина. Сколько снисходительных улыбок может вынести один человек? Сколько взглядов мельком, взглядов, ищущих настоящую звезду –

Мадлен?

«Как же это горько», – подумала Клара.

– И вдруг откуда ни возьмись объявилась Мадлен. Она болела и хотела увидеться со мной. Я заглянула в свое сердце и обнаружила, что там больше нет ненависти. Когда мы встретились, она была такой усталой и несчастной.

Все представили себе это воссоединение. Они наконец-то поменялись ролями. И тут Хейзел совершила ту самую фатальную ошибку. Пригласила Мадлен жить с ней.

– Мадлен была замечательная. С ней в доме стало светло. – Хейзел улыбнулась этому воспоминанию. – Мы смеялись и болтали, все делали вместе. Я ее со всеми познакомила, вовлекла в работу всяких комитетов. Она снова была моей лучшей подругой, но теперь ровня мне. Я снова влюбилась в нее. Это было замечательное время. Вы представляете, что это значит? Я даже не подозревала, что была одинока до появления Мад, и сердце мое радостно забилось. Но потом люди стали приглашать только ее, а Габри попросил Мад возглавить Общество женщин-англиканок, хотя я была вице-президентом.

– Но вам ведь не нравилась эта работа, – сказал Габри.

– Не нравилась. Но еще больше мне не нравилось, что меня оттесняют на второй план. Все бы к этому так отнеслись, разве нет?

Клара подумала обо всех не полученных ею приглашениях на свадьбу и о том, что она тогда чувствовала. Отчасти испытывала облегчение, что не нужно идти на празднество и покупать подарок, который им не по карману, но в первую очередь – обиду из-за того, что не пригласили. Забыли? Или хуже: вспомнили, но не сочли нужным?

– Потом она забрала месье Беливо, – сказал Гамаш.

– Когда Жинетт умирала, она часто говорила, что из нас с ним получится хорошая пара. Что мы подходим друг другу. И я стала надеяться, что, может, так оно и будет.

– Но он хотел большего, – сказала Мирна.

– Он хотел ее, – произнесла Хейзел, не скрывая горечи. – И тут я стала понимать, что совершила ужасную ошибку. Но я не знала, как ее исправить.

– Когда вы решили убить Мадлен? – спросил Гамаш.

– Когда Софи приехала домой на Рождество и первой поцеловала ее.

Этот простой сокрушительный факт внедрился в их магический круг, как та маленькая мертвая птичка. Гамаш вспомнил о том, что ему не уставали повторять: не ходите в лес весной. Вы можете оказаться между медведицей и медвежонком.

Мадлен пошла.

Наконец Гамаш заговорил:

– Вы сохранили эфедру Софи, которую та купила несколько лет назад. Не потому, что собирались использовать ее. Просто вы ничего не выбрасываете.

Ни мебель, ни книги, ни эмоции. Хейзел хранила все.

– По данным экспертизы, использованные таблетки были слишком чистыми – таких давно не выпускают. Поначалу я подумал, что это эфедра из вашего магазина, – сказал он Одиль. – Но потом вспомнил, что есть еще один пузырек эфедры. Купленный несколько лет назад. Хейзел говорила, что его нашла Мадлен и конфисковала, но это было неправдой. Верно, Софи?

– Мама? – Софи сидела ошарашенная, широко распахнув глаза.

Хейзел потянулась к ее руке, но Софи отдернула свою. Это потрясло Хейзел больше всего остального.

– Ты нашла эти таблетки? Ты подсунула их Мадлен из-за меня?

Клара постаралась не заметить эту интонацию – намек на удовлетворенность в голосе Софи.

– У меня не было выхода. Она забирала тебя у меня. Забирала все.

– Вы попытались убить ее во время первого сеанса, – сказал Гамаш. – Однако доза, которую вы ей дали, оказалась недостаточной.

– Но ее даже не было на первом сеансе, – возразил Габри.

– Ее не было, но было приготовленное ею блюдо. – Гамаш повернулся к месье Беливо. – Вы не могли уснуть в ту ночь и решили, что причина этого – спиритический сеанс, который вас расстроил. Но ничего пугающего на том сеансе не было. Вы не могли уснуть из-за эфедры.

– Est-ce que c’est vrai? – спросил у Хейзел месье Беливо. – Вы подмешали эфедру в ваше блюдо и дали нам? Вы могли меня убить.

– Нет-нет.

Она протянула к нему руки, но он тут же отпрянул. Все стали отодвигаться от Хейзел, оставляя ее на том единственном месте, которого она боялась больше всего. Месте одиночества.

– Я бы никогда не пошла на такой риск. Я знала из новостей, что эфедра убивает, только если у вас больное сердце, а мне было известно, что вы здоровы.

– Но вам было известно и то, что Мадлен больна, – сказал Гамаш.

– У Мадлен было больное сердце? – спросила Мирна.

– Это стало следствием химиотерапии, – подтвердил Гамаш. – Она ведь говорила вам об этом, правда, Хейзел?

– Она больше никому не собиралась говорить, потому что не хотела, чтобы к ней относились как к больной. Откуда вы это знаете?

– В докладе коронера написано, что у нее было больное сердце, и ее доктор подтвердил это, – сказал Гамаш.

– Нет, я спрашиваю, откуда вы узнали, что это известно мне? Я никому об этом не говорила. Даже Софи.

– Аспирин.

Хейзел вздохнула:

– А я думала, что все предусмотрела. Спрятала таблетки Мад среди всех остальных.

– Инспектор Бовуар заметил их, когда вы искали, что бы дать Софи, когда она растянула связки. У вас шкаф набит старыми таблетками. Его поразило, что вы не дали Софи аспирин. Вместо этого вы искали другой пузырек.

– В пузырьке аспирина была эфедра? – потерянно спросила Клара.

– Мы тоже так подумали. Мы отдали содержимое на анализ в лабораторию. Это был аспирин.

– Так в чем же проблема? – спросил Габри.

– В дозировке, – ответил Гамаш. – Тут она была очень низкая. Намного ниже обычной. Людям с больным сердцем нередко прописывают раз в день принимать низкодозированный аспирин.

Головы в круге закивали. Гамаш помолчал, глядя на Хейзел.

– Мадлен кое-что держала в тайне даже от вас. Может быть, в особенности от вас.

– Она все мне говорила, – возразила Хейзел, словно защищая лучшую подругу.

– Нет. Одно, самое главное, самое важное, она от вас утаила. Утаила от всех. Мадлен умирала. Ее рак дал метастазы.

– Mais, non, – застонал месье Беливо.

– Но это невозможно, – вторила ему Хейзел. – Она бы сказала об этом.

– Странно, что она этого не сделала. Я думаю, она не хотела, потому что чувствовала в вас что-то такое, что получало удовольствие от чужой слабости. Но план к тому времени уже был задействован. Начался он с этого. – Гамаш показал список выпускников, который днем раздобыл в школе. – Мадлен была в списке выпускников вашей школы. Как и вы, – сказал Гамаш, посмотрев на Жанну, и та кивнула. – Хейзел взяла одну из брошюрок Габри, написала на ней сверху: «Где спариваются лэй-линии – пасхальные скидки» – и отправила Жанне.

– Она украла одну из моих рекламных брошюрок, – пожаловался

Габри Мирне.

– Невелика потеря, Габри.

С трудом, но он смирился с мыслью, что, вероятно, потерял гораздо меньше, чем Мадлен. Или Хейзел.

– Бедная Хейзел, – сказал Габри, и все закивали.

Бедная Хейзел.

Глава сорок четвертая

Следующую неделю Гамаш был словно контуженный. Еда стала безвкусной, газеты не вызывали у него интереса. Он читал и перечитывал одно и то же предложение в «Ле девуар». Рейн-Мари попыталась завязать с ним разговор о поездке на Мануар-Бельшас, чтобы отпраздновать их тридцать пятую годовщину свадьбы. Он отвечал ей, проявлял интерес, но четкие, яркие тона в его жизни притупились. Словно его сердце вдруг стало слишком тяжело для ног. Он тащился по жизни, стараясь не думать о том, что случилось. Но как-то вечером, когда он вышел прогуляться с Рейн-Мари и Анри, овчарка внезапно вырвала поводок из руки Гамаша и побежала по парку к знакомой фигуре на другой стороне. Гамаш окликнул пса, и Анри остановился. Но прежде человек, к которому он бежал, тоже заметил собаку. И хозяина.

Еще раз – последний – Мишель Бребёф и Гамаш посмотрели в глаза друг другу. В пространстве между ними бурлила жизнь. Играли дети, перекатывались через спину и приносили мячики собаки, молодые родители дивились тому, что произвели на свет. Воздух между ними полнился запахами сирени и жимолости, в нем жужжали пчелы, лаяли щенки, смеялись дети. Целый мир стоял между Арманом Гамашем и его лучшим другом.

И Гамашу хотелось подойти и обнять его. Почувствовать на своем плече знакомую руку, запах Мишеля – мыло и трубочный табак. Ему не хватало его общества, его голоса, его глаз, таких вдумчивых и полных юмора.

Он тосковал по своему лучшему другу.

Подумать только, что Мишель много лет фактически ненавидел его. За что? За то, что Гамаш был счастлив?

«Как это горько – видеть счастье только чужими глазами».

Но сегодня тут не было счастья – лишь печаль и сожаление.

Мишель Бребёф поднял было руку, но тут же опустил и пошел прочь. Гамаш тоже хотел помахать ему, но его друг уже отвернулся. Рейн-Мари взяла его за руку, подобрала поводок Анри, и втроем они продолжили прогулку.

Роберу Лемье было предъявлено обвинение в вооруженном нападении и попытке убийства. Его ждало длительное тюремное заключение. Но Арман Гамаш не мог заставить себя выдвинуть обвинения против Мишеля

Бребёфа. Он знал, что должен это сделать. Он знал, что его нежелание – это трусость. Но каждый раз, подходя к кабинету Паже, чтобы предъявить обвинения, он вспоминал маленького Мишеля Бребёфа, его руку на своем плече. Слышал тонкий мальчишеский голос, убеждавший его, что все будет хорошо. Что он не один.

И он не смог этого сделать. Его друг однажды спас его. Теперь настала его очередь.

Но Мишель Бребёф ушел из Квебекской полиции, он был сломлен. Дом был выставлен на продажу, они с Катрин уезжали из любимого ими Монреаля, от всего, что они знали и любили. Мишель Бребёф перешел черту.

В субботу днем Армана Гамаша пригласили на чай в семью агента Николь. Он подъехал к этому крохотному и безукоризненному дому. Увидел лица в окне, смотрящие на дорогу; впрочем, как только он вышел из машины, они исчезли. Дверь открылась, прежде чем он успел постучать.

Он впервые видел Иветт Николь – не агента, а женщину. Она была одета в простые брюки и свитер, и он понял, что впервые видит на ней одежду без пятен. Ари Николев, маленький, тощий и взволнованный, вытер ладони о брюки и протянул руку Гамашу.

– Добро пожаловать в наш дом, – сказал он на корявом французском.

– Для меня это честь, – ответил Гамаш по-чешски.

Видимо, они оба целое утро учились говорить на чужом языке.

Следующий час был заполнен какофонией голосов родственников, кричавших что-то друг другу на языках, которых Гамаш даже распознать не мог. Он был уверен, что старая тетушка на ходу выдумывает язык, на котором говорит.

Подавали еду, напитки. Потом стали петь. День был веселый, даже буйный. Но каждый раз, когда Гамаш искал взглядом Николь, обнаруживалось, что она стоит за порогом гостиной. Наконец он подошел к ней:

– Почему вы не за столом?

– Мне хорошо и здесь, сэр.

Несколько секунд Гамаш смотрел на нее.

– Что случилось? Вы когда-нибудь туда заходите? – удивленно спросил он, стоя рядом с ней у порога.

Она отрицательно покачала головой:

– Меня никогда не приглашали.

– Но это же ваш дом.

– Они занимают все места. Для меня не остается.

– Сколько вам лет?

– Двадцать шесть, – мрачно ответила она.

– Пора вам иметь свое место. Требуйте. Не их вина, что вы стоите здесь, Иветт.

И все же она колебалась. Говоря по правде, здесь было уютно для души. Холодно, иногда одиноко, но уютно. Что он в этом понимает, черт побери? Для него все легко. Он не женщина, не иммигрант, его мать не умерла в молодости, его семья не высмеивала его. Он не скромный агент. Ему никогда не понять, как ей трудно.

Уходя с животом, набитым сладостями и крепким чаем, Гамаш попросил Иветт Николь проводить его до машины.

– Хочу поблагодарить вас за то, что вы сделали. Я знаю, как это тяжело – намеренно делать себя чужаком.

– Я всегда чужак.

– Думаю, вам пора становиться своей. Кажется, это ваше.

Он вытащил что-то из кармана и сунул ей в руку. На ладони у нее оказался теплый камень.

– Спасибо, – сказал Гамаш.

Николь кивнула.

– Знаете, в иудаизме, когда кто-то умирает, его близкие кладут камни на могилу. Примерно год назад, когда мы с вами впервые говорили о деле Арно, я дал вам совет. Вы его помните?

Николь сделала вид, что задумалась, но она прекрасно помнила.

– Вы сказали, что я должна похоронить своих мертвецов.

Гамаш открыл дверцу машины.

– Поразмыслите об этом. – Он кивнул на камень на ее ладони. – Только прежде, чем хоронить, убедитесь, что они мертвы, иначе вам от них никогда не избавиться.

Отъезжая, он подумал, что, возможно, ему тоже не мешает воспользоваться этим самым советом.

Арман Гамаш поднялся на последний этаж управления Квебекской полиции, прошел по коридору к впечатляющей деревянной двери. Постучал, надеясь, что там никого нет.

– Входите.

Гамаш открыл дверь и остановился перед Сильвеном Франкёром. Суперинтендант не шелохнулся. Он смотрел на Гамаша с нескрываемой ненавистью. Гамаш инстинктивно сунул руку в карман брюк в поисках

талисмана, который носил при себе почти всю жизнь. Но карман его был пуст. Неделю назад он сунул поцарапанное и побитое распятие, принадлежавшее его отцу, в конверт, приложил к нему записку и отдал своему сыну.

– Чего вы хотите?

– Я хочу извиниться. Я был не прав, обвиняя вас в том, что вы распространяете клевету о моей семье. Вы этого не делали. Извините меня.

Франкёр прищурился, ожидая, что теперь последует «но». Однако никакого «но» не последовало.

– Я готов написать извинение и разослать его всем членам совета, присутствовавшим в тот день.

– Я хочу, чтобы вы подали в отставку.

Они уставились друг на друга. Наконец Гамаш устало улыбнулся:

– Мы что, так до конца жизни и будем бодаться? Вы угрожаете, я плачу вам той же монетой. Я обвиняю, вы требуете. Неужели нам это нужно?

– Я не видел ничего такого, чтобы изменить мнение о вас, старший инспектор. Включая и то, как вы провернули это дело. Суперинтендант Бребёф был гораздо более умелым полицейским, чем когда-либо станете вы. Но теперь благодаря вам его нет. Я знаю вас, Гамаш. – Франкёр встал и наклонился над столом. – Вы самоуверенны и глупы. Слабы. Полагаетесь на инстинкт. Вы и не предполагали, что ваш лучший друг работает против вас. Где были ваши инстинкты? Блестящий Гамаш, герой дела Арно. Слепец! Вас ослепляют ваши эмоции, ваша потребность помогать людям, спасать их. С того дня, как вы заняли командную должность, вы не принесли полиции ничего, кроме позора. А теперь приходите со своим подхалимажем. Нет, Гамаш, дело не закончилось. Оно никогда не закончится.

Он хлестал этими словами Гамаша, пока тот не перестал улыбаться и просто смотрел на Франкёра, трясущегося от злости. Наконец Гамаш кивнул, повернулся и вышел. Он знал, что есть вещи, которые не умирают.

Несколько дней спустя Гамаши, включая и Анри, были приглашены на вечеринку в Три Сосны. Стоял солнечный весенний день, зеленые листочки распустились, и деревья отливали всеми оттенками зеленого. Они тряслись по грунтовой дороге под балдахином свежей зелени, сияющим, как витражное стекло в Святом Томасе, и вдруг обратили внимание на необычную активность у одной из обочин. И хотя Гамаш толком еще не видел, что это такое, он понял, что возле старого дома Хадли происходит

какое-то действие, и спросил себя, уж не решили ли жители снести его. Какой-то человек вышел на середину дороги и показал им на обочину. Месье Беливо, в комбинезоне и малярной кепке, улыбался:

– Bon. Мы все надеялись, что вы приедете.

Бакалейщик наклонился к открытому окну машины и погладил Анри, который высунул морду над плечом Гамаша, чтобы посмотреть, с кем это разговаривает хозяин, отчего возникло впечатление, будто за рулем сидит собака. Гамаш открыл дверцу, и Анри выпрыгнул из машины под приветственные крики жителей, видевших его в последний раз еще щенком.

Не прошло и нескольких минут, а Рейн-Мари уже стояла на приставной лестнице и отскребала шелушащуюся краску со старого дома. Гамаш тем временем счищал лишайник с наличников на окнах первого этажа. Он не любил высоты, а Рейн-Мари не любила наличников.

Он скреб, и у него возникало ощущение, что дом стонет, как Анри, когда Гамаш треплет его за уши. Стонет от удовольствия. С дома соскребались годы разложения, годы небрежения, печали. Дом возвращали в его исходное состояние, искусственные наслоения снимались. Быть может, он стонал все время? Быть может, старый дом стонал от удовольствия, когда наконец его посетили люди? А они считали его злобным.

Нет, жители деревни вовсе не собирались сносить старый дом – они пришли, чтобы дать ему еще один шанс. Они возвращали его к жизни.

Он прихорашивался на солнце, сиял свежей краской. Люди вставляли новые окна, другие чистили дом изнутри.

– Хорошая весенняя уборка, – сказала Сара, владелица пекарни, поправляя длинные каштановые волосы, выбившиеся из узла на затылке.

Разожгли мангалы под барбекю, и жители деревни подходили, чтобы выпить пива или лимонада, поесть бургеров и сосисок. Гамаш взял пиво и остановился, глядя с холма на Три Сосны. В деревне царил покой. Здесь были все – старые и молодые, даже больных привели, усадили их на садовые стулья и дали кисти, чтобы каждый житель деревни приложил руку к дому Хадли и снял с него проклятие. Проклятие боли и скорби.

Но больше всего – одиночества.

Не было здесь только Клары и Питера Морроу.

– Я готова, – пропела Клара из своей мастерской.

Лицо ее было покрыто краской, и она вытирала руку о масляную тряпку, слишком грязную, чтобы от нее был какой-то толк.

Питер стоял у ее студии, успокаивая себя. Он глубоко дышал и читал про себя молитву. Молитву-мольбу. Он молил, чтобы картина Клары оказалась истинно, неоспоримо и непоправимо ужасной.

Он давно перестал сражаться с тем, от чего бежал с детства, от чего прятался, хотя эти слова преследовали его при свете дня и во тьме ночи. Он разочаровал отца, который хотел, чтобы сын всегда был лучше всех. Но Питер знал, что его ждет неудача. Всегда находился кто-то лучше.

– Закрой глаза.

Клара подошла к двери. Он сделал, как она велела, и почувствовал, как ее маленькая рука опустилась на его плечо, направляя его.

– Мы похоронили Лилию на деревенском лугу, – сообщила Рут, подходя к Гамашу.

– Мне очень жаль, – сказал он.

Рут тяжело опиралась на трость, а за ней стояла Роза, превратившаяся в красивую, здоровую утку.

– Бедняжка, – сказала Рут.

– Счастливица, она была объектом такой сильной любви.

– Любовь ее и убила, – возразила Рут.

– Если бы не любовь, она умерла бы раньше.

– Спасибо, – сказала старая поэтесса и повернулась посмотреть на старый дом Хадли. – Бедняжка Хейзел! Она так любила Мадлен. Даже я это видела.

Гамаш кивнул:

– Я думаю, зависть – самое сильное чувство. Она вынуждает нас делать немыслимые вещи. Зависть поедала Хейзел. Зависть пожрала ее счастье, ее удовлетворенность жизнью, ее здравый смысл. В конце Хейзел была ослеплена горечью и не могла увидеть, что у нее уже есть все, что ей нужно. Любовь и дружба.

– Она любила не умно, но слишком сильно. Кому-нибудь следует написать об этом пьесу, – сказала Рут, горестно улыбнувшись.

– Ничего из этого не получается, – возразил Гамаш. И после секундного молчания произнес, словно для себя: – Близкий враг. Это ведь не другой человек, верно? Это мы сами.

Оба посмотрели на старый дом Хадли и на жителей деревни, приводивших его в порядок.

– Все зависит от того, что это за человек, – сказала Рут, и тут на ее лице появилось удивленное выражение. Она показала на лес за старым домом Хадли. – Бог мой, я ошибалась: в конце сада обитают феи.

Гамаш повернулся в ту сторону. Там, в самом конце сада, двигались какие-то пушистые метелки. Потом появились Габри и Оливье, тащившие охапки срезанного папоротника.

Рут торжествующе рассмеялась, но вскоре ее смех стих, и на суровом лице старой поэтессы осталась лишь едва заметная улыбка.

– «Говорю вам тайну. – Она кивнула на жителей деревни, работающих у старого дома. – Мертвые воскреснут нетленными, а мы изменимся».

– «Во мгновение ока», – добавил Гамаш.

– Готов? – спросила Клара чуть ли не писклявым от возбуждения голосом.

Она работала не прерываясь в преддверии приезда Фортена. Но потом это перешло в новое качество. В гонку, чтобы скорее перенести на холст то, что она видела, что чувствовала.

Наконец она добилась своего.

– Ну все, можешь смотреть.

Питер распахнул глаза. Ему потребовалось несколько секунд, чтобы осознать, что он видит. Это был громадный портрет Рут. Но такой Рут он еще не видел. Видел другую. Однако сейчас, глядя на портрет, он понял, что видел и такую, но только мельком, под странными ракурсами, когда она не подозревала, что на нее смотрят.

Рут была закутана в светящееся голубое одеяние, из-под которого виднелся край красной туники. Ее старая шея и выступающие ключицы были обнажены, являя морщинистую, в синих венах, кожу. Рут была старая, усталая и уродливая. Слабой рукой она придерживала синюю шаль, словно боялась, что шаль спадет, обнажив ее еще больше. На лице застыло выражение невыразимой горечи и боли. Одиночества и утраты. Но и еще чего-то. Ее глаза. Что-то было в ее глазах.

Питер боялся, что больше не сможет дышать. Или что ему нужно будет дышать. Казалось, картина делает это за него. Этот портрет проник в его тело и стал частью его «я». Страх, пустота, стыд.

Но в этих глазах было что-то еще.

Рут была изображена в образе Богородицы. Мария на портрете была показана дряхлой и всеми забытой. Но ее старые глаза начинали прозревать. Питер стоял не двигаясь и делал то, что всегда советовала ему Клара, хотя он никогда и не следовал этому совету прежде. Он позволил картине войти в него.

И теперь увидел.

Клара уловила тот миг, когда отчаяние переходит в надежду. Миг, когда

мир изменился навсегда. Именно это и видела Рут. Надежду. Первый, только зародившийся проблеск надежды. Питер знал, что видит шедевр. Нечто вроде Сикстинской капеллы Микеланджело. Но если Микеланджело изобразил мгновение перед тем, как Бог вдохнул жизнь в человека, то на полотне Клары их пальцы уже соприкоснулись.

– Блестяще, – прошептал он. – Я в жизни не видел картины лучше.

Все вычурные описательные слова бледнели перед этой картиной. Все его страхи и опасения исчезли. И любовь к Кларе воспылала с новой силой.

Он обнял ее, и вместе они засмеялись и заплакали от радости.

– Эта мысль пришла мне в голову в тот вечер за обедом, когда я смотрела, как Рут рассказывает о Лилии. Если бы ты не предложил устроить тот обед, ничего этого не случилось бы. Спасибо, Питер. – И она с любовью обняла его и поцеловала.

В течение следующего часа он слушал, как она бесконечно говорила об этой работе, ее энтузиазм заражал его, и в конце они оба вымотались и прониклись радостью.

– Идем. – Она подтолкнула его. – В старый дом Хадли. Возьми пиво из холодильника – оно им, вероятно, понадобится.

Выходя, Питер еще раз оглянулся на Кларину мастерскую и с облегчением понял, что от прежней мучительной зависти не осталось почти ничего. Он знал, что она проходит и скоро исчезнет совсем и впервые в жизни он будет способен искренне порадоваться за кого-то другого – не за себя.

Питер и Клара направились к старому дому Хадли, Питер нес упаковку пива и крохотный осколок зависти, которая снова начала терзать его.

– Рад?

Рейн-Мари сунула свою руку в руку Гамаша. Он поцеловал ее и указал бутылкой пива в сторону луга. Анри играл в «принеси» с уставшей Мирной, которая пыталась найти кого-нибудь другого, чтобы побросал мячик для неутомимой собаки. Она совершила ошибку, дав псу упавший на землю хот-дог, и теперь стала его лучшим другом.

– Mesdames et messieurs, – раздался громкий голос месье Беливо.

Все прекратили жевать и собрались на крыльце старого дома Хадли. Рядом с месье Беливо стояла Одиль Монманьи; судя по ее виду, она очень нервничала, но была трезвой.

– Я прочел «Сару Бинкс», – прошептал Гамаш Мирне, когда к ним бочком подошла Рут. – Это очаровательно. – Он вытащил книгу из кармана

куртки. – Своеобразная дань стихам этой женщины прерий – стихам, по правде говоря, ужасным.

– Наша Одиль Монманьи написала оду этому дню и этому дому, – сказал месье Беливо.

Одиль переступала с ноги на ногу, словно ей вдруг потребовалось облегчиться.

– Но «Сара Бинкс» была моей книгой. Я собиралась подарить этот томик ей. – Рут выхватила книгу из его руки и помахала ею в сторону Одиль. – Где вы ее взяли?

– Она была спрятана в прикроватной тумбочке Мадлен, – сказал Гамаш.

– Мадлен? Она сперла ее у меня? А я-то думала, что просто ее потеряла.

– Она взяла ее у тебя, когда поняла, что` ты собираешься с ней делать, – прошипела Мирна. – Когда ты сказала Одиль, что она напоминает тебе Сару Бинкс, Одиль решила, что это комплимент. Она в восторге от тебя. Мадлен не хотела, чтобы ты причиняла ей боль, а потому и спрятала книгу.

– Вот стихи, которые я написала вчера вечером, во время просмотра хоккейного матча, – объявила Одиль.

Жители деревни кивками приветствовали это новшество в творческом процессе, это естественное сродство между поэзией и плей-оффом.

Одиль откашлялась.

Проклятая утка отклевала его ухо,
И лицо его побледнело и зачахло.
«Как же теперь женщины будут любить меня?» —
Одиноко и неустанно с тех пор ахал он,
Но пришла женщина и его полюбила,
Полюбила без суеты и звука,
Полюбила его так, как может лишь любить
Женщина человека без уха.

Когда она замолчала, воцарилась тишина. Одиль неуверенно стояла на крыльце. Потом Гамаш, к своему ужасу, увидел, как Рут проталкивается через толпу. В руке у нее была зажата «Сара Бинкс», а следом за ней, покрякивая, шла Роза.

– Дорогу утке и бабке жуткой! – завопил Габри.

Рут с трудом поднялась на крыльцо и встала рядом с Одиль, взяла ее за руку. Гамаш и Мирна затаили дыхание.

– Я еще не слышала стихотворения, которое так потрясло бы меня. Которое так ярко говорило бы об одиночестве и утрате. Использовать мужчину как аллегорию дома – блестящая идея, моя дорогая.

Одиль смотрела на нее смущенным взглядом.

– И старый дом Хадли, как и искалеченный мужчина, снова обретет любовь, – продолжила Рут. – Ваши стихи дают всем нам надежду, всем, кто стар, уродлив и искалечен.

Рут засунула книгу под свой поношенный свитер и обняла Одиль с таким видом, будто она нашла рай на траченном временем крыльце старого дома Хадли.

Подошли Питер и Клара с упаковкой пива. Но остановились они на некотором расстоянии от дома. Гамаш смотрел на них и спрашивал себя, что они собираются делать. Питеру и Кларе досталось от старого дома Хадли больше, чем кому-либо другому. И теперь эти двое стояли за пределами активного круга и смотрели. Потом Клара нагнулась и подняла объявление «Продается». Рукавом она отерла с таблички грязь и протянула Питеру, который вонзил палку в землю. Чистое и гордое, объявление ровно встало надписью к дороге.

– Ты думаешь, его кто-нибудь купит? – спросила Клара, вытирая руки о джинсы.

– Кто-нибудь его купит и полюбит.

– «Но пришла женщина и его полюбила, полюбила без суеты и звука, полюбила его так, как может лишь любить женщина человека без уха», – процитировала Рут, вернувшись к ним. – Конечно, стихотворение более чем странное, но все же…

Она снова похромала к Одиль, чтобы еще раз дать волю своей доброте. Маленькая Роза враскачку шла следом.

– По крайней мере, у Рут есть теперь предлог для кряканья, – сказала Клара.

Арман Гамаш в свете яркого солнца смотрел, как возвращается к жизни старый дом Хадли, потом поставил бутылку с пивом и присоединился к ним.

---

notes

Примечания

1

Шангри-Ла – вымышленное место, о котором рассказывается в романе английского автора Джеймса Хилтона «Потерянный горизонт» (1933). Эта мистическая долина, где все живут в гармонии, стала синонимом земного рая, мифической гималайской утопии.

2

Лоялисты – жители британских колоний в Северной Америке, занявшие во время американской Войны за независимость (1775–1783) сторону английской короны. Многие из них покинули колонии и осели в Канаде.

3

Английские крестовые булочки – сдобные булочки с корицей и изюмом, украшенные крестом из теста или сахарной глазури; перед едой разогреваются.

4

Но (*фр.*).

5

Но, если откровенно… (*фр.*)

6

Мой друг (*фр.*).

7

Добрый день, мадам Шове… Прошу прощения (*фр.*).

8

Рассет бёрбанк – сорт картофеля.

9

«Сара Бинкс» – роман Пола Хиберта, представляющий биографию вымышленной поэтессы Саскачевана и высмеивающий литературную претенциозность.

10

Но это невозможно (*фр.*).

11

Овощное блюдо с лапшой (*ит.*).

12

Джекоб Марли – персонаж рассказа Чарлза Диккенса «Рождественская песнь».

13

Это верно (*фр.*).

14

Имеются в виду персонажи сказки «Как Гринч украл Рождество» американского детского писателя Доктора Сьюза.

15

Из стихотворения Маргарет Этвуд «Полуповешенная Мэри», посвященного некой Мэри Уэбстер, жительнице Массачусетса, которую в 1680 г. обвинили в колдовстве и повесили на дереве, где она оставалась целую ночь. Однако, когда утром ее вынули из петли, она оказалась живой и прожила после этого еще 14 лет.

16

Мой прекрасный Габри (*фр.*).

17

Дорогой (*фр.*).

18

Господин инспектор (*фр.*).

19

Добрый вечер (*фр.*).

20

Но это ужасно (*фр.*).

21

Поздравляю с Пасхой (*фр.*).

22

И тебя, мой друг (*фр.*).

23

Именно так (*фр.*).

24

Ну хорошо (*фр.*).

25

Это верно (*фр.*).

26

Это безумие (*фр.*).

27

Спасибо (*фр.*).

28

Проклятье (*фр.*).

29

Счастливой Пасхи (*фр.*).

30

Христо Явашев (р. 1935) – американский скульптор и художник, болгарин по происхождению, прославившийся своими работами, в которых «упаковывал» различные объекты – от пишущей машинки до здания Рейхстага.

31

Спасибо, хозяин (*фр.*).

32

Здесь: Черт побери! (*фр*.)

33

Дерьмо! (*фр.*)

34

Бедный Габри (*фр.*).

35

Не так ли? (*фр.*)

36

Пресвятая Богородица Стропильных Ферм (*фр.*).

37

Да, она здесь (*фр.*).

38

Розыгрыш, шутка (*фр.*).

39

Великолепно (*фр.*).

40

Это агент Лакост, верно? (*фр.*)

41

Итак (*фр.*).

42

Глинда – добрая волшебница, персонаж книги Л. Баума «Волшебник страны Оз».

43

Фамильяр – существо-спутник волшебника, связанное с ним узами магии.

44

Вика – неоязыческая религия, основанная на почитании природы.

45

Да? Чем могу вам помочь? (*фр.*)

46

Да, это верно (*фр.*).

47

Бабушка (*фр.*).

48

Из стихотворения Маргарет Этвуд «Полуповешенная Мэри».

49

Розыгрыш (*фр.*).

50

Вам ясно? (*фр.*)

51

Имеется в виду роман Уильяма Стайрона «Выбор Софи», героине которого приходится делать страшный выбор в условиях немецкого концентрационного лагеря.

52

Вот черт! Да, слушаю (*фр.*).

53

Фрэнсис Паркмен (1823–1893) – американский историк, профессор Гарварда; более всего известен своим семитомным трудом «Франция и Англия в Северной Америке».

54

Хелен Адамс Келлер (1880–1968) – американская писательница, политическая активистка. Первая женщина, получившая степень бакалавра, будучи слепоглухонемой.

55

«От пяти до семи» (*фр.*) – так принято называть собрания друзей или коллег после работы в кафе или ресторане перед возвращением домой. Обычно в это время выпивают стакан вина, пива или коктейль с закуской.

56

Вероятно, имеется в виду известное высказывание Декарта «Я мыслю, следовательно существую».

57

Ваше здоровье (*фр.*).

58

Из стихотворения «Эпилог» английского поэта Джона Мейсфилда.

59

Петух в вине (*фр.*) – классическое блюдо французской кухни из курятины.

60

Но, мама (*фр.*).

61

Мой красавец (*фр.*).

62

Прошу прощения (*фр.*).

63

Но это же чудовищно! (*фр.*)

64

Боже мой. Арман, это ужасно. Это уже чересчур (*фр.*).

65

Да бросьте вы (*фр.*).

66

Шекспир У. Два веронца. Акт I, сцена 3.

67

Элиот Т. С. Бесплодная земля.

68

Шекспир У. Генрих VIII. Акт III, сцена 2.

69

Йоль – средневековый языческий праздник зимнего солнцеворота у германских народов.

70

Жареная утка (*фр.*).

71

Первое послание к Коринфянам, 15: 51–52.

72

Национальное канадское блюдо из картофеля фри и сыра с соусом, популярное в Квебеке. Почему автор называет его итальянским, непонятно.

73

Хет-трик – три гола, забитые одним игроком за одну игру.

74

Ешьте (*фр.*).

75

Первое послание к Коринфянам, 13: 12.

76

Йейтс У. Второе пришествие. Перевод В. Савина.

77

В легендах о короле Артуре Ланселот – знаменитейший из рыцарей Круглого стола.